

XLV г. — № 13 — г. XLV — 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 29 марта 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленно" кн. 7.

Старый домъ и его обитатели.

Повѣсть **С. Караскевичъ.**

(Окончаніе).

VIII.

На другой день послѣ похоронъ, прощаясь со мною, Катерина Егоровна сказала:

Милый младенецъ, не приходи, пока не напишу. Съѣдутся наслѣдники, ждемъ брата Павла Егоровича... Мужъ мой въ городѣ появился. Вообще будетъ большая и отвратительная возня, неизбѣжная всюду, гдѣ люди деньги дѣлятъ...

Съ Ваней я не простилась. Я видѣла его на похоронахъ только издали, и въ его глазахъ мнѣ почудилось выраженіе той же затаенной, непоправимой и неискупимой, вины, какая жила въ моей душѣ. Прошла недѣля, другая... Свѣтлый праздникъ я провела дома, и, когда мама провожала меня на вокзалъ, въ нашемъ саду зацвѣтала сирень и пахло смолистымъ ароматомъ бальзамическихъ тополей.

Со станціи я поѣхала прямо въ гимназію, чтобы не пропускать уроковъ: Святая была поздняя, и до экзаменовъ времени оставалось немного. Въ классѣ было много новаго: Етта Эйгоръ послѣ праздниковъ не вернется, выходитъ замужъ за богатаго пивовара Габеля. Всѣхъ насъ на свадьбу проситъ.

Неожиданно перевели въ другой городъ любимаго учителя

А. Рябушкинъ. Распятіе. (Эскизъ къ картинѣ, находящейся въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ).

исторіи, а [illegible] уже далъ програму курса. Я переписывала эту програму, примостившись на подоконникѣ въ коридорѣ, когда ко мнѣ подошла одна изъ подругъ, съ которой я была ближе, чѣмъ съ другими.

— Да! А ты про своихъ знакомыхъ. Стебаковыхъ, знаешь печальную новость?

— Какую?

— У нихъ сынъ умеръ, внукъ стараго Капитона Парменыча.

— Знаю. Его и похоронили вмѣстѣ съ дѣдушкой. Я на похоронахъ была.

— Вовсе не тотъ. Самый младшій. Только третьяго дня похоронили.

— Ваня!..

Не помню, кто привезъ меня изъ гимназіи домой.

На квартирѣ старухи-хозяйки встрѣтили меня сочувственными причитаніями. Онѣ уже знали печальную новость, а отъ Катерины Егоровны меня ждало странное письмо: все протыканное дырочками и окуренное сѣрой; она извѣщала, что Ваня умеръ, почти не болѣвши, отъ дифтерита, и мнѣ нельзя къ нимъ прійти, пока не произведутъ полную дезинфекцію.

— Ахъ, cherie,—охали хозяйки.—Подумать, какой ви потерялъ блестяши карьеръ съ этотъ бѣдни молодой шеловѣкъ.

Были онѣ обѣ француженки, вѣкъ прожившія по чужимъ домамъ въ качествѣ гувернантокъ. И моя мать поселила меня у нихъ ради практики французскаго языка. Но старухамъ надоѣло, видно, всю жизнь блюсти чистоту рѣчи своей прекрасной родины, которую онѣ отродясь не видали, и, добравшись послѣ смерти отца, учителя гимназіи, до маленькаго обезпеченнаго кусочка хлѣба, онѣ принялись коверкать русскую рѣчь на всѣ лады. Только ссорились между собою да выговоры мнѣ дѣлали по-французски.

Я безучастно выслушала сочувственныя жалобы старыхъ гувернантокъ и поскорѣе ушла въ садъ. Онъ былъ полонъ запахомъ талой земли, прошлогодней прѣли, клейкихъ листовъ тополя и синихъ присовъ, широкой каймой охватившихъ маленькій садъ. За его заборами и плетнями, на одномъ изъ которыхъ громко кричалъ павлинъ, тянулись другіе большіе сады, далеко, далеко—до самой рѣки. И, закрывъ глаза, я увидѣла эту рѣку,—блѣдную, туманную, съ свѣтлыми отблесками весенняго заката... Услышала печальные, плѣнительные звуки Сениной скрипки, и вешній вѣтеръ шевельнулъ мнѣ волосы на вискахъ горячимъ дыханіемъ мертваго Вани.

И, упавъ грудью на землю подъ зацвѣтающей яблоней, я заголосила громко и жалобно:—Ванюшка! Ванюшка! Свѣтикъ мой ласковый. Голубеночекъ сизенькій! На кого ты меня, сиротинку, покинулъ?..—Иначе я не умѣла выражать своей смертной тоски:—такъ голосила Стебаковская бабушка надъ гробомъ мужа, такъ оплакивали женщины моей родной деревни своихъ покойниковъ, колотясь объ землю на лѣсныхъ кладбищахъ у ихъ безыменныхъ могилокъ.

И раскололась моя жизнь надвое: утромъ, въ толпѣ подругъ, я жила ихъ молодыми заботами—готовилась къ экзаменамъ, сдавала ихъ успѣшно, привыкала гордиться жизненными успѣхами и бороться за нихъ... Привыкала выслушивать признанія дѣвушекъ объ ихъ первой любви и подмѣчать уродливое и смѣшное въ нашемъ маленькомъ школьномъ міркѣ... Даже танцовала на свадьбѣ у Етты. Но кончался день. Рѣка подъ горою бѣлѣла туманомъ... И опять я была во власти своихъ скорбныхъ, незабываемыхъ видѣній, неутолимой, смертной тоски.

Вечеромъ, когда я приходила къ чаю, старухи-хозяйки говорили:

— Татанья, не сидить такъ долгъ въ нашъ садъ. Какой-то сумасшедши бабъ плакаетъ гдѣ-то близъ.

Старая кухарка Аграфена знала, кто плачетъ съ вечера въ нашемъ саду.

Когда слезъ не хватало въ глазахъ, и голосъ рвался въ груди, она приходила,—маленькая, похожая острыми глазками на мышь, и говорила повелительно и сурово:

— Будя! Отвела душеньку, и будя... Гляди, грѣхомъ выкликать начнешь. Ты жъ таки барышня. Кто тебя, кликушу, замужъ возьметъ?

Я жадно пила принесенную Аграфеной ключевую воду, смачивала голову и, умывшись, шла въ комнаты учить уроки.

Старуха была родомъ изъ глухого лѣсного починка, а вѣрою—талапутка. Разъ въ недѣлю, по базарнымъ днямъ, пріѣзжалъ къ ней братъ, высокій, темноликій мужикъ съ пробритымъ на макушкѣ гуменцемъ, и тогда они долго засиживались съ вечера на крылечкѣ, говоря о чемъ-то своемъ, неторопливомъ и важномъ, и пили чай изъ обливного горшечка: хозяйскую посуду Аграфена считала поганой и ѣла и пила только изъ своей. А на разсвѣтѣ старуха будила меня готовиться къ экзамену. При первомъ прикосновеніи ея сухой и твердой руки я вскакивала съ постели, охваченная бодрою свѣжестью весенняго утра и безотчетнымъ счастьемъ собственной молодости.

— Молись, да покушай со Христомъ,—говорила Аграфена, когда выходила въ кухню умываться.—Нѣмки-то наши когда еще встанутъ. Не сидѣть ребенку до тѣмѣсть голодному,—и она отламывала мнѣ большой кусокъ ситника или намазывала творогомъ со сметаной краюху хлѣба. И чаю отливала изъ горшечка въ мою чашку, а отъ этого чаю шелъ малиновый и липовый духъ.

Въ саду за ночь раскрывались вѣнчики новыхъ цвѣтовъ. За невысокимъ заборомъ сосѣдскаго сада просыпался птичій міръ: гоготали гуси, тонкимъ пискомъ свирѣстѣли дорвавшіяся до корму цыплята, ворковали голуби... Изъ-за другого забора слышался молодой голосъ:

— Здравствуй, Карпо̀вичъ. Я экзаменаціонную задачу узнала. Давай вмѣстѣ дѣлать. — Молодая жизнь завладѣвала мною на весь день, до первой вечерней тѣни.

IX.

Въ старый домъ на Монастырской улицѣ я попала только осенью, послѣ каникулъ. Катерина Егоровна писала матери моей, что во всемъ домѣ лѣтомъ произведенъ ремонтъ, и для меня нѣтъ ни малѣйшей опасности заразиться. Отворилъ мнѣ калитку Макаръ, улыбнулся во весь ротъ и спросилъ:

— Живы-здоровы, барышня?—И тутъ же прибавилъ:—У насъ нонче все по-новому.

И новое чувствовалось во всемъ... Уже не было рѣшетокъ въ нижнемъ этажѣ. Въ „молодцовской“ окна были открыты настежь, и оттуда неслись веселые звуки гармоніи. Не было тамъ и большой общей казармы: во всю длину ея шелъ коридоръ, выкрашенный въ голубую краску, въ который выходили стеклянныя двери. Только на крыльцѣ закипали все тѣ же ведерные самовары: одинъ—для „молодцовъ“, другой—для „самихъ“. Наверху черной лѣстницы меня встрѣтила Катерина Егоровна. Она измѣнилась мало. Складка между бровями стала глубже, и жестче сдѣлалось выраженіе красиваго рта. Не было на ней и траура. Обычный бѣлый воротничокъ выглядывалъ изъ-за ворота чернаго шелковаго платья, и подъ нимъ былъ завязанъ темный цвѣтной галстукъ.

— У воротъ чадушка моего не видала?—спросила она, поздоровавшись со мною.

— Какого чадушка?

— Да мужа моего... Вѣдь весь домъ другой мѣсяцъ въ осадѣ держитъ.

Вѣрно, написалъ ему кто-нибудь изъ здѣшнихъ пріятелей, что дѣдушка умеръ,—онъ и пожаловалъ за наслѣдствомъ... Подлая вещь—деньги. Однако пойдемъ къ нашимъ. Чай будемъ пить у бабушки: скучаетъ сильно старуха.

Въ первый разъ я переступила порогъ этой заповѣдной комнаты. Ничего таинственнаго и страшнаго въ ней не было. Большая, съ потемнѣвшею живописью на стѣнахъ, она казалась слишкомъ пустой, потому что во время болѣзни дѣдушки врачи приказали унести изъ нея все лишнее. Огромная высокая кровать подъ малиновымъ бархатнымъ пологомъ занимала одинъ ея уголъ, а напротивъ, у окна, сидѣла бабушка въ томъ же чепцѣ, въ которомъ я ее видѣла въ первый разъ.

— Кать, а Кать, ты это, что ли?—спросила она при нашемъ входѣ, заслоняя отъ окна свои плохо видящіе глаза.

— Я, бабушка. Жданную гостью вамъ привела. Помните, мы съ мамашей про Танюшу, подруги моей дочку, говорили?

— Какъ не помнить. Здравствуй, моя красавица... Жаль только, что я тебя не вижу.

Я прижалась молча къ ея рукѣ губами.

— Вотъ у насъ горе-то какое случилось,—говорила она, гладя

мои волосы мягкой, точно безкостой рукой: — Ванюша съ Сенюшкой померли. Ну, да это что̀. Извѣстно, дѣтки—Божья роса. Мало ли я ихъ прихоронила. Ужъ и забывать стала, какія мои померши, какія невѣстушкины, а пуще у дочекъ мрутъ. Не стоятъ у насъ дѣтки. Умирущія больше родятся... А вотъ Капитонъ-то Парменычъ, царство небесное, стойкій человѣкъ былъ. Думала — износу ему не будетъ. А вотъ померъ, одну меня на старости сиротою оставилъ... И то мнѣ всего обиднѣй. Истинно былъ и мужъ и отецъ! Четырнадцати годовъ онъ меня взялъ, въ ту жъ охапку и куколъ моихъ захватилъ. И за все это время, семьдесятъ-семь лѣтъ замужемъ проживши, не видала я нужды-горя. Колечко ли какое, шаль, сережки земчужныя... не то что попросить — захотѣть не поспѣю, анъ онъ уже купилъ,—догадался. Истинно, мужъ и отецъ. А помирать сталъ — меня обидѣлъ: изо всего капиталу одинъ только милліонъ мнѣ оставилъ... Не съ чѣмъ мнѣ будетъ и вѣку дожить

Н. Прокофьевъ. „Память Азова“. Рисунокъ.

Я удивленно оглянулась на Катерину Егоровну. Она спокойно разставляла чашки на подносѣ, и ее нисколько не удивляло опасеніе бабушки не прожить бы оставленнаго ей милліона:—всѣ привыкли къ тягучимъ, однообразнымъ жалобамъ старушки, которая смертнымъ страхомъ всю жизнь боялась мужа и не смѣла въ его присутствіи лишнее слово вымолвить. И, вознаграждая себя за долгую безмолвную жизнь, она говорила, не переставая, несвязно и болтливо, переплетая смутную для нея дѣйствительность съ свѣтлѣвшими въ ея памяти обрывками былого.

Послѣдній отраженный лучъ солнца яркимъ зайчикомъ пробѣжалъ по стѣнѣ и заигралъ золотыми бликами на пожухлыхъ краскахъ стараго портрета, висѣвшаго надъ кресломъ бабушки...

На немъ милымъ пухлымъ ртомъ улыбалось дѣвичье личико съ ямочкой на подбородкѣ, съ янтарями на розовой шейкѣ и ласковымъ взглядомъ голубыхъ, кроткихъ глазъ.

— Бабушка, это не вашъ портретъ?

— Мой, мой, красавица. Какъ же. Тальянецъ писалъ, тотъ самый, что̀ стѣнки въ домѣ расписывалъ. Французъ онъ былъ словленный, но только покойникъ батюшка-свекоръ не приказалъ его бить:—можетъ, къ какому дѣлу окажется. А и вправду вышелъ настоящій мастеръ. Какъ нашъ домъ расписалъ, такъ дворяне,

Н. Прокофьевъ. Тигръ. Рисунокъ юныхъ лѣтъ.

которые пріѣзжали смотрѣть, очень хвалили. Только что [illegible]: голую дѣвку въ сѣнях[illegible] и въ залѣ мужи[illegible] безъ штане[illegible] хотѣлъ[illegible] былъ [illegible] А домъ [illegible] отдѣлы[illegible] самъ. И [illegible] Величест[illegible] тутъ стоя. [illegible] горницѣ и [illegible] ужъ царь [illegible] ангелъ... [illegible] домъ распи[illegible] про него Г[illegible] ного и давая по[illegible] домой, стало-быть, [illegible] ковечко, батюшка не отпускалъ. Еще сколько онъ денегъ на немъ заработалъ: по господамъ хорошимъ для портретовъ да стѣнокъ посылалъ. Жаль, скоро померъ. Да и померъ какъ-то нехорошо: не то повѣсился, не то въ рѣчкѣ утопъ... Не помню уже. И я съ Государемъ польскій танецъ танцовала... въ родѣ прохожки, потому батюшка-свекоръ въ головахъ въ ту пору ходилъ. Для танцу тоже француза приставили, учить меня, значитъ. Ежедень приходилъ... коротеньки штанюки надѣвалъ.

Пришли обѣ приживалки, робѣлѣвшія и словно разбухшія за это время. Пришли старики, рука въ руку, какъ заблудившіяся дѣти. А бабушка все говорила. Молча пили чай съ закусками и сластями. Ѳеона Ивановна съ Матреной Петровной вышивали строчкой крошечныя батистовыя рубашечки, Анна Ѳедоровна вязала пуховое одѣяльце и голубые башмачки съ бѣлой оторочкой: — въ Рыбинскѣ у Павла Егоровича сынъ родился. Черный котъ Негрикъ, съ отгры[illegible] ухомъ, сѣлъ на бархатный стулъ, переступилъ съ лапки на лапку, сощурилъ на огонь свои золотисто-зеленые глаза и замурлыкалъ громко и убѣдительно въ ладъ бабушкиной рѣчи.. А за [illegible] закрытыми двер[illegible] въ пустой залѣ [illegible] ринные „[illegible]“ часы отбивали [illegible] верти, отзвонивъ половины и [illegible] часомъ играли [illegible] чальную мелодію [illegible] хоронной пѣсни...

Послѣ ужина принесли, какъ бывало, тарелочки, и хозяйка стала на нихъ раскладывать крошечные кусочки кушаній.

— Аннушка, Аннушка, доченька, — заволновалась старушка:—ты мнѣ черносливинку изъ компоту положь... Вотъ сладки-то при покойникѣ бывали!.. Ну, нѣту у меня теперь настоящаго аппетиту и нѣту... Такъ ты мнѣ его за аппаткому

пэстарь: будто я ненарокомъ найду...—И Анна Ѳедоровна разставляла игрушечныя тарелочки [illegible] угламъ большой комнаты на за- [illegible] короткому ребенку.

[illegible] когда мнѣ надо было воз- [illegible] Егоровна ска- [illegible]

[illegible] пѣшкомъ. Чадушко [illegible] лько открываются [illegible] ихъ ради скандала. [illegible] — не отвѣчай ни [illegible]

[illegible] ходя изъ калитки, я [illegible] воротъ человѣка, одѣ- [illegible] пную фуражку съ ко- [illegible] же всталъ и пошелъ [illegible]

[illegible] Николаевна, что вы [illegible] старой дружбы съ вашей ма- [illegible]...

Я удивленно смотрѣла на него: откуда этотъ человѣкъ могъ узнать мое имя?

— Иди, иди, ваше благородіе, своей дорогой, — сказалъ провожавшій меня Макаръ: — становись между нами. А коли что— такъ мнѣ будошника приказано звать, самъ полицеймейстеръ велѣлъ... Ты съ нимъ и поговори, а господскаго ребенка не моги трогать.

Человѣкъ молча отошелъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Тамъ видѣла я его каждый разъ, приходя къ Стебаковымъ, и каждый разъ Катерина Егоровна, здороваясь со мною, спрашивала коротко:

— Видала?

— Видала.

— Сидитъ?

— Сидитъ.

— Хорошъ?

Да, онъ былъ очень хорошъ: высокій, гибкій, съ волнистыми, темными волосами, чуть тронутыми бобровой просѣдью. Но всего лучше были его глаза, полные глубокой и покорной тоски, которые глядѣли, не отрываясь, на верхнія окна молчаливаго дома. Онъ былъ для меня похожъ на рыцаря Тоггенбурга, и я сказала объ этомъ Катеринѣ Егоровнѣ, потому что моей любимой мечтой

Н. Прокофьевъ. Мостъ въ паркѣ.

теперь было увидѣть ихъ вмѣстѣ. Недобрая улыбка пробѣжала по ея губамъ:

— Подожди, младенецъ. Теперь ужъ не долго придется ожидать заключительной главы этого чувствительнаго романа.

Но недѣли шли, а онъ все сидѣлъ на скамьѣ у воротъ, поблѣднѣвшій, весь какой-то истонченный и напряженный въ своемъ ожиданіи.

— Катерина Егоровна,—заговорила я какъ-то несмѣло послѣ ея обычныхъ вопросовъ:—отчего Егоръ Капитонычъ не предложитъ „ему“ денегъ? Онъ вѣдь бѣдный.

— Бѣдный, да, къ сожалѣнію, не глупый. Ни на какія суммы не соглашается и говоритъ, что ему нужна только я одна, безъ всякихъ денегъ, отлично понимая, что вымучитъ изъ меня все, если я опять попаду въ его руки.

— А можетъ-быть?..

— Что можетъ-быть?

Н. Прокофьевъ. Базаръ около церкви.

Я хотѣла сказать: „онъ любитъ“, но было въ лицѣ Катерины Егоровны что-то, не давшее сказаться слову. Черезъ минуту она сказала со вздохомъ:

— Очень подлая вещь деньги!..—Это было ея любимое присловье.

Шли осенніе дожди. Егоръ Капитонычъ велѣлъ выпилить доску изъ приворотной лутки и выкопать тумбы для починки тротуара.

Человѣкъ сидѣлъ теперь прямо на землѣ, подогнувъ острыя колѣни къ подбородку, и кашлялъ. И разъ, подходя къ стебаковскому дому, я увидѣла толпу народа у его запертыхъ воротъ. Тутъ были мѣщане изъ Слободки, школьники съ клеенчатыми сумками черезъ плечо, монашки съ блудливо-любопытными лицами и множество всякаго люда, берущагося невѣдомо откуда даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, въ часы народныхъ бѣдствій и уличныхъ скандаловъ. Отъ Дворянской улицы съ крикомъ бѣжали

Н. Прокофьевъ. Каменноостровскій дворецъ. Въѣздъ.

люди, и впереди всѣхъ два будочника, придерживавшіе на бѣгу свои тесаки-селедки. Въ широкомъ кругу разступившейся толпы тощій, высокій человѣкъ, въ рваной, линючей розовой рубахѣ и опоркахъ на босу ногу, коверкаясь и ломаясь, отдиралъ „камаринскаго“, подпѣвая высокимъ, рвущимся отъ напряженія, голосомъ:

„У купеческихъ воротъ
Чортъ сапожника деретъ.
Онъ за то его деретъ,
Что онъ дорого беретъ
За набойки двѣ копейки,
Голенища пятта-чокъ!..“

И, сорвавъ съ головы рваный картузъ, онъ лихо бросилъ его оземь, потомъ поднялъ и пошелъ по кругу, выкликая:—Добрые люди! Накормите Христа ради голоднаго, чтобъ онъ не подохъ, какъ собака, на глазахъ своей милліонерки-жены...

Въ картузъ посыпались копейки. Человѣкъ подхватывалъ ихъ на лету, и сквозь дыру на его плечѣ жалко свѣтилось нѣжной желтизной слоновой кости дряблое, исхудалое тѣло. Будочники тѣмъ временемъ принялись разгонять толпу:

— Проходи! Проходи! На эти дѣла смотрѣть не приказано.

И ловкимъ обходомъ подобравшись сзади, схватили плясуна за руки, — и вдругъ безумный крикъ огласилъ улицу:

— Катя! Катя! Царица моя! Что ты дѣлаешь со мною?..

Потомъ слышались дикія угрозы и скверная брань... И долго долетали издали выкрики:

— Попомнишь!.. Ножъ всажу!.. Ты дѣтей моихъ подъ сердцемъ выносила!

Толпа разошлась не сразу.

— Зять это Стебаковскій бунтуетъ,—сообщалъ кто-то.

— Извѣстно, изъ благородныхъ, стыда въ глазахъ нѣту,—пояснялъ другой.

— Ну, и ловокъ же плясать, — умилялся простодушный слобожанинъ...

— Шутъ те возьми, да и совсѣмъ,—говорила старуха, утирая смѣшливыя слезы.

Въ бабушкиной комнатѣ, спрятавшись за занавѣску, стояла Катерина Егоровна, и, когда обернулась на шумъ моихъ шаговъ, — ея прекрасное и гордое лицо было все залито безпомощными, жалкими слезами.

X.

Много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ мнѣ довелось опять увидѣть родныя мѣста. Я ѣхала мимо по дѣлу, но когда увидѣла на горѣ надъ поемными лугами знакомыя улицы и мостъ и стройныя башенки старинной обители — неодолимой силой потянуло взглянуть на городъ: точно молодость моя стояла тамъ, въ одномъ изъ его тихихъ закоулковъ, и звала меня все простившей, ясной улыбкой. Съ вокзала я поѣхала на извозчикѣ, узнавая и не узнавая милыя мѣста: — вонъ соборъ, вонъ скверикъ съ чахлыми, какъ прежде, кустами акацій, вонъ большая вывѣска пивовара Габеля, на свадьбѣ котораго съ бѣлокурой Еттой я была дружкой. Въ женской гимназіи, должно-быть, шелъ экзаменъ: окна „нашего“ класса стояли открытыми, и на моемъ мѣстѣ сидѣла дѣвушка съ распущенной длинной косой. И на мгновенье странное ощущеніе охватило меня: показалось, что это я сижу тамъ, рѣшая алгебраическую задачу и слѣдя мимолетнымъ, безучастнымъ взглядомъ за сѣдой женщиной, проѣхавшей мимо.

Въ гостиницѣ, наскоро умывшись, я сошла въ контору и спросила несмѣло:

— Не можете ли мнѣ сказать, живетъ ли въ городѣ кто-нибудь изъ семьи Стебаковыхъ?

И слышался мнѣ уже печальный отвѣтъ, какіе все чаще и чаще слыхала я теперь, спрашивая о старыхъ друзьяхъ.

Но красное лицо конторщика осклабилось въ широкую, почтительную улыбку, и онъ отвѣтилъ угодливо и торопливо:

— Помилуйте, сударыня, кому же и жить!.. Первыя лица у насъ въ городѣ!

— Егоръ Капитонычъ?

— Нѣтъ,—сынокъ ихній, Павелъ Егоровичъ. А старики въ скорости послѣ войны померли. Я и не запомню.

— Быть-можетъ, знаете что-нибудь о Катеринѣ Егоровнѣ?

— Какъ не знать!.. Первая по филантропической части дама во всемъ городѣ, такъ что даже сама губернаторша у нихъ по-

Н. Прокофьевъ. Пиренеи.

стоянно бываютъ. Я самъ, можно сказать, ими воспитанъ, потому въ училищѣ ихнемъ обучался, которое они въ память братцевъ построили.

Къ старому дому я пошла пѣшкомъ. И было мнѣ обидно странной, полной свѣтлой грусти обидой оттого, что такъ много неизмѣннаго осталось на старомъ мѣстѣ, когда я сама изъ худой, тоненькой дѣвочки превратилась въ огорченную жизнью полустаруху.

Измѣнился и старый домъ. Широкій зеркальный подъѣздъ съ блестящей мѣдью замковъ и ручекъ загромоздилъ тротуаръ, а къ углу былъ придѣланъ стеклянный фонарикъ, странно нарушавшій суровую красоту его строгихъ линій. Еще больше измѣнилось внутреннее убранство: не было ни Леды, плывущей на божественномъ лебедѣ по небесной лазури, ни бѣлыхъ женъ Великихъ Панафиней... По стѣнамъ висѣли картины самой новой школы, на которыхъ я не умѣла ничего видѣть, и мебель была самая новая — съ диванами, похожими на шкапы, и шкапами, похожими на вагоны. Въ саду, обработанномъ подъ интенсивныя культуры, свекла, подсолнухъ и макъ выпили лишніе соки переудобренной земли, и мать-земля простила человѣку за его трудъ кровь, пролитую на ней. Садъ цвѣлъ, весь облитый розовымъ облакомъ яблоновыхъ вѣтвей, и по его широкой аллеѣ впереди меня бѣжали дѣти съ веселымъ крикомъ:

— Тетечка! Тетя Катя! Бабушка, къ тебѣ пришли.

Навстрѣчу намъ шла женщина, высокая, стройная, безъ одного сѣдого волоса въ черныхъ волосахъ и съ строгимъ выраженіемъ спокойныхъ, темныхъ глазъ. При видѣ меня въ этихъ глазахъ вслѣдъ за удивленіемъ, почти испугомъ, блеснули теплыя искры.

— Откуда? Младенецъ милый!

— Родная, — какой же я младенецъ? У меня своихъ пятеро.

— Бываютъ и старые младенцы. Твоя мать, Лиза моя, жила и умерла ребенкомъ. И ты такою будешь.

Послѣ торопливыхъ первыхъ разспросовъ мы пошли въ домъ къ столу, за которымъ я увидѣла всю семью. И это была большая, здоровая и красивая семья: пять юношей въ студенческихъ и гимназическихъ мундирахъ, и дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ звонкими голосами, и молодая мать, съ розовымъ ребенкомъ на рукахъ:

Н. Прокофьевъ. На второй день послѣ гибели „Рюрика".

— Вотъ рекомендую: изъ вашего гнилого Питера пріѣхала: Чуть мнѣ дочку тамъ не заморили. Мужъ ея—нашъ депутатъ въ Думѣ,—сказалъ мнѣ съ оттѣнкомъ въ голосѣ хозяинъ, Павелъ Егоровичъ.

Былъ онъ человѣкъ необычайно прочный, солидный и крѣпкій на видъ, а красивая жена его еще имѣла право молодиться.

Я смотрѣла на всѣхъ этихъ людей, и въ душѣ просыпался старый суевѣрный страхъ... Прокляты до шестого колѣна... И кто же обреченный?..

За столомъ говорилъ почти исключительно хозяинъ,—о томъ, что онъ отказался отъ выборовъ въ Государственную Думу:— Языкъ объ зубы трепать — это исконн дворянское дѣло. Пускай за меня зять поговоритъ.— О томъ наконецъ, что на мѣстахъ можно больше сдѣлать. — Посмотрите на нашъ городъ: узнать нельзя съ тѣхъ поръ, какъ я говорю... Школу ремесленную построили, мостъ желѣзнодорожный, элеваторъ...

— А старый бабушкинъ портретъ попрежнему виситъ въ бывшей опочивальнѣ Государя? — сама не зная, какъ, оборвала я вопросомъ хозяйскую рѣчь.

— Какой портретъ?

Его забыли, какъ и самое бабушку, и старый хламъ, наполнявшій когда-то весь домъ: рѣзныя иконы слоновой кости и шитыя жемчугомъ ризы и придворные кафтаны, хранившіеся въ кованыхъ сундукахъ...

Пожалѣла о портретѣ только младшая дочь:

— Вотъ хорошо бы къ предводителю на костюмированный вечеръ по тому портрету одѣться: теперь старина въ моду входитъ.

Павелъ Егоровичъ, питая тайную страсть къ литературѣ, не оставилъ меня и послѣ кофе: онъ принесъ мнѣ мѣстную газету и сказалъ:

Н. Прокофьевъ. Село Воскресенское.

— Посмотрите на досугѣ. Вамъ, питерскимъ, порою къ нашимъ простецкимъ голосамъ прислушаться не мѣшаетъ. Газету я на свои средства издаю и думаю, что дѣлаю этимъ не малую пользу нашему краю.

Это былъ злой и грязный листокъ, какихъ не мало расплодилось за послѣдніе годы по нашимъ губернскимъ захолустьямъ,—и душно мнѣ стало въ обшитомъ дубомъ столовой стебаковскаго дома: точно дѣдушка Капитонъ Парменычъ погрозилъ изъ двери своимъ узловатымъ пальцемъ. Долго сидѣли мы съ Катериной Егоровной въ саду вечеромъ, вернувшись послѣ путешествія по старымъ мѣстамъ. Все было узнано, все было спрошено.

— Вотъ такъ, другъ, и промаяла я свою жизнь: то по за границамъ, то по большимъ городамъ. Много было интереснаго и новаго, и мнѣ не наскучило до сихъ поръ. Только на Пасху все тянетъ родныхъ куличиковъ поѣсть. И гдѣ бы ни шаталась, а къ брату непремѣнно къ Святой недѣлѣ буду. Онъ же меня и привѣчаетъ по хорошей старой пословицѣ: — братъ любитъ сестру богатую.

— А гдѣ же?..

— Мужъ, ты хочешь спросить? Умеръ давно.

Мы помолчали.

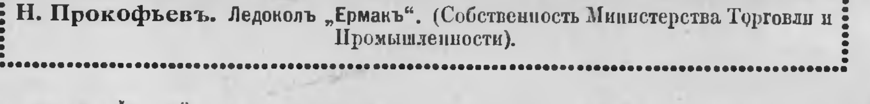
— Странно устроено человѣческое сердце, — заговорила Катерина Егоровна. — Я ли передъ нимъ была виновата? Я ли не вынесла всѣхъ мукъ, какія на бабью долю выпали? А вотъ поди же ты — нашлась и моя передъ нимъ вина.

— Какая?

— Трехрублевки ему пожалѣла... Какъ только пріѣхалъ братъ,—а онъ не сентиментальный человѣкъ, — я сейчасъ же получила отдѣльный видъ на жительство по суду, котораго по старинѣ боялись мои старики. Съ того дня мужъ сталъ осаждать меня постоянными письмами съ просьбою дать денегъ. И всегда-то я посылала, не по многу, но посылала. Послѣдній разъ пишетъ онъ мнѣ изъ больницы. Проситъ прислать три рубля, „чтобъ послѣдній разъ изъ собственнаго чайничка чайку попить", и мой портретъ. И, должно-быть, разсердила меня эта просьба о портретѣ рядомъ съ трехрублевкой. И не послала я ни того ни другого. А когда узнала, что онъ тогда же умеръ, такъ вѣришь ли, ночь напролетъ проплакала о томъ, что некому мнѣ эту трехрублевочку послать... Э, да что тамъ! — перебила она сама себя. — Было бы болото — чортъ найдется.

— А вотъ же не нашелся,—улыбнулась я, стараясь прогнать ея вѣчальную мысль.

— А ты, младенецъ сущій, почемъ знаешь?

Н. Прокофьевъ. Ледоколъ „Ермакъ". (Собственность Министерства Торговли и Промышленности).

— Да вѣдь вы не замужемъ.

— Мало ли что! Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти, а замужъ итти и жениться въ нашъ вѣкъ скоро будутъ одни юродивые Христа ради,—для души спасенія. Я, другъ, въ Парижѣ по годамъ бывала, видѣла всякіе Paradis и, грѣшный человѣкъ,—не каюсь!

— Да вы выглядите и теперь еще интересной.

— При посредствѣ института красоты. Ты что же, и впрямь думаешь, что у меня въ волосахъ ни сѣдинки? Нѣтъ, это только пріятный обманъ. И даже не совсѣмъ пріятный, потому что стали волосы въ лиловый цвѣтъ отдавать. Въ Москву собираться пора. Тутъ не умѣютъ.

— Въ Москву? А послѣ?

Она поняла не сразу:

— Послѣ по монастырямъ поѣду. Я ужъ начала. И, можетъ-быть, это самое интересное, что судилъ Богъ мнѣ видѣть. Я была на югѣ, гдѣ на горахъ, обвитыхъ виноградомъ, цвѣтутъ померанцевыя рощи, насаженныя рукою монаховъ, и глупые „морскіе поросята", какъ зовутъ тамъ дельфиновъ, выставляютъ изъ лазурныхъ водъ простодушныя, любопытныя морды. И была я въ обители за полярнымъ кругомъ, гдѣ, разгоняя трехмѣсячный мракъ, сіяетъ электричество, рожденное льдистымъ водопадомъ снѣжной пустыни. Я видѣла тамъ, какъ молодые студенты, вчерашніе революціонеры, съ глубокимъ почтеніемъ цѣловали заскорузлую благословляющую руку неграмотнаго монаха, а птицы — гаги — съ печальными и кроткими глазами беременныхъ женщинъ приходили въ келью выщипывать свой драгоцѣнный пухъ въ подставленныя монахами лукошки... Увѣряю тебя, наши русскіе монастыри-обители—самое интересное, что есть на землѣ, и ты непремѣнно поѣзжай, посмотри.

— Да вѣдь у меня пятеро,—напомнила я съ улыбкой.

— Хоть бы и десятеро. Всѣ вырастутъ,—всѣ уйдутъ. Къ старости человѣкъ всегда одинокъ и никому не нуженъ.

Сходила ночь. Поемные луга закурились туманомъ. На томъ берегу рѣки высилась темнымъ огромнымъ силуэтомъ башня элеватора. Мимо, ловоча по водѣ колесиками, пробѣжалъ крошечный пароходикъ и напомнилъ далекіе дни. Изъ бѣлаго рѣчного тумана пришли къ намъ двѣ тихія, милыя тѣни. Но по имени мы ихъ не называли. Только ближе прижались другъ къ другу и, забывъ разницу лѣтъ, забывъ все, кромѣ заснувшаго сада, думали о томъ, чего ужъ не вернуть.

КОНЕЦЪ.

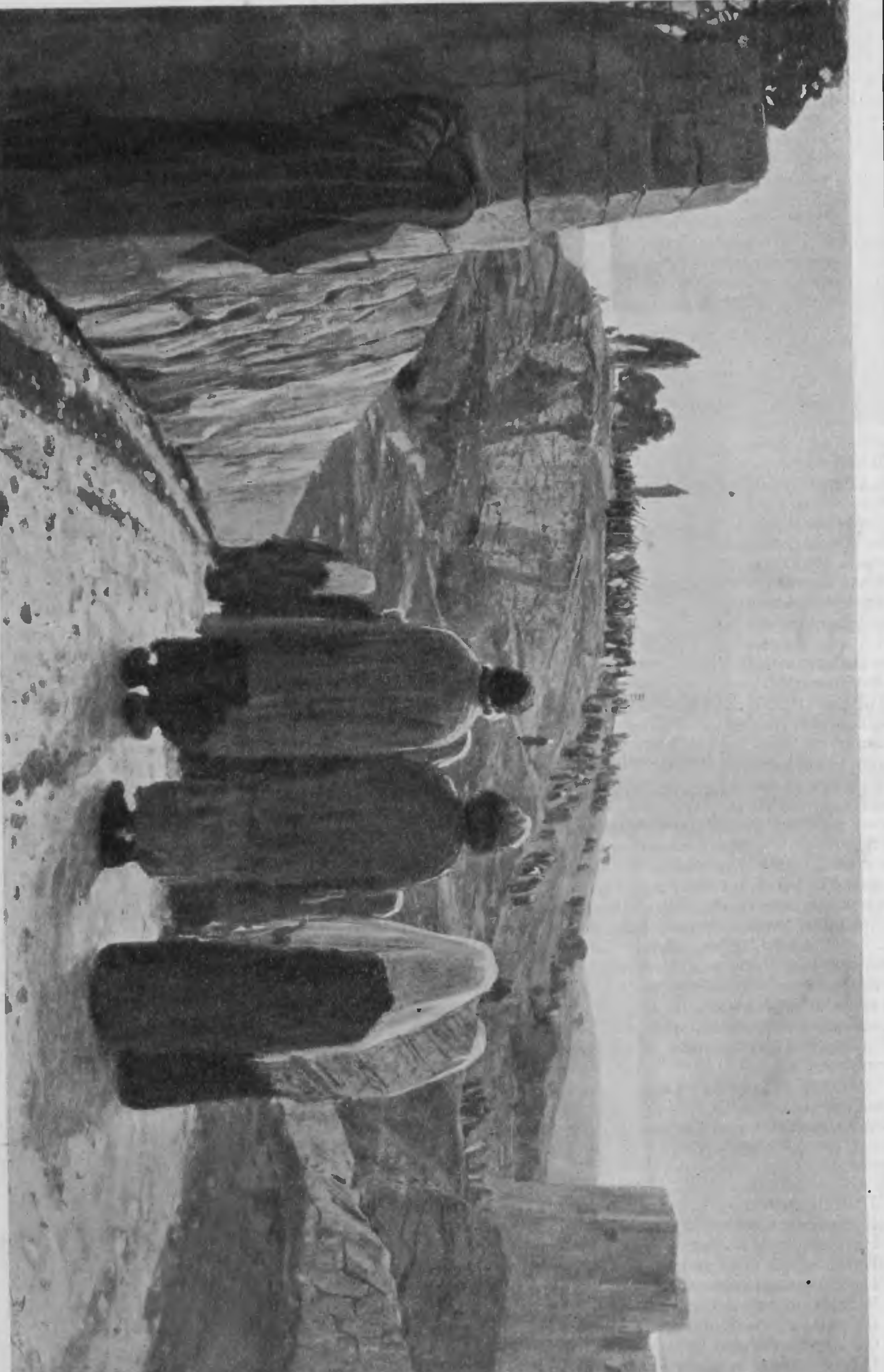
Ландыши.

Притаившись въ тѣни у кустовъ,
Крошка-фея рукой шаловливой
Нить любимыхъ своихъ жемчуговъ
Нанизала на стебель стыдливый.
Подъ душистою ношей своей
Чуткій стебель любовно склонился,
Въ тишинѣ былъ невѣсты скромнѣй,
Съ вѣтеркомъ онъ игралъ и рѣзвился.
Грѣло солнце, кропила роса,
Мотылекъ прикасался, играя,
И творила природа-краса,
Сокомъ жизни цвѣтокъ наливая.

Дни текли... расцвѣтало кругомъ,
Раздались соловьиныя трели—
На стеблѣ, подъ кудрявымъ кустомъ
Колокольчики вдругъ зазвенѣли,—
Зазвенѣли про зимніе сны,
Про прошедшіе дни, про метели,
Про невзгоды уснувшей страны,
Про снѣгами покрытыя ели,
А потомъ прозвенѣли иной
Пѣснью дивной тепла и привѣта
Про желанное солнце, про зной
И про ласки душистаго лѣта!

Сергѣй Лоповъ.

В. Полѣновъ. „Вошли на Голгоѳу“.

* * *

Были мои предки важными панами
И рѣкой холопью проливали кровь,
А другіе въ Сѣчи были казаками
И вельможныхъ часто вѣшали пановъ.

Чаровницы-панны при дворѣ въ Варшавѣ
Заставляли биться сердце короля,
Заставляли часто забывать о славѣ,
И стонала стономъ польская земля.

А потомъ въ костелѣ передъ езуитомъ
Подъ сурдинку томно каялись въ слезахъ
О грѣхѣ невольномъ, тайною повитомъ,
О крулевскихъ нѣжныхъ, бархатныхъ рѣчахъ...

А въ степи широкой, за Днѣпромъ рѣкою,
Тамъ бродяга-вѣтеръ да плакунъ трава,
Какъ лихіе братья, ссорясь межъ собою,
Тихо шепчутъ звѣздамъ вѣщія слова.

И, пришурясь, звѣзды смотрятъ въ буераки,
Гдѣ, у темной балки, слышенъ плескъ волны,
И лепечутъ вѣтру: это—гайдамаки
Снаряжаютъ къ туркамъ быстрые челны.

И несутся чайки, волны разсѣкая,
Смѣло сквозь пороги стараго Днѣпра,
И играетъ смертью шайка удалая
Съ самой темной ночи, съ ночи до утра.

Оттого-то сердце мнѣ гнетутъ вериги
Нашихъ сѣрыхъ будней, нашихъ тусклыхъ дней.
И душѣ милѣе панскія интриги,
Пѣсни гайдамаковъ, ширь родныхъ степей.

Наталія Грушко.

Весна.

Разсказъ Николая Черешнева.

I.

Да, не спится сегодня Юркѣ. Не спится, бѣдному. Ворочается съ боку на бокъ, тонетъ въ рытвинахъ старомоднаго дивана,—и улечься-то въ нихъ пытается поудобнѣе и глазенки-то тревожные закрываетъ, а уснуть все никакъ не можетъ.

Не спится? Милый ты мой Юрка.

И душно, и жарко, и большая бабкина подушка нагрѣлась, какъ яйцо на солнопекѣ. Юрка давно ужъ и окно распахнулъ настежъ, думалъ: авось прохладнѣе будетъ,—а нѣтъ—все жарко.

А тутъ еще нянька. Вотъ глупая старуха. Совсѣмъ ужъ, кажется, изъ ума выжила на старости-то лѣтъ. На вотъ тебѣ, додумалась-таки. Подсунула, старая, Юркѣ вмѣсто тканеваго одѣяла теплое, да еще стеганое.

Засиешь вѣдь тутъ,—какъ же, держи карманъ шире. И точно онъ мерзлякъ какой, подумаешь. Да, ей-Богу. Совсѣмъ, старая грѣховодница, изъ ума выжила. На вотъ тебѣ, додумалась Аграфена Ивановна, сообразила.

Лежитъ Юрка съ открытыми глазенками. Блуждаютъ темные тревожные глазенки по выбѣленнымъ стѣнамъ кабинета. Должно-быть, къ Пасхѣ бѣлили, — отрывается Юрка отъ своихъ думъ, смотритъ на черные переплеты оконныхъ рамъ на бѣлой стѣнѣ.

Свѣтло въ кабинетѣ, какъ днемъ, — и ночь только спать не даетъ, а тоже вѣдь ночью называется. Уставилась чего-то, смотритъ въ окна дѣдова кабинета, серебряная, безпокойная. И душная.

Ну? Ну, чего ова только сюда, спрашивается, и смотритъ? Дѣдовъ кабинетъ, скажешь, не видала? Да? Ну, посмотри, посмотри, ничего. Слава тебѣ Господи, кажется, вѣдь ужъ видывала да перевидывала, а все неймется, все — посмотрѣть надо. Словно малый ребенокъ. Да что̀, въ самомъ дѣлѣ.

Душно.

И соловьи спать не даютъ. Свищутъ, разбойники, якорь ихъ побери. Словно съ цѣпи сорвались. Что-то ужъ слишкомъ, кажется, они сегодня поразсвистались. На пошугать ли пойти?

А весело...

Взять въ передней дѣдову сучковатую палку съ загнутой ручкой; вылѣзть въ одной рубашонкѣ въ окно, на террасу, промчаться босикомъ по песку аллеи къ старымъ яблонямъ, нагрянуть на разбойничій притонъ.

— Кыш... Кыш... вы... Разбойники! — шарахнутся соловьи вразсыпную, какъ очумѣлые, зашуршатъ по листьямъ,—забрызжетъ въ лицо роса съ яблоневаго цвѣта. Хорошо... — Распѣлись. Шеромыжники. Только спать мѣшаете.

Любитъ Юрка шугать соловьевъ, а нѣтъ—и соловьевъ сегодня шугать не хочется, песъ съ ними. Нехай ихъ поютъ. Вѣдь, какъ-никакъ, а Юрка долженъ сознаться: любитъ онъ ихъ, разбойниковъ. Какъ-то тихо, грустно бываетъ въ старомъ фруктовомъ саду, когда соловьи перестаютъ пѣть.

Смотрятъ въ окна цвѣтущія вѣтви отдаленныхъ яблонь, кажутся въ лунномъ свѣтѣ какими-то сказочно-бѣлыми шатрами. Порой украдкой заглянетъ въ окно, словно загулявшій парубокъ къ сонной дивчинѣ, неслышный плутоватый вѣтерокъ, бережно донесетъ Юркѣ застѣнчивый ароматъ яблонь. Нанесетъ порой сладкой сиренью.

Не спится.

На селѣ гдѣ-то, кажется, совсѣмъ такъ далеко-далеко, бьетъ караульщикъ въ свою чугунную доску.

Откликнулись въ сосѣдней столовой старинные часы съ кукушкой, пробили-прохрипѣли: двѣнадцать. Двѣнадцать разъ что-то неразборчивое прокашляла спросонья безголосая отъ старости кукушка и опять спряталась, захлопнула за собой маленькое окошечко, точно кассирша въ захудаломъ провинціальномъ театрѣ.

Перевертываетъ Юрка согрѣвшуюся подушку, ложится на холодную сторону наволочки, думаетъ—такъ скорѣе уснетъ. Быстро-быстро нагрѣвается подушка отъ разрумяненныхъ Юркиныхъ щекъ. И лицо горитъ. Нѣтъ, не спится.

— Душно,—устало вздыхаетъ-томится Юрка, ворочается съ боку на бокъ въ рытвинахъ стараго дивана.

Бѣдный ты мой Юрка. И счастливый...

II.

Тихо-жалобно проскрипѣла старая дверь. Заглянула-пролилась въ кабинетъ робкая, дрожащая полоса свѣта.

Зачѣмъ-то пришелъ дѣдъ, высокій полный старикъ въ сѣромъ фланелевомъ халатѣ съ красными фланелевыми лацканами и красными обшлагами. Осторожно, закрывая свѣчу рукой, словно въ Великій Четвергъ возвращаясь изъ церкви, неслышно вошелъ въ кабинетъ. Отдѣлилась отъ дѣда, заколыхалась на бѣлой стѣнѣ большая, расплывчатая тѣнь старика.

Думалъ: спитъ Юрка,—нѣтъ, не спитъ, шельма.

Свѣча ласково освѣщаетъ добродушное румяное лицо дѣда съ двойнымъ бритымъ подбородкомъ, съ сѣдыми хохлацкими усами, играетъ на сѣдыхъ бровяхъ, дрожащимъ свѣтомъ отливаетъ на сѣдыхъ курчавыхъ прядяхъ завидно-сохранившихся волосъ, льнетъ къ обнажившейся изъ рубашки волосатой груди.

— Спи, разбойникъ!—гудитъ, какъ шмель, старина.—Окно-то еще зачѣмъ открылъ?

— Жарко,—закрывается ручонкой, жмурится Юрка отъ свѣта.

— Разжарило тебя. Простудиться, что ли, захотѣлъ?

— Не простужусь,—нехотя, вяло отдѣлывается Юрка отъ разговора.

— Смотри, „не простужусь“. Охъ, Юрій Петровичъ, Юрій Петровичъ, неладное что-то съ тобой,—озабоченно качаетъ головой дѣдъ, садится къ Юркѣ на диванъ:—Ну-ка, подвинься малость. Ужъ не боленъ ли ты, на самомъ дѣлѣ? Батюшки, голова-то вонъ вѣдь какая горячая. Не принять ли тебѣ на ночь-то хины? А?

Молчитъ Юрка, словно не о немъ и рѣчь идетъ, смотритъ куда-то въ сторону темными тревожными глазенками.

— Прими, Юрій Петровичъ, — пропотѣешь ночью, все какъ рукой сниметъ. А ну какъ расхвораешься? — пугается дѣдъ:—да еще помрешь, сохрани Господи. Что̀ тогда?

— Ну, оставь, дѣдъ, — какимъ-то убитымъ голосомъ тянетъ Юрка.

— Что̀ я тогда твоему-то полковнику скажу?—не унимается старикъ. — Куда ты, скажетъ, старый хрычъ, у меня кадета-то дѣвалъ? Не сберегъ? Вѣдь жалко, поди, отцу-то будетъ. А? Да и мнѣ-то будетъ жалко,—любовно гладитъ дѣдъ Юрку по спинѣ.

— Ну, и прекрасно,—сердится-сдерживается Юрка, понимаетъ теперь, куда гнетъ дѣдъ, слышитъ лукавыя смѣшинки въ голосѣ старика.

— Ну, ну. Не сердись, печонку испортишь,—миролюбиво похлопываетъ старикъ Юрку сквозь рубашонку по извѣстному мѣсту, поднимается съ Юркинаго дивана.—Экой ты какой, братецъ, характерный. Ужъ и пошутить-то съ тобой нельзя.

Помолчалъ Юрка, ничего не отвѣтилъ.

— Охъ, дѣла, дѣла,—лукаво вздыхаетъ румяный дѣдъ, бредетъ къ желтенькому книжному шкапу въ простѣнкѣ оконъ.—Дѣла, какъ сажа бѣла. Ну, ничего. Ты, Юрій Петровичъ, не робѣй. На то ты и кадетъ. Оно хоть и маленькій, а все-таки, глядишь, кадетъ,—роется старикъ въ книжномъ шкапу.

Молчитъ Юрка. Ни слова.

Чернѣютъ на каламянковой наволочкѣ курчавые волосы. Тонетъ маленькая голова въ большой пуховой подушкѣ. Не мигаючи смотрятъ передъ собой темные смышленые глазенки, смотрятъ и

ничего не видятъ, горятъ и сверкаютъ затаенной тревогой. Разгорѣлся, какъ маковъ цвѣтъ, румянецъ на смуглой щекѣ.

Жарко. На полъ сползло съ дивана бабкино стеганое одѣяло.

Устало вздохнетъ порой, думаетъ Юрка свою весеннюю назойливую думу и ничего-то придумать не можетъ.

Порылся дѣдъ въ желтенькомъ шкапу, нашелъ какую-то зелененькую засаленную брошюрку по садоводству, затворилъ шкапъ. Подобралъ полы длиннаго халата, пошелъ къ себѣ. Замаячила на бѣлой стѣнѣ знакомая тѣнь.

Опять остановился передъ Юркой.

— И хоть бы ты постыдился, бездѣльникъ. А? Пожалѣлъ бы чужое-то добро,—качаетъ головой дѣдъ.

— Ну, чего еще?—ворчитъ Юрка.

— Гдѣ у тебя одѣяло-то? Смотри, бабка увидитъ, она тебѣ... Моли Бога, что спитъ.

Не шевельнулся Юрка.

— Ой, Юрка, Юрка,—покачалъ головой дѣдъ, нечего дѣлать,—покряхтѣлъ старина, поднялъ съ полу бабкино одѣяло, положилъ Юркѣ въ ноги.—Не умрешь, такъ много горя наживешь.

Опять промолчалъ Юрка.

— Ну, спи, канашка,—просто говоритъ дѣдъ.—Окно-то потомъ не забудь закрыть.

— Закрою, дѣдъ,—дружелюбнѣе отзывается Юрка.

— Ну, спи съ Богомъ. Доброй ночи.—Пошелъ дѣдъ къ себѣ.

— Доброй ночи,—совсѣмъ дружелюбно говоритъ Юрка, и ему становится уже немного стыдно, что онъ такъ говорилъ съ дѣдомъ. Впрочемъ, вѣдь онъ со всѣми такъ разговариваетъ. А все-таки стыдно. Вѣдь если строго-то во всемъ разобраться, и дѣдъ любитъ Юрку, и Юрка любитъ своего дѣда,—зачѣмъ же имъ между собой ссориться?

Шлепаютъ по полу дѣдовы туфли, шмыгаютъ на босой ногѣ. Недовольно проскрипѣла что-то старая дверь, точно проворчала на дѣда, что и ночью-то онъ не даетъ ей покоя, пропустила старика съ свѣчой и опять закрылась, погасила въ кабинетѣ желтый свѣтъ свѣчи,—и опять глядитъ въ окна лунная призрачная ночь, чернѣютъ на бѣлой стѣнѣ переплеты оконныхъ рамъ.

И соловьи поютъ, и сладко сиренью наноситъ. Не слышно вѣтерка,—нашелъ, должно-быть, свои кусты, угомонился загулявшій парубокъ. Стучитъ гдѣ-то колотушка Матвѣича, мирно раздается по саду дробнымъ деревяннымъ стукомъ.

Вернулся дѣдъ, принесъ Юркѣ простыню—и опять ушелъ. Славный у Юрки дѣдъ.

III.

Нѣтъ, не спится. Душно.

Ворочается съ боку на бокъ, вздыхаетъ порой, лежитъ съ открытыми глазенками. Блуждаютъ усталые глазенки по кабинету, безсильные уснуть. Думаетъ Юрка свою весеннюю назойливую думу.

Сладко и тревожно бьется сердце, замираетъ въ груди, томитъ Юрку непонятно-счастливой жутью. А почему?—Юрка и самъ не знаетъ. И почему-то передъ темными—и изумленно и тревожно-раскрытыми—глазенками словно стоитъ и не отходитъ притихшая шалунья. Почему?

Кажется, и она чѣмъ-то смущена, и у нея раскраснѣлись щеки, стыдливо призакрылись черными рѣсницами синіе васильки.

Сладко и тревожно замираетъ сердце и невольно тянется къ притихшей шалуньѣ, точно въ ней одной кроется для Юрки разгадка всей неизбывно-свѣтлой тревоги безсонной ночи. Почему?

Одно только теперь угадываетъ Юрка: хочется увидать ее, что-то сказать ей. А зачѣмъ увидать? А что̀ ей сказать?—нѣтъ, этого Юрка не знаетъ. Хочется просто видѣть ее,—на мигъ, украдкой бы только взглянуть на нее, и думается Юркѣ: тогда онъ заснулъ бы спокойно.

„Спитъ ли она? Спитъ“,—думаетъ Юрка.

Всѣ въ домѣ спятъ. Ложатся рано. Только онъ не спитъ. Да дѣдъ. Приподнялся на подушкахъ, лежитъ, должно-быть, теперь въ своей дубовой кровати, надѣлъ очки въ серебряной оправѣ, перелистываетъ—далеко держитъ отъ глазъ—засаленную зелененькую брошюрку. А на столикѣ около кровати горитъ свѣча.

Нѣтъ, любитъ все-таки Юрка своего дѣда. Только и насмѣшникъ же этотъ дѣдъ, не дай Господи,—и не разберешь вѣдь сразу: то ли онъ смѣется, то ли дѣло говоритъ.

Какая-то свѣтлая счастливая усталость разливается по тѣлу и томитъ и нѣжитъ его сладкой лѣнью,—и Юркѣ хочется уже улыбаться отъ этого непонятнаго блаженства. И улыбается Юрка, румяный, счастливый, съ головой зарывается въ горячую подушку отъ новаго прилива неизвѣданнаго счастья и какой-то сладкой тревоги.

А въ окна смотритъ и смотритъ майская ночь, ясная и теплая. Точно зоветъ Юрку къ себѣ въ садъ, колдуетъ надъ нимъ своимъ весеннимъ колдовствомъ, жуткимъ и радостнымъ, и знакомые васильки рисуетъ передъ глазами, манитъ къ себѣ синими васильками въ черныхъ рѣсницахъ,—и Юрка начинаетъ сдаваться на весенній безмолвный зовъ.

Сверкнула въ глазенкахъ какая-то плутоватая мысль. Приподнялся на диванѣ, прислушался: тихо, только и слыхать, что соловьи поютъ. „Пойте, пойте, шеромыжники“,—себѣ на-умѣ улыбается Юрка.

Выбрался изъ своихъ рытвинъ, прокрался на цыпочкахъ къ двери: и въ коридорѣ тихо. Бабка перекрестила его и теперь не придетъ. Дѣдъ теперь тоже не придетъ. Пробрался къ окну, выглянулъ на освѣщенную открытую террасу: и тутъ никого нѣтъ. Да и кому быть?—спятъ всѣ.

А въ саду — свѣтлынь, такъ и манитъ Юрку. И въ главной аллеѣ никого не видать, и Матвѣича нѣтъ.

Блеститъ въ лунномъ свѣтѣ широкая яблоневая аллея, и стѣны у нея бѣлыя, и песокъ, что̀ голубая лента, протянутая внизъ, къ серебрящемуся въ лунномъ свѣтѣ пруду. Весь садъ въ цвѣту, куда ни взглянешь—всюду шатры, шатры, словно цѣлый лагерь расположился въ старомъ фруктовомъ саду.

Взобрался Юрка на подоконникъ, вылѣзъ—задомъ напередъ—изъ окна на террасу; чуть скрипнула старая половица, щекочетъ горячія ноги холодный полъ террасы. Озирается по сторонамъ, согнулся, крадется подъ окнами: не увидѣлъ бы кто изъ дома. Пробрался къ ступенямъ,—нѣтъ...

Вѣдь и тутъ-то не могъ не сошкольничать: мгновенно осѣдлалъ верхомъ гладкія перила лѣстницы, мигомъ слетѣлъ на песокъ аллеи, куда и усталость дѣвалась. А вѣдь испугался все-таки, озорной мальчишка, своей выходки: шмыгнулъ за кустъ барбариса, выглядываетъ изъ-за него, озирается по сторонамъ.

Ни облачка надъ бѣлымъ лагеремъ, только—луна, цѣлое море луннаго свѣта. Точно заснула она въ воздухѣ, про все забыла на свѣтѣ и про лучи свои забыла, а имъ только того и надо: видятъ—спитъ старая колдунья, словно Ивановна съ чулкомъ,—всѣ разбѣжались.

Вырвались лучи на майскую волюшку, рады-радешеньки, заиграли—кто во что гораздъ: кто росинкой, кто битымъ стеклышкомъ; а около зеркальнаго шара на клумбѣ, Боже ты мой, что̀ только и дѣлается, точно онъ въ святые попалъ, такое сіяніе исходитъ, что ослѣпнуть можно.

А люди-то еще ахаютъ да удивляются: почему да почему это сегодня ночь такая свѣтлая? А вѣдь луна—старуха непокладистая, свѣту даетъ скупо,—иной разъ сошлется на застарѣлый ревматизмъ, такъ ты ее изъ облаковъ-то и калачомъ не выманишь. А сегодня и облака всѣ разогнала.

Жутковато все-таки одному въ саду. Никого нѣтъ, только соловьи. Много соловьевъ, свищутъ во всѣхъ углахъ зачарованнаго луннымъ свѣтомъ сказочнаго лагеря. Спитъ лагерь.

Пробирается Юрка за террасой къ другой части дома,—знаетъ, шельма, гдѣ дѣвичьи окна. Не спитъ?—замираетъ Юрка передъ знакомыми окнами. Настежъ раскрыты, слабо свѣтятся въ лунной свѣтлыни Иринины окна, должно-быть, только ночникъ горитъ. Прислушался: тихо. Нѣтъ, спитъ.

Пробирается къ знакомымъ кустамъ сирени, закрывшимъ фундаментъ дома, а ноги щекочетъ своимъ холодкомъ мокрая трава, того и гляди—не выдержитъ Юрка, запрыгаетъ на одной ногѣ, захохочетъ отъ росной щекотки,—и ежится, сдерживается Юрка, боится выдать себя смѣхомъ.

Крадется къ освѣщеннымъ окнамъ и снова пугается: а вдругъ кто увидитъ?—выглядываетъ плутовато изъ кустовъ сирени, смотритъ вдоль бѣлыхъ шатровъ, на голубую ленту аллеи, настораживаетъ уши: нѣтъ, никого нѣтъ,—хитро улыбается Юрка.

Частымъ холоднымъ дождемъ, якорь ее побери, брызжетъ съ сиреней роса, брызжетъ на волосы, на лицо, мочитъ длинную рубашонку,—весело бодрому Юркѣ; точно водой ключевой умылся. Утирается рукавомъ. А трава такъ и щекочетъ вздрагивающія отъ свѣжести ноги, такъ и подмываетъ Юрку запрыгать, расхохотаться отъ ея щекотки звонкимъ хохотомъ. Нѣтъ, братъ, шалишь,—не расхохочется Юрка.

Ударилъ въ селѣ караульщикъ въ чугунную доску: часъ. Каплянула, должно-быть, сейчасъ въ столовой и кукушка. Прозвенѣла въ чуткомъ прозрачномъ воздухѣ дрожащая баритонная нотка,—словно порвавшаяся струна, отзвенѣла и смолкла, растаяла въ лунномъ свѣтѣ.

И опять въ саду—тишина, только соловьи поютъ. Заливаются, канальи. Пойте, пойте, шеромыжники.

IV.

Пробрался Юрка къ Ирининымъ окнамъ, опять прислушался: тихо,—должно-быть, спятъ.

Затаилъ дыханье, неслышно цѣпляется ручонками за старыя потемнѣвшія бревна, путается въ длинной ночной рубашонкѣ, съ трудомъ карабкается на выдавшійся изъ-подъ дома бѣлѣющій известкой фундаментъ, срывается съ него и лѣзетъ снова. Вскарабкался, крѣпко держится цѣпкой ручонкой за какой-то гвоздь.

Переводитъ дыханье. А сердце бьется и замираетъ.

Боясь и сорваться и выдать себя малѣйшимъ шорохомъ, тянется Юрка къ подоконнику,—закусилъ нижнюю губу, тихо протягиваетъ ручонку къ деревянной рѣзьбѣ окна, такъ тихо—точно муху готовится накрыть. А хитро улыбаются плутоватые глазенки. Выпрямляется на фундаментѣ, ухватился за рѣзьбу, сейчасъ заглянетъ въ Иринино окно...

Вздрогнулъ и замеръ, опустился на бѣлый фундаментъ, держится за свой гвоздь: зазвенѣлъ за окномъ знакомый смѣхъ. Фу, какъ она его напугала: бьется сердце, какъ у испуганнаго зайчонки. Звенитъ за окномъ задорный смѣхъ.

— На вотъ, на вотъ. Опять,—слышится голосъ Ивановны:—опять. Поглядите-ка вы на нее, люди добрые,—всплескиваетъ должно-быть, старуха руками.—На вотъ, на вотъ. Коза, коза. Да, коза и есть. И скоро ли тебя угомонъ-то возьметъ? Полуночница. Вонъ какъ, вонъ какъ.

„Что̀ она тамъ дѣлаетъ?“—оправился отъ испуга, прислушивается Юрка къ звонкому, заразительному смѣху и почему-то радъ, что и Ирина не спитъ,—и снова хочется заглянуть къ ней въ окно, и страшно выпрямиться: не спятъ, увидятъ.

А смѣхъ все звенитъ да звенитъ.

— Да спи ты, спи! Господи ты мой, Боже милостивый,—ворчитъ старая грѣховодница.—Опять. Безстыдница. У, безстыдница, управы-то на тебя нѣту. Да, право,—томится Ивановна въ сладкой дремотѣ, слышно, какъ позѣвываетъ старуха.

Набирается Юрка храбрости, и самого подмываетъ засмѣяться такъ же задорно и радостно, куда только и страхъ исчезъ. Прильнулъ, шельма, къ дѣвичью окну, тянется заглянуть въ него, мелькнула въ головѣ озорная мысль: „а не испугать ли ихъ тамъ, а потомъ...“

Зашуршало что-то въ кустахъ. Опять захолонуло сердце, опустился испуганно подъ окномъ: шуршитъ и шуршитъ. Страшно и жутко, и мурашки по тѣлу забѣгали, а мокрая рубашка словно похолодѣла вся, такъ и льнетъ къ тѣлу. Кто тамъ въ кустахъ?

А изъ сиреней выскочилъ Шарикъ, торопливо тычется мордой въ помятую Юркой траву, увидалъ бѣлаго Юрку и—точно на медвѣдя напоролся: шарахнулся въ страхѣ назадъ, сдѣлалъ стойку, залился на весь садъ тревожнымъ лаемъ.

Растерялся, поблѣднѣлъ Юрка,—надо прятаться, сейчасъ увидятъ, и страшно спрыгнуть съ фундамента: а, ну, какъ кинется на него да искусаетъ? А Шарикъ лаетъ, заставилъ-таки Юрку спрыгнуть въ траву, а самъ еще дальше отъ него отскочилъ.

Часто-часто колотится въ груди испуганное сердце, словно разорваться хочетъ.

— Шарикъ, Шарикъ. Цыцъ ты, цыцъ! Я это, я,—растерянно лепечетъ Юрка, забирается въ кусты сирени, шепотомъ старается унять Шарика:—Цыцъ! Ну? Я тебѣ!..—грозится ужъ на него изъ кустовъ.

Смолкъ Шарикъ. Не звенитъ и за окномъ знакомый смѣхъ. Частымъ дождемъ брызжетъ и брызжетъ на Юрку холодная роса.

— Кто тутъ?—слышится въ окнѣ встревоженный голосъ Ивановны.—Кто тутъ?—и никого уже нѣтъ подъ окнами. На кого онъ тутъ опять лаетъ? У, пустозвонъ!—ворчитъ нянька на Шарика: слышится стукъ затворяемыхъ старухой оконъ.

Прыгаетъ Шарикъ, визжитъ отъ радости: узналъ Юрку. Тычется мокрой мордой въ Юркины ноги, виляетъ виновато пушистымъ хвостомъ: дуракъ-дуракомъ, а вѣдь понимаетъ, канальи, что все дѣло своимъ дурацкимъ лаемъ испортилъ,—не узналъ Касьянъ своихъ крестьянъ. Визжитъ теперь, того и жди, что зальется радостнымъ лаемъ.

— Цыцъ! Отстань, дуракъ! Ну?—выбирается Юрка изъ сиреней, приходитъ въ себя,—свирѣпѣетъ на обрадовавшагося пріятеля, грубо отталкиваетъ Шарика ногой, не знаетъ теперь, какъ отъ него и избавиться:—Ну? Пшелъ! Кому говорятъ?—

Пробирается къ террасѣ, озирается по сторонамъ, а глупый Шарикъ не понимаетъ, не хочетъ понять Юрку,—забѣгаетъ впередъ, визжитъ, заигрываетъ съ Юркой, кидается черными мохнатыми лапами къ нему на грудь.

— Пшелъ! Ну?—разсвирѣпѣлъ Юрка, сбросилъ съ себя черныя лапы, сжалъ кулаки: убить готовъ пса,—и досадно и обидно, что изъ-за этого дурака не удалось заглянуть въ Иринино окно:—А все ты, якорь тебя побери. Да ты останешь или нѣтъ?—снова злобно отбрасываетъ отъ себя Шарика, заплакать готовъ; не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться.

А Шарику все невдомекъ: думаетъ—шутитъ съ нимъ Юрка.

Нанесло махоркой.

— Шарко-о! Шарко-о-о!—снова вздрагиваетъ испуганно Юрка,—гдѣ-то совсѣмъ близко раздается старческій тенорокъ хромоногаго Матвѣича, слышно—похрустываетъ подъ сапогами песокъ аллеи.—Шарко-о, фю-тю-тю-у!..—отсталъ глупый песъ, бросился со всѣхъ ногъ, какъ угорѣлый, къ своему старику. Друзья тоже, подумаешь.

Застучала колотушка, разсыпалась дробно-отчетливымъ деревяннымъ стукомъ по саду,—идетъ Матвѣичъ.

А у Юрки новая забота. И неловко и стыдно показаться сейчасъ на террасѣ: свѣтло, какъ днемъ,—ужъ на что, кажется, подслѣповатъ Матвѣичъ—а и тотъ увидитъ. „А залѣзть въ свое окно?—на мгновенье задумывается Юрка.—Нѣтъ, не успѣть.“

Прячется торопливо за перилами террасы, ползетъ на четвереренькахъ поближе къ своему окну. Бьется сердце, не можетъ успокоиться: а, ну, какъ Матвѣичъ, по своему обыкновенію, вздумаетъ посидѣть съ трубкой на ступенькахъ террасы? Или Шарикъ опять выдастъ своимъ собачьимъ чутьемъ?

Доползъ, сидитъ на корточкахъ за перилами противъ окна, смотритъ на аллею сквозь вырѣзы сердечекъ въ перилахъ, видитъ старика съ трубкой, молитъ—чтобы Матвѣичъ прошелъ мимо. Смолкла колотушка, повернулъ Матвѣичъ въ главную аллею. Отлегло отъ сердца: пронесло.

Ковыляетъ темный Матвѣичъ по свѣтлой лентѣ, уходитъ съ Шарикомъ въ глубь стараго фруктоваго сада, спускается къ серебрящемуся внизу пруду съ чернѣющей на берегу старенькой полуразвалившейся мельницей среди развѣсистыхъ ивъ.

— Дуракъ мѣднолобый,—ворчитъ Юрка по адресу Шарика, все еще не можетъ простить ему своей неудачи,—оглядывается предусмотрительно на ковыляющаго Матвѣича, путается въ подолѣ мокрой ночной рубашки, карабкается на свой подоконникъ.

V.

Закрыто окно.

И снова Юрка тонетъ въ рытвинахъ своего дивана,—пора спать, и снова не спится. Все такъ же и душно и жарко, и подушка горячѣетъ отъ разрумяненныхъ Юркиныхъ щекъ.

Опять думаетъ Юрка свою весеннюю назойливую думу и ничего-то придумать не можетъ. Тревожно и сладко замираетъ въ груди неспокойное сердце, непонятнымъ блаженствомъ бродитъ въ крови крѣпкій вешній хмель. Но уже не хочется Юркѣ улыбаться: и усталость беретъ, и такъ хочется, до изнеможенія хочется спать.

Все такъ же смотритъ на Юрку майская ночь, колдуетъ надъ нимъ своимъ весеннимъ колдовствомъ, жуткимъ и радостнымъ, и томится Юрка въ весеннемъ плѣну, не знаетъ, какъ сбросить съ себя безпокойныя чары.

Тише, сквозь закрытыя окна, доносится посвистъ соловьиный. Бѣлѣютъ въ лунномъ свѣтѣ отдаленные шатры яблонь. Спитъ сказочный лагерь.

Истомился Юрка.

А къ горячему тѣлу непріятно льнетъ и согрѣвается вымокшая въ росѣ рубашка. Вся вымокла, насквозь,—какъ только Юрка и улечься-то въ ней ухитрился. И она раздражаетъ, и она не даетъ спать, якорь ее побери.

Поднялся на диванѣ, стягиваетъ съ себя льнущую къ тѣлу рубашку, скомкалъ и съ какой-то вспыхнувшей злобой швырнулъ ею въ кресло, точно выместилъ въ этой вспышкѣ и свою неудачу и обиду на глупаго пса, избылъ свою тревогу и сладкій гнетъ безсонной ночи.

Завернулся въ свѣжую дѣдову простыню, перевернулъ горячую подушку, легъ лицомъ къ широкой вогнутой спинкѣ дивана. Ласковымъ холодкомъ охватила-успокоила простыня разгоряченное тѣло.

Уснулъ. Намаялся, бѣдный.

Чернѣютъ на бѣлой стѣнѣ переплеты оконныхъ рамъ. Смотритъ въ окна призрачная весенняя ночь. Далеко гдѣ-то въ бѣломъ лагерѣ стучитъ колотушка хромоногаго Матвѣича.

Спи, Юрка, съ Богомъ.

Микель Анжело Буонарроти.

(1475—1564).

Его жизнь и творчество. Очеркъ **Н. Фореггера.**

(Окончаніе).

V.

Слава о прекрасномъ скульпторѣ наполняетъ Римъ, и 1498 г. кардиналъ Жанъ де-ла-Грослей проситъ его изваять скульптурную группу: „Скорбь Богоматери“. Въ этой группѣ мы не замѣчаемъ вполнѣ выявленной его индивидуальность. Тутъ еще ярко видны наслоенія различныхъ вліяній. Тѣло Христа, лежащаго на колѣняхъ Скорбящей Богоматери, трактуется, какъ тѣло юнаго граціознаго Бога, оно напоминаетъ статуи изнѣженныхъ эфебовъ. Сама Мадонна содержитъ въ себѣ элементъ готики въ прихотливыхъ и мелкихъ извивахъ платья и овальномъ миловидномъ лицѣ. Лицо это, значительно болѣе моложавое, чѣмъ лицо Христа, вызывало недоумѣніе современниковъ, которые спрашивали постоянно Микель Анжело, можетъ ли Мать быть моложе Сына. На этотъ вопросъ, по словамъ Кондиви, Микель Анжело отвѣтилъ слѣдующее: „Развѣ ты не знаешь, что чистота помысловъ лучше всего сохраняетъ свѣжесть тѣла, и что скромныя женщины долго сохраняютъ красоту и свѣжесть лица? Другое дѣло Ея Сынъ. Въ изображеніи Его я руководился той мыслью, что Онъ вполнѣ воплотился въ образѣ человѣка и подверженъ былъ всему, какъ всякій смертный, кромѣ грѣховности. Вотъ почему Іисусъ долженъ быть изображенъ старше того возраста, въ какомъ Онъ пострадалъ. Опытъ и страданіе состарили Его преждевременно.“ „Pietà“, поставленная въ храмѣ Св. Петра, привлекала къ себѣ многихъ поклонниковъ искусства. Но такъ неясны были въ ней элементы творчества Микель Анжело, что многіе, не знавшіе имени автора, относили скульптуру то къ Гоббо изъ Милана, то къ Кристофоро Солари. Эти толки заставили Микель Анжело, гордаго произведеніемъ, вырѣзать на немъ свое имя. За пять лѣтъ своего пребыванія въ Римѣ онъ изваялъ еще нѣсколько статуй, все—подражаніе антикамъ, богатство которыхъ, открывшееся въ Римѣ его глазамъ, не могло его не восхитить.

Въ 1501 г. Микель Анжело возвращается снова во Флоренцію.

Савонарола былъ сожженъ, жестокосердный Цезарь Борджіа пріѣзжалъ сюда устраивать миръ. Флорентійцы колебались, не зная, къ какому Богу примкнуть, какой власти отдать себя въ руки. Въ городѣ шли вѣчные раздоры, постоянная борьба мел-

кихъ партій, глубоко изнурявшая Флоренцію. Но жажда къ красотѣ, любовь къ произведеніямъ искусства все еще жили въ душѣ флорентійцевъ.

Когда-то цехъ ткачей вывезъ изъ Каррары огромную глыбу мрамора, чтобы изваять изъ него статую Давида для украшенія купола церкви Санта Фіоре. Работа была эта поручена скульптору Августину деи-Дуччо, который вскорѣ отказался отъ нея въ виду чрезвычайно неудобной формы глыбы. Прошло лѣтъ тридцать, и во Флоренцію одновременно съ Микель Анжело пріѣхалъ скульпторъ Сансовино. Имъ обоимъ была предложена работа надъ мраморомъ. Но въ виду того, что Сансовино отказался работать надъ цѣлой глыбой, работа была поручена Микель Анжело. Онъ началъ ее въ сентябрѣ 1501 г. за жалованье шесть дукатовъ въ мѣсяцъ въ теченіе двухъ лѣтъ и по окончаніи работъ вознагражденіе „по совѣсти". До 1504 г. онъ работалъ и получилъ по окончаніи работы отъ Флоренціи 400 дукатовъ въ награду за „Давида". 18 мая 1504 г. „Давидъ" былъ установленъ на площади Синьоріи и столь плѣнилъ флорентійцевъ, что его „красотѣ удивлялись даже невѣжды".

Эта статуя изображаетъ Давида, призваннаго къ бою. Онъ еще не натягиваетъ пращу, а подноситъ лишь руку къ ней. Пробужденіе жизни замѣтно въ немъ, онъ начинаетъ ощущать свои силы, сознавать свою мощь, подобно тому, какъ творецъ его сознавалъ свою въ этомъ произведеніи. Для этой скульптуры уже не нужна подпись. Только Микель Анжело могъ бы изваять такъ смѣло глядящее чело такъ мощно въ сознаніи своей непобѣдимости выступающаго героя. Его „Давидъ"—гигантъ, который дѣйствительно могъ вынести на своихъ плечахъ защиту всего народа.

И недаромъ суевѣрные флорентійцы видѣли въ „Гигантѣ" символъ свободы и благосостоянія Флоренціи. Микель Анжело съ такимъ вдохновеніемъ творилъ, что, казалось, въ свои творенія влагалъ духъ живой. И вѣрили флорентійцы, что если настанетъ „година бѣдъ", то скажутъ они гиганту: „иди защищай насъ"— и мраморный Давидъ спасетъ ихъ. Въ „Давидѣ" уже проявилась вполнѣ сила Микель Анжело.

И тутъ же, во Флоренціи, онъ развиваетъ свою любовь къ композиціи, къ бурнымъ поворотамъ, къ богатству выразительности человѣческихъ позъ. Онъ получаетъ рядъ заказовъ на картины и барельефы, изображающіе Богоматерь, гдѣ все яснѣй подходитъ къ суровой выразительности и огневой порывистости, которая характеризуетъ послѣдующій періодъ его дѣятельности, періодъ полной зрѣлости его генія.

„Святое Семейство" въ Трибунѣ [1],—пишетъ Мутеръ:—первое громовое откровеніе его рѣзкой личности. Прежде въ такія созданія художники вкладывали чувство любви, нѣжности, материнства и радостности... Для него важнѣйшее значеніе имѣютъ тѣ существа нечеловѣческихъ размѣровъ, помѣщающіяся внутри этой композиціи треугольникомъ. Спереди сидитъ, скорчившись и поджавъ ноги, могучая женщина, не похожая ни на прежнюю смиренную Дѣву Марію ни на Царицу небесъ чинквеченто. Это— героиня желѣзнаго сложенія, съ голыми ногами и руками, она тянется, вывернувъ колѣни направо, локти налѣво, черезъ плечо, чтобы взять ребенка у сѣдовласаго атлета, сидящаго за нею. Святое Семейство, это—семейство титановъ; старая тема материнскаго счастья обратилась въ клубокъ движущихся силъ... Тамъ, гдѣ у другихъ художниковъ растутъ деревья, у Микель Анжело вздымаются нагіе люди, которые безъ названія, безъ цѣли, лишь присутствуютъ на картинѣ".

Микель Анжело послѣ „Давида" признается величайшимъ художникомъ, и ему вмѣстѣ съ Леонардо да-Винчи поручаютъ роспись стѣнъ въ залѣ собраній Синьоріи.

Леонардо да-Винчи темой беретъ побѣду флорентійцевъ надъ миланцами при Ангіари; Микель Анжело — эпизодъ изъ войны Флоренціи съ Пизой, когда флорентійскіе солдаты, купавшіеся въ Арно, были врасплохъ захвачены непріятелемъ [2]).

На работу двухъ геніевъ смотрѣли какъ на состязаніе, результаты котораго интересовали всѣхъ любящихъ искусство, и когда картоны съ выполненными композиціями были выставлены въ Синьоріи, то зала засѣданій, по словамъ Бенвенуто Челлини, стала „школой міра".

Хитроумный Леонардо въ своемъ картонѣ пытался выразить войну, какъ „животное безуміе". Все свое знаніе людскихъ страстей, все свое знаніе экспрессій человѣческаго лица напрягъ онъ, чтобы дать картину бѣшеной битвы. Люди въ развѣвающихся плащахъ слились въ неистовой борьбѣ, кони не отстаютъ отъ всадниковъ и тоже несутъ съ собой безуміе. Даже воздухъ вокругъ сражающихся затемненъ множествомъ скрестившихся копій и мечей. „На гравюрѣ Эделинка передъ нами настоящая бойня,—не людей и лошадей, а какихъ-то кентавровъ: люди здѣсь какъ будто срослись съ лошадьми, которые обращены къ публикѣ своими толстыми крупами и приподнятыми хвостами. Ни одной фигуры, которая не отталкивала бы своимъ дьявольскимъ исступленіемъ",—пишетъ А. Волынскій. Но весь картонъ исполненъ, по словамъ Бенвенуто Челлини, съ „божественнымъ совершенствомъ".

[1]) Тутъ появляются и его живописныя особенности: широкія складки одеждъ, обрисовывающихъ фигуру, и энергичная „скульптурная" лѣпка тѣла.

[2]) Какъ тотъ, такъ и другой картоны не уцѣлѣли до нашего времени. Отъ работы Леонардо сохранились наброски къ этой картинѣ его самого, ученика его Чезаре да Сесто; Рафаэлевскій рисунокъ съ картона, Рубенсовскій рисунокъ деталей и гравюры Эделинка. Отъ работы Микель Анжело до насъ дошла гравюра Скіавонетти, воспроизводящая большую часть композиціи, рисунокъ Даніэля да Вольтера, изображающій лѣвую группу, гравюра Антоніо Венеціано съ центральной части и гравюра Маркантоніо Раймонди съ трехъ солдатъ справа.

У Микель Анжело былъ чисто-эллинскій подходъ къ сюжету— онъ не хотѣлъ изображать дикія страсти. Онъ и тутъ высказалъ свою любовь къ человѣческому тѣлу. На берегу плещущейся рѣки купаются солдаты. Но вотъ вдали трубачи возвѣщаютъ тревогу—и нагіе, съ сверкающими отъ воды торсами, выбѣгаютъ изъ рѣки солдаты, торопясь натянуть мокрое платье. Своими тѣлами боговъ они раскрываютъ зрителю красоту пластическихъ позъ и даже торопятся они, по словамъ Бенвенуто Челлини, „съ такими прекрасными жестами, съ такими тѣлодвиженіями, что ни древніе ни новѣйшіе народы не могутъ похвалиться ничѣмъ подобнымъ".

И флорентійцы, которымъ чужды были изобрѣтательная мудрость и жестокость Леонардо, отдаютъ предпочтеніе Микель Анжело. Но картонъ да-Винчи учитъ юнаго побѣдителя тому, что̀ еще не появлялось на его картинахъ. Глядя на „битву при Ангіари", Микель Анжело постигаетъ, что не въ изображеніи прекрасныхъ позъ состоитъ задача живописи, а въ томъ, что истинный художникъ долженъ указывать въ человѣческомъ тѣлѣ тѣ мысли, которыя его одухотворяютъ, тѣ страсти, что̀ его зажигаютъ. Художникъ долженъ видѣть красоту и уродство внутренняго міра человѣка, чтобы умѣло и вдохновенно передавать внѣшнее. „Искусство живописи есть, въ сущности, только искусство изображать невидимое посредствомъ видимаго",—говоритъ Фромантенъ.

VI.

Еще до полнаго окончанія картона „Сраженіе при Кашино" Микель Анжело былъ призванъ папой Юліемъ II въ Римъ. Въ мартѣ 1505 г. онъ отправляется туда, чтобы предстать предъ человѣкомъ, для прославленія котораго онъ столько сотворилъ и котораго любилъ въ глубинѣ души. Ибо, несмотря на то, что въ своемъ неукротимомъ упрямствѣ и вспыльчивости они доходили до того, что то папа бросался въ ярости на художника и грозилъ ему смертью, то взбѣшенный художникъ швырялъ въ папу горшками отъ красокъ,—они относились съ глубокимъ уваженіемъ другъ къ другу.

Два льва, увѣренные въ своей мощи, они бывали большими друзьями и даже въ гнѣвѣ и ссорѣ съ восторгомъ наблюдали за поступками врага.

Папа Юлій II задумалъ воздвигнуть себѣ еще при жизни надгробный памятникъ и осуществленіе его возложилъ на Микель Анжело. По первоначальному проекту, этотъ надгробный памятникъ представлялъ собой четырехугольникъ въ 30 футовъ длины, 15 ширины, около 30—вышины и раздѣленъ на два яруса. На каждой изъ четырехъ сторонъ нижняго яруса находилась ниша, въ которой стояла статуя Побѣды, попиравшая ногой бунтовщика. Свободное отъ нишъ пространство расчленялось шестнадцатью пилястрами, къ которымъ были прикованы связанные рабы, знаменующіе собою искусства, лишенныя свободы и покровительства послѣ смерти папы Юлія II.

На углахъ второго яруса находились статуи сидящихъ пророковъ, коимъ въ мощи своей былъ подобенъ папа, а между ними— статуи стражей, охраняющихъ покой гробницы. Наконецъ наверху вѣнчали зданіе два ангела, изъ которыхъ одинъ выражаетъ восторгъ, что душа папы вознеслась въ рай, а другой скорбитъ, что земля лишилась столь прекраснаго человѣка. Этотъ проектъ восхитилъ папу, и Микель Анжело немедленно отправляется въ Каррару за мраморомъ.

По его отъѣздѣ партія, не долюбливавшая его ни за талантъ ни за чрезмѣрно рѣзкій языкъ, стремится возстановить противъ него папу и заинтересовать Юлія II проектами, еще болѣе увлекательными и грандіозными, чѣмъ Микель Анжеловскій. Такимъ былъ проектъ архитектора Браманте о постройкѣ колоссальнаго собора Св. Петра на мѣстѣ скромной базилики.

Папа весь ушелъ въ новый проектъ, который долженъ былъ всему міру явить величіе папства. И когда Микель Анжело, вернувшись съ мраморомъ изъ Каррары, принялся за работу, то встрѣтилъ очень сухое къ себѣ отношеніе двора и самого папы. Наконецъ папа отказался однажды принять Микель Анжело.

Микель Анжело, характеръ котораго съ каждымъ годомъ дѣлался все болѣе непокорнымъ и болѣе пылкимъ, гордо заявилъ: „Пусть же онъ меня ищетъ, гдѣ угодно, кромѣ Рима", мгновенно продалъ имущество и уѣхалъ во Флоренцію.

Рѣзкость его характера, по словамъ современниковъ, возстанавливала всѣхъ противъ него, несмотря на то, что въ немъ было много природной доброты. Онъ ухаживаетъ за своимъ больнымъ слугой, онъ живетъ чрезвычайно скромно, чтобы помогать своимъ бѣднымъ родственникамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осыпаетъ ихъ проклятіями, человѣка, осмѣлившагося поторговаться съ нимъ изъ-за рисунка, онъ выгоняетъ и охотно раздаетъ рисунки уличнымъ дѣтямъ. Любя народъ, онъ такъ ссорится съ каменотесами и перевозчиками мрамора въ Каррарѣ, что принужденъ спасаться отъ нихъ въ своемъ собственномъ домѣ. И непривѣтливый пріемъ папы заставляетъ его немедля уѣхать изъ Рима. Напрасно раскаявшійся папа шлетъ ему вслѣдъ пословъ: онъ грозитъ смертью всякому, кто къ нему прикоснется. Напрасно гонфалоньеръ [1]) Флоренціи Пьеро̀ Содерини, получая постоянныя письма отъ папы,

[1]) Гонфалоньеръ—главный начальникъ войскъ.

убѣждаетъ Микель Анжело вернуться въ Римъ,—онъ остается непреклоннымъ и заявляетъ, что охотнѣй уѣдетъ въ Турцію строить мостъ изъ Константинополя въ Перу. Лишь когда папа, вступивъ въ Болонью, оттуда требуетъ къ себѣ строптиваго художника, послѣдній, желая охранить родной городъ, ѣдетъ къ папѣ, по собственному признанію, точно „съ веревкой на шеѣ".

VII.

Папа встрѣчаетъ его дружелюбно и добряка-епископа, который началъ убѣждать папу, что Микель Анжело надо простить, „ибо художники—такой народъ, что, кромѣ искусства, ничего не понимаютъ", бьетъ палкой и называетъ „невѣждой".

Въ Болоньѣ Микель Анжело льетъ бронзовую статую для фасада церкви Санъ-Петроніо: папа Юлій II съ ключами Петра въ одной рукѣ, другой „грозитъ Болоньѣ" [1]).

Вернувшись въ Римъ вмѣстѣ съ папой, онъ получаетъ приказъ — расписывать Сикстинскую капеллу. Говорятъ, что это было плодомъ придворныхъ интригъ, что самъ Микель Анжело считалъ себя скульпторомъ, а не живописцемъ. Какъ бы то ни было, въ росписи Сикстинской капеллы онъ съ титаническимъ богатствомъ фантазіи высказалъ свое пластическое чутье.

Сикстинская капелла представляла собою четырехугольную продолговатую залу безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній, когда Микель Анжело въ маѣ 1508 года взялся за ея роспись. Четыре года длилась работа, и только настойчивое требованіе папы заставило Микель Анжело открыть ее всѣмъ, хотя самъ творецъ считалъ ее не законченной. Фрески [2]) на плафонѣ капеллы Микель Анжело долженъ былъ писать лежа и глядя вверхъ, причемъ, по замкнутости своего характера, онъ не имѣлъ помощниковъ въ живописи и исполнилъ одинъ всю роспись.

М. Добужинскій. Великій Четвергъ.

О содержаніи живописи плафона писалось очень многое, и эта работа признается работой полнаго расцвѣта его генія. Плоскій огромный потолокъ Сикстинской капеллы онъ дѣлитъ пилястрами, на обоихъ концахъ которыхъ сидятъ въ разнообразныхъ позахъ могучіе ignudi (невольники), поддерживающіе массивныя, словно вылитыя изъ бронзы, гирлянды. Въ пространствахъ между пилястрами заключены композиціи на библейскія темы, гдѣ царитъ не „нѣжнѣйшій" Христосъ, а сѣдобородый старецъ, могучій Іегова, наполняющій небо и землю величіемъ своихъ силъ.

„Той рече—и быша, той повелѣ—и создашася".

Простеръ руки Всесильный—и „бысть свѣтъ"; пожелалъ—и загорѣлись въ небѣ солнце и луна; „Отдѣленіе земли отъ воды", „Сотвореніе человѣка", „Сотвореніе Евы", „Искушеніе", „Каинъ и Авель", „Потопъ" и „Опьяненіе Ноя"—эти десять сюжетовъ вдохновляли Микель Анжело при росписи плафона. И видно, что урокъ Леонардо да Винчи не прошелъ даромъ. Тутъ нѣтъ уже лишь упоенія человѣческимъ тѣломъ. Правда, онъ попрежнему любитъ его, но оно служитъ ему прекраснымъ средствомъ, чтобы выразить тѣ мысли, тѣ великія страсти и необъятныя силы, о которыхъ онъ хочетъ повѣдать зрителю. И могучіе планы такъ завладѣваютъ имъ, крылья его фантазіи столь велики, что никогда онъ не бываетъ доволенъ своимъ произведеніемъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ жалуется, что ни одного изъ своихъ произведеній онъ не могъ закончить по своему желанію.

Онъ отвергаетъ цвѣточный и гротесковый [1]) орнаментъ Ренессанса и вмѣсто него возлагаетъ на ignudi нести декоративную роль. И въ нихъ онъ воплощаетъ свой идеалъ красоты. Ими онъ точно говоритъ: „смотрите, какъ прекрасны и могучи могутъ быть творенія Великаго Іеговы".

Онъ читаетъ только Библію, и она ему навѣваетъ титаническіе образы. Ниже центральныхъ композицій онъ пишетъ гигантскія фигуры пророковъ и сибиллъ, внимающихъ явленію Бога. Вдохновенные, они видятъ Бога. Іона откинулся въ небесномъ трепетѣ, Исаія съ жадностью внимаетъ Его словамъ, Іеремія... Нѣтъ, намъ не нужны ихъ имена. Въ душѣ Микель Анжело пылаютъ чувства. „Что̀ ему дельфійская, либійская, кумейская сибилла! Онъ пишетъ экстазъ, приводящій въ трепетъ гигантскія тѣла". Онъ пишетъ свой экстазъ, свой трепетъ, скорби и пламенные восторги своей души. „Существо его — не люди. У нихъ ничего нѣтъ общаго съ созданіями, живущими на нашей землѣ,—пишетъ Р. Мутеръ.—Его не прельщаетъ животная красота тѣла, и не для выраженія данной темы служатъ ему его гигантскія, чудовищно преувеличенныя движенія. Онъ только освобождаетъ свою душу отъ давящей ее тяжести. Все, что̀ онъ создалъ, говоритъ о мученіяхъ одинокой, измученной человѣческой души.

Всегда лишь образъ
собственной печали,
Угрюмое чело съ
моей тоской...

Въ 1512 году въ день „Всѣхъ Святыхъ" папа служилъ мессу въ Сикстинской капеллѣ. Слѣдующій годъ былъ годомъ его кончины.

VIII.

На папскій престолъ вступилъ Левъ X. Жизнерадостный, веселый, онъ любилъ галантныхъ кавалеровъ и хорошенькихъ женщинъ, двусмысленныя шутки и блюда повкуснѣе. Мрачный, титаническій Микель Анжело пугалъ его. Его любимымъ художникомъ былъ Рафаэль.

„Левъ X знаетъ и любитъ васъ, — говоритъ Себестіано дель Пьомбо въ письмѣ къ Микель Анжело: — но вы повергаете въ страхъ весь міръ, даже самихъ папъ".

Микель Анджело принимается за работу надъ памятникомъ Юлію II, однако въ 1516 г. папа Левъ X поручаетъ ему сооруженіе фасада для церкви Санъ-Лоренцо во Флоренціи, начатой еще Брунелески. Микель Анжело съ восторгомъ берется за это порученіе и въ одномъ изъ писемъ, ликуя, пишетъ: „Этотъ фасадъ Санъ-Лоренцо по архитектурѣ и скульптурѣ будетъ зеркаломъ всей Италіи".

Но, очевидно, грандіозность проекта пугаетъ папу, и заключенное въ январѣ 1518 г. условіе онъ прекращаетъ въ мартѣ 1520 г.,

[1]) Статуя эта была вскорѣ разбита болонцами.

[2]) Alfresco—по сырому. Методъ работы, обезпечивающій живописи наибольшую прочность, такъ какъ краска накладывается на сырую штукатурку и впитывается въ нее.

[1]) Прихотливое соединеніе животныхъ формъ съ растительными—въ подражаніе римскому орнаменту.

не давъ Микель Анжело даже начать работы. Въ концѣ того же года кардиналъ Джуліо Медичи, впослѣдствіи папа Климентъ VII, предложилъ Микель Анжело работать надъ сооруженіемъ библіотеки и пристройки при церкви С.-Лоренцо для гробницъ семьи Медичи. Въ 1524 году Микель Анджело заканчиваетъ часть архитектурную и приступаетъ къ изваянію надгробныхъ статуй. Но изъ-за смуты, которая волнуетъ всю Италію, работа растягивается на десять лѣтъ.

„Человѣкъ не долженъ смѣяться, когда всѣ плачутъ",—писалъ однажды Микель Анжело, и, когда Италія рыдала отъ оскорбленій враговъ, душа его изнывала отъ скорби. У него, какъ и у всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ итальянцевъ, была мечта увидать единую, нераздѣленную Италію подъ властью дорогого владыки, а не злого тирана. А въ это время дѣйствительность въ прахъ повергала его мечты. Папа Климентъ VII пользуется наемными войсками Испаніи и Германіи, чтобы водворить порядки въ Италіи. И войска эти вносятъ еще большее смятеніе, создаютъ еще большій раздоръ. И Микель Анжело наравнѣ съ прочими флоревтійцами становится на защиту города.

Но, примѣчательная вещь, и тутъ искусство ему дороже всего: онъ не одержимъ политической яростью, онъ ясно отличаетъ правыхъ отъ виновныхъ и, защищая городъ отъ жадности Медичи, работаетъ надъ гробницей для ихъ семьи.

По взятіи Флоренціи, Климентъ VII очень ласково обходится съ художникомъ и даже беретъ его подъ свою защиту отъ наслѣдниковъ папы Юлія II, требующихъ исполненія памятника, который, по словамъ Микель Анжело, сталъ „трагедіей его жизни". По просьбѣ папы, онъ отдаетъ все свое время созданію гробницъ Медичи. И, открытые флорентійцамъ, онѣ вызываетъ всеобщее преклоненіе.

„Чтобы созцать ихъ,—пишетъ Тэнъ:—нужна была душа отшельника, мыслителя, поборника правды, пламенная и великая душа, затерявшаяся среди дряблыхъ и испорченныхъ душъ, среди предательствъ и гнета, подъ неотвратимымъ торжествомъ тираніи и несправедливости, подъ развалинами свободы и отечества... И она нашла послѣднее убѣжище въ искусствѣ, съ помощью котораго говорило среди рабскаго молчанія его великое, охваченное отчаяніемъ, сердце".

И гробница пріобрѣтаетъ общечеловѣческое значеніе, и статуи, поникшія головами, скорбятъ не о погребенныхъ, а объ идеальной „Силѣ" и высокой „Мысли", покинувшихъ Италію. „Сила" и „Мысль"—названія двухъ статуй [1]), стоящихъ въ нишахъ надъ саркофагами,—названія, данныя имъ флорентійцами, которые почуяли великую печаль изваявшаго ихъ.

И создавали скорбные сонеты о согбенныхъ страждущихъ великанахъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Авроры" и „Сумерекъ", „Дня и Ночи". Эти гиганты, объятые усталостью, опускаютъ сильные члены въ тоскѣ по пропедшемъ. И день и ночь, при зарѣ и сумеркахъ, въ душѣ ихъ царитъ Великая, Неумолчная Скорбь.

На всѣ сонеты [2]) Микель Анжело отвѣчаетъ однимъ четверостишіемъ, лучше многихъ словъ рисующимъ то настроеніе, которое жило въ немъ:

Grato mi é il sonno, e piu l'esser di sasso:
Mentre che il danno e la vergogna dura:
Non veder, non sentir m'é gran ventura;
Pero non mi destar; deh, parla basso.

„Сладко спать, а еще слаще быть изъ камня, въ годину позора и бѣдствій. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать—вотъ великое счастье. Такъ не буди же меня, молю, говори тихо".

IX.

Ждало покоя утомленное тѣло шестидесятилѣтняго художника, но судьба обременяла его работой. Уже началъ ваять Микель Анжело статую Мадонны для надгробія Лоренцо Великолѣпнаго, какъ вступившій въ 1533 году на престолъ папа Павелъ III призвалъ его къ себѣ. Бреве [3]) 1 сентября 1535 г. жалуетъ Микель Анжело званіемъ главнаго скульптора, живописца и архитектора Ватикана и, какъ таковому, назначаетъ жалованье до конца его жизни въ 600 золотыхъ скуди и еще столько же съ мостового дохода черезъ рѣку По у Пьяченцы. Въ концѣ того же года папа поручаетъ ему роспись одной изъ стѣнъ Сикстинской капеллы. И на огромной плоскости, которая открылась художнику по снятіи нѣсколькихъ фресокъ [4]), занимавшихъ ее, онъ изобразилъ „Страшный Судъ". Эта картина — послѣдній порывъ титана. Суровой, мощной рукой онъ кинулъ на стѣну тысячи мятущихся тѣлъ. И не вглядываясь въ фреску, вы видите бурю всѣхъ силъ, вы чувствуете quantus tremor esi futurus [5]), когда придетъ Судія. И Судія этотъ не „сладчайшій" Христосъ, а могучій гигантъ, мечущій внизъ на грѣшниковъ свои громы. Надъ Нимъ бурнымъ вихремъ несутся въ небо ангелы съ орудіями мученій Христа въ рукахъ. Къ Нему прильнула Богородица и со скорбью глядитъ на трепетъ, охватившій весь міръ; къ Нему стремятся, подобно вздымающимся волнамъ бушующаго моря, пророки, святые и мученики, а у ногъ Его ангелы трубятъ и возвѣщаютъ приходъ Судіи. Внизу, въ долинѣ Іосафата, смятенные люди внимаютъ могучему голосу трубъ и въ страхѣ, объявшемъ ихъ, летятъ на судъ Вседержителя. И Владыка мощнымъ жестокъ свергаетъ грѣшниковъ въ Адъ, гдѣ

Sospiri, pianti ed alti guai
Risonovan per l'aer senza stelle
(Dante. Inferno) [1]).

грѣшниковъ, теперь лишь познавшихъ ту муку, что̀ суждена имъ. А злобные демоны влекутъ ихъ внизъ въ барку Хароиа, предъ очи злобнаго Миноса.

И попрежнему на фрескѣ все могучія тѣла, съ еще болѣе рѣзко очерченными мышцами. „Здѣсь воспроизведено все, что̀ могла сдѣлать природа изъ человѣческаго тѣла",—говоритъ Кондиви. Попрежнему Микель Анжело пишетъ идеальныя тѣла. Въ противоположность другимъ художникамъ Ренессанса, онъ никогда не снабжаетъ историческіе персонажи лицами своихъ знакомыхъ.

Впрочемъ, въ „Страшномъ Судѣ" есть два портрета. Первый—лицо Миноса, адскаго судьи обвитаго змѣями, стоящаго въ нижнемъ правомъ углу композиціи. Біографы передаютъ намъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ: церемоніймейстеръ папы Біаджо да Чезена, разсматривая живопись, нашелъ непристойнымъ [2]), что всѣ въ ней изображены нагими, и замѣтилъ Павлу III, что такой картинѣ мѣсто въ кабакѣ, а не въ храмѣ. Микель Анжело въ отместку изобразилъ Миноса съ лицомъ Біаджо. На жалобу огорченнаго церемоніймейстера папа отвѣтилъ: „Я имѣю власть связывать и развязывать грѣхи на небѣ и на землѣ. Если бы ты былъ въ Чистилищѣ, я помогъ бы тебѣ молитвами,—но ты долженъ знать, что въ Аду я не имѣю власти".

Второй, недавно открытый Липгартомъ, портретъ Юлія II, среди праотцевъ, у лѣвой ноги Адама, помѣщенный, очевидно, въ знакъ благодарной памяти. „Флорентійскій мастеръ воздвигъ ему поздній памятникъ въ своемъ сердцѣ и затѣмъ помѣстилъ его въ своей фрескѣ среди праведниковъ, правда, насколько можно, незамѣтнѣе и, собственно говоря, спряталъ его отъ взглядовъ Фарнезе, который, очевидно, не потерпѣлъ бы такой чести для одного изъ своихъ предшественниковъ." (Липгартъ) [3]).

Исполнить памятникъ Юлію онъ, несмотря на постоянныя напоминанія фамиліи Ровере, никакъ не успѣвалъ. Только окончивъ въ 1541 году „Страшный Судъ", онъ снова берется за памятникъ, о которомъ Ровере просятъ, чтобы его кончили, хотя бы въ значительно измѣненномъ размѣрѣ, подъ наблюденіемъ Микель Анжело, его ученики. И лишь въ 1545 году надъ гробомъ Юлія въ церкви Санъ-Петро йнъ винкули было поставлено надгробіе. Изъ всѣхъ статуй только три принадлежатъ рѣзцу Микель Анжело — Моисея, Ліи и Рахили [4]). Это—давно уже имъ начатыя статуи, надъ созиданіемъ которыхъ работаетъ онъ урывками, вкладывая въ работу огромную любовь. Моисей достоинъ украшать могилу Юлія. Это—могучій пророкъ-воинъ, сильный, гордый сознаніемъ своей власти. Лицо Моисея, какъ всѣ лица статуй Микель Анжело, полно самой яркой экспрессіи. Смѣлый поворотъ головы, орлиный углубленный взглядъ, посадка отдыхающаго тигра, готоваго вскочить на борьбу, богатство и знаніе законовъ пластики, съ какими изваяна эта статуя, дѣлаютъ ее одной изъ лучшихъ работъ Микель Анжело. Недаромъ онъ, когда статую трудно было пронести сквозь узкую дверь, ударилъ Моисея молоткомъ и воскликнулъ: „Ну, проходи же. Вѣдь ты живой".

„Рабы", хранящіеся въ Луврѣ и изваянные послѣ смерти Юлія, знаменуютъ собой переходъ Микель Анжело, о которомъ мы уже упоминали, отъ эллинскаго спокойствія, отъ затаенныхъ страстей къ яркой трагедіи. Одинъ изъ „рабовъ" еще дремлетъ, зато другой уже извивается въ нестерпимыхъ мукахъ, въ бѣшеной жаждѣ свободы. Созданіе гробницы Юлію II и фрески въ капеллѣ Паолины—одни изъ послѣднихъ работъ Микель Анжело. Фрески эти значительно слабѣе всѣхъ его работъ: ясно уже чувствуется усталость семидесятилѣтняго старца: есть прекрасныя позы, живыя движенія, но уже тухнетъ тотъ огонь, который заставлялъ пламенѣть все созданное имъ. Лишь открывшаяся ему любовь даетъ силы вспышкамъ угасающаго свѣтильника.

X.

Jo mi son un, che, quando
Amore spira noto, e a quel modo
Che detta dentro vo significando.
(Dante. Purg.).

„Я—тотъ, кто пишетъ, когда побуждаетъ къ тому любовь, и такъ записываю я только, что̀ говоритъ во мнѣ". Эти слова Данте, единственнаго поэта, близкаго по душѣ Микель Анжело, могутъ быть поставлены эпиграфомъ къ сонетамъ художника. И какъ поэтъ въ ро(ща)хъ Флоренціи вздыхалъ: „О Беатриче", такъ

[1]) Статуи эти вѣнчаютъ гробницы людей, игравшихъ очень малую роль въ исторіи. Смѣлый воинъ, знаменующій „Силу", стоитъ надъ гробомъ Джуліано Медичи, Герцога Немурскаго, сына Лоренцо Великолѣпнаго и брата Льва X. „Il pensiero" украшаетъ гробницы Лоренцо, герцога Урбинскаго (внука Лоренцо Великолѣпнаго).

[2]) Собственно, этотъ сонетъ былъ отвѣтомъ на четверостишіе Карла Строцци: „Ночь, которую ты видишь тутъ спящей въ столь сладостномъ уединеніи, изваяна ангеломъ. Она спитъ, но она жива. Если ты сомнѣваешься—пробуди ее—она заговоритъ".

[3]) Бреве—папскій указъ.

[4]) Изъ нихъ три Перуджино и двѣ Микель Анжело.

[5]) Изъ гимна „Dies irae".—„Какое будетъ смятеніе".

[1]) „Стоны, жалобы и крики раздаются въ воздухѣ, лишенномъ звѣздъ".

[2]) „Старые годы". апрѣль. 1910.

[3]) „Рабы", предназначенные для памятника, хранятся: четверо неотдѣланные—въ гротѣ садовъ Боболи, двое—въ Луврѣ.

[4]) Крайняя нагота святыхъ смущала папскій дворъ, и одно время поговаривали даже объ уничтоженіи фрески. Дѣло исправилъ ученикъ Микель Анжело—Даніэль да Вольтера, приписавшій всѣмъ святымъ драпировки въ стилѣ учителя. За эту работу онъ получилъ насмѣшливую кличку Il Braghetone (шьющій штаны).

скульпторъ, сжимая свое усталое сердце, мечталъ: „О Викторія". И любовь ихъ была подобной: платонической, возвышенной, доступной лишь немногимъ, любовью героическихъ душъ, въ грезахъ своихъ парящихъ надъ землею. Мы мало знаемъ объ интимной жизни Микель Анжело, и было бы странно, если бы мы знали многое. Онъ былъ черезчуръ замкнутъ, и, судя по его письмамъ, его никогда не согрѣвала любовь. Единственный его слуга Урбино былъ горячо привязанъ къ нему, и смерть Урбино онъ горячо оплакивалъ. Уже старѣя, онъ познакомился съ Викторіей Колонна, вдовой маркиза Пескары, и ей посвятилъ свое сердце.

„Она одна изъ самыхъ блестящихъ и знаменитѣйшихъ женщинъ Италіи и Европы, то-есть всего міра. Цѣломудренная и прекрасная, знающая латынь и высоко развитая, она обладаетъ всѣми качествами, какія можно восхвалять въ женщинѣ",—пишетъ Франциско де-Голланда.

У нея собираются лучшіе поэты и мыслители, съ нею дѣлится всѣми своими думами Микель Анжело, ей посвящаетъ свои сонеты.

Охваченный порывомъ любви, онъ творитъ статуи, въ которыя вкладываетъ не бурныя стремленія, а нѣжную музыку, тихую гармонію грёзъ измученнаго сердца.

Въ „Снятіи со креста" и „Pietà" палаццо Ронданини, въ чуть намѣченныхъ о̀бразахъ онъ рисуетъ всю скорбь, всю нѣжность материнской любви надъ тѣломъ Сына. И если въ прежнихъ произведеніяхъ онъ доходилъ до необъятныхъ высотъ трагедіи античной, то тутъ онъ показываетъ всю глубину христіанской скорби.

И въ сонеты свои онъ влагаетъ скорбь. Только въ небѣ можно найти совершенный покой. „Красота этого міра хрупка и обманчива",—пишетъ онъ, и любовь его не утѣшаетъ. „Любовь, если ты Богъ, то избавь меня отъ своихъ цѣпей. Любовь приноситъ страданіе, и безъ нея пылаетъ и леденѣетъ и бьется безпрестанно подъ тяжестью несчастій сердце, полное скорбной надежды. И въ будущемъ не видитъ ничего, кромѣ жестокаго возврата прошлаго". Смерть Викторіи Колонны и Урбино дѣлаетъ его еще болѣе одинокимъ. Онъ—послѣдній лучъ Ренессанса, Рафаэль и Леонардо давно уже покоятся въ могилѣ. И самъ Микель Анжело мечтаетъ о смерти. Только тамъ, на небѣ, онъ соединится со своими близкими [1]). „Когда Ты признаешь меня достойнымъ Своей жалости—протяни мнѣ Свою Божественную руку, о Господи, и уведи на небо". Его желаніе исполнилось 18 февраля 1564 года. Онъ умеръ въ Римѣ и погребенъ во Флоренціи, въ церкви Санта Кроче, рядомъ съ другимъ суровымъ мечтателемъ—Данте.

„Or poserai par sempre,
Stanco mio cor..."

„Отнынѣ ты отдохнешь навѣки, мое усталое сердце",—эти слова поэта Леопарди слѣдуетъ вспомнить передъ могилой Микель Анжело. Какъ нуженъ намъ теперь такой художникъ, сердце котораго всегда бы сгорало отъ пылающаго вдохновенія. Онъ избѣгалъ бы торжища, выставки, всѣ мѣста, гдѣ глазѣющая толпа ждетъ развлеченій. Въ глубинѣ своей кельи, рыцарь и монахъ искусства, онъ творилъ бы образы небеснаго гнѣва и небесной милости, чтобы увлечь насъ на высоты прекраснаго ликованія.

Старая усадьба.

Маргариты Шуоинской.

Старый домъ, другъ юности, другъ далекаго дѣтства!.. Кругомъ со стѣнъ смотрятъ старые портреты... Всюду лѣтніе душистые цвѣты... Я смотрю на нихъ, и передо мною открывается цѣлый міръ грёзъ, мыслей, воспоминаній... Что̀ сложить изъ нихъ—пѣсню, повѣсть, стихи?..

I. Зеленая гостиная.

Сквозь разноцвѣтныя стекла старинныхъ оконъ падаютъ косые лучи заката и синими, красными, фіолетовыми, оранжевыми полосами ложатся на цвѣты букета; цвѣты принимаютъ фантастическій видъ сказки... Они какъ будто тихонько дрожатъ, а солнечные лучи, зажигая по дорогѣ хрусталь и бронзу люстры, краснымъ отблескомъ золотятъ стѣны гостиной. Тихо въ старомъ домѣ... Никого нѣтъ... Окна открыты; въ нихъ льется ароматъ лѣтнихъ душистыхъ цвѣтовъ, струится прохлада вечера, влага рѣки; издалека доносится крикъ перепела... чуть слышный колокольный звонъ... Сколько грусти... Сколько во всемъ таинственной думы... Все непонятно... Все загадочно... Жизнь необъяснима—какъ сонъ...

Темно-зеленыя занавѣси оконъ, оранжевые ноготки, бѣлыя звѣзды табака, синіе генціаны, позолота овальныхъ рамъ портретовъ, высокія стѣны гостиной съ выцвѣтшими, точно увядшими цвѣтами обоевъ—все молчитъ, все проникнуто покоемъ и загадкой вечера. Солнечный лучъ блѣднѣетъ и умираетъ, гаснутъ хрусталь и бронза люстры, темнѣютъ стѣны... Цвѣты въ саду благоухаютъ сильнѣе; кажется, въ ихъ благоуханіи льется пѣсня ихъ души и поднимается къ небу, къ звѣздамъ... О чемъ эта пѣсня?.. О любви... Они поютъ пѣсни любви лучамъ звѣздъ, лучи дрожатъ и тихо льнутъ къ нимъ, и поцѣлуи ихъ превращаются въ слезы, и слезы дрожатъ до утра въ каждой чашечкѣ цвѣтка; утромъ встаетъ солнце, и его лучи—лучи радости—осушаютъ росинки слезъ...

Старые портреты задумчиво смотрятъ изъ позолоченныхъ рамъ. Дама съ розой въ рукахъ, въ платьѣ двадцатыхъ годовъ; кавалеръ въ зеленомъ камзолѣ и пудреномъ парикѣ; красавица въ бархатной амазонкѣ, съ вуалемъ на шляпѣ и хлыстикомъ въ рукахъ; старый вельможа въ бѣломъ мундирѣ со звѣздой... Всѣ они жили, страдали, любили и умерли... Зачѣмъ они жили?.. Кто и зачѣмъ въ плотную массу матеріи бросилъ искры ихъ жизней, метнулъ ихъ быстрѣе падучей звѣзды черезъ міръ и—погасилъ, и отъ всего ихъ яркаго пути осталась лишь горсть пепла?..

Задумчиво смотрятъ старые портреты... Тихо и загадочно вокругъ... Жизнь необъяснима—какъ сонъ...

II. Старые часы.

Въ старомъ домѣ, въ большой столовой, стоятъ старинные высокіе часы. Когда-то, больше ста лѣтъ назадъ, ихъ привезли изъ-за границы; на ихъ футлярѣ вырѣзано имя знаменитаго мастера. Теперь они уже не идутъ больше: они умерли; душа отлетѣла, остался лишь остовъ. Молча стоятъ они между высокими дверями и окномъ, и только лучи заката ласкаютъ ихъ по вечерамъ и загораются на мѣдномъ маятникѣ, какъ улыбка старика... Часы умерли, и ничто не можетъ ихъ оживить. А между тѣмъ давно-давно, когда маятникъ равномѣрно и безпощадно отбивалъ свое „тикъ-такъ", когда, повинуясь механизму, стрѣлки совершали безчисленные круги, и каждый прошедшій часъ сопровождался гулкимъ торжественнымъ боемъ,—часы жили. Они казались живымъ существомъ, и много всего прошло передъ ихъ глазами... Много радости, много печали... Передъ ними пронеслась помѣщичья жизнь—яркая, шумная, грубо-красивая, разгульно-широкая; много было пропѣто пѣсенъ, много выпито вина, много выплакано слезъ, много промелькнуло жгучихъ звѣздъ краткой радости... равнодушно смотрѣли часы на все изъ своего мрачнаго футляра, и равномѣрно отбивалъ маятникъ „тикъ-такъ"... А жизнь, которая неслась, какъ пестрая, праздничная толпа охотниковъ съ пѣснями, гиканьемъ, звуками трубъ, порою крикомъ пойманнаго звѣря, постепенно стала замедлять свой бѣгъ; рѣже стала толпа гостей, тише звучали пѣсни, лилось вино: хозяева старѣлись, жизнь затихала, и бѣгъ ея дѣлался ближе къ ходу часовъ. Громче стало слышно тиканье маятника, гулко сталъ раздаваться бой въ высокихъ пустыхъ комнатахъ: въ старомъ домѣ остались двое хозяевъ—старый помѣщикъ съ женой; дѣти и молодежь разлетѣлись, и старики доживали свой вѣкъ. „Тикъ-такъ", „тикъ-такъ",—равнодушно дробилъ маятникъ безвозвратно уходящую жизнь, часъ за часомъ, день за днемъ, и жутко было слушать старикамъ, какъ каждый ударъ его приближалъ ихъ къ могилѣ. И они умерли, а часы еще долго безучастно и неумолимо дробили жизнь... Но вотъ... остановились и они... Умерли... И уже никогда не оживутъ...

III. Библіотека.

Въ угольной комнатѣ стараго дома стоятъ высокіе краснаго дерева шкапы съ черными переплетами по стеклу. Въ нихъ старыя книги; пахнетъ плѣсенью и затхлымъ; книги въ кожаныхъ переплетахъ; на истлѣвшихъ, пожелтѣлыхъ страницахъ старинный шрифтъ, попадаются замѣтки на поляхъ, кое-гдѣ между страницъ засохшій цвѣтокъ. Сколько грусти, сколько нѣжной прелести въ этихъ порою наивныхъ сентиментальныхъ замѣткахъ, въ этихъ разсыпающихся въ прахъ отъ прикосновенія цвѣтахъ!.. Чья рука бережно сохраняла ихъ? Чье сердце, можетъ-быть, билось при воспоминаніи, что̀ они пробуждали?

Вотъ маленькій томикъ французскаго романа. Кожаный съ золотымъ переплетомъ. Этой книгѣ больше ста лѣтъ; въ ней лежитъ засохшая роза. На заглавномъ листѣ начертано карандашомъ по-французски: „A toi mon amour éternel et sans bornes".

N. S.

Дальше просьба „къ ней" внимательно прочитать книгу и по подчеркнутымъ мѣстамъ понять, „что̀ наполняетъ душу"—„ce qui remplie l'âme des sensations que personne ne saurait décrire.." О, этотъ милый наивный языкъ конца XVIII столѣтія!—A toi mon amour éternel et sans bornes... Такъ вѣрилъ онъ—такъ вѣрила она... И по подчеркнутымъ строкамъ сентиментальнаго романа, какъ туманная грёза, встаетъ далекая, наивная сказка чьей-то любви... И отъ истлѣвшихъ страницъ поднимаются, какъ неясныя видѣнія сна, блѣдныя исчезнувшія лица; они печальны и прекрасны и обвѣяны поэзіей тоже исчезнувшей любви... Звучитъ

[1]) Въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ, оставивъ живописныя и скульптурныя работы, отдается архитектурѣ. Онъ окончилъ палаццо Фарнезе, завѣдывалъ планировкой Капитолія, перестроилъ термы Діоклетіана въ церковь Санта Марія дельи Анжели, сдѣлалъ рисунки для церкви Св. Іоанна Флорентійскаго и для порта Пія. Главной его работой было завершеніе труда Браманте — увѣнчаніе куполомъ собора Св. Петра, создавшей ему славу великаго архитектора.

чуть слышный мотивъ забытаго менуэта... Сухіе лепестки розы
разсыпаются въ прахъ...

IV. Старый рояль.

Вотъ старый рояль. Онъ молчитъ. Его струны заржавѣли, по-
рваны... Кажется, онъ задумался навѣки, храня неспѣтыя мелодіи,
и молча и безучастно смотритъ на мимо идущую жизнь... Онъ
молчитъ... Его жизнь прожита, онъ не можетъ больше пѣть род-
ственныхъ пѣсенъ: что бы ни заиграли на немъ, всегда будутъ
дрожать, на ряду съ мелодіей, жалобно звенящіе звуки. какъ
будто тихія старческія рыданія... И напрасно его золотитъ сол-
нечный лучъ заката:—онъ не можетъ пѣть, онъ можетъ только
рыдать...

рою загорается, какъ слеза... Молчитъ старый рояль... Все мол-
читъ... Только цвѣты благоухаютъ... Дремлетъ зимній садъ; сквозь
широкія окна и вѣтви растеній пробивается блѣдный лучъ солнца...
Тихо въ старинной бѣлой залѣ... Сколько печали въ этой за-
думчивой прозрачной тишинѣ... Сколько въ ней невыплакан-
ныхъ звуковъ, сколько искръ невысѣченнаго счастья, сколько
волнъ—цѣлое море рыданій... Молчи, загадочная, прозрачная
тишина!.. Никому не вѣдай своихъ рыданій! Ни для кого
не высѣкай искръ счастья: вспыхнувъ, онѣ угаснутъ... Мол-
чите и вы, струны стараго рояля: зарыдавъ, вы оборветесь...
Исчезни, блѣдный лучъ... Тебѣ здѣсь нѣтъ мѣста... Ты золоти и
давай жизнь тому, что можетъ жить... Здѣсь, въ этой тишинѣ,
все отжило; въ ней скрыты прошлыя страданья... прошлое

С. Ю. Жуковскій. Старый домъ. (Interieur). (Выставка Союза Русскихъ Художниковъ 1914 г.).

V. Малиновая гостиная.

Тихо въ старой гостиной; свѣтъ высокихъ оконъ скрываютъ
тяжелыя ткани поблекшихъ гардинъ; коверъ на полу заглушаетъ
шаги; старинная мебель церемонно стоитъ по стѣнамъ и вокругъ
овальнаго стола: цвѣты въ жардиньеркахъ, на окнахъ, въ вазахъ.
Съ потолка спускается розовая хрустальная люстра. Надъ дива-
номъ виситъ большая старинная картина въ потемнѣвшей золо-
той рамѣ,—на ней изображены буря и погибающій корабль...
Яростно вздымаются черныя волны; корабль наполовину залитъ
водой: люди безпомощно простираютъ руки къ небу,—полная
отчаянія и ужаса картина... Солнечные лучи разноцвѣтными
огнями лежатъ на коврѣ и стѣнахъ, проливаясь сквозь пестрыя
стекла оконъ, и эти яркія синія, красныя, оранжевыя пятна
столько прелести сообщаютъ уснувшему, отцвѣтшему міру го-
стиной,—въ нихъ трепетъ и тепло свѣта и жизни, сказочная
радость, тайныя надежды,—какъ будто не все въ мірѣ ужасъ и
отчаяніе, какъ будто еще можно жить и радоваться и ждать
счастья отъ этихъ яркихъ, окрашенныхъ цвѣтами иллюзій, солнеч-
ныхъ лучей...

VI. Старая зала.

Бѣлая зала. Высокія, тихія стѣны, свѣтлыя, задумчивыя...
Стерлась позолота карнизовъ и потолка... Поблекли золотистыя
ткани занавѣсей и стульевъ... Молча виситъ старинная люстра,
чуть вздрагивая хрустальными подвѣсками—въ нихъ свѣтъ по-

счастье... Его ужъ нѣтъ... О немъ горитъ слеза хрустальной
люстры, о немъ дрожитъ струна безмолвнаго рояля, о немъ пла-
чутъ бѣлые благоухающіе цвѣты... Спускайся ночь... Пусть ти-
шина заснетъ, пусть уснутъ таящіеся въ ней рыданья... Пусть
всему на время будетъ покой... Сонъ—отдыхъ отъ жизни...
Смерть—вѣчный покой.

VII. Букетъ ноготковъ.

Цвѣты солнца и счастья, яркіе, оранжевые ноготки! Въ ихъ
лепесткахъ горитъ кровавый отблескъ заката, свѣтлое золото сол-
нечныхъ лучей... Пряный запахъ ихъ листьевъ и стеблей гово-
ритъ о родной землѣ, о зеленой травѣ, о свѣтломъ небѣ лѣтнихъ
ночей. о мерцающихъ блѣдныхъ звѣздахъ,—въ немъ слышится
забытая пѣсня далекой любви...

VIII. Сѣрая комната.

Сѣрая комната. Низкія стѣны. По сѣрому фону гирлянды вя-
лыхъ розъ. Свѣча одиноко горитъ... За окномъ стонетъ вѣтеръ...
Тяжекъ жизненный путь! Низко нависъ потолокъ. Давятъ толстыя
стѣны... Тускло горитъ свѣча... Пусто и холодно... Низкія окна,
низкія двери—жизнь какъ будто сжата со всѣхъ сторонъ! Свѣта
не видно, не слышно живого звука... Только вѣтеръ воетъ и
стонетъ за окномъ... Свѣча догораетъ... Вспыхиваетъ... Гаснетъ...
Усталую голову медленно клонитъ сонъ... Жизнь вдругъ обры-
вается... Кто-то будто плачетъ? Или это вѣтеръ воетъ за окномъ?..

Голландская живопись. Фламандскій interieur. Картина Іохима Бекелара (1530—1573). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Голландская живопись.

Очеркъ **О. Г. Евгеніева.**

(Съ 8 снимками съ картинъ на стр. 257—259).

Въ настоящемъ нумерѣ журнала читатели найдутъ нѣсколько воспроизведеній картинъ изъ громадной коллекціи только что скончавшагося П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Голландская живопись. Торговка рыбой. Картика Питера Питерсена. (1541—1603). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Въ 1910 году онъ продалъ Эрмитажу все свое рѣдкое собраніе картинъ, состоящихъ большею частью изъ шедевровъ старой голландской и фламандской живописи, съ условіемъ перехода картинъ въ Эрмитажъ лишь послѣ его смерти. Лучшая часть этой коллекціи въ скоромъ времени будетъ выставлена на внутренней площадкѣ Эрмитажа.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій посвящалъ много времени занятіямъ по исторіи искусствъ и былъ тонкимъ знатокомъ голландской и фламандской живописи.

Благодаря его коллекціи, отдѣлъ старой фламандской и голландской школы въ нашемъ Эрмитажѣ будетъ первымъ въ мірѣ.

Петръ Великій уже началъ собирать картины западныхъ художниковъ, покупая преимущественно картины голландскихъ художниковъ. Продолжала покупать картины западныхъ школъ также императрица Елисавета Петровна, но главное ядро Эрмитажа составляютъ пріобрѣтенія императрицы Екатерины II, сдѣлавшей нѣсколько массовыхъ покупокъ: въ 1763 г. ею куплено

Голландская живопись. Пейзажъ съ двумя повозками. Картина Питера Молейна (1593—1661). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

собраніе прусскаго купца Гацковскаго, въ 1768 г. собраніе Геноа, въ 1769 г. большая галлерея графа Брюля и въ 1772 г. рѣдкая коллекція Кроза, въ 1779 г. собраніе лорда Валополя и въ 1781 г. превосходная коллекція графа Бодуэна.

Екатерина Великая постоянно пополняла свои пріобрѣтенія новыми покупками чрезъ своихъ художественныхъ агентовъ барона Гримма въ Парижѣ и совѣтника Рейфенштейна въ Римѣ.

Императоры Александръ I, Николай I, Александръ II и Александръ III все время пополняли Эрмитажъ какъ массовыми закупками цѣлыхъ коллекцій, такъ и отдѣльныхъ произведеній, и наконецъ при Императорѣ Николаѣ II передано въ Эрмитажъ пять картинъ изъ Лазенковскаго дворца въ Варшавѣ, въ 1910 г. пріобрѣтена вышеупомянутая галлерея П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, и въ 1913 г. куплена у Бенуа Мадонна, приписываемая кисти Леонардо да-Винчи и своевременно воспроизведенная въ „Нивѣ".

Въ виду той исключительной значительности и полноты, которой достигъ теперь отдѣлъ голландской живописи въ Эрмитажѣ, мы считаемъ нужнымъ дать здѣсь краткую характеристику старой голландской живописи.

Голландская живопись. Художникъ, пишущій портретъ своей жены. Картина Бартоломеуса Ванъ-деръ-Гольста (1613—1670). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Голландская живопись. Флора. Картина Самуэля Питера Смита. (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Въ 1609 г. Голландія наконецъ отвоевала у Испаніи свою политическую автономію послѣ 37-лѣтнихъ непрерывныхъ войнъ. Съ этого момента Голландія начинаетъ очень быстро развиваться и обогащаться. Города растутъ съ изумительной быстротой. XVIII вѣкъ—золотой вѣкъ въ исторіи Голландіи. На ряду съ развитіемъ торговли и наукъ искусство въ Голландіи переживаетъ также въ это время эпоху своего полнаго расцвѣта. Живопись получаетъ свою яркую характеристику и пріобрѣтаетъ полное отличіе отъ другихъ школъ.

Послѣ побѣдъ, въ которыхъ бюргерскія корпораціи сыграли видную роль, въ странѣ образовалось много стрѣлковыхъ обществъ. Желая увѣковѣчить свою славу, они заказывали большіе групповые портреты во весь ростъ, которые сыграли важную роль въ голландской живописи. Въ то же время было также основано очень много разныхъ благотворительныхъ обществъ для подачи помощи раненымъ и разоренным. Эти общества также давали не мало заказовъ художникамъ. Имѣются также большія группы ратсгеровъ во главѣ съ бюргермейстеромъ. Даже ученыя общества заказывали свои групповые портреты художникамъ, какъ, напримѣръ, популярная картина Рембрандта—лекція по анатоміи профессора Тулпа.

Голландская живопись. Картина Гонгорста (1637). Три молодыя женщины. (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фот. Я. Штейнберга.

Много человѣческихъ жертвъ, энергіи, труда и денегъ потеряли голландцы, чтобы отвоевать свое отечество отъ испанцевъ и оградить отъ стихійныхъ бѣдствій свою низменную страну отъ моря постройкой грандіозныхъ дамбъ и цѣлой сѣти каналовъ.

Торжество побѣды надъ всѣмъ этимъ развило вполнѣ понятную гордость и самосознаніе гражданъ и нѣжную любовь къ своей родинѣ и ко всѣмъ пріобрѣтеніямъ культуры. Какъ въ зеркалѣ, все это отразилось въ живописи голландцевъ.

Голландская живопись, въ противоположность бельгійской. съ ея декоративными пышными твореніями для дворцовъ ея прихотливыхъ владѣтелей и религіозными картинами для католическихъ церквей, была интимной и служила для украшеній стѣнъ маленькихъ, скудно освѣщенныхъ, домовъ зажиточнаго, экономнаго голландскаго бюргера. Это и отразилось какъ на чисто

Голландская живопись. Двѣ матери. Картина Симона Доэ. (1653—1717). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фотографіи Я. Штейнберга.

внѣшней сторонѣ голландской живописи—малый размѣръ картинъ, такъ и на внутреннемъ ея характерѣ: она стала яркой представительницей натуралистическаго направленія во всѣхъ областяхъ: портретъ, пейзажъ, изображеніе быта и мертвая натура.

Все это писалось съ возможной простотой и ясностью, въ мягкихъ сочетаніяхъ красокъ. Въ ихъ живописи они передали съ простой уютной правдой весь бытъ и нравы страны. Съ одинаковой любовью они писали попойки, любовныя сценки и побоища въ избахъ и кабачкахъ, какъ и развлеченія и пирушки военной молодежи и высшаго общества.

Въ передачѣ природы выявилась чуткая поэтическая натура голландскихъ художниковъ, изобразившихъ съ такимъ тонкимъ мастерствомъ просторъ и даль печальныхъ дюнъ и безпредѣльныхъ равнинъ, зеленыхъ, влажныхъ, безграничныхъ пастбищъ съ лѣниво пасущимися на нихъ коровами и меланхоличными, сентиментальными вѣтряными мельницами.

Совершенно самостоятельное мѣсто занимаетъ живопись Рембрандта. Его творчество явилось, какъ чудо, въ исторіи всемірной живописи и выходитъ за всякіе предѣлы національнаго значенія.

Къ рисункамъ.

9 октября истекшаго года скончался извѣстный художникъ Николай Дмитріевичъ Прокофьевъ. Въ нынѣшнемъ году открылась посмертная выставка его картинъ, и въ текущемъ нумерѣ нашего журнала мы воспроизводимъ его бюстъ и нѣкоторыя изъ картинъ.

Н. Д. Прокофьевъ родился въ г. Николаевѣ въ 1866 году, въ семьѣ моряка. Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ склонность къ живописи и еще 16-лѣтнимъ юношей поступилъ въ Академію Художествъ. По окончаніи академическаго курса съ золотою медалью, Прокофьевъ былъ командированъ за границу, много работалъ тамъ и вернулся въ Петербургъ зрѣлымъ художникомъ. Н. Д. Прокофьевъ облюбовалъ преимущественно пейзажъ и въ особенности морскіе виды. Въ немъ сказались врожденная любовь къ морю. Наиболѣе удачными изъ произведеній покойнаго художника являются его марины.

Н. Д. Прокофьевъ ежегодно участвовалъ на художественныхъ выставкахъ. Его пейзажи (въ особенности акварели) имѣли неизмѣнный успѣхъ. Работалъ онъ очень продуктивно и успѣлъ оставить послѣ себя богатое художественное наслѣдство.

Воспроизводимыя въ настоящемъ нумерѣ „Нивы“ картины и рисунки: „*Тиръ*“ (юношескій эскизъ), „*Память Азова*“, „*Село Воскресенское*“, „*Ледоколъ Ермакъ*“, „*На второй день послѣ гибели Рюрика*“, „*Пиренеи*“, „*Базаръ около церкви*“, „*Каменноостровскій дворецъ*“ и „*Мостъ въ паркѣ*“—отличаются прекраснымъ, выдержаннымъ рисункомъ, свѣжей колоритностью и воздушной ясностью. Много трагическаго настроенія въ картинѣ „На второй день послѣ гибели Рюрика“: только волны плещутся на томъ мѣстѣ, гдѣ геройски сражался съ японцами нашъ крейсеръ.

Остальные изъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала, воспроизводятъ картины А. Рябушкина („*Распятіе*“), „*Вошли на Голгоѳу*“ В. Полѣнова, М. Добужинскаго „*Великій Четвергъ*“ и С. Ю. Жуковскаго „*Старый домъ*“. Въ картинѣ А. Рябушкина чувствуется ужасъ голгоѳской казни: померкшее небо, зловѣщая тишина природы предъ совершающимся великимъ злодѣяніемъ. Еще нѣсколько моментовъ—и всколыхнется земля, и разорвется завѣса въ храмѣ.

Картина В. Полѣнова относится къ извѣстному циклу картинъ, написанныхъ этимъ художникомъ на евангельскія темы. Въ рядѣ этихъ картинъ В. Полѣновъ изображаетъ всю земную жизнь Христа. „Вошли на Голгоѳу“—одна изъ лучшихъ его композицій, поражающая и техникой рисунка и глубоко выдержаннымъ настроеніемъ.

Полна настроенія и картина М. Добужинскаго „*Великій Четвергъ*“: предъ нами старый Петербургъ, колоннада Казанскаго собора. Молящіеся расходятся изъ собора послѣ чтенія Евангелій. Идутъ съ горящими свѣчами, и пламя ихъ тихо колеблется въ вечернемъ воздухѣ. Художникъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ передалъ стильные костюмы стараго времени.

Картина С. Ю. Жуковскаго „*Старый домъ*“ (Interieur) является какъ бы иллюстраціей къ разсказу М. Шубинской „Старая усадьба“. Отъ нея вѣетъ поэзіей старыхъ годовъ, въ которой было такъ много своеобразной прелести.

Между миромъ и войной

(Политическое обозрѣніе).

Многочисленные примѣры исторіи доказываютъ, что при благопріятныхъ условіяхъ внутренней жизни и талантливости правителей маленькія державы вырастаютъ въ огромныя государства, въ то время какъ міровые колоссы, утрачиваютъ силу вну-

Голландская живопись. Концертъ. Картина Дирка Гальса (1600—1656). (Изъ галлереи картинъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго). По фотографіи Я. Штейнберга.

тренняго сцѣпленія и находящіяся въ процессѣ политическаго вырожденія, разсыпаются на свои этнографическія части и становятся достояніемъ сосѣдей. Крошечная Македонія при Филиппѣ и Александрѣ Великомъ выросла во всемірную монархію, маленькая Пруссія сдѣлалась имперіей, въ то же время отъ древнихъ азіатскихъ имперій остались однѣ развалины столицъ, священная Австрійская имперія потеряла свои итальянскія владѣнія, грозная Турція раздѣлена своими вассалами въ Европѣ и своими защитниками въ ея азіатской колыбели. Военная мощь и политическое значеніе государствъ измѣряются не размѣрами ихъ территоріи, но ихъ внутренней жизненностью, талантливостью правителей и ясностью національнаго самосознанія народовъ. Самый свѣжій и самый убѣдительный примѣръ—наша сосѣдка Румынія. Пока политическое сознаніе ея было темнымъ, а дипломатія ея шла ложнымъ путемъ въ хвостѣ тройственнаго союза, ея политическая роль была совершенно незамѣтной, но стоило только ей стать на точку зрѣнія національныхъ румынскихъ интересовъ и опереться на балканскія державы при поддержкѣ тройственнаго согласія—и эта крошечная страна сдѣлалась вершительницею судебъ на Балканахъ. Завершивъ затѣянную царемъ Фердинандомъ подъ австрійскими внушеніями вторую братоубійственную балканскую войну Бухарестскимъ мирнымъ договоромъ, Румынія съ тѣхъ поръ стала самой энергичной охранительницей европейскаго мира. Личное выступленіе г. Іонеско въ Аѳинахъ и въ Константинополѣ побудило турокъ къ подписанію мира съ греками, положило предѣлъ завоевательнымъ планамъ пылкаго Энверъ-бея и наложило узду на аггрессивные замыслы болгарскихъ политиковъ. Новая командировка румынскаго эмиссара въ Константинополь и Аѳины для улаженія греко-турецкаго спора объ Іоническихъ островахъ является непосредственнымъ продолженіемъ той же политики, признакъ же окончательнаго закрѣпленія новаго курса усматривается дипломатами въ торжественномъ посѣщеніи Петербурга наслѣдной румынской четой, встрѣченной въ русской столицѣ съ небывалой для второстепенной державы пышностью.

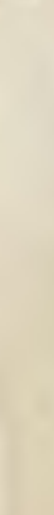

Художникъ Н. Д. Прокофьевъ. Бюстъ работы г-жи Вернеръ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что энергичное давленіе Румыніи въ Константинополѣ снова приведетъ Турцію къ неизбѣжнымъ въ ея положеніи уступкамъ, но, къ сожалѣнію, рѣшеніе вопроса объ островахъ не является единственной угрозою европейскому миру на Балканахъ. Несравненно болѣе сложной и трудной задачей представляется умиротвореніе албанской неразберихи. Дѣло въ томъ, что ни работа международной комиссіи ни пріѣздъ Вильгельма Вида не внесли ни малѣйшаго успокоенія въ страну. Анархія многовластія и фактическаго безвластія продолжается въ ней попрежнему.

Принцъ Видъ признается албанскимъ правителемъ только въ городѣ Дураццо и на территоріи, гдѣ распространено вліяніе Эссада-паши. Его власть держится на такомъ шаткомъ основаніи, какъ вѣрность Эссада-паши и степень довѣрія къ послѣднему со стороны мѣстнаго населенія. Но Эссадъ-паша—мѣстный патріотъ и мусульманинъ, а вся мусульманская часть населенія остальной Албаніи рѣшительно идетъ противъ принца Вида. Многія изъ приверженцевъ Эссада-паши образовали такъ называемую турецкую партію, около озера Охриды ведутъ успѣшную войну съ отрядами жандармеріи и образовали въ этой части Албаніи свое собственное правительство. Малессія тоже возстала противъ иноземной власти и объявила себя автономной, идутъ сраженія между главою турецкой партіи Шевфетъ-беемъ и приверженцемъ Кемаля-Хааки-пашой. Христіане толпами бѣгутъ въ Сербію, но ближайшія къ Сербіи и Черногоріи албанскія племена, быть-можетъ, подъ вліяніемъ иноземной агитаціи, снова предпринимаютъ разбойничьи набѣги на сосѣднюю территорію. На югѣ противъ присоединенія къ Албаніи возстали эпироты во главѣ съ боевымъ греческимъ министромъ Зографомъ, и, повидимому, приведеніе ихъ къ покорности и теперь уже составляетъ задачу, непосильную для снѣдаемаго внутреннею анархіею албанскаго правительства. Для подавленія этого бунта противъ Европы потребуются европейскія войска, но такъ какъ великія державы не захотятъ нести безплодныхъ расходовъ на оккупацію Эпира и всей Албаніи, а, съ другой стороны, по чувству взаимнаго соперничества не дадутъ соотвѣтствующаго полномочія Италія и Австрія, то для новаго, болѣе удачнаго рѣшенія албанскаго вопроса потребуется въ концѣ концовъ и созывъ новой европейской конференціи. Отъ лондонской конференціи она будетъ отличаться тѣмъ, что пройдетъ уже при новомъ настроеніи русскихъ правящихъ сферъ, почувствовавшихъ возрожденную силу Россіи, и при наличности окрѣпшаго отъ недавнихъ кровопролитій балканскаго союза съ Румыніей во главѣ. Добиваясь созыва европейской конференціи, вызывая захватами черногорской территоріи пограничныя столкновенія, предъявляя къ Черногоріи требованіе объ уступкѣ горы Ловченъ, къ Греціи—требованіе на исключительныя права въ пользованіи Салоникскимъ портомъ и къ Сербіи—требованія о проведеніи черезъ сербскую территорію австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, вѣнскіе дипломаты не совсѣмъ точно учитываютъ перемѣны, происшедшія въ Петербургѣ и въ Бухарестѣ и совершенно измѣнившія всю политическую конъюнктюру Европы. Весенняя поѣздка императора Вильгельма на о. Корфу, сопровождаемая встрѣчами съ императоромъ австрійскимъ и королемъ итальянскимъ, выяснитъ создавшееся международное положеніе болѣе точно. Она или побудитъ дипломатію тройственнаго союза къ мирной ликвидаціи послѣдняго наслѣдія балканской войны въ видѣ албанскаго вопроса, или же дастъ толчокъ энергичнымъ воинственнымъ выступленіямъ, застрѣльщикомъ которыхъ выступитъ та же Австрія, поддерживаемая своимъ вѣрнымъ союзникомъ — Германіей. Съ наступленіемъ весны Европа или вздохнетъ спокойно, или проснется въ одинъ прекрасный день при потрясающемъ громѣ орудій.

Издатель Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

...Заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

№ 14.
5 Апрѣля 1914 г.

И. Ижакевичъ. Съ праздникомъ.

Богъ на землѣ.

Разсказъ **А. А. Дунина.**

(Съ 7-ю рисунками **В. Спасскаго.**)

Проходила четвертая недѣля Великаго поста. Въ этомъ году, хотя мартъ былъ еще только въ половинѣ, весна началась рано, шла дружно, и снѣга сильно таяли, ледъ на рѣкѣ посинѣлъ и вздулся. Улицы покрылись толстымъ слоемъ навоза; по канавкамъ бѣжали мутные ручьи. Въ воздухѣ пахло особенной, весенней свѣжестью. Солнце свѣтило цѣлые дни ярко и ласково.

Небо, лазурное и глубокое, съ лѣниво ползущими по немъ пуховыми облачками, распростерлось отъ горизонта до горизонта величественнымъ куполомъ.

Подъ этимъ куполомъ стоялъ большой городъ. Въ немъ-то и начиналась весна. На него Богъ изливалъ съ неба золотые лучи солнца, дышалъ на его улицы теплымъ, пріятнымъ воздухомъ, наполнялъ сердца людей тихой радостью.

Въ этомъ городѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, жили богатые и бѣдные, добрые и злые, работники и тунеядцы, преступленія и добродѣтели, гордость и приниженность, ложь и правда. Всѣ и все уживались вмѣстѣ.

Внѣшняя жизнь была пестра и разнообразна, внутренняя же у всѣхъ была тяжелая, не лучше каторжной. Въ большей или меньшей степени всѣ чувствовали себя несчастными или неудовлетворенными. Если и находились счастливцы, то это были дѣти. Дѣти были безпечны, веселы и счастливы.

Взрослые же только притворялись, что они счастливы или довольны, а на самомъ дѣлѣ были недовольны и постоянно думали, какъ бы сдѣлаться счастливыми: какъ-нибудь разбогатѣть, получить хорошее мѣсто, стать извѣстностью въ наукѣ, промышленности, торговлѣ, политикѣ, искусствѣ, литературѣ. Но, достигнувъ предѣла своихъ стремленій, добившись богатства, извѣстности, они начинали чувствовать себя попрежнему неудовлетворенными, а иногда и просто несчастными.

Ложь царила въ сердцахъ обитателей большого города. Обманывали другъ друга не только чужіе, но и близкіе люди: мужья обманывали женъ, жены—мужей, дѣти—родителей, родители—дѣтей. Никто не говорилъ всей правды о себѣ и о другихъ людяхъ, никто не былъ искреннимъ въ полной мѣрѣ, потому-что надъ искренностью смѣялись, и человѣкъ, дѣлавшій попытку быть искреннимъ, рисковалъ уронить себя въ мнѣніи другихъ.

Въ общемъ же люди были безучастны другъ къ другу.

Всевозможные расчеты, дѣловыя соображенія, нажива, моды, наряды, порокъ, погоня за удовольствіями охватывали ихъ жизнь желѣзнымъ кольцомъ, такъ что для совершенствованія въ добрѣ, въ любви, въ участіи къ ближнимъ, даже если бы они и желали, у нихъ, въ этомъ кольцѣ, уже не оставалось мѣста.

Богъ дважды посылалалъ Своего ангела въ большой городъ.

Въ первый разъ Богъ послалъ его и сказалъ:

— Люди потеряли совѣсть, душу свою и образъ человѣческій. Поди и спаси ихъ.

И слетѣлъ ангелъ Божій съ неба и взмахнулъ надъ городомъ пламенѣющимъ мечомъ своимъ.

И въ глухую ночь городъ занялся съ четырехъ сторонъ; вспыхнувъ, какъ свѣча, онъ поднялъ къ небу гигантскій языкъ пожара, въ которомъ погибли дома, палацци, храмы, заводы, фабрики, магазины, лачуги бѣдняковъ, вся нищета его, всѣ богатства, накопленныя вѣками.

— Подожгли!—вопили погорѣльцы, обезумѣвшіе отъ горя и ужаса.—Въ огонь злодѣевъ!

Въ пожарище бросили шестерыхъ бродягъ, заподозрѣнныхъ въ поджигательствѣ.

Городъ горѣлъ цѣлую недѣлю, и отъ него не осталось ничего, кромѣ пепла и развалинъ.

Очутившись безъ крова и пищи, спаянные общимъ несчастіемъ, погорѣльцы скоро соединились въ братскомъ влеченіи другъ къ другу—чувствѣ, для нихъ незнакомомъ прежде, въ дни благополучія. Каждый словомъ или дѣломъ спѣшилъ проявить свое участіе къ другимъ, свою доброту, внимательность. Прежніе богачи, превратившись въ бѣдняковъ, входили въ тѣсное общеніе съ людьми, которыхъ, по ихъ низкому общественному положенію, вчера еще они не пустили бы дальше порога своихъ дворцовъ. Исчезли гордость, злоба, зависть. Изъ страны притекали обильныя пожертвованія, и эта доброта людей, которые даже не знали ихъ, трогала ихъ чрезвычайно, вызывая, въ свою очередь, въ сердцахъ ихъ отвѣтное чувство добра и любви къ людямъ.

Годъ спустя, ангелъ вернулся къ Богу и сказалъ:

— Сдѣлалъ по слову Твоему. Не оставилъ отъ жилищъ и храмовъ камня на камнѣ. Слезами очистились сердца ихъ, и снова они хвалятъ имя Твое.

Ничего не отвѣтилъ Господь вѣрному слугѣ Своему; но просвѣтлѣлъ ликъ Его.

Прошли десятки лѣтъ. На пожарищѣ выросъ пышный городъ, богаче и краше прежняго. Жители уже успѣли позабыть братское чувство, связавшее ихъ во время несчастья воедино, и вели обычную классовую жизнь, въ которой гнѣздились такой яркій порокъ и такія чудовищныя преступленія, о какихъ никогда не слыхали ни ихъ предки ни они сами.

острой болью съ головы до ногъ прошелъ по его грузному тѣлу. Затѣмъ все исчезло. И боль, и красный фонтанъ, и страшный призракъ... Николай Архипычъ вздрогнулъ, вытянулся и застылъ съ неподвижнымъ взоромъ, устремленнымъ въ одну точку...

Въ спальнѣ стало тихо-тихо...

Отъ ванны еще поднимался розовый паръ и тонкими струйками тянулся и подъ абажуръ лампы и къ серебрянымъ лампадамъ, горѣвшимъ передъ иконами, въ переднемъ углу. Вода въ ваннѣ, красная, какъ кровь, стыла... Николай Архипычъ уже не чувствовалъ больше пріятной теплоты и не думалъ о томъ, какъ онъ распорядится своими капиталами.

Онъ былъ мертвъ.

VI.

Въ ту же ночь калмыкъ Илья Семеновъ Актубаевъ былъ арестованъ по обвиненію въ убійствѣ купца Маркова. Всѣ улики были противъ преступника: подъ его кроватью былъ найденъ окровавленный топоръ, а подъ подушкой — золотой натѣльный крестъ убитаго и объемистая пачка сторублевокъ, похищенныхъ изъ его бюро. Илья упорно отрицалъ свое участіе въ убійствѣ, плакалъ, клялся—но ему никто не вѣрилъ.

Черезъ полгода его судили и приговорили къ 15 годамъ каторги.

Когда Николай Архипычъ издалъ послѣдній предсмертный крикъ—этотъ крикъ долетѣлъ до неба, до Бога.

А вслѣдъ за нимъ предстала предъ Богомъ и душа его.

Смутился Николай Архипычъ великаго грѣха своего ради, когда узрѣлъ Бога во всемъ Его сіяніи и славѣ.

— Не смущайся, старикъ,—сказалъ Господь:—ты получилъ то, что содѣялъ. Но ты покаялся и повѣрилъ въ любовь Мою къ людямъ, душу свою потерявшимъ и вновь ее обрѣвшимъ. И зато отпускается тебѣ великій грѣхъ твой. А обидчика твоего я накажу судомъ страшнымъ, ибо онъ руку на отца своего поднялъ.

И затрепеталъ Николай Архипычъ, какъ рыба, уловленная въ сѣти. И, рыдая, распростерся онъ у ногъ Господа.

— Помилуй его, Господи! — умолялъ онъ.—Лучше меня накажи, а его, неразумнаго, помилуй!

И подошелъ ангелъ къ Господу и сталъ просить Его:

— Господи, Ты знаешь, какое ужасное преступленіе совершилъ Николай Архипычъ. И за меньшее зло Ты посылалъ меня, слугу Твоего, наказывать людей пожарами, болѣзнями, голодомъ, чтобы люди опомнились и вняли завѣтамъ Твоимъ, Господи. Но люди слушали Тебя, когда бѣда касалась ихъ, а когда проходила—завѣтами Твоими пренебрегали. А этотъ человѣкъ безъ всякаго наказанія самъ покаялся и взрастилъ въ своей душѣ доброту неизреченную. Ты увидишь, Господи, и сынъ его исправится. Не наказывай его, Господи!

— Пусть будетъ по-твоему,—сказалъ Господь.—Но даю тому человѣку на исправленіе три года.

— И въ меньшій срокъ исправится, — отвѣтилъ ангелъ.—А черезъ него и другіе очистятъ души свои.

— Ты будешь наблюдать за нимъ,—сказалъ Господь ангелу.

Ангелъ, разсѣкая воздухъ серебряными крыльями, полетѣлъ къ большому городу, гдѣ жилъ Иванъ Николаевичъ Марковъ, первой гильдіи купецъ, наслѣдникъ милліоновъ, и гдѣ томился невинный узникъ Илья.

VII.

Въ скорости послѣ суда надъ Ильей случилось такъ, что братъ Ивана Николаевича, Сергѣй, служившій во флотѣ, упалъ съ крейсера въ океанъ и утонулъ.

Иванъ Николаевичъ остался единственнымъ обладателемъ отцовскихъ милліоновъ.

Первымъ дѣломъ онъ расширилъ торговлю. Дѣла у него пошли не только удачно, — блестяще. Капиталъ его росъ не во днямъ, а по часамъ, съ колоссальной, сказочной быстротой.

— Талантъ!—говорили о немъ въ городѣ.—Ишь, какъ загребаетъ деньгу-то... страсть!

Но говорили потихоньку и другое: говорили, что убійство Николая Архипыча—дѣло рукъ Ивана, а не калмыка.

— Вотъ, говорили, убилъ отца и—царствуетъ. И нѣтъ надъ нимъ суда Божьяго, а людской—деньгами засыплетъ.

Иногда мелькали у Ивана Николаевича кое-какія воспоминанія объ отцѣ. Вспоминалась страшная ночь, красная ванна, хрипъ барахтавшагося въ ней старика; вспомнилъ онъ, какъ подбросилъ въ каморку Ильи „вещественныя доказательства“ преступленія; но въ этихъ воспоминаніяхъ онъ не видѣлъ ничего ужаснаго. „Самъ старикъ виноватъ,—думалъ онъ:—захотѣлъ-было всѣхъ насъ по міру пустить“. Объ Ильѣ онъ думалъ: „Убѣжитъ. А и посидитъ—не велика птица. Почище его сидятъ. Такъ-то!“ — и посылалъ ему въ острогъ по воскресеньямъ чай, сахаръ и булки.

Черезъ полгода послѣ суда Илью отправили въ Сибирь.

Иванъ справилъ по отцѣ годовыя поминки и опять зажилъ попрежнему, широко загребая деньги.

VIII.

Кромѣ наживы, другой страстью Ивана Николаевича былъ конскій заводъ. На его конюшняхъ стояли чистокровные рысаки. Служилъ у него цѣлый штатъ кучеровъ и наѣздниковъ. Однако постоянно онъ выѣзжалъ только съ однимъ кучеромъ, съ Андреемъ, котораго полюбилъ за его молодцоватую выправку и лихость. Но случилось, что Андрея зашибъ иноходецъ: ударилъ кованымъ копытомъ подъ сердце—у Андрея и духъ вонъ.

На другой день пришелъ къ Ивану Николаевичу наниматься въ кучера молодой парень, изъ себя красивый и ловкій.

— Слышалъ, говоритъ, вашей милости кучеръ нуженъ.

— У кого служилъ?

Парень разсказалъ. У такого-то, говоритъ, купца служилъ, въ такомъ-то городѣ.

— Почему отъ него ушелъ?

— Да потому и ушелъ, что лихой человѣкъ всю хозяйскую семью вырѣзалъ. Одинъ старшій сынъ остался. И на него помекаютъ...

— Отчего же ты у сына не остался?

— Богъ не велѣлъ.

Задрожалъ Иванъ Николаевичъ мелкимъ ознобомъ, когда про Бога услышалъ; даже съ лица перемѣнился.

— Ладно, говоритъ, оставайся у меня, живи.

Сталъ Иванъ Николаевичъ выѣзжать съ новымъ кучеромъ.

Разъ ѣдетъ съ нимъ и спрашиваетъ:

— А что, парень, не нашли убійцу твоихъ хозяевъ?

— Нѣтъ. Онъ самъ найдется.

Засмѣялся Иванъ Николаевичъ. Нехорошо засмѣялся:

— Какъ же!.. Держи карманъ шире. Найдется онъ тебѣ!

— Найдется и себя найдетъ,—увѣренно отвѣтилъ кучеръ.—Его Богъ найдетъ.

Испугался Иванъ Николаевичъ. Пріѣхалъ домой темнѣе тучи. Призвалъ къ себѣ кучера и сталъ допытываться, какъ это Богъ сыщетъ убійцу его бывшихъ хозяевъ.

— Самъ увидишь,—отвѣтилъ кучеръ.—Онъ найдетъ его.

Задумался Иванъ Николаевичъ. Первая капля печали пала на его сердце.

IX.

Былъ май. Природа разубралась на диво въ цвѣты и зелень. Шелъ немолчный весенній шумъ. Царица-весна ѣхала по лазоревому небу на колесницѣ, запряженной амурами, и пускала на землю золотыя стрѣлы. Всякій, чистымъ сердцемъ, чувствовалъ въ душѣ тихую радость. Только самые мрачные люди не улыбались. Къ нимъ принадлежалъ и Иванъ Николаевичъ.

Онъ ѣхалъ съ новымъ кучеромъ и думалъ: „Если правда, что Богъ поможетъ указать убійцу, то пусть Онъ укажетъ на меня устами перваго встрѣчнаго“.

Только что онъ подумалъ—какъ услышалъ рѣзкое восклицаніе кучера:

— Смотрите, дѣвочка упала въ канаву!

— Стой!—приказалъ Иванъ Николаевичъ.

Кучеръ удержалъ лошадей.

Иванъ Николаевичъ, выскочивъ изъ коляски, подошелъ къ канавѣ. На днѣ, покрытомъ иломъ и грязью, барахталась, какъ мотылекъ, хорошенькая дѣвочка въ бѣломъ платьѣ.

— Держись за меня! — крикнулъ Иванъ Николаевичъ, протягивая ей руку.

Дѣвочка взглянула на него съ выраженіемъ ужаса на хорошенькомъ личикѣ и... заплакала.

— Вы—убійца! Отца убили!—кричала дѣвочка, съ отвращеніемъ отталкивая протянутую къ ней руку. — У васъ руки въ крови!

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Канунъ Пасхи въ старину.

Собралась толпа. Кто-то вытащилъ дѣвочку... На Ивана Николаевича бросали косые взгляды; кто-то даже крикнулъ: „Убійца!“ Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Иванъ Николаевичъ бросился бѣжать къ кучеру. Инстинктивный, чисто-животный ужасъ охватилъ все его существо...

— Семенъ! — крикнулъ онъ, задыхаясь и протягивая къ нему руки ладонями вверхъ: — посмотри, развѣ онѣ въ крови?

Посмотрѣлъ на него кучеръ и сказалъ:

— Богъ нашелъ тебя, хозяинъ.

X.

„Марковъ прекращаетъ торговлю“. „Марковъ раздаетъ деньги бѣднымъ“. „Хутора сдалъ подъ школы“. „Всѣ лучшіе дома роздалъ подъ больницы и безплатныя квартиры для бѣдныхъ“. „Марковъ жертвуетъ милліоны на церкви, на поминъ души отца“. Наконецъ: „Марковъ сошелъ съ ума!“ „Надъ нимъ нужно учредить опеку“. „Идіотъ! Безумецъ!“ „Награбилъ! Совѣсть зазрила!“

Вотъ что говорили въ городѣ о Марковѣ въ половинѣ марта, на четвертой недѣлѣ Великаго поста, когда онъ встрѣчалъ вторую весну послѣ убійства своего отца.

Марковъ сидѣлъ въ темномъ отцовскомъ кабинетѣ, а противъ него—новый кучеръ.

— Такъ Богъ открылъ тебѣ убійцу твоихъ хозяевъ? —спросилъ Иванъ Николаевичъ кучера.

— Открылъ!—радостно улыбнулся кучеръ.

— И мнѣ открылъ,—тихо молвилъ Иванъ Николаевичъ.—А что будетъ съ твоимъ убійцей?

— Богъ уже простилъ его. Онъ покаялся.

— Богъ на небѣ?

— Богъ по землѣ ходитъ, промежъ людей, — отвѣтилъ кучеръ.

Только онъ это молвилъ, какъ темный кабинетъ наполнился дивнымъ свѣтомъ, и молодой кучеръ, отступивъ къ дверямъ, запертымъ на ключъ, скрылся изъ глазъ своего хозяина.

XI.

Весело гудятъ пасхальные колокола. Вѣсть о воскресеніи вѣчной правды, справедливости и красоты великой несутъ они людямъ.

Всѣхъ торжественнѣе гудитъ тысячепудовый соборный колоколъ, сооруженный иждивеніемъ покойнаго Маркова. Какая сила въ его мѣдной гортани! Какою важностью, какимъ восторгомъ преисполнена рѣчь металла!

Яркимъ свѣточемъ сіяютъ въ ночномъ мракѣ колокольни, унизанныя пасхальными огнями.

— Христосъ воскресе!—радостно привѣтствуютъ люди другъ друга.

— Христосъ воскресе!—привѣтствуетъ молящихся архіерей, старецъ съ добрымъ, хорошимъ лицомъ, какъ у ребенка.

— Воистину воскресе! — несется въ отвѣтъ изъ тысячи сердецъ, преисполненныхъ восторга.

На амвонъ, гдѣ стоитъ владыка въ блестящемъ облаченіи, поднимается суровый и смиренный купецъ Марковъ. Тысячи красныхъ и желтыхъ мигающихъ огоньковъ отъ лампадъ и свѣчей, тысячи глазъ людскихъ и ликовъ святыхъ смотрятъ на него, слѣпятъ его очи своимъ блескомъ. И дрожитъ и бьется его сердце, какъ подстрѣленная птица...

— Богъ на землѣ, люди добрые,—говоритъ онъ мягкимъ, глухимъ, прерывающимся голосомъ.

— Воистину такъ! — шепчетъ молодой кучеръ, стоящій въ переднихъ рядахъ молящихся.—Воистину такъ!

— Я убилъ отца, — говоритъ и плачетъ Иванъ Николаевичъ:—я оклеветалъ невиннаго. Пусть будетъ надо мною судъ вашъ и судъ Божій!

Судъ присяжныхъ оправдалъ Маркова. Онъ роздалъ все свое имѣніе, деньги и живетъ подаяніемъ. Въ городѣ его всѣ любятъ, особенно дѣти, которыхъ онъ одѣляетъ лакомствами, полученными отъ добрыхъ людей.

Онъ ходитъ по городскимъ улицамъ, постукивая палочкой, и говоритъ прохожимъ:

— Богъ на землѣ!

Въ городѣ его считаютъ юродивымъ и очень любятъ его.

* * *

Больше бѣлыхъ цвѣтовъ!
Въ моемъ сердцѣ звенитъ
Всепобѣдная пѣсня о нихъ.
И какъ ласковый мраморъ блѣднѣющихъ плитъ
На широкихъ порогахъ чертоговъ святыхъ,
Что подъ трепетнымъ солнцемъ призывно горитъ,
Моя пѣсня сверкаетъ... звенитъ!..
Больше бѣлыхъ цвѣтовъ,
Чтобы вешніе дни
Озарились душистымъ огнемъ!
Міръ прекрасенъ и такъ, но, куда ни взгляни,
Все молчитъ и холоднымъ оковано сномъ,
Словно кто-то безрадостный шепчетъ: «Усни!»
Даже въ эти весенніе дни...
Больше бѣлыхъ цвѣтовъ!
Пусть легенду творитъ
Истомленная дремой душа,
А въ воспрянувшемъ сердцѣ
Побѣдно звенитъ:
Наша краткая жизнь, какъ цвѣтокъ хороша!
И пусть каждый, какъ можетъ, о томъ говоритъ,
И пусть каждый легенду творитъ!..

Олегъ Леонидовъ.

Пловучій островъ.

Очеркъ Ив. Островного.

I.

„Милый мой голубчикъ Вася, — писала мнѣ мать: — такъ грустно намъ съ Лизанькой думать, что мы проведемъ праздникъ вдвоемъ. У васъ въ университетѣ навѣрно уже нѣтъ ученія. Сѣлъ бы ты на пароходъ и прикатилъ къ намъ. Море стоитъ теперь хорошее. Какія-нибудь сутки — и ты съ нами. А ужъ такъ утѣшилъ бы и порадовалъ свою осиротѣвшую мать“...

И еще много трогательныхъ словъ было въ томъ письмѣ, но и этихъ достаточно. Письмо пришло изъ Севастополя, гдѣ всегда жили мои родные.

Отецъ былъ морякъ, но мѣсяца полтора тому назадъ умеръ. Сестра Лиза собиралась выйти замужъ, но, по случаю траура, отложила свое замужество. Я же, несмотря на то, что принадлежалъ къ морской семьѣ, гдѣ всѣ мужчины были моряки, не чувствовалъ къ этой дѣятельности никакого призванія и, къ общему огорченію, избралъ штатское поприще. Въ то время я былъ еще студентомъ въ Одессѣ, гдѣ изучалъ естественныя науки.

Мать, конечно, была права. Это такъ просто—сѣсть на пароходъ и черезъ двадцать четыре часа быть дома. Имѣла она право и на извѣстное утѣшеніе со стороны сына.

Семья наша была дружная, но, въ силу необходимости, всѣ жили въ разбродъ. Старшій мой братъ служилъ во флотѣ и въ то время плавалъ гдѣ-то у береговъ Австраліи, старшая сестра была замужемъ въ Петербургѣ. А отецъ умеръ такъ неожиданно, въ расцвѣтѣ силъ, и я даже не былъ на похоронахъ его.

Права она была и въ томъ, что ученіе у насъ прекратилось. Но она ничего не знала о моихъ планахъ, да и врядъ ли поняла бы ихъ: какъ разъ на праздничное время я и разсчитывалъ, чтобы въ химической лабораторіи основательно закончить и послѣ Пасхи сдать профессору свою работу.

Праздники—самое лучшее время для лабораторныхъ занятій. Тихо, просторно, безлюдно, никто не мѣшаетъ, даже служителя ушли въ гости. Нѣтъ обычной толкотни и безконечныхъ товарищескихъ разговоровъ, которые отвлекаютъ отъ дѣла.

Но не могъ я отказать и матери и остановился на компромиссѣ: въ Страстную пятницу поѣду, проведу тамъ три дня, а потомъ вернусь въ лабораторію.

Такъ я и сдѣлалъ. Послалъ домой телеграмму и въ пятницу сѣлъ на пароходъ.

Море дѣйствительно было очаровательное. Пасха въ томъ году была ранняя, въ самомъ концѣ марта. Но весна была въ полномъ разгарѣ. Все зеленѣло, акаціи начинали цвѣсти, и воздухъ уже былъ слегка надушенъ ихъ сладкимъ ароматомъ.

Пароходъ, на которомъ я плылъ, былъ длинный, крѣпко сколоченный и весь бѣлый. Этотъ сплошь бѣлый цвѣтъ, въ который было окрашено на немъ все, начиная отъ бортовъ до трубъ и спасательныхъ круговъ, рождалъ въ душѣ какое-то чувство праздничности и чистоты.

Да, именно это ощущеніе, что кругомъ, куда ни ступишь, все необыкновенно чисто и нѣтъ ни малѣйшей опасности загрязниться.

Въ городѣ пыль и грязь, насѣвшая на стѣнахъ домовъ, на стволахъ и листьяхъ деревьевъ, на стеклахъ оконъ, копоть отъ безчисленнаго множества трубъ. Здѣсь все вымыто, вычищено и блеститъ, какъ бы щеголяя своей нарядностью.

У меня была миніатюрная каюта съ круглымъ окошечкомъ, черезъ которое было видно море и небо, въ ней было пространства ровно столько, чтобы повернуться, но въ большемъ не было и надобности, потому что къ моимъ услугамъ была прекрасная отдѣльная палуба I-го класса.

Мы вышли изъ гавани въ три часа дня и, по расчету, завтра къ вечеру должны были прійти въ Севастополь, и не было никакихъ основаній опасаться, что этого не случится. Какъ разъ къ кануну Пасхи я прибуду къ своимъ, проведу съ ними два дня, а затѣмъ въ лабораторію.

Я, въ сущности, былъ прекраснымъ сыномъ и братомъ и, право же, очень любилъ свою мать и сестру Лизу. Но не могу сказать, чтобъ ѣхалъ къ нимъ такъ ужъ совсѣмъ безъ чувства сожалѣнія.

Дѣло въ томъ, что я почти такъ же нѣжно любилъ и мою химію, которая впослѣдствіи и сдѣлалась моей постоянной и единственной вѣрной спутницей въ жизни.

Къ тому же, это путешествіе совершенно разбивало весь мой планъ, заранѣе составленный. Но дѣлать ужъ было нечего. Разъ я сѣлъ на пароходъ, то нужно было по крайней мѣрѣ пользоваться всѣми прелестями морского путешествія.

И я пользовался. Часа черезъ два берегъ вмѣстѣ съ большимъ городомъ, со всѣми его высокими домами и куполами церквей, исчезъ, и нашъ пароходъ былъ подобенъ движущемуся густо населенному острову, оторвавшемуся отъ материка.

Воздухъ былъ такъ тихъ, словно какая-то невидимая благодѣтельная рука, охранявшая нашъ покой, остановила въ немъ всѣ теченія. А солнце, величественно плывшее по совершенно чистому, безоблачному небу, посылало намъ такъ много тепла, что, казалось, мы просто не замѣтили, какъ проплавали мѣсяцъ и другой и перешагнули въ іюнь.

А кругомъ насъ блестѣла зеркальная поверхность моря, нигдѣ ни одной черной точки, могущей напомнить о существованіи земли. Со всѣхъ сторонъ свѣта одно море—чистое, гладкое, какъ полированное стекло. Если бы не было такъ жарко, можно было бы подумать, что все оно покрыто льдомъ.

На палубѣ I-го класса была самая разнообразная публика, но все чистая, видимо, принадлежавшая къ обезпеченному классу.

Старый и еще бравый генералъ, съ сѣдыми, нарочито расчесанными баками, съ подозрительно ровной спиной и выпяченной грудью, кокетничалъ съ молоденькой дѣвушкой, которая, какъ казалось, наивно восхищалась его замысловатымъ мундиромъ и множествомъ какихъ-то ученыхъ значковъ на немъ.

Высокій черномазый грекъ съ большимъ горбатымъ носомъ и черной, какъ смола, бородой, въ чечунчовомъ пиджакѣ, со множествомъ колецъ на пальцахъ обѣихъ рукъ, какъ-то странно интонируя и по-дѣтски сюсюкая, велъ дѣловой разговоръ „съ молодымъ человѣкомъ изъ общества“, тонкимъ, хрупкимъ, щепетильно одѣтымъ, съ завитой шевелюрой и тщательно закрученными кверху усиками.

Нарядно одѣтый въ темно-голубую шелковую рясу молодой батюшка, сложивъ на животѣ бѣлыя, пухлыя руки, безмолвно смотрѣлъ въ пространство, повидимому, упиваясь красотой моря.

Въ разныхъ мѣстахъ вступали между собою въ словесное общеніе знакомые и незнакомые, военные и штатскіе, коммерсанты и дамы, и громкій говоръ на всѣ голоса сливался съ глухимъ, какъ бы отдаленнымъ, мѣрнымъ попыхиваніемъ машины и винтовъ.

— А знаете,—сказалъ вдругъ, обратившись ко мнѣ, совершенно неизвѣстный мнѣ толстый краснощекій господинъ, для чего-то повязавшій горло бѣлымъ носовымъ платкомъ:—солнце нынче такъ палитъ, что даже ненатурально...

Мнѣ сперва не хотѣлось отвѣчать ему, такъ какъ я не любилъ дорожныхъ, ни на чемъ не основанныхъ, знакомствъ, но потомъ мнѣ пришло въ голову, что здѣсь мы всѣ равно осуждены по крайней мѣрѣ цѣлыя сутки населять этотъ пловучій островъ и ужъ, значитъ, волей-неволей должны приходить въ соприкосновеніе, что ему, въ сущности, все равно, съ кѣмъ говорить, а заговорилъ онъ именно со мною только потому, что я оказался его сосѣдомъ.

— Если оно палитъ, значитъ—это натурально.

— Ну, да, конечно. Но я хочу сказать, что въ мартѣ такая жара... Да еще среди моря, гдѣ все же прохладность... Словомъ, это предостереженіе.

— Чего?

— Надо полагать, грозы, а можетъ-быть, и бури...

Тутъ вмѣшался въ разговоръ третій, проходившій мимо и, очевидно услышавшій слово „буря“. Это былъ небольшого роста человѣчекъ, худощавый, вертлявый и, должно-быть, очень нервный. Онъ заговорилъ не просто, а какъ бы возражая и даже съ волненіемъ:

— Вотъ ужъ что̀ хотите, только не буря. Какая же можетъ быть буря въ такую погоду?

— Да вѣдь когда будетъ буря, такъ уже погода станетъ совсѣмъ другая,—совершенно резонно возразилъ мой первый собесѣдникъ.

Маленькій человѣчекъ фыркнулъ носомъ:

— Не можетъ быть бури. Ни въ какомъ случаѣ не будетъ бури. И метеорологическія предсказанія на берегу обѣщали на цѣлую недѣлю тихую погоду. Вовсе не можетъ быть бури,—рѣшительно повторилъ онъ и побѣжалъ на другой конецъ палубы.

Я невольно началъ слѣдить за его движеніями. Престранная фигура. Онъ прыгалъ по палубѣ, какъ мячъ, который ловкіе игроки перебрасываютъ изъ рукъ въ руки, не давая ему прикоснуться къ полу: ну, право же, казалось, что если не весь онъ, то ужъ подошвы его сапогъ навѣрно были резиновыя.

Подбѣжитъ къ одной группѣ разговаривающихъ и вставитъ свое мнѣніе, иногда одно слово и—сейчасъ же мчится къ другимъ. И при этомъ было ясно, что онъ ни съ кѣмъ не знакомъ.

И говоритъ онъ рѣшительно, какъ-то безапелляціонно, какъ человѣкъ, лучше другихъ знающій всѣ тѣ вопросы, о которыхъ шла рѣчь.

А вотъ онъ зацѣпился неподалеку отъ насъ. Тамъ говорили о нашемъ пароходѣ, о его размѣрахъ, машинѣ, скорости и другихъ свойствахъ. Повидимому, это были спеціалисты или во всякомъ случаѣ солидные люди.

Онъ подбѣжалъ и сейчасъ же самовластно взялъ слово:

— Нѣтъ, что̀ вы? Какой же онъ новый? Онъ совсѣмъ не новый, а довольно даже старый, только онъ передѣланъ. Прежде онъ назывался „Византія“, а теперь „Херсонесъ“... Его передѣлали въ прошломъ году, поставили новую машину, выкрасили... видите, какой онъ весь новенькій...

И долго еще онъ сыпалъ несомнѣнными свѣдѣніями, а разговаривавшіе, видимо, огорошенные, молчали и только слушали.

Мой сосѣдъ по скамейкѣ потребовалъ себѣ изъ буфета содовой воды, и лакей принесъ ему.

— Вы не знаете, кто этотъ господинъ? — спросилъ онъ тихонько у лакея, указавъ на маленькаго человѣчка.

— А они агентъ,—отвѣтилъ лакей.

— Какой агентъ? Чего?

— А вотъ этого ужъ я не знаю. Мы знаемъ только, что они агентъ,—объяснилъ онъ, ударяя на букву *а*.—Имѣютъ постоянныя дѣла по городамъ и часто ѣздятъ, чуть не всякій разъ, то туда, то оттуда. Иной разъ въ Севастополѣ сойдутъ и останутся. Другой разъ въ Евпаторіи, а то и въ Ѳеодосію или дальше. Дѣла у нихъ. И ужъ они здѣсь, какъ свои... Такъ со всѣми всегда и разговариваютъ, какъ будто хозяинъ. И капитанъ ихъ знаютъ, и въ буфетѣ они даже кредитъ имѣютъ и должны, и мы къ нимъ привыкли, только фамиліи не знаемъ.

Мнѣ надоѣло изучать агента безъ фамиліи, и я поднялся.

— Въ каюту?—спросилъ меня мой толстый краснощекій сосѣдъ, который, очевидно, уже считалъ меня своимъ добрымъ знакомымъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я:—просто внизъ. Пройдусь по нижней палубѣ.

— Да что̀ же тамъ интереснаго? Всякій сбродъ тамъ... И грязно, должно-быть.

Мой сосѣдъ былъ, повидимому, любитель хорошаго общества. Я тоже ничего не имѣлъ противъ хорошо одѣтыхъ людей и чистоты, но меня, какъ естествоиспытателя, гораздо больше интересовалъ именно „всякій сбродъ“, и я спустился на нижнюю палубу.

Тутъ было необыкновенно густое населеніе. Рѣшительно каждый вершокъ палубы былъ занятъ если не самими людьми, то ихъ пожитками.

Узлы и свертки лежали на ящикахъ съ какими-то товарами, которыми былъ заваленъ пароходъ, а люди сидѣли просто на полу. Проходы тоже были использованы, такъ что двигаться приходилось очень медленно.

Это была удивительная смѣсь всевозможныхъ національностей и одеждъ. Повидимому, морской воздухъ одинаково у всѣхъ пробудилъ аппетитъ, и здѣсь происходило сплошное питаніе.

Многочисленное еврейское семейство, во главѣ съ сѣдобородымъ патріархомъ въ ермолкѣ и съ двухлѣтнимъ мальчуганомъ въ хвостѣ, питалось селедкой и яйцами вкрутую, при чемъ кос[illegible] отъ первой и скорлупа отъ послѣднихъ валялись тутъ же [illegible] полу.

Смуглый грекъ, ѣхавшій съ цѣлымъ возомъ губокъ, во[illegible] съ копченой камбалой, которую онъ старательно освобожд[illegible]

костей, а хохлы, которыхъ здѣсь набралось десятка три, довольствовались чернымъ хлѣбомъ, приправляя его рѣпчатымъ лукомъ и солью.

Тутъ же стояли жестяные чайники съ кипяткомъ, разставлялись чашки, наливался чай.

Отдѣльной группой, поближе къ носу парохода, сидѣло нѣсколько человѣкъ съ бритыми лицами, въ какихъ-то своеобразныхъ пиджакахъ изъ грубой ткани рыжаго цвѣта. Они ничего не ѣли, повидимому, выжидая привычнаго часа для ѣды.

Около нихъ было чисто, и вещи ихъ въ чемъ-то, похожемъ на чемоданы, были разложены въ порядкѣ. Они чинно и спокойно разговаривали между собой на языкѣ, по которому я узналъ въ нихъ нѣмцевъ-колонистовъ.

Среди этой гущины живыхъ человѣческихъ тѣлъ бѣгали туда и сюда матросы, не толкая сидѣвшихъ на дорогѣ, но какъ-то необыкновенно искусно пробираясь между ними, перепрыгивая черезъ головы и сопровождая свои прыжки неприхотливыми шутками.

Воздухъ былъ напоенъ всевозможными острыми запахами и смѣшаннымъ говоромъ, напоминавшимъ вавилонское столпотвореніе.

Мнѣ было неловко встревожить этихъ людей, такъ удобно расположившихся на моей дорогѣ, но въ то же время я не хотѣлъ отказаться отъ удовольствія наблюдать ихъ, и я кое-какъ прокладывалъ себѣ путь, часто останавливаясь и вступая въ разговоръ.

Здѣсь тоже, повидимому, виталъ духъ общности, вынужденной положеніемъ на пловучемъ островѣ, и рѣшительно никому не казалось страннымъ или надоѣдливымъ мое вмѣшательство въ совершенно постороннія мнѣ дѣла. Всѣ отвѣчали мнѣ, вступали со мною въ разговоръ, шутили, смѣялись.

Морской воздухъ, очевидно, дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на нервы. Вотъ въ хохлацкой группѣ кончили питаніе и убрали остатки хлѣба въ узелки, даже подмели соръ подъ ногами. Какой-то парень въ сивой шапкѣ, которая сильно помогала солнцу нагрѣвать его голову, вынулъ откуда-то гармонику и началъ играть на ней что-то заунывное. Издалека чей-то голосъ крикнулъ ему:

— А ну-ка повеселѣе; чего расплакался, землякъ?..

И парень заигралъ что-то повеселѣе. Но это не имѣло успѣха, такъ какъ, очевидно, земляки вспомнили, что сегодня Страстная пятница. Парень пошевелилъ пальцами и понемногу опять перешелъ на грустный мотивъ.

Налюбовавшись вдоволь этой своеобразной жизнью пловучаго острова, я вернулся на свою привилегированную палубу.

II.

Все населеніе пловучаго острова высыпало наверхъ любоваться закатомъ солнца.

Нижняя палуба, впрочемъ, дѣлала то же самое, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Она существовала, а солнце заходило, и такъ какъ это было красиво, то нельзя было не любоваться этой красотой. Но если бы населеніе захотѣло куда-нибудь скрыться, то ему это не удалось бы. Для пассажировъ нижней палубы не было заготовлено каютъ. Единственной ихъ защитой отъ стихіи былъ брезентъ, который, въ случаѣ надобности, растягивался надъ ихъ головами.

Перноклассные готовились. Маленькій агентъ безъ фамиліи— уже сдѣлался общимъ пріятелемъ и чичероне, такъ какъ зналъ рѣшительно все, что дѣлалось на землѣ и на небѣ—даже агитировалъ, какъ будто состоялъ агентомъ не только своей торговой фирмы, имѣвшей мѣстопребываніе въ Одессѣ, но и еще нѣсколькихъ фирмъ, конторы которыхъ помѣщались на солнцѣ.

— Господа, закатъ солнца! Это непремѣнно надо видѣть! О, это что-то необыкновенное... Закатъ солнца на морѣ, когда нѣтъ береговъ, въ такую погоду... Знаете, за это можно заплатить...

Онъ заглядывалъ въ каюты и выгонялъ оттуда людей:

— Закатъ солнца! Неужели вы будете сидѣть въ каютѣ?

И онъ достигъ того, что въ каютахъ никого не осталось, а всѣ поднялись на верхнюю палубу. На этотъ разъ онъ оказался правъ. Закатъ былъ великолѣпенъ, и въ самомъ дѣлѣ стоило посмотрѣть его.

Нѣкоторые изъ пассажировъ принесли бинокли, но это было совершенно напрасно. Картина была такая широкая, захватывавшая весь западъ, что никакому телескопу не обнять ея.

Солнце не закатывалось, а погружалось въ море. Да, мы всѣ видѣли, какъ оно медленно-медленно, почти незамѣтно для глазъ, скатывалось съ неба, докрасна раскаленное, пылающее, и, какъ бы не выдержавъ собственнаго жара, погрузилось въ прохладную пучину.

И въ тотъ моментъ, когда скрылась въ морѣ послѣдняя верхняя каемка этого гигантскаго круга, вдругъ въ природѣ произошелъ переворотъ. Теплая розовая окраска моря и неба и воздуха разомъ поблекла, и все покрылось какой-то холодной синеватой пеленой. Исчезло солнце, его поглотило море, и душу наполнила тихая и красивая грусть.

Всѣ глядѣли на закатъ безмолвно, никому не хотѣлось говорить. Было чудное молчаніе. Но его нарушилъ все тотъ же маленькій человѣкъ, агентъ безъ фамиліи:

— Видѣли, видѣли? А что? Развѣ не стоило посмотрѣть? Я же вамъ говорилъ. У-ди-вительное зрѣлище. Можно платить деньги, ей-ей...

Онъ говорилъ это съ такимъ видомъ, какъ будто онъ-то именно и устроилъ это зрѣлище, чтобы доставить развлеченіе пассажирамъ I-го класса, и если бы онъ не постарался, то солнце не зашло бы или сдѣлало бы это какъ-нибудь попроще.

Странный маленькій человѣкъ, посланный намъ судьбой спеціально, чтобы отравлять наше путешествіе.

Потомъ тянулись долгія-долгія сумерки. Какъ будто природа съ тихимъ, затаеннымъ страданіемъ переживала лишеніе свѣтлаго, радостнаго, ликующаго дня и старалась отдалить наступленіе ночи.

Но ночь надвигалась со всѣхъ сторонъ. Потемвѣла поверхность моря, углубилась синева неба, непроницаемъ сталъ воздухъ.

Повсюду зажглись огни, и на небѣ, въ видѣ постепенно, одна за другой прояснявшихся звѣздъ, и на морѣ, на мелькавшихъ одинокихъ судахъ. И нашъ пароходъ освѣтился.

На палубѣ I-го класса появились столики. Лакеи приносили чай и шипучую воду. Нашлись любители винта и усѣлись за зеленымъ столомъ, словомъ—обычная жизнь вступила въ свои права.

А въ салонѣ кто-то игралъ на піанино, и чей-то теноровый голосъ неувѣренно напѣвалъ романсъ.

Все это было скучно. Хотѣлось найти такой пунктъ, гдѣ не было бы ни души. Хотѣлось остаться наединѣ съ моремъ и звѣздами, — но это было невозможно.

Попробовалъ я спуститься на нижнюю палубу. Но тамъ уже все замерло. Кой-гдѣ теплился слабый свѣтъ пароходнаго фонаря и освѣщалъ спящихъ людей. Спали всюду—на узлахъ, на ящикахъ, на полу. Не было никакой возможности пройти.

Но какимъ-то чудомъ мнѣ удалось проникнуть на корму парохода. Она вся была завалена свернутымъ спиралью осмоленнымъ канатомъ отъ якоря, и здѣсь почему-то не было ни души.

Сверху, съ нашей палубы, доносились говоръ, восклицанія винтеровъ, смѣхъ, но все это какъ-то угасло и почти не чувствовалось, поглощаемое непрерывнымъ гудѣніемъ парохода. Здѣсь оно было явственно слышно. Внизу, въ нѣсколькихъ футахъ отъ меня, огромная махина судна, вся вздрагивавшая отъ натуги, быстрымъ движеніемъ разсѣкала волны, и темная пучина будто чувствовала отъ этого боль и ворчала.

Прохладный ночной воздухъ, пропитанный солеными парами морской влаги, обнималъ мою голову. Я подставлялъ ему руки, протягивая ихъ впередъ, и лицо. Я снялъ шляпу и перегнулся черезъ бортъ.

А отъ каната попахивало смолой. Все это вмѣстѣ какъ-то пріятно опьяняло меня, и я готовъ былъ остаться здѣсь на всю ночь.

Но около полуночи я вдругъ почувствовалъ усталость и просто страстное желаніе уснуть. Вѣки слипались, ихъ трудно было держать открытыми. Должно-быть, дивный морской воздухъ наркотически утомилъ мои нервы.

Я отправился въ свою каюту и, оставивъ круглое окошечко открытымъ, легъ въ постель и тотчасъ уснулъ.

Должно-быть, я спалъ мертвецки, потому что не слышалъ ничего изъ того, что происходило въ теченіе ночи, а оказалось, что это были событія дѣйствительно первостепенной важности.

Когда я проснулся, то, еще въ полусознаніи и съ закрытыми глазами, я смутно почувствовалъ, что вокругъ меня дѣлается что-то необыкновенное, но въ то же время голова моя была въ такомъ состояніи, какъ будто въ ней перевернулся весь мозгъ.

Я пытался поднять ее, но не могъ. Я силился открыть глаза, но вѣки плотно пристали одно къ другому, какъ будто ночью кто-то сшилъ ихъ ниткой.

Ощущеніе смертельной опасности охватило меня, и я почувствовалъ ужасъ. Руки мои, сохранившія способность двигаться довольно свободно, нащупывали постельное бѣлье, одѣяло и передавали мнѣ совершенно явственное ощущеніе холодной влажности. Все было мокро. Мокрымъ оказались и мое лицо и волосы. Во рту былъ горько-соленый вкусъ.

„Боже мой, да что же это?—смутно шевелилась въ моей головѣ мысль.—Можетъ-быть, я уже гдѣ-нибудь на днѣ морскомъ?“

При этомъ я весь дрожалъ отъ холода. Откуда-то слышались вой и свистъ вѣтра. А глаза мои все не раскрывались.

Наконецъ я поднесъ къ нимъ руку и съ усиліемъ, при помощи пальцевъ, приподнялъ вѣки. Картина, которую я увидѣлъ, была потрясающая. Моя постель и я самъ были мокры насквозь. На полу стояла вода вышиной въ нѣсколько вершковъ, въ ней плавалъ мой пиджакъ, а въ открытое круглое окошко порывами врывался вѣтеръ вмѣстѣ съ крупными брызгами соленой воды.

„Буря“,—подумалъ я, и мнѣ сейчасъ же представился маленькій человѣчекъ, который такъ увѣренно отрицалъ бурю.

А. Егоровъ. Воскресеніе Христово. (Изъ галлереи И. Е. Цвѣткова).

Ночь уже прошла, стоялъ день, но такой хмурый, что никакъ нельзя было угадать часъ. Мои часы остались въ жилеткѣ. Нужно было встать съ постели и сдѣлать два шага, чтобы достать ее. И я попробовалъ сдѣлать это, но почувствовалъ головокруженіе и повалился обратно на постель.

„Морская болѣзнь“,—подумалъ я, и мнѣ стало почему-то стыдно, что я, принадлежащій къ морской семьѣ, вдругъ поддался этой болѣзни.

Однако у меня хватило силы вторично подняться, протянуть руку по направленію къ окошку и быстрымъ движеніемъ захлопнуть его. Тутъ я началъ осматриваться и соображать подробности.

Очевидно, пароходъ треплетъ буря. Это уже не подлежало никакому сомнѣнію. Это я узналъ не только по состоянію моей головы, но и по движенію чемодана, стоявшаго на маленькомъ табуретѣ. Онъ равномѣрно переваливался изъ стороны въ сторону, какъ будто былъ живой. А на полу мой плававшій пиджакъ тоже совершенно опредѣленно двигался въ водѣ—то вправо, то влѣво.

Я нагнулся и поднялъ его. Онъ былъ въ ужасномъ видѣ. Изъ него текла вода нѣсколькими струями.

Съ тревогой я отыскалъ внутренній боковой карманъ и нащупалъ оставшійся въ немъ бумажникъ. Тамъ, правда, не хранилось большое состояніе, но все же было полсотни, и я былъ бы въ отчаяніи, если бы мои кредитки были приведены въ негодность.

Я вынулъ изъ кармана бумажникъ, онъ былъ мокрый. Но судьба, очевидно, щадила меня: внутрь вода забралась въ самомъ незначительномъ количествѣ, и пять красныхъ билетовъ оказались только слегка подмоченными. Я ихъ вынулъ и положилъ на чемоданъ, который, благодаря тому, что стоялъ въ углу, не подвергся вліянію стихіи и былъ совершенно сухъ.

Едва я успѣлъ кончить эту важную „денежную операцію“, какъ въ природѣ произошло нѣчто ужасное. На мгновеніе стемнѣло, а потомъ море освѣтилось какимъ-то бѣшенымъ заревомъ, и раздался оглушительный ударъ грома, какъ будто тамъ, въ небесахъ, выстрѣлили въ землю разомъ изъ милліона пушекъ.

Очевидно, судьба еще разъ доказала свою заботливость обо мнѣ. Я какъ разъ во-время захлопнулъ окошко. Послѣ грома пошелъ дождь, и стало совсѣмъ темно.

Тогда я рѣшилъ больше ничѣмъ не проявлять свою активность. Покорно легъ въ постель, на спину, и ждалъ, пока прояснится. Должно-быть, я опять заснулъ, потому что не замѣтилъ, какъ прошло время.

Когда я открылъ глаза, въ мое окошко ударялъ дневной свѣтъ—безсолнечный, тусклый, скучный, но все-таки свѣтъ. Чемоданъ мой попрежнему покачивался, на полу вода переливалась, омывая своими волнами то правую стѣнку, то лѣвую, значитъ—буря продолжалась.

Но я чувствовалъ себя гораздо бодрѣе. Вѣроятно, этому содѣйствовалъ второй сонъ. Мысли мои работали какъ-то особенно напряженно, голова прояснилась. Мнѣ хотѣлось дѣйствовать или по крайней мѣрѣ узнать навѣрное, въ какомъ положеніи находятся дѣла на пловучемъ островѣ.

Прежде всего я досталъ жилетъ и вынулъ часы. Они показывали половину второго. „Надѣюсь, дня?“—мысленно произнесъ я, и, конечно, это былъ день.

Слѣдующимъ моимъ движеніемъ было завоеваніе моего чемодана. Я его перетащилъ на кровать, которая уже немного просохла, вынулъ изъ него бѣлье и сухое платье и довольно удачно переодѣлся. Была непріятная возня съ сапогами, которые стояли на полу и оказались полны водой. Пришлось вытирать ихъ, потомъ съ большимъ трудомъ напяливать на ноги.

Но это все было сдѣлано; я, стоя на кровати въ согнутомъ видѣ, потому что потолокъ былъ низокъ, отворилъ дверь, и вода изъ моей каюты хлынула въ коридоръ. Тамъ, должно-быть, кто-то былъ въ это время, потому что оттуда послышался крикъ, и даже были произнесены нѣсколько непріятныхъ для меня словъ. Но я этого рѣшительно не могъ предугадать и, право же, никому не хотѣлъ сдѣлать зло.

И вотъ я наверху. Меня встрѣчаетъ тамъ неистовый порывъ вѣтра, и, кажется, если бъ я не ухватился за мѣдныя перила лѣстницы, меня подхватило бы и унесло куда-нибудь на другой конецъ свѣта.

Но это, разумѣется, было преувеличено. Вѣтеръ былъ въ самомъ дѣлѣ свирѣпый, но все же держаться было можно. Пароходъ подбрасывало, какъ щепку.

И вотъ я, еще ничего не разглядѣвъ изъ того, что на немъ произошло, ощущаю радостное чувство по поводу того, что голова моя свѣжа, меня не укачиваетъ. Очевидно, тамъ, въ каютѣ, я поддался слабости, или потому, что во время сна я не владѣлъ всей своей энергіей сопротивленія. Нѣтъ, все-таки во мнѣ сказалась принадлежность къ „морской семьѣ“.

Я твердо держался на ногахъ и не чувствовалъ ни тошноты ни головокруженія. И тутъ я двинулся въ путь. Цѣпляясь руками за все, на что только можно было опереться по пути, я направился къ верхней палубѣ, поднялся по лѣстницѣ, но сейчасъ же убѣдился, что дальше итти опасно. Тамъ вѣтеръ былъ вдвое сильнѣе, чѣмъ внизу. Притомъ же я увидѣлъ, что на палубѣ нѣтъ ни души, и вся она залита дождевой водой. Ну, значитъ, надо итти туда, гдѣ подъ дождемъ и вѣтромъ мокнетъ „всякій сбродъ“.

И только-что я хотѣлъ повернуть туда, какъ передо мной выросла маленькая фигура, въ которой я не безъ труда, но все же узналъ агента безъ фамиліи. Его парусиновый пиджакъ, совершенно вымокшій, плотно облегалъ его худощавое тѣло, а сверхъ пиджака былъ надѣтъ какой-то странный резиновый плащъ, и этотъ плащъ, развѣваемый вѣтромъ, вздулся парусомъ во всѣ стороны, и маленькій агентъ походилъ на большую птицу.

Но самымъ страннымъ было то, что, увидѣвъ меня при такихъ обстоятельствахъ, онъ радостно улыбался во весь ротъ:

— А, такъ, значитъ, и вы тоже... Вотъ отлично, отлично...

Я не понялъ, въ чемъ дѣло, и что собственно я совершилъ такого, за что меня слѣдуетъ ободрять. Но онъ сейчасъ же объяснилъ:

— Понимаете, всѣ въ каютахъ... Во всѣхъ каютахъ лежатъ мертвыя тѣла. Да что! Капитана укачало, вы знаете? Можете себѣ представить? Онъ лежитъ безъ ногъ, а я выпросилъ у него вотъ этотъ плащъ. Я тутъ одинъ на ногахъ, да матросы. А вотъ оказывается, что и вы еще... Молодчина студентъ, ей-ей!..

При этомъ онъ кричалъ что было мочи, а до меня голосъ его долеталъ будто изъ-подъ полу.

— Послушайте, но когда же мы пріѣдемъ? Вѣдь ужъ пора подъѣзжать къ Севастополю,—сказалъ я.

— Что? Къ Севастополю? А гдѣ онъ, вашъ Севастополь? Да мы еще и въ Евпаторіи не были. Да, можетъ-быть, мы теперь гдѣ-нибудь около Константинополя болтаемся, а чего добраго—у береговъ Индіи... Ей-ей... Да развѣ вы не знаете, что у насъ машина не дѣйствуетъ? Испортилась—и мы теперь прямо носимся по волнамъ, какъ какой-нибудь плотъ или барка... Правда, спустили якорь... Ну, да это развѣ что-нибудь поможетъ? Тутъ нигдѣ дна не достанешь... А что тамъ дѣлается, на нижней палубѣ, если бъ вы знали! Пойдемъ туда.

Огорошенный извѣстіемъ о порчѣ машины, я тѣмъ не менѣе машинально послѣдовалъ за нимъ. Я просто не позволилъ себѣ сосредоточиться на мысляхъ, которыя возникли въ моей головѣ, хотя тамъ явственно зудѣло: „но если такъ, то, въ сущности, вѣдь мы погибли“...

III.

Но если я еще могъ сколько-нибудь сомнѣваться въ этомъ, то картина, которую я увидѣлъ на нижней палубѣ, должна была доказать, что это почти общее мнѣніе.

Сильный вѣтеръ въ теченіе двухъ часовъ, прошедшихъ послѣ дождя, успѣлъ значительно осушить палубу, хотя брызги отъ ударявшихъ въ бортъ парохода волнъ отъ времени до времени подновляли влагу.

Большая часть здѣшнихъ пассажировъ были въ полусознательномъ состояніи и потому, вѣроятно, не думали о смерти. Люди, совершенно обезсиленные продолжительной морской болѣзнью, валялись, гдѣ попало, въ невѣроятныхъ положеніяхъ.

Лица ихъ были смертельно блѣдны. Нѣкоторые лежали безъ движенія и казались безжизненными. Другіе стонали, умоляя чѣмъ-нибудь облегчить ихъ страданія.

А тѣ, которые были сколько-нибудь въ сознаніи, очевидно, рѣшили, что уже нѣтъ спасенія.

Вотъ старый еврей, родоначальникъ большого семейства, которое вчера съ такимъ аппетитомъ закусывало селедкой. Жена

и дѣти его были больны, но онъ бодрствовалъ; не обращая вниманія ни на что окружавшее, онъ облачился въ какой-то фантастическій полосатый бѣлый съ чернымъ балахонъ, прицѣпилъ на лобъ небольшое черное украшеніе въ формѣ куба и, пошатываясь всѣмъ корпусомъ впередъ и назадъ, воспаленными губами шепталъ молитвы, отъ времени до времени частымъ движеніемъ кулака ударяя себя въ грудь.

Смуглолицый грекъ, тотъ самый владѣлецъ цѣлаго транспорта губокъ, что вчера закусывалъ копченой камбалой, сидѣлъ на мѣшкѣ съ хлопкомъ, растерянный, убитый и плакалъ, но какъ!—громко, безутѣшно, навзрыдъ, какъ ребенокъ. При этомъ сквозь рыданія у него вырывались слова непонятныя, должно-быть, греческія, а среди нихъ часто повторялось одно русское: „Пропалъ... Пропалъ...“

Нѣмецкая колонія устроилась какъ-то очень искусно, подъ ящиками, сдѣлавъ себѣ изъ нихъ нѣчто въ родѣ шалаша. Сидѣли они въ этой дырѣ, среди господствовавшей тамъ темноты, и нельзя было разобрать, какое у нихъ настроеніе.

А хохлы почти всѣ были больны. Парень съ гармоникой лежалъ на самой дорогѣ, безпомощно откинувъ въ стороны руки и ноги, и гармоника его валялась тутъ же, вся размокшая и въ какомъ-то истерзанномъ видѣ.

Только какая-то баба, державшая на рукахъ ребенка, какъ будто забыла о своей собственной личности и усиленно укачивала своего младенца, который ревѣлъ во все горло, да старикъ, усатый потомокъ запорожцевъ, видимо, совсѣмъ не подвергшійся вліянію качки, стоялъ на колѣняхъ и, усердно крестясь, бормоталъ молитвы, очевидно, готовясь къ смерти.

Но совершенно поразилъ и даже восхитилъ меня мой спутникъ, маленькій агентъ безъ фамиліи. Да, въ этотъ часъ я перемѣнилъ мнѣніе о немъ. Я увидѣлъ, что судьба посадила его на пароходъ не въ наказаніе намъ, а для благой цѣли.

Онъ подбѣгалъ ко всякому, кто стоналъ и просилъ помощи. Наклонялся надъ нимъ и разспрашивалъ. Все время слышался его скрипучій голосъ:

— Тебѣ воды? Можетъ-быть, зельтерской, а? Лимона? Ага! Отлично... Лимонъ, это хорошо... Капли? Ну, какія жъ тутъ капли? Ты лучше вина выпей! Вотъ мы достанемъ вина.

Но это была одна часть его дѣяній, а другая уже была повелительная. По всей вѣроятности, надѣтый на немъ резиновый плащъ капитана, не перестававшій развѣваться по вѣтру и дѣлать его похожимъ на птицу, придалъ ему такую увѣренность и властность. Онъ дѣйствительно дѣлалъ чудеса.

Онъ кричалъ, и голосъ его походилъ на тонкій звукъ кларнета, онъ призывалъ матросовъ и приказывалъ,—да, именно приказывалъ имъ,—какъ самый заправскій начальникъ, исполнять разныя порученія: одинъ бѣжалъ къ доктору, требуя изъ пароходной аптеки лѣкарство, другой тащилъ воду, третій несъ изъ матросскаго помѣщенія одѣяло, чтобы укутать продрогшаго ребенка.

И замѣчательнѣе всего было то, что его слушались. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ плащомъ къ нему перешла капитанская власть.

Были у него большія недоразумѣнія съ буфетомъ, который отказался отпускать на нижнюю палубу шипучіе напитки и вино.

— Какъ? Отказъ? А вотъ я имъ покажу!

И онъ бѣжалъ въ буфетъ, производилъ тамъ скандалъ, пускалъ въ ходъ даже сильныя слова и въ результатѣ добывалъ то, что ему было нужно. Надъ старымъ евреемъ онъ смѣялся:

— Вишь,старикъ, а умирать боишься...

Грека стыдилъ за его малодушныя слезы, а стараго хохла даже проклялъ своими словами, такъ что тотъ поднялся на ноги и началъ вмѣстѣ съ нами работать надъ больными.

Между тѣмъ стемнѣло, и, видимо, наступала вторая ночь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на небѣ появился какой-то просвѣтъ. Облако въ одномъ мѣстѣ на западѣ стало разжижаться и даже окрашиваться въ розоватый свѣтъ лучей только-что зашедшаго солнца.

Да и вѣтеръ, видимо, сталъ стихать, хотя трепалъ еще порядочно.

— А знаете что,—сказалъ мнѣ маленькій агентъ послѣ того, какъ мы полдня провозились на нижней палубѣ:—я того мнѣнія, что дѣло наше поправляется, и погибнуть намъ придется развѣ ужъ въ другой разъ. А? Какъ вы думаете? Вотъ увидите, черезъ часъ вѣтеръ совсѣмъ стихнетъ, и будетъ прекрасная погода. И знаете, теперь намъ съ вами, молодой человѣкъ, не грѣхъ отправиться въ столовую и хватить горячаго чаю съ коньякомъ.

Мысль была преносходная. Меня пробирала дрожь. На нижней палубѣ уже больше нечего было дѣлать, и мы отправились въ столовую.

Здѣсь горѣли лампы, и кой-кто изъ пассажировъ I-го класса, почуявъ улучшеніе погоды, вышли изъ каютъ. Лица у всѣхъ были блѣдныя, запуганныя.

Намъ принесли чаю и коньяку. Но сейчасъ же, въ теплѣ и сравнительномъ уютѣ, явился аппетитъ, и мы принялись ѣсть, какъ слѣдуетъ. Оказалось, что въ этотъ день никто изъ пассажировъ не завтракалъ и не обѣдалъ, и запасъ кушаній былъ великолѣпный.

Появлявшіеся мало-по-малу изъ каютъ пассажиры имѣли видъ измученный и съ удивленіемъ смотрѣли на насъ и на нашъ аппетитъ и слушали оживленные разсказы маленькаго агента. Но такъ какъ вѣтеръ замѣтно стихъ, и качка почти прекратилась, понемногу и они присаживались къ столу и рѣшались прикоснуться къ кушаньямъ. Мало-по-малу столовая наполнилась, и пошли разговоры объ ужасахъ минувшей ночи и дня.

Героемъ былъ маленькій агентъ. Оказалось, что онъ и ночью дѣйствовалъ, помогая пассажирамъ I-го класса, которыхъ гроза и недавно поднявшаяся буря застали на палубѣ. Онъ одинъ только не растерялся, онъ забиралъ подъ руку чуть не падавшихъ въ обморокъ дамъ и, шатающихся и блѣдныхъ, уводилъ въ каюту. Ему теперь всѣ пѣли славу.

Явился капитанъ. Его слабость была недолговременна. Онъ просто усталъ за ночь, но скоро оправился и теперь пришелъ прямо съ вышки. Его забросали вопросами о нашей судьбѣ.

— Мы стоимъ на якорѣ,—сказалъ онъ.—Выбросили сигналъ о помощи, но когда эта помощь придетъ—неизвѣстно. Да вы не безпокойтесь, господа: у буфетчика огромный запасъ провизіи, хватитъ на недѣлю.

Это, разумѣется, было плохимъ утѣшеніемъ. Никто не разсчитывалъ на столь долгое морское путешествіе. Тѣмъ не менѣе послѣ плотнаго ужина мнѣ и моему новому товарищу оставалось одно—положиться на волю Божію и отправиться по каютамъ спать, что мы и сдѣлали.

Въ моей каютѣ уже было сухо. На постели перемѣнили бѣлье и одѣяло, даже тюфякъ принесли сухой. Послѣ рабочаго дня пріятно было завернуться въ сухое одѣяло и заснуть. Но на этотъ разъ окошко я оставилъ закрытымъ.

Довольно долго заснуть мнѣ мѣшали тревожныя мысли о моихъ севастопольскихъ дамахъ. Я представлялъ себѣ ихъ безпокойство. Безпроволочный телеграфъ тогда еще не былъ изобрѣтенъ, и мы никакъ не могли дать о себѣ вѣсть на берегъ. Можетъ-быть, тамъ считали насъ уже погибшими?

И мнѣ искренно было жаль моей старушки, недавно только потерявшей мужа и теперь оплакивавшей предполагаемую гибель сына.

Но утомленный здоровый организмъ потребовалъ отдыха, и я все-таки заснулъ. Проснулся рано—и сейчасъ же къ окну. Боже, что за прелесть была тамъ, за окномъ! Рука невольно протянулась, чтобы отворить его.

Море было спокойно и блестѣло милліонами оттѣнковъ и переливовъ, въ которыхъ играли и рѣзвились солнечные лучи. Яркое солнце плыло по чистому небу и какъ бы говорило всему міру о томъ, что воскресъ Христосъ, и наступилъ Свѣтлый праздникъ его.

Да, это былъ уже праздникъ. Мнѣ было суждено провести его на морѣ.

Было восемь часовъ. Я быстро освѣжился водой, одѣлся и побѣжалъ наверхъ, и тамъ чудо: опять я лицомъ къ лицу встрѣтился съ моимъ маленькимъ агентомъ. Онъ не далъ мнѣ опомниться:

— Вы встали уже? Ну, такъ Христосъ воскресе!—и потянулся цѣловаться со мной.

Могъ ли я противиться этому послѣ вчерашняго нашего геройскаго дня?

— А вы слышите шумъ? Вѣдь мы идемъ,—радостно сообщилъ онъ мнѣ.

— Какъ? Развѣ машину починили?

— Ну, нѣтъ, какой тамъ! Насъ взяли на буксиръ. Вонъ видите впереди пароходъ? И, знаете, плохонькій,—коммерсантъ. Но онъ уцѣлѣлъ... Увидѣлъ нашъ сигналъ и взялъ насъ.

— Но гдѣ же мы теперь?

— Часахъ въ трехъ отъ Севастополя.

— Значитъ, прямо въ Севастополь?

— Да, ужъ прямо туда... А вотъ я вамъ сейчасъ покажу нѣчто. Вы навѣрно не ожидали.

Онъ взялъ меня за руку и потащилъ по направленію къ столовой. Мы вошли.

— Не угодно ли?—сказалъ онъ.

Столъ былъ убранъ по-пасхальному. Ну, право же, было все, что полагается: и куличъ, и сырная пасха, и крашеныя яйца.

— Да откуда же все это?

— Поваръ приготовилъ. Я, знаете, еще вчера съ вечера вошелъ съ нимъ въ соглашеніе. Я сказалъ, что ему хорошо заплатятъ. Ну, мы соберемъ ему что-нибудь. И, знаете, я приказалъ ему еще десятокъ куличей испечь для той публики, для простыхъ... Да... И тамъ ужъ разговляются. Хотите посмотрѣть?

Онъ и туда потащилъ меня. И я видѣлъ разговлявшихся хохловъ и грека. Даже нѣмцы и тѣ не отказались и съ удовольствіемъ пили свой утренній кофе съ куличомъ.

Часа черезъ полтора встали наши пассажиры. Пришелъ капитанъ, и было устроено торжественное розговѣнье. Съ капитаномъ всѣ христосовались. Маленькій агентъ собралъ порядочно денегъ для повара. Когда же узнали, что всѣмъ этимъ торжествомъ обязаны его предусмотрительности, сдѣлали ему настоящую овацію.

Было около полудня, когда показались бѣлыя строенія Севастополя. Потомъ можно было разглядѣть густую толпу народа на пристани.

Наконецъ съ большимъ трудомъ нашъ пароходъ, лишенный всякой самодѣятельности, былъ подведенъ къ пристани. Кажется, весь городъ пришелъ сюда, чтобы увидѣть людей, которые считались уже погибшими. Здѣсь я встрѣтилъ свою мать и Лизу.

А свиданіе съ моей химіей пришлось-таки отложить на два дня. Обратно я выѣхалъ изъ Севастополя только на четвертый день праздника.

Гришутка-канонархъ.

Разсказъ **Наталіи Грушко**.

Казалось, всеноіцной сегодня не будетъ конца. Наканунѣ храмового праздника въ монастырь пришли тысячи благочестивыхъ людей изъ всей окрестности.

Маленькій канонархъ Григорій, одѣтый въ стихарь изъ свѣтлой парчи съ золотыми звѣздами, уже въ сотый разъ раздувалъ кадило. Ему давно хотѣлось спать, и передъ затуманенными усталостью глазами плавали какіе-то разноцвѣтные кружочки, которые то таяли въ воздухѣ, то вновь появлялись.

Обычно Григорія занимали его обязанности. Ему было пріятно надѣть блестящій стихарь, расчесать темные, кудрявые, всегда спутанные волосы и, взявъ обѣими руками серебряный подсвѣчникъ, который былъ вдвое выше его самого, медленно и важно выйти черезъ боковую дверь алтаря передъ Царскія врата, поставить подсвѣчникъ и чинно удалиться обратно, а тамъ, въ алтарѣ, когда архимандритъ съ іеромонахами выйдутъ на середину церкви для совершенія литіи, прильнуть глазкомъ къ иконостасу и смотрѣть въ щелку на молящихся.

Вотъ старая богомолка со сморщеннымъ, какъ черствая ржаная лепешка, лицомъ. Что-то шепчутъ ея выцвѣтшія губы, а въ маленькихъ, окруженныхъ морщинами, глазахъ сверкаетъ холодное пламя.

Мальчикъ вспоминаетъ, какъ передъ всеношной на паперти она разсказывала явныя небылицы о монастыряхъ и разныхъ загадочныхъ краяхъ, гдѣ будто бы Богъ привелъ ей побывать.

„Вишь, молится...—думаетъ онъ: — а чисто вѣдьма!“ И тутъ же рѣшаетъ: „Все равно въ адъ попадетъ“.

Но вотъ новое лицо привлекаетъ вниманіе мальчика.

У стѣны справа стоитъ старая барыня-помѣщица изъ сосѣдняго села. За спиною у нея стулъ, а за стуломъ лакей, — богатая барыня.

Иногда она садится отдыхать, закрываетъ глаза, дремлетъ, ея сѣдая голова клонится впередъ, и смѣшно качаются перья на шляпѣ.

А когда она встаетъ и изрѣдка неторопливо крестится маленькой бѣлой рукой, на ея пальцѣ, какъ ледяная сосулька въ солнечный день, сверкаетъ радужными огнями красивый перстень.

„Дорогой перстень. На него, сказываютъ, цѣлую избу можно купить“. И Гришуткѣ представляется, будто на бѣлой, холеной рукѣ барыни болтается цѣлая изба.

А „глазокъ“ уже перескочилъ на маленькую деревенскую дѣвочку, стоящую рядомъ съ матерью. Засунувъ палецъ въ ротъ, повернувшись спиной къ алтарю, смотритъ она на о. архимандрита, любуясь его праздничнымъ золотымъ облаченіемъ.

И видитъ Гришутка, какъ смущенная мать дѣвочки, наклонясь къ ней, что-то укоризненно шепчетъ, и дѣвочка оборачивается лицомъ къ алтарю, молитвенно складываетъ ручонки, таращитъ глаза на иконостасъ и вдругъ начинаетъ часто и усердно креститься; подражая взрослымъ, она становится на колѣни, кладетъ земной поклонъ и, прильнувъ лбомъ къ полу, снизу вверхъ искоса посматриваетъ на мать.

Потомъ подымается и, видя, что мать вся ушла въ молитву и уже не обращаетъ на нее вниманія, опять поворачивается спиной къ алтарю, смотритъ на о. архимандрита, крестится и кланяется ему. И Гришутка видитъ, какъ по доброму утомленному лицу о. Іеронима скользитъ мягкая улыбка.

И мальчику тоже становится смѣшно, и, стоя за дверью иконостаса, онъ тихонько посмѣивается и разомъ обнимаетъ взглядомъ всю церковь.

Нѣтъ, никто не смѣется, вся сѣрая мужицкая толпа сосредоточенно смотритъ впередъ, и вздохи летятъ, сливаясь съ пѣніемъ хора.

И бѣгутъ, бѣгутъ мысли маленькаго канонарха далеко за стѣны монастыря, въ родную деревню. Тамъ хорошо... Ужъ навѣрно всѣ спать полегли, а тутъ еще читать надо...

И когда наступаетъ его часъ, выходитъ Гришутка на середину церкви. Архимандритъ стоитъ у аналоя, передъ нимъ икона и свѣча въ большомъ подсвѣчникѣ. Полукругомъ стоятъ монахи. Гришутка становится по лѣвую руку архимандрита, и звонкій голосъ его, какъ гласъ свѣтлаго ангела, раздается подъ высокими сводами храма и радостнымъ умиленіемъ наполняетъ сердца молящихся.

— „Слава — гласъ восьмый... Величитъ душа моя Господа“... — старательно выговаривая слова, выводитъ онъ.

— „Величитъ душа моя“... — вторятъ ему монахи, и всѣ прихожане, какъ одинъ человѣкъ, крестятся, низко склонивъ головы.

И чудится Гришуткѣ, будто онъ не простой канонархъ, а отрокъ, посланный Богомъ къ этимъ бѣднымъ людямъ для возвѣщенія имъ Его воли; и проникновеннѣе звучитъ его голосъ, и старый архимандритъ о. Іеронимъ съ умиленіемъ смотритъ на черненькую головку мальчика, а важная барыня-помѣщица усиленно крестится.

Всенощная кончилась, народъ тѣснится къ выходу. Гришутка, прибравъ въ алтарѣ, вмѣстѣ съ старшими монахами спѣшитъ въ трапезную.

Мягкая весенняя ночь хмелемъ ударяетъ въ голову, звѣзды подмигиваютъ ему съ высоты и дразнятъ его: „что, братъ, утомился? Небось, спать хочется?.. А мы—нѣтъ, намъ хорошо тутъ, въ вышинѣ... Мы еще всю ночь будемъ горѣть...“

Въ трапезной онъ клюетъ носомъ надъ кушаньемъ, и добрый старецъ его Серапіонъ разрѣшаетъ ему итти спать.

Гришутка стрѣлой летитъ черезъ дворъ въ другой корпусъ, гдѣ находятся кельи монаховъ.

Проектъ скульптора Н. А. Андреева подъ девизомъ „Архангелъ“, получившій вторую премію въ 1.500 р.

Гдѣ-то въ углу приткнулась его койка, на ней вмѣсто матраца—грубый мѣшокъ, набитый сѣномъ. Но мальчику онъ кажется пуховикомъ,—лишь бы добраться до него.

И, подложивъ подъ голову подушку и собственный кулачокъ, Гришутка сразу засыпаетъ. И снится Гришуткѣ, будто онъ не простой канонархъ, а отрокъ Божій: на немъ яркія бѣлыя одежды, и служитъ онъ Богу вмѣстѣ съ ангелами, а крылья у ангеловъ бѣлыя, и летятъ они свободно, гдѣ-то высоко-высоко надъ звѣздами. И чудно, что вѣдь у него, у Гришутки, нѣтъ крыльевъ, а онъ нисколько не отстаетъ отъ нихъ...

— Григорій, Григорій! Къ заутрени благовѣстятъ!—говорилъ о. Серапіонъ, наклонившись надъ мальчикомъ.

Гришутка открылъ глаза, посмотрѣлъ на старца и снова, какъ въ воду канулъ, заснулъ.

„Ахъ, грѣхъ какой, — подумалъ старецъ:—вотъ не добудишься его теперь“.

— Григорій, вставай! Приложиться надо къ преподобному,—снова заговорилъ старецъ, осторожно теребя его за плечо.

Проектъ скульптора Н. А. Андреева подъ девизомъ „Столпы“, получившій первую премію въ 2.000 руб.

А Гришутка не можетъ итти къ преподобному. Онъ далеко отсюда,—онъ дома, въ деревнѣ.

Утро яркое, солнечное, и ему такъ хорошо и радостно, смѣяться хочется. И бѣжитъ онъ съ цѣлой оравой такихъ же мальчугановъ, какъ самъ, къ Днѣпру.

Гамъ, визгъ, хохотъ... Раздѣлся онъ, входитъ въ воду. Вода студеная... Ребята стоятъ на берегу и поддразниваютъ:

— А ну-ка, Гришутка, мелкой рыбкой поплавай!..

И Гришутка плыветъ, тихо шевеля руками подъ водой, такъ что не видно брызгъ и не слышно шума.

Къ нему уже плывутъ пріятели и кричатъ:

— Гришутка, покажи, какъ бабы плаваютъ!..

— Какъ пароходъ!..

И Гришутка уже собирается показать имъ всѣ свои фокусы, которыхъ онъ большой мастеръ, какъ вдругъ чей-то голосъ окликаетъ его:

— Григорій!.. Григорій!..

Гришутка осматривается вокругъ: никого нѣтъ, а голосъ раздается съ той стороны, гдѣ надъ рѣкой нависла круча. Но кручи тамъ уже нѣтъ, а на ея мѣстѣ преогромный монахъ, въ такомъ высокомъ клобукѣ, что край его упирается въ самое небо. Смотритъ онъ на Гришутку сердитыми, укоряющими глазами, и что-то тамъ ввутри у него гудитъ:

— Иди къ преподобному!.. Къ пре-по-доб-ному!..

А Гришуткѣ жаль покинуть рѣку и товарищей, не хочется ему итти въ полутемную, слабо освѣщенную нѣсколькими лампадами церковь. А монахъ все настойчивѣе гудитъ:

— Къ преподобному!.. Къ пре-по-доб-ному!

Досадуя и негодуя, а въ то же время и чего-то боясь, Гришутка отворачивается отъ него и плыветъ въ другую сторону; но отъ кручи, похожей на монаха, протягивается къ нему длинная черная рука и вотъ-вотъ схватитъ его за вихоръ. И чувствуетъ Гришутка, какъ холодная дрожь пробѣгаетъ у него по тѣлу, и, собравъ всѣ свои силы, онъ ныряетъ въ глубину рѣки, но навстрѣчу ему съ самаго дна подымается огромная рыбина съ раскрытой пастью, готовой пожрать его..

„Это китъ...—думаетъ Гришутка:—а я—Іона... Три дня и три нощи... Вотъ такъ штука!..“

— Къ пре-по-до-об-но-му! — надъ самымъ ухомъ его раздается гулъ изъ раскрытой пасти.

Весь дрожа отъ ужаса, Гришутка откры-

Проектъ скульптора В. С. Милорадовича подъ девизомъ „Защитникамъ вѣры“, получившій третью премію въ 1.000 р.

Премированные проекты памятника патріарху Ермогену и иноку Діонисію, созывавшимъ въ началѣ XVII вѣка ратныхъ людей для спасенія отечества отъ нашествія поляковъ.

вастъ глаза и, видя около кровати монаха, еще весь находясь во власти сна, дико вскрикиваетъ:

— Не хочу, не хочу!.. Не пойду къ преподобному!..

О. Серапіонъ окаменѣлъ отъ изумленія. Такія слова въ стѣнахъ монастыря, да еще отъ Гришутки, всегда тихаго и безмолвно-послушнаго!

— Да воскреснетъ Богъ, и да расточатся...—забормоталъ онъ, съ сокрушеніемъ посматривая на дверь, въ которую уже заглядывали любопытныя лица спѣшившихъ къ заутрени монаховъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—раздался за дверью сдобный и разсыпчатый голосъ толстаго, упитаннаго о. эконома.

— Аминь!—отвѣтилъ о. Серапіонъ.

— Что это? Кто тутъ кричитъ?—спросилъ о. экономъ, входя въ келью.

О. Серапіонъ недоумѣнно развелъ руками:

— Ну, что тутъ скажешь... Никогда еще такого не бывало въ обители... О Господи... Храмовой праздникъ, а тутъ... Наважденіе!

И, какъ бы боясь, что стѣны кельи не выдержатъ вторичнаго громкаго произнесенія ужасныхъ словъ и падутъ, о. Серапіонъ наклонился къ о. эконому и прошепталъ:

— Не хочетъ итти къ преподобному...

— Что?—изумленно, хлопнувъ себя по жирнымъ ляжкамъ, переспросилъ о. экономъ.—Что? Не хочетъ къ преводобному? Господи Іисусе Христе...

— Да вотъ... Говорю же вамъ, отецъ Кириллъ,—скорбнымъ голосомъ подтвердилъ о. Серапіонъ.

— А вотъ я его сейчасъ побужу маленько,—почти ласково сказалъ о. экономъ и желѣзными пальцами схватилъ снова задремавшаго-было Гришутку за ухо.

И, видно, на этотъ разъ дѣйствительно бѣсъ захотѣлъ подшутить надъ Гришуткой, потому что ему приснилось, будто какіе-то огромные, страшные, черные монахи тащатъ его къ преподобному. Онъ упирается, не хочетъ, а они щиплютъ его, пинками подталкиваютъ со всѣхъ сторонъ.

А преподобный—старенькій, сѣденькій, какъ двѣ капли воды, похожій на о. Серапіона—смотритъ на него и улыбается, а въ то же время и грозитъ ему пальцемъ.

— Ну, Григорій,—изрядно дернувъ его за ухо, сказалъ о. экономъ:—надо приложиться къ преподобному!

Отъ сильной и неожиданной боли Гришутка открылъ глаза, сѣлъ на постель, оглядѣлся вокругъ, и вдругъ какая-то свирѣпость напала на него. Сжавъ кулачонки, стиснувъ зубы, дикимъ голосомъ онъ завопилъ:

— Не хочу-у... Не хочу къ пре-по-добному!

И слезы страха и ярости текли по его хорошенькому, испуганному личику.

„Бѣсъ накатилъ", — пронеслось въ головѣ у о. Серапіона, и, умоляюще глядя на о. Кирилла, онъ шепталъ:

— Не трогайте его... Это въ вемъ бѣсъ... Это онъ, проклятый...

— Во имя Отца и Сына...

Въ келью входили все новые и новые монахи. Они стояли, перешептывались, глядѣли на Гришутку испуганными глазами, выходили и вновь появлялись. А Гришутка, забившись въ уголъ постели, громко рыдалъ, не понимая, что дѣлается съ нимъ и вокругъ. Въ головѣ его носились еще страшные образы сновидѣнія и какъ-то причудливо сплетались съ таинственно двигавшимися въ кельѣ фигурами монаховъ. Рыдалъ, бился, произносилъ какія-то, ему самому непонятныя и самого его страшившія, слова и никакъ не могъ остановиться.

Скоро вся обитель была взволнована извѣстіемъ, что въ канонарха Григорія вселился бѣсъ.

И побѣжали къ настоятелю—взволнованные, блѣдные, дрожащіе, отвѣшивали ему низкіе поклоны и, стыдясь того, что у нихъ въ монастырѣ завелся такой грѣхъ, бормотали ему невнятное, такъ что старый архимандритъ, встревоженный ихъ волненіемъ, едва могъ понять, въ чемъ дѣло. А понявъ, ясно представилъ себѣ утомленнаго долгой вчерашней службой мальчика, котораго въ четыре часа утра подымаютъ отъ сладкаго дѣтскаго сна. Понялъ мудрый старикъ и успокоился.

— Ну, пойдемъ къ нему,—сказалъ онъ и шелъ черезъ монастырскій дворъ неторопливо, опираясь на свой неизмѣнный посохъ, и тихая улыбка чуть замѣтно скользила по его губамъ.

А Гришутка между тѣмъ пришелъ въ себя и лежалъ смирно, чувствуя, что онъ что-то набѣдокурилъ, но самъ хорошо не зная, въ чемъ его вина.

Онъ лежалъ и посматривалъ на шепчущихся межъ собою монаховъ и думалъ, чѣмъ все это кончится. Ему было и любопытно и страшно.

Вдругъ дверь отворилась, и вошелъ архимандритъ. Гришутка, никакъ этого не ожидавшій, невольно приподнялся и вскочилъ съ постели.

Маленькій и дрожащій, стоялъ онъ среди этихъ черныхъ, большихъ людей и какъ-то жалобно и безпомощно смотрѣлъ на настоятеля, ожидая тяжелой кары.

— Ну, что ты тутъ натворилъ, Григорій?—съ принужденной строгостью, сквозь которую явно слышалась отеческая ласковость, обратился архимандритъ къ мальчику.

Тотъ молчалъ.

— Ты не хотѣлъ итти къ преподобному?

— Не хотѣлъ...—плачущимъ голосомъ пробормоталъ Гришутка.

— Почему же ты не хотѣлъ?—продолжалъ настоятель.

Гришутка всхлипнулъ, и слезы одна за другой закапали изъ его глазъ:

— Я... я... я спать хотѣлъ.

О. Іеронимъ улыбнулся, ласково положилъ руку на голову ребенка и, глядя на братію, спросилъ его:

— А теперь пойдешь къ преподобному?

— Пойду-у... — сквозь слезы пробормоталъ Гришутка.

— Ну, вотъ и Господь съ тобой... А спать хочешь?

— Хочу...—послѣ короткаго молчанія послышался робкій, но довѣрчивый отвѣтъ Гришутки.

— Ну, ложишь и спи... А мы за тебя помолимся. Преподобный-то и проститъ по нашей молитвѣ... Во имя Отца и Сына...

И онъ благословилъ Гришутку. Мальчикъ поцѣловалъ его руку, и радостное сіяніе разлилось по его, еще мокрому отъ слезъ, лицу.

Съ высокой колокольни въ смутной предразсвѣтной полутьмѣ раздавался мѣрный благовѣстъ.

Тихо шли монахи черезъ дворъ по направленію къ церкви, вслѣдъ за архимандритомъ, на почтительномъ разстояніи отъ него. Чуть слышно перешептывались между собой, благоговѣйно удивляясь его мудрости.

Только старецъ Серапіонъ, довольный тѣмъ, что для его любимца Гришутки все такъ счастливо окончилось, задержался на минуту въ кельѣ, чтобы перекрестить вновь залегшаго въ постель канонарха и внѣдрить въ его голову поученіе о великомъ снисхожденіи къ нему о. архимандрита и о томъ, какъ онъ долженъ это цѣнить.

Но Гришутка сразу погрузился въ сонъ и не слышалъ ни одного слова изъ его поученія.

Памятникъ В. Ѳ. Коммиссаржевской, сооружаемый на могилѣ покойной артистки, въ Александро-Невской лаврѣ. Памятникъ работы скульптора М. Диллонъ. Авторъ памятника за работой. По фот. Я. Штейнберга.

Къ рисункамъ.

Минулъ долгій Великій постъ съ его печальнымъ покаяннымъ перезвономъ, съ его мокрыми крышами и грязными дорогами, съ грачами на проталинахъ. Природа прибралась и пріукрасилась къ празднику, засіяло солнце, просохли тропинки и тротуары—и наконецъ наступилъ Великій праздникъ. И ярче сіяютъ улыбки дѣтей, и свѣтлѣе взоры и рѣчи взрослыхъ людей. И по всему міру какъ будто разлитъ радостный пасхальный трезвонъ.

Изящная картина И. Ижакевича *„Съ праздникомъ!"* полна веселаго пасхальнаго настроенія. Въ ней какъ бы разлита праздничная улыбка: улыбка весны, молодости и радостнѣйшаго изъ праздниковъ.

„Марія Магдалина" — рисунокъ того же художника—заставляетъ насъ вспомнить трогательный евангельскій образъ Маріи изъ Магдалы, возлюбившей Христа всѣмъ своимъ покаявшимся и просвѣтленнымъ сердцемъ, оплакавшей Его земную смерть и познавшей Его воскресеніе. Раннимъ утромъ, идетъ она съ ароматами къ гробу Господню, еще не зная о Его воскресеніи.

Рисунокъ А. Егорова (изъ московской галлереи И. Е. Цвѣткова) „Воскресеніе Христово" изображаетъ само событіе Воскресенія: явился Ангелъ Господень, отвалилъ камень отъ гроба, и стерегущіе гробъ воины въ ужасѣ пали на землю...

Какъ въ наше время, такъ и въ старину, русскіе люди одинаково готовились къ Пасхѣ: красили яйца, пекли куличи, украшали жилье. Стильный рисунокъ И. Горюшкина-Сорокопудова *„Канунъ Пасхи въ старину"* изображаетъ молодую хозяйку, которая занята раскрашиваніемъ яицъ. Легко себѣ представить, какъ красивы были пасхальныя яйца тогда, въ старину, когда еще не были забыты старинные способы такой раскраски, и еще былъ живъ самый стиль древне-русскаго орнамента.

СМѢСЬ.

На помощь пострадавшимъ отъ урагана. Необычайное стихійное явленіе — буря ужасающей силы, пронесшаяся съ 28 февраля на 1 марта отъ западнаго берега Чернаго моря черезъ Азовское море, сѣверный Кавказъ и побережье Каспійскаго моря, причинила страшныя бѣдствія, унесла много жизней рабочаго люда, разрушила дома, уничтожила скотъ и хозяйство многихъ тысячъ крестьянъ, казаковъ и городскихъ жителей. Особенно пострадали мѣстности по берегу Азовскаго моря, Кубанской области и Войска Донского, а также губерній Ставропольской и Астраханской. Многія семьи остались безъ крова, безъ своихъ кормильцевъ и безъ всякихъ средствъ. Всѣмъ имъ нужна немедленная широкая помощь.

Государю Императору благоугодно было, по полученіи донесенія о бѣдствіи, постигшемъ Кубанскую область, повелѣть отпустить въ распоряженіе начальника области 20.000 руб.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, раздѣляя Монаршія заботы о бѣдствующемъ населеніи, съ соизволенія Его Величества, пожелала образовать для болѣе широкой помощи пострадавшимъ подъ Своимъ Предсѣдательствомъ особый Комитетъ, открыть отъ имени этого Комитета повсемѣстный сборъ пожертвованій и передать въ распоряженіе Комитета на первое время 50.000 руб. изъ благотворительныхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Ея Императорскаго Величества.

Пожертвованія принимаются во всѣхъ казначействахъ Имперіи, въ Канцеляріи Ея Императорскаго Величества (Зимній Дворецъ, Министерскій подъѣздъ) и въ канцеляріи Комитета Попечительства о трудовой помощи (С.-Петербургъ, Надеждинская, 41), гдѣ сосредоточено также и дѣлопроизводство Комитета.

Правительственныя и общественныя учрежденія, а также должностныя лица, которыя пожелаютъ принять участіе въ производствѣ сбора пожертвованій, благоволятъ обращаться за полученіемъ соотвѣтствующихъ квитанціонныхъ книжекъ въ «Состоящій подъ Августѣйшимъ Предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ урагана и его послѣдствій на югѣ Россіи», С.-Петербургъ, Надеждинская, 41.

Пожертвованія по мѣрѣ поступленія будутъ отсылаться въ распоряженіе комитетовъ, которые образуются на мѣстахъ бѣдствія для непосредственной помощи нуждающимся.

Радій. Въ Александринскомъ пріютѣ для женщинъ, учрежденномъ Евангелическими приходами (СПБ., Вас. Островъ, 14 линія, № 13), открыто отдѣленіе для пользованія радіемъ страдающихъ ракомъ женщинъ. Снабженное количествомъ 200 миллиграммъ радія, это отдѣленіе съ середины ноября прошлаго года развиваетъ кипучую дѣятельность подъ наблюденіемъ спеціалиста-радіолога. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на это поистинѣ благотворное учрежденіе.

Юбилейный даръ Гёте. Въ 1835 году Гёте праздновалъ пятидесятилѣтіе своего пребыванія въ Веймарѣ. Эрцгерцогъ мекленбургъ-стрелицкій Георгъ-Фридрихъ, желая почтить маститаго поэта особеннымъ, цѣннымъ для него по воспоминаніямъ, подаркомъ, поручилъ своему повѣренному во Франкфуртѣ на Майнѣ посѣтить давно уже проданный домъ семьи Гёте, выбрать какую-нибудь вещь, которая напоминала бы Гёте его отдаленное дѣтство, пріобрѣсти эту вещь и доставить ее тайно въ Веймаръ. Повѣренному удалось пріобрѣсти старые стѣнные часы съ футляромъ, которые стояли въ родительскомъ домѣ Гёте во Франкфуртѣ. Часы были доставлены во Франкфуртъ и вечеромъ, накануне юбилея, безъ вѣдома Гёте, доставлены къ нему на домъ. Вѣрный служитель великаго поэта, Фридрихъ, воспользовавшись временемъ, когда его господинъ спалъ, установилъ эти часы въ маленькой комнатѣ рядомъ со спальной Гёте.

Въ пять часовъ утра Гёте, по обыкновенію, проснулся и готовился

Группа участниковъ междувѣдомственнаго совѣщанія по физическому развитію, состоявшагося 15 марта с. г. въ С.-Петербургѣ. По фот. Я. Штейнберга.

Присутствующіе на совѣщаніи: 1) Главнонаблюдающій за физическимъ развитіемъ, дворцовый комендантъ Г. И. Воейковъ. 2) Помощникъ главнонаблюдающаго д. ст. сов. В. И. Срезневскій. 3) Наблюдающій фехтовальной школы ген.-лейт. Чепурновъ. 4) Проф. Залѣсскій. 5) Начальникъ главной гимнастическо-фехтовальной школы полк. Мордовинъ. 6) Предсѣдатель лаунъ-теннисъ клуба г. Макферсонъ. 7) Помощникъ начальника главной гимнастическо-фехтовальной школы, подполковникъ Галкинъ. 8) Капитанъ В. И. Сарнавскій. 9) Директоръ Императорскаго Александровскаго лицея, ген.-лейт. Шильдеръ. 10) Докторъ Стасенко и др.

Новыя пріобрѣтенія Русскаго Музея Императора Александра III.

И. Х. Билибинъ, калужскій купецъ, извѣстный меценатъ; жилъ при императорѣ Павлѣ I. Портретъ работы Д. Г. Левицкаго (1736—1822 г.г.), пріобрѣтенный Музеемъ отъ художника И. Я. Билибина.
По фот. Я. Штейнберга.

Я. И. Билибинъ, коммерціи совѣтникъ, пожертвовавшій большую сумму на ополченіе въ 1812 г. Портретъ работы Д. Г. Левицкаго, пріобрѣтенный Музеемъ отъ художника И. Я. Билибина.
По фот. Я. Штейнберга.

встать съ постели. Минутная стрѣлка часовъ была установлена на пять часовъ безъ двухъ минутъ; часы были заведены, но маятникъ остановленъ, и Фридрихъ долженъ былъ пустить его въ ходъ въ ту минуту, когда Гёте проснется. И вотъ въ ту минуту, когда Гёте проснулся, въ спальной вдругъ раздался звучный, съ дѣтства знакомый ему, бой часовъ родного дома. Поэтъ, еще не успѣвшій стряхнуть съ себя дремоты, внимательно вслушивался въ эти знакомые звуки. Ему одну минуту представлялось, что онъ еще спитъ и грезитъ, что онъ въ родительскомъ домѣ и слышитъ бой старинныхъ часовъ, который всегда раздавался въ его ушахъ въ минуту пробужденія, когда онъ былъ ребенкомъ. Но вотъ раздался второй ударъ... Нѣтъ, это не сонъ! Гёте приподнялся; онъ сознаЛъ, что не спитъ, и, слѣдовательно, этотъ часовой бой не сонъ. Онъ услыхалъ третій, четвертый, пятый удары. Онъ все вслушивался, онъ вспоминалъ эти звуки ранняго дѣтства. Потомъ схватилъ колокольчикъ и позвонилъ. Давно ждавшій этого звонка Фридрихъ вошелъ въ его спальню.

— Что это такое Фридрихъ?—спросилъ его волнуемый радостью поэтъ.—Я слышу бой часовъ моего родительскаго дома!

Старый слуга съ улыбкою кивнулъ головою въ знакъ подтвержденія словъ господина и, протянувъ руку по направленію сосѣдней комнатки, сказалъ:

— Да, ваше превосходительство, часы тутъ, тѣ самые.

Гёте спрыгнулъ съ постели и выбѣжалъ въ ту комнатку. Здѣсь онъ увидѣлъ эти милые старые часы, стоявшіе когда-то въ домѣ его родителей, на Гиршграбенѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ. Его большіе голубые глаза затуманились слезами, и онъ долго стоялъ передъ этими часами, вспоминая дни своего дѣтства.

Выспѣваніе грушъ отъ яблочнаго запаха. Когда яблоки и груши хранятся отдѣльно, они медленно и постепенно «доходятъ», какъ выражаются хозяева, умудренные болѣе опытомъ, чѣмъ наукою. Доходятъ, значитъ—вызрѣваютъ. Это вызрѣваніе при бережномъ храненіи не переходитъ за предѣлъ рыночной годности плодовъ, а при небрежномъ храненіи, конечно, легко можетъ обратиться въ разложеніе, гніеніе. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о храненіи яблокъ и грушъ отдѣльно; совсѣмъ другое происходитъ при ихъ совмѣстномъ храненіи. Тутъ наблюдается удивительный фактъ, передъ которымъ наука пока еще находится въ втупикѣ. Дѣло въ томъ, что, будучи сложены въ одну кучу съ яблоками, груши очень быстро—гораздо быстрѣе, чѣмъ при отдѣльной лежкѣ—вызрѣваютъ, «доходятъ», а затѣмъ и загниваютъ. Отсюда правило: никогда не хранить яблоки въ одной кучѣ съ грушами, а по возможности разъединять ихъ, класть подальше другъ отъ друга. Опытные садоводы-практики знаютъ этотъ фактъ. Если обратиться за разъясненіемъ къ опытному плодоводу, то онъ обычно только подтверждаетъ этотъ фактъ, а объясненія отъ него никакого не добьешься, развѣ только, что яблочной ароматъ способствуетъ быстрому вызрѣванію, а затѣмъ и порчѣ грушъ. Одинъ изъ такихъ, умудренныхъ многолѣтнимъ опытомъ, хозяевъ подтвердилъ фактъ ускореннаго вызрѣванія грушъ въ присутствіи яблокъ, при чемъ заявилъ, что онъ самъ пользуется этимъ, и когда ему надо отправить на рынокъ по возможности пораньше партію грушъ, онъ снимаетъ ихъ въ недозрѣломъ состояніи и складываетъ въ кучу, перемѣшавъ съ яблоками, и тогда груши очень быстро и успѣшно дозрѣваютъ.

Содержаніе.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ. Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 15 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 12 апрѣля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 8.

Несокрушимый оптимистъ.

(Изъ записной книжки священника).

Повѣсть **С. Гусева-Оренбургскаго.**

Случилось это на пятый годъ моей службы въ Курычанкѣ. Однажды въ воскресенье проснулся я утромъ съ тяжелой головой: ночью ѣздилъ на дальній хуторъ къ напутствію, а теперь, едва забылся, разбудили. Сквозь морозомъ разукрашенныя стекла пробивался красный свѣтъ зари, надъ крышей плыли медлительные звоны. Съ неохотой всталъ я, одѣлся, шелъ по скрипящему снѣгу дороги въ багровомъ туманѣ зари и все старался вспомнить: что такое особенно важное предстояло мнѣ сдѣлать въ этотъ день? И никакъ не вспоминалось. Въ церкви народу собралось еще мало, лишь пѣвчіе были въ полномъ сборѣ, да дьяконъ Колобродовъ покашливалъ въ алтарѣ.

— Холодненько, батюшка, — встрѣтилъ онъ меня.

— За службой оттаемъ! — пошутилъ я, поспѣшно благословляя облаченіе.

Дьяконъ Колобродовъ, человѣкъ сухой и тощій, былъ роста весьма высокаго, такъ что стихари приходились ему только по колѣни, а рукава ихъ—до локтей. И оттого онъ называлъ ихъ ловушками. Лицо онъ имѣлъ длинное, какъ бы лошадиное, но съ выраженіемъ добрымъ и немного робкимъ. Маленькіе глазки близоруко смотрѣли изъ-подъ очковъ, украшавшихъ далеко выставившійся галочьей формы носъ. До середины головы свѣтлѣла лысина. Голосомъ онъ обладалъ пѣтушинымъ, простуженнымъ въ вѣчномъ холодѣ церкви, какъ простужены у него были руки, ноги... весь онъ былъ больной, несчастный, къ тому же вдовый и бездѣтный человѣкъ. Служилъ онъ въ Курычанкѣ четвертый годъ и жилъ въ школѣ, такъ какъ былъ въ то же время и учителемъ, изъ учителей-то и посвященъ въ дьякона. На стѣнахъ его крошечной комнатки при школѣ рядомъ съ портретами знаменитыхъ людей красовались рекламы патентованныхъ средствъ: отъ кашля, зубной боли, катарра, ревматизма, выпаденія волосъ. И ужъ не знаю, о чемъ онъ говорилъ съ бо́льшимъ увлеченіемъ: о знаменитыхъ

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Подношеніе.

людяхъ или патентованныхъ снадобьяхъ? Вытекало, впрочемъ, изъ его разсужденій, что знаменитые люди—тоже цѣлители, только отъ душевныхъ недуговъ. Его робость, при высокомъ ростѣ, и странное убѣжденіе, что въ качествѣ дьякона онъ долженъ держаться гордо, дѣлали всѣ его движенія немного смѣшными и очень неуклюжими: онъ выступалъ, какъ на ходуляхъ, съ видомъ человѣка, проглотившаго что-то длинное, и пытался дѣлать строгимъ свое доброе лицо.

Пора было начинать службу.

Ужъ Финогенъ давно стоялъ въ ожиданіи со свѣчой и кадиломъ, а дьяконъ все еще не могъ выбраться изъ узкаго нутра стихаря: совался головой и руками, какъ котъ въ мѣшкѣ.

— Скоро ли вы, отецъ дьяконъ?—торопилъ я.

Онъ глухо ворчалъ изъ темной глубины негодующимъ голосомъ:

— Что же я съ этой ловушкой подѣлаю!

Когда его сконфуженное лицо появилось наконецъ на свѣтъ Божій, я спросилъ:

— Не вспомните ли вы, отецъ дьяконъ... что у насъ за дѣло такое на сегодня назначено? Знаю, важное что-то, а не припомню: въ головѣ туманъ.

Дьяконъ, не спѣша, оправилъ стихарь.

Потомъ многозначительно подмигнулъ мнѣ:

— Анютины глазки!

— Ахъ... вотъ что...

Я вспомнилъ.

И тревога охватила меня.

— Что-то выйдетъ у насъ, отецъ дьяконъ?

— Богъ поможетъ, — съ увѣренностью сказалъ дьяконъ. — Добро всегда побѣждаетъ.

— Всегда ли?—усомнился я.—Это только въ прописяхъ...

Дьяконъ сдѣлалъ свирѣпое лицо.

— Всегда!—почти крикнулъ онъ.

И тотчасъ сконфузился:

— Простите, батюшка... но вспомните, что вы вѣдь слово дали, слово настыря.

— Далъ,—отвѣтилъ я:—и сдержу его... какъ же не сдержать!

Я ужъ зналъ, что иначе съ нимъ нельзя говорить объ этомъ дѣлѣ.

— То-то!—сказалъ онъ съ суровой важностью.

И сталъ выростать, вытягиваться, становиться на ходули, принялъ гордый видъ, съ шумомъ отпахнулъ завѣсу, раскрылъ Царскія врата и торжественно откашлялся, по его мнѣнію, въ октаву. Началась утреня. Народъ мало-по-малу заполнилъ всю церковь, и отъ его дыханія стѣны отпотѣли,—стало тепло и душно.

Я все не могъ побороть своей тревоги.

Не первое это было дѣло, когда я дѣятельно принималъ участіе въ житейской драмѣ, но оно было труднѣйшимъ, такъ какъ обстоятельства говорили противъ надежды на благополучный исходъ. Кромѣ того, оно касалось близкаго мнѣ человѣка и осложнялось участіемъ дьякона. Его увѣренность въ побѣду добра я не раздѣлялъ: слишкомъ много накопилось разочарованій. Жизнь являлась передо мной, какъ пучина зла, — „моря Чермнаго пучина“... Только евреи когда-то эту страшную пучину перешли „невлажными стопами“, но то было чудо. А вокругъ меня, среди ежедневной, нудной сутолоки жизни, люди тонули и захлебывались, и не было имъ помощи ни откуда, если не хватало собственныхъ силъ. Исповѣдь особенно много открыла мнѣ въ этомъ отношеніи: даже тамъ, гдѣ съ виду казалось все благополучно, передо мной вскрывались неисцѣлимыя язвы—душевныя драмы, которымъ нѣтъ названія, потому что онѣ больнѣе и страшнѣе тѣхъ словъ, какими ихъ можно выразить...

Служба шла.

И росла моя тревога.

Временами высматривалъ я сквозь прорѣзы вратъ и сквозь синеватый дымъ ладана, въ струящемся отблескѣ свѣчей, видѣлъ тѣ лица, съ которыми судьба меня снова рѣзко сталкивала. Вотъ стоитъ впереди сельскій староста Овцовъ, мой старый знакомый, попрежнему лохматый, словно сшитый изъ овчинъ, но съ выраженіемъ холодной важности на лицѣ,— важности тѣмъ большей, что онъ теперь не только начальникъ, но и первый по селу богачъ.

Это—человѣкъ-камень!

Если онъ утверждался на какой-нибудь темной идеѣ—столкнуть его съ нея было такъ же трудно, какъ пошевелить въ лѣсу столѣтній дубъ. Но, быть-можетъ, сила его заключалась въ томъ, что онъ всегда былъ убѣжденъ въ справедливости того, что дѣлаетъ, хотя справедливость эта была звѣриная. Своей денежной силой онъ въ конецъ разорялъ опустившихся людей, скупая и отбирая у нихъ за долги скотъ и землю, на упреки же возражалъ съ спокойной совѣстью:

— Дураковъ учить и Богъ велѣлъ.

— Да вѣдь я нищъ сталъ черезъ тебя!—кричалъ какой-нибудь обездоленный имъ бѣднякъ.

— Нищему-то тебѣ,—хмуро говорилъ староста:—я и помогу. Приходи ужо за хлѣбомъ.

И давалъ щедрой рукой:

— Разживайся.

— А тады, Евстигнѣевичъ, ты меня опять съѣшь?

— Съѣмъ!

И при случаѣ съѣдалъ безъ остатка, съ безжалостнымъ спокойствіемъ.

Но когда однажды становой попытался устроить неправильные торги на общественную землю, въ руку своему знакомому, староста всталъ на защиту мірскихъ интересовъ и всталъ такъ твердо, что становой растерялся и послѣ долгихъ убѣжденій и посулъ принялся грозить:

— Въ тюрьмѣ сгною!

Староста только холодно усмѣхнулся:

— Меня сгноишь, правды не сгноишь.

Становой отыскалъ какія-то старыя дѣла, нашелъ неправильности въ старыхъ расходныхъ росписяхъ, словомъ—откопалъ столько всевозможныхъ крючковъ и зацѣнокъ, что какой-то членъ суда, знакомый становаго, проѣздомъ черезъ Курычанку вызвалъ къ себѣ старосту и посовѣтовалъ:

— Отступись, милый человѣкъ, а то и двумя годами тюрьмы не отдѣлаешься.

Староста мрачно отвѣтилъ:

— Пущай!

И не отступилъ.

А становой отступилъ...

И вотъ съ этимъ-то упорнымъ и властнымъ человѣкомъ я долженъ былъ вступить въ борьбу, къ тому же въ борьбу изъ-за дѣла, вступаться въ которое я не имѣлъ никакого другого права, кромѣ права моей іерейской и человѣческой совѣсти. Это какъ будто и много, но на самомъ дѣлѣ безконечно мало, ибо въ жизни господствуетъ только законное право. Между тѣмъ до сихъ поръ ни одно ходатайство мое передъ старостой, даже за людей постороннихъ, ни разу не увѣнчалось успѣхомъ, а вѣдь только просьбой, убѣжденіемъ да совѣтомъ я и могъ бороться съ нимъ. Дьяконъ смотрѣлъ иначе... И хотя взглядъ дьякона я считалъ фантастическимъ и неосуществимымъ, но слова его невольно принималъ въ сердце свое, потому что дѣло касалось близкаго мнѣ человѣка. Человѣкъ этотъ былъ Ларіонъ, мой первый врагъ по пріѣздѣ на приходъ, а впослѣдствіи—преданный другъ. Дѣло же заключалось, ни болѣе ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы вырвать у произвола старосты его собственную дочь, потому что она любила Ларіона, и Ларіонъ любилъ ее.

Они съ дѣтскихъ дней любили другъ друга.

Были обручены, когда ей исполнилось пятнадцать лѣтъ.

— Господь соединилъ ихъ сердца!—торжественно говорилъ дьяконъ.

До свадьбы надо было ждать годъ.

Но за этотъ годъ у церковнаго старосты, отца Ларіона, сгорѣлъ домъ вмѣстѣ съ деньгами и всѣмъ имуществомъ; едва сами спаслись изъ пламени. Это такъ на него повліяло, что онъ началъ съ горя пить, совсѣмъ опустился, обнищалъ и однажды на улицѣ подъ заборомъ былъ найденъ мертвымъ. Ларіонъ уже не могъ подняться, а голодный годъ совсѣмъ доканалъ его. Онъ пытался встать на ноги при помощи будущаго тестя, но тотъ обкрутилъ его такими „условіями“, что вскорѣ и отцовское пепелище Ларіона перешло къ старостѣ, и самъ онъ отрабатывалъ долги на его поляхъ. И ужъ негоже стало старостѣ, богачу и начальнику, выдавать дочь свою за работника.

Онъ грубо отказалъ Ларіону.

Въ возмущеніи, въ крайнемъ негодованіи прибѣжалъ Ларіонъ ко мнѣ. Примчалъ и дьяконъ, узнавшій новость отъ самой Анюты, примчалъ встрепанный, взъерошенный и, подобно привидѣнію вышагивая по комнатамъ, торжественно клялся, что не дастъ въ обиду „благословенное Богомъ“.

Но напрасны были слова возмущенія, хожденія къ старостѣ, убѣжденія и просьбы.

Староста мрачно сказалъ:

— Моя власть—отцовская.

И больше не захотѣлъ разговаривать.

Дьяконъ погрозилъ:

— Не разрушайте, Евстигнѣичъ, Богомъ соединеннаго... Страшный отвѣтъ дадите на судищѣ Христовомъ.

— За словомъ въ карманъ не полѣзу!—отрѣзалъ староста.

И взглянулъ на дьякона насмѣшливо:

— А ты развѣ вокругъ аналоя обводилъ ихъ?

Дьяконъ на это страшно разсердился.

— Обведу, безчувственное сердце!—закричалъ онъ.— Обведу!.. не будь я дьяконъ Колобродовъ!

Такъ прошло два года.

И вотъ по селу распространилась новость: староста нашелъ достойную партію для своей дочери—мельника Коротконогова, пятидесятилѣтняго вдовца съ двумя дѣтьми, человѣка весьма богатаго, но порочнаго и больного. Все село возмутилось старостой, всѣ любили Анюту и ужасались ея судьбѣ.

Но кто и какъ могъ вступиться?

Изувѣчь онъ ея тѣло—вступились бы и люди и законъ, но когда увѣчатъ душу человѣческую, никто не можетъ вступиться...

...Сегодня мы должны были сдѣлать первое оглашеніе...

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Будущій инокъ. Первая картина художника.

Утреня кончилась.

И наступалъ этотъ моментъ.

Сквозь прорѣзы вратъ я увидѣлъ Ларіона.

Вотъ стоитъ онъ близко отъ старосты, этотъ обиженный и разоренный имъ человѣкъ, попрежнему добродушно-спокойный. Но по тому, какъ онъ темнымъ взглядомъ слѣдитъ за дьякономъ, я чувствовалъ, что таится подъ его спокойствіемъ: онъ ждетъ приговора, который навѣки убьетъ его послѣднюю надежду... Такъ гдѣ же эта всегдашняя побѣда Добра, о которой съ такимъ убѣжденіемъ говоритъ дьяконъ, если мы,—мы, друзья его,—въ этомъ холодномъ мірѣ, въ этомъ царствѣ насилія и зла не только ничѣмъ не могли помочь ему, но готовились и должны были нанести ему ударъ, убивающій душу,—потому-что мы—люди только до предѣловъ статьи закона, а въ предѣлахъ ея мы только исполнители, ничтожные винты громоздкой и бездушной машины!

Мысль эта возмутила меня.

И когда, послѣ утрени, подошелъ дьяконъ и, испытующе взглянувъ черезъ очки, спросилъ меня:

— Что же... оглашать?

Я твердо отвѣтилъ:

— Нѣтъ!

Онъ расцвѣлъ.

Его доброе лошадиное лицо выразило полный восторгъ. Какъ журавль, зашагалъ онъ по алтарю, возбужденно потирая руки:

— Ура, ура, Анютины глазки! Адмиральскій флагъ поднятъ, эскадра готовится къ отплытію!

И повернулся ко мнѣ:

— Чуръ, не отступать, батюшка!

— Нѣтъ,—повторилъ я.

— Будемъ твердо держаться!

— Ну, конечно,—сказалъ я.

— И побѣдимъ!

— Вѣдь добро всегда побѣждаетъ,—улыбнулся я.

Но ему не понравилась моя улыбка.

Онъ остановился передо мной и взглянулъ откуда-то сверху со своихъ ходулей.

— Добро и Зло въ мірѣ,—сказалъ онъ наставительно:—осуществляются черезъ людей! Каковы мы—таковы и дѣла наши... это—истина!

Когда кончилась обѣдня, народъ не расходился, словно ждалъ чего-то. И все стоялъ староста впереди, и Ларіонъ вблизи него. Я понялъ, что все село заинтересовано страннымъ бракомъ въ семьѣ Овцова, и всѣ ждутъ оглашенія, какъ бы не вѣря, что такое обычное, но преступное дѣло можетъ совершиться.

И я сказалъ дьякону:

— Скажите же имъ, что они напрасно ждутъ.

Дьяконъ вышелъ на амвонъ, постоялъ тамъ, но ничего не сказалъ и вернулся съ лукавой усмѣшкой.

Тогда староста не выдержалъ.

Онъ вошелъ въ алтарь и спросилъ:

— Нешто оглашенія не будетъ?

— Староста Овцовъ,—сказалъ я:—оглашенія не будетъ до слѣдующаго праздника.

Лицо у него стало темнымъ и злымъ: видно, онъ почуялъ недоброе.

— Почему такъ?—угрюмо спросилъ онъ.

— Нашлись важныя препятствія... Сегодня я хочу посѣтить тебя и тогда все объясню.

Онъ взглянулъ подозрительно, нахмурился, шумно вздохнулъ, потомъ сказалъ какъ-то загадочно:

— Приходите!

И ушелъ.

Съ смутнымъ говоромъ потянулся и народъ изъ церкви.

...За чаемъ мы обсуждали затѣянное...

Больше всѣхъ ораторствовалъ дьяконъ, а Ларіонъ сидѣлъ задумчиво, опустивъ голову на руки, и не вступалъ въ разговоръ. Зато матушка какъ будто взялась быть его адвокатомъ, тому, какъ блестѣли ея глаза, я уже зналъ, что долженъ с[illegible]шить и невозможное. И я съ великой радостью готовъ былъ [illegible]вершить его, но червь сомнѣнія шепталъ мнѣ:

„Невозможное невозможно...“

Дьяконъ бушевалъ.

— Она мнѣ... какъ дочь родная! Анюта! Ангелъ во плоти!—не говорилъ, а вопіялъ онъ, выступая на ходуляхъ по комнатѣ.—Ахъ, Анютины глазки!.. Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни! Въ обиду не дамъ! Вы помните, помните?—налеталъ онъ на меня съ вытянутыми руками.—Вы помните, какъ я въ школу пріѣхалъ, а она среди малышей объявилась?—„Учиться, говоритъ, хочу, учиться...“ Жажда знанія,—вотъ оно что! За-

глянулъ я ей въ глаза... васильки... цвѣточки небесные! Сидитъ среди малышей, глазенки какъ у маленькой горятъ... звѣздочки, звѣздочки... и все-то она знать хочетъ: какъ, да что, да почему? Эхъ, Анютины глазки... полюбилъ я ее! Умъ-то у нея пытливый, и душа-то нѣжная... да вотъ сердце запуганное: заѣлъ, задавилъ ее этотъ чортъ въ овчинахъ, — не отецъ, а иродъ безчувственный! А вы помните, помните?—вытягивалъ руки къ матушкѣ дьяконъ:—какъ въ ревматизмѣ валялся я? Одинъ... одинъ на всемъ свѣтѣ... а она ко мнѣ тетку свою подослала—ухаживать за мной. Да нѣтъ-нѣтъ изъ дому-то, изъ-подъ надзору,

— А очень просто.

— Объясните-съ!

— Да вѣдь староста человѣкъ властности непреоборимой. Ужъ одно то, что вступаются люди не въ свое дѣло, только утвердитъ его въ его упорствѣ. Что мы опять будемъ дѣлать? Совѣтовать? Но онъ скажетъ, какъ и прежде, что не нуждается въ совѣтахъ. Убѣждать? Но онъ никогда ни на какія убѣжденія не поддавался. Грозить? Но чѣмъ? Судомъ Божіимъ? Но онъ убѣжденъ въ своей правотѣ. Судомъ человѣческимъ? Но законъ на его сторонѣ. А законъ обязателенъ и для насъ...

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Пастушки.

вырвется, да прибѣжитъ ко мнѣ, провѣдаетъ, да пирожка тамъ притащитъ, того-другого... звѣздочки-то ея въ моей комнатѣ заблестятъ... Купила она меня, купила добротой своей на вѣки вѣчные. Эхъ, Анютины глазки! Да чтобъ я ее... Нѣтъ ужъ, извините... я добрый человѣкъ... а когти-то и у меня есть!..

Онъ съ яростнымъ видомъ перебиралъ пальцами:

— На ея защиту выпущу!

Матушка одобрительно смѣялась, а дьяконъ кричалъ Ларіону:

— Вѣрить мнѣ, Ларивонъ?

Онъ колотилъ себя въ грудь:

— Вѣрь Колобродову!

По шуму, который производилъ дьяконъ словами и движеніями, по возбужденной жестикуляціи его я догадывался, что онъ, подобно мнѣ, сомнѣвается и только бодрится, самоутѣшаетъ себя.

И я сказалъ:

— А не кажется вамъ, отецъ дьяконъ, что мы идемъ тушить огонь керосиномъ?

Онъ даже изогнулся весь:

— Какъ это?

Дьяконъ слушалъ меня, все еще согнувшись, и какъ бы ловилъ ртомъ мои слова, но тутъ вдругъ выпрямился и простеръ въ воздухѣ свои худыя руки.

— Великій нарушитель закона,—сказалъ онъ съ гнѣвной наставительностью:—Христосъ... сказалъ: суббота ли для человѣка, или человѣкъ для субботы? А вѣдь мы Его ученики.

— Но вѣдь Христосъ же, — возразилъ я: — сказалъ: „воздайте Божіе Богови, а кесарево—кесареви“.

Дьяконъ вдругъ возрадовался:

— Коли Овцовъ на убѣжденья не пойдетъ—мы такъ и сдѣлаемъ... по Христову!

Я, въ свою очередь, очень удивился:

— То-есть, какъ это?

— А очень просто,—ликовалъ дьяконъ:—вѣдь еще сказано: будьте кротки, какъ голуби, но и мудры, какъ зміи. Кесарево-то мы и отдадимъ кесарю, а Божіе — Богу. Изъ субботы-то цѣлое воскресенье устроимъ... не будь я дьяконъ Колобродовъ!

И дьяконъ возбужденно шагалъ по комнатѣ:

— Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни!

Всѣхъ заинтриговали его намеки, особенно матушку. Но онъ

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Горе.

упорно отказался отъ объясненій, заявивъ, что обо всемъ повѣдаетъ послѣ разговора съ Овцовымъ. И ужъ сталъ говорить какія-то загадочныя слова о тайнахъ, которыя надо тщательно хранить, дабы врагъ о нихъ не провѣдалъ. И говорилъ все это съ пыломъ, и вышагивалъ какъ журавль, и все потиралъ свою лысину, какъ будто тамъ, подъ нею, возникали тысячи таинственныхъ плановъ.

Матушку это интересовало и очень радовало:

— Да скажите же, отецъ дьяконъ, что вы задумали?

Онъ отворачивалъ лицо и махалъ рукой:

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Пригрѣлись.

— Таина!

— Хоть намекъ дайте.

— Молчу, молчу!

— А меня тогда помощницей возьмете?

Онъ повернулся къ ней и многозначительно сощурилъ глазъ:

— Когда придетъ время...

Я скептически относился ко всѣмъ этимъ дьяконовымъ загадкамъ.

— Знаю одно, — сказалъ я: — что не бывать этому постыдному дѣлу съ моего благословенія: вѣнчать не стану.

— А я,—сказалъ дьяконъ:—документовъ не выдамъ.

— Ну вотъ на это-то какъ разъ мы и не имѣемъ права. Онъ все равно ихъ въ этомъ случаѣ изъ консисторіи получитъ, помимо насъ, да намъ же еще и достанется.

— А не сходить ли вамъ къ Коротконогову?—посовѣтовала матушка.

Мысль показалась мнѣ блестящей.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ это раньше въ голову не пришло? Возможно, что на него убѣжденія наши скорѣе подѣйствуютъ... Дѣло-то и затянется, а тамъ видно будетъ. Намъ важно время выгадать.

— Ужъ на него-то я вовсе не надѣюсь, — нахмурился дьяконъ:—да и противенъ онъ мнѣ!

— Что жъ дѣлать?

— Ну, идемте.

Когда мы собрались уходить, Ларіонъ поднялся и поклонился въ поясъ мнѣ и дьякону:

— Спасибо вамъ за хлопоты. Одно скажу: не жить мнѣ безъ нея. Бѣду сдѣлаю... альбо имъ, альбо себѣ!

Дьяконъ вытянулся передъ нимъ на своихъ ходуляхъ и прокричалъ какъ бы откуда-то съ потолка:

— Говори слава Богу: черезъ недѣлю Анна станетъ твоей женой... не будь я дьяконъ Колобродовъ!

Но Ларіонъ даже не улыбнулся въ отвѣтъ.

...Коротконоговская мельница находилась въ полуверстѣ отъ села. Сооружена она была изъ стараго чернаго лѣса, внизу широкая, вверху узкая, и издали напоминала нелѣпое пьяное чудище, увязшее въ болотѣ и молчаливо звавшее на помощь взмахами черныхъ лапъ. Вблизи нея стоялъ домъ изъ того же чернаго лѣса, длинный, угрюмый, съ рѣдко посаженными маленькими окнами. А вокругъ распространялась унылая и пустынная снѣжная полина. Но когда мы подходили къ дому, ужъ намъ показалось, что въ этомъ унылом мѣстѣ живетъ веселый, пьяный и грѣшный духъ. Домъ имѣлъ видъ опухшій и сонный, казался на снѣгу черной, приплюснутой, квадратной головой съ тупыми глазками, но изъ всѣхъ его пазовъ и щелей, сквозь стѣны, окна и углы пробивались заглушенные звуки гармоники, ухающіе вскрики и гулкій топотъ, отъ котораго тупо вздрагивали черныя стѣны дома.

Кто-то, очень пьяный, лежалъ поперекъ сѣней.

Намъ пришлось шагнуть черезъ него.

Удушливый воздухъ обдалъ насъ изъ комнаты: пахло водкой, ѣдой, дымомъ махорки. Въ густомъ, темномъ, жаркомъ туманѣ мелькали люди, безпорядочныя движенія ихъ переплетались въ какой-то неясный, пьяный, дикій узоръ, словно тутъ кишѣли отдѣльно руки, ноги, головы.

Насъ никто не замѣтилъ, когда мы остановились у дверей, и мы сначала ничего не могли понять: драка ли тутъ происходила, или было въ разгарѣ человѣческое веселье? Крики, возгласы, бормотанье, топотъ, звуки гармоники, визгливой и хрипящей,—все сливалось въ адскій хоръ, отъ котораго трещало въ ушахъ. Мельканье въ глазахъ у меня наконецъ прекратилось, и я разсмотрѣлъ густую толпу мужиковъ, все больше пожилыхъ; они махали руками, радостно орали, въ восторгѣ разѣвая рты, приплясывали въ тактъ гармоникѣ, а въ широкомъ кругѣ ихъ, изъ-за спинъ ихъ, я увидѣлъ лавочника Потапыча и передъ нимъ Коротконогова. Потапычъ, съ блаженной улыбкой на лицѣ, вытянувъ по швамъ руки, стоялъ на одной ногѣ и все прыгалъ, какъ фонарный столбъ, не сходя съ мѣста. А Коротконоговъ нырялъ, леталъ, носился передъ нимъ въ какомъ-то нелѣпомъ трепакѣ, изгибался, точно корчился въ судорогахъ, откидывался назадъ, бросался впередъ, присѣдалъ и выбрасывалъ ноги. Но все это безъ ритма, безъ системы, дико, точно въ припадкѣ. И при этомъ шумно и гнусаво выкрикивалъ слова, отъ которыхъ кровь бросилась мнѣ въ лицо. Широкое, но короткое, плоское лицо его, съ чернымъ коническимъ отверстіемъ вмѣсто носа, мелькало, какъ бы

Н. Богдановъ-Бѣльскій. На пріемѣ въ школу.

двоилось и троилось въ туманѣ спертаго воздуха отъ нелѣпыхъ плясовыхъ корчей его, а сѣдая борода вѣеромъ странно раздувалась и трепалась. Онъ мнѣ казался духомъ грѣха, воплощеннымъ духомъ пьянства и распутства, но только не веселья: веселились мужики, веселился и даже симпатиченъ былъ мнѣ Потапычъ, съ его смѣшными, комическими движеніями, какъ симпатиченъ былъ и мужикъ, извлекавшій изъ гармоники веселый шумъ „камаринскаго". А Коротконоговъ даже на фонѣ этого грубаго веселья казался грубымъ пятномъ, потому что нарушалъ ритмъ его, только дѣлалъ видъ, что веселится и пляшетъ, а на самомъ дѣлѣ лишь безсмысленно корчился и кобенился, какъ неумѣлый и жалкій шутъ. И при этомъ еще выкрикивалъ скверныя слова.

Я возмутился.

Хотѣлъ что-то крикнуть...

Но дьяконъ предупредилъ меня и громогласно возгласилъ совершенно пѣтушинымъ голосомъ:

— Же-е-нихъ... сты-ы-дно!

Все смолкло, остановилось, стихло.

Мужики разступились.

Потапычъ растерялся, опустилъ ногу, какъ дернулъ, да такъ и остался стоять съ руками навытяжку. А Коротконоговъ, какъ ни въ чемъ не бывало, словно продолжая свой плясъ, метнулся къ намъ съ хитрой, пьяной, слащавой улыбочкой и заюлилъ и заспѣшилъ:

— Какіе гости... Боже мой! Батюшка-съ! Отецъ дьяконъ! Пожалуйте, милости прошу-съ... къ весельицу нашему, къ мужицкому. Въ кумпанію-съ!

Я рѣзко сказалъ:

— Мы пришли по дѣлу.

Хитрые глазки его забѣгали передъ моимъ лицомъ:

— Какому-съ?

— Секретному.

Въ глазахъ его вспыхнуло насмѣшливое лукавство.

Тутъ я замѣтилъ, что онъ и не былъ очень пьянъ, трезвѣе другихъ во всякомъ случаѣ, но старался улыбаться съ веселой безсмысленностью пьянаго, какъ бы желая скрыть подъ этой улыбкой свои настоящія мысли. И мнѣ показалось еще, что онъ уже знаетъ, зачѣмъ мы пришли. Онъ опять заюлилъ, залебезилъ передъ нами, искоса бросая насмѣшливые взгляды на дьякона.

— А мы новокупочку справляемъ-съ... Домикъ я купилъ, на селѣ поставлю... низокъ каменный будетъ, а верхъ деревянный. И лавочка-съ. Милости прошу тогда за покупочками-съ! Какъ же-съ, новоселье-съ. Вотъ отецъ дьяконъ говорятъ: стыдно-съ! А чего стыдиться? Дѣло законное-съ... житейское... человѣческое-съ! Самъ Господь благословляетъ... и вы въ скорости благословите-съ.

— А ты, Василій Евграфычъ,—строго сказалъ дьяконъ:—про бабушкины вилы поговорку слыхалъ?

— Слыхали-съ. А что̀ же-съ?

— Прочитай, что̀ написано.

У Коротконогова слегка дернулась щека:

— Что̀ тамъ написано—изъ села Борисова... къ намъ касанія не имѣетъ.

Н. Богдановъ-Бѣльскій. Новые владѣльцы. XLII Передвижная выставка.

И, повернувшись ко мнѣ, онъ заговорилъ сдержаннѣе;

— Такъ по секретному дѣлу, говорите-съ?

— По секретному, Василій Евграфычъ.

— Пожалуйте, по сосѣдству въ каморочку-съ, тамъ побесѣдуемъ.

Его широкая спина заколыхалась передъ нами, указуя намъ путь сквозь дымный туманъ, короткія ножки его тупо стучали по полу. Мужики стояли неподвижно, молчаливо, видимо, смущенные, и, когда мы проходили мимо нихъ, шептали:

— Извините, батюшка...

Сосѣдняя комната была вся какая-то сѣрая, словно затканная по стѣнамъ паутиной. У окна стоялъ столъ, сплошь заваленный бумагами: расписками, счетами. Но еще болѣе тутъ было пыли и сору. Коротконоговъ пригласилъ насъ сѣсть и самъ сѣлъ у стола. На немъ былъ кафтанъ изъ хорошаго синяго сукна, на груди болталась серебряная цѣпочка. Сѣдая круглая борода вѣеромъ распласталась по груди; она бы придавала ему видъ нѣкоторой почтенной солидности, если бы не короткія ножки, едва достигавшія пола, когда онъ сѣлъ, и если бы не его лицо скелета съ чернымъ проваломъ вмѣсто носа, откуда терпко вѣяло на насъ смрадомъ гніенія. Наединѣ съ нами Коротконогонъ совсѣмъ перемѣнился, и ужъ видно было, что онъ вовсе не пьянъ. Видимо, онъ понялъ изъ намека дьякона, что разговоръ пойдетъ въ открытую, и бросилъ свои улыбки, принялъ видъ серьезный, лукавый огонекъ въ его глазахъ получилъ злой оттѣнокъ. Меня охватило чувство недоброжелательства, но я подавилъ его въ себѣ.

— Василій Евграфычъ,—началъ я:—мы пришли къ вамъ по важному дѣлу, касающемуся вашей души, вашей совѣсти. Намъ, духовнымъ, заповѣдано: „настой благовременне и безвременне, во дни и нощи"... забота о всей жизни пасомыхъ вручена намъ этими словами. Когда мы видимъ несправедливость, готовую совершиться, сердце, готовое разбиться, когда мы видимъ, какъ низкій, скверный земной расчетъ готовъ разъединить Самимъ Богомъ соединенное... когда мы видимъ неразумнаго отца, готоваго отдать,—нѣтъ, больше того—продать свою юную дочь въ неравный бракъ со старикомъ...

Положительно я не могъ говорить спокойно.

А Коротконоговъ на мигъ какъ бы коснулся моего лица злыми иглами своихъ глазъ, и тотчасъ же взглядъ его ушелъ куда-то въ потолокъ.

— Когда,—продолжалъ я съ возрастающимъ волненіемъ:—мы видимъ старика, забывшаго всѣ грѣхи и болѣзни своей жизни и готоваго грубо раздавить юный и невинный цвѣтокъ молодости... мы почитаемъ своимъ долгомъ, мы должны, мы обязаны обратиться къ совѣсти этихъ лицъ, чтобы не допустить ихъ совершить злое, неправедное дѣло! Кратко, Василій Евграфычъ: вы хорошо обдумали свой бракъ съ Анной Овцовой?

Онъ все продолжалъ смотрѣть въ потолокъ.

— Кажись, дѣло рѣшеное!—прогнусавилъ онъ.

— Такъ ли?

— Какъ же не такъ-то? Вѣдь сами же вы сегодня оглашенье дѣлали

Оттѣнокъ нахальной самоувѣренности въ его словахъ и манерѣ возмутилъ меня.

— Оглашенія,—рѣзко сказалъ я:—не было и не будетъ!

Онъ мутно взглянулъ на меня:

— Почему такъ?

— Да будемъ говорить по-человѣчески, Василій Евграфычъ. Вѣдь вы же знаете, что я противъ этого брака. Знаете, что я и приношеній не принялъ отъ старосты. И знаете, почему. Анна была уже обручена съ Ларіономъ, она его невѣста и она должна быть его женой, потому-что они любятъ другъ друга, потому-что Самъ Богъ соединилъ ихъ сердца и благословилъ ихъ союзъ. А люди изъ низкихъ земныхъ расчетовъ хотятъ разлучить ихъ. Разлучникомъ ли хотите вы быть? Вы—старикъ, вы уже прожили жизнь, а она еще только начинаетъ ее... погубить ли ее хотите? Что̀ она можетъ вамъ дать, кромѣ вѣчныхъ слезъ, сожалѣній о погубленной жизни и, быть-можетъ, ненависти? И что̀ можете дать ей вы? Да, я знаю, на землѣ много творится такихъ дѣлъ, и много слезъ на ней льется, и обычнымъ это на землѣ считается, но... вѣдь есть же небо, есть же Богъ на небѣ, Василій Евграфычъ!

И я продолжалъ убѣждать его.

Собственныя мои горячія слова самого меня трогали, и ужъ я говорилъ съ нимъ мягко и почти любовно. А онъ продолжалъ смотрѣть, не отрываясь, въ потолокъ, и лицо его оставалось равнодушнымъ. Вдругъ онъ въ упоръ взглянулъ на меня съ злымъ лукавствомъ и насмѣшливо сказалъ:

— За Ларивошку хлопочете?

Я даже не могъ отвѣтить ничего, только вспыхнулъ.

— Стало, и вѣнчать не будете?

— Никогда!—вскричалъ я гнѣвно.

Насмѣшка медленно сошла съ его лица, и лукавый огонекъ потухъ въ глазахъ; онъ уже зло и нахально смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

И медленно прогнусавилъ:

— Ну-у, что-о-жъ... приведется безъ васъ обойтись. Свято мѣсто не будетъ пусто, а свѣтъ не клиномъ сошелся: поповъ-то на ёмъ много, а за наши денежки и вѣнцы найдутся! Поманимъ сотельной—самъ архерей обвѣнчаетъ.

Тутъ дьяконъ не выдержалъ.

Онъ всталъ, сердито сунулъ руки въ карманы подрясника и сказалъ съ холодной ироніей:

— Сотельныхъ-то у тебя много, должно-быть?

— Да е-е-сть!—самодовольно осклабился Коротконоговъ.

— То-то и архіерея купить думаешь...

И дьяконъ язвительно добавилъ:

— А что же носа себѣ не купишь?

Коротконоговъ густо побагровѣлъ, вскочилъ.

Онъ задралъ голову кверху и затоптался на мѣстѣ, словно хотѣлъ броситься на дьякона. Но до дьякона было высоко и далеко: точно съ потолка смотрѣло его гнѣвное лицо на копошившагося у ногъ его Коротконогова.

— Гдѣ носъ?!—допрашивалъ онъ.

И видно было, что онъ въ карманахъ сжимаетъ кулаки.

Коротконоговъ задохнулся, хотѣлъ что-то крикнуть, но дьяконъ не далъ ему сказать и слова: онъ впалъ въ страшную ярость, выхватилъ руки изъ кармановъ, провелъ ими по лысинѣ и обрушилъ сверху на Коротконогова цѣлый потокъ гнѣвныхъ и язвительныхъ словъ:

— Жениться захотѣлъ? Ста-а-рый распутникъ!—Молодую жизнь загубить... пога-а-ная душа! Видно, безъ носу-то и не слышишь, чѣмъ отъ тебя пахнетъ? Гніешь! Гніешь!

Коротконоговъ получилъ наконецъ даръ слова.

— Молчи!—заоралъ онъ.

Но дьяконъ поднималъ надъ головой кулаки.

— Гробъ себѣ закажи... гробъ! Могилу вырой! Сорокоустъ намъ закажи, чтобы поганую душу твою изъ ада вывели! Же-е-ниться захотѣлъ... ба-а-бу себѣ купить за свои сотельныя! Нѣтъ, ты... саванъ купи! Да въ гробъ заранѣе лягъ, да кайся!.. Сдохнешь скоро, сдохнешь, гнилая душа!

Коротконоговъ метнулся къ двери.

Внезапно онъ распахнулъ ее, выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату, къ мужикамъ, и заметался, и заюлилъ въ густомъ дыму, и какъ будто сталъ прежнимъ Коротконоговымъ—лукавымъ и немножко пьяненькимъ, похахатывалъ и сыпалъ словами, но въ словахъ этихъ уже звучала напряженная ненависть.

— Почтенные, слышите? Почтенные друзья, слышите? — бѣгалъ онъ передъ мужиками.

И показывалъ на насъ растопыренными пальцами:

— Каковы наши духовные, а?

Суетился, юлилъ и какъ будто смѣялся.

— Пришли, пришли въ хозяйскій домъ, хозяина обижаютъ, хозяина стращаютъ. Страшны рѣчи говорятъ! Не женись, говорятъ, Коротконоговъ, старъ ты, Коротконоговъ... Правда, что ли, почтенные?

Дьяконъ яростно крикнулъ:

— Правда!

И я сказалъ:

— Правда, Коротконоговъ.

Мужики смущенно молчали.

— Скажите же ему, что это правда,—обратился я къ нимъ:—вѣдь я же знаю, что вы всѣ такъ думаете. Вѣдь не продали же вы ему за водку своей совѣсти!

Они совсѣмъ смутились, но молчали.

Кто-то тихо сказалъ:

— Не наше дѣло, батюшка.

Одинъ Потапычъ расхрабрился и сказалъ шуткой.

— Душа-то у тебя молодая, Евграфычъ... а надо правду молвить: старова-а-ть ты!

Коротконоговъ такъ и заметался въ дыму комнаты:

— Старъ я... измѣнники?!

И онъ началъ изгибаться и кобениться, какъ будто собирался пуститься въ свой давишній плясъ, колотилъ себя по груди рукой и гнусавилъ съ ужимками, какъ будто веселыми, за которыми чувствовалась ярость.

— Да я за сто молодыхъ отвѣчу! Я... Коротконоговъ! Я ее осчастливлю, Анютку-то!.. Моя краля, моя! За мельоны не уступлю, никому не уступлю! Дворецъ ей построю... на селѣ-то! Въ бархатъ наряжу, золотомъ осыплю... на рукахъ носить буду!.. Моя краля, моя! У меня...

Онъ крѣпко стукнулъ себя по карману:

— Всѣхъ куплю!

И заюлилъ, и залебезилъ, и заметался.

— Отцы-съ духовные-съ... вѣнчать не хотите-съ? А хотите, я... бумажечками-съ... красненькими-съ... отъ вашихъ домиковъ до церкви дорожку сдѣлаю-съ... потомъ ваши будутъ?

Онъ потиралъ руки и смѣялся намъ въ лицо:

— Желаете-съ?

Я взглянулъ на дьякона.

— Кажется, намъ тутъ больше нечего дѣлать, отецъ дьяконъ.

Дьяконъ выпрямился, вытянулся, съ комической презрительностью оглядѣлъ съ ногъ до головы Коротконогова и торжественно направился къ выходу.

Коротконоговъ юлилъ, забѣгалъ справа и слѣва и еще что-то насмѣшливо гнусавилъ, но мы ужъ не слушали. На крыльцѣ мы пріостановились и посмотрѣли другъ на друга.

— Ну?—сказалъ я.

Дьяконъ отвѣтилъ тѣмъ же:

— Ну?

— Пойдемъ къ старостѣ... керосиномъ огонь тушить?

Дьяконъ сдѣлалъ строгое лицо.

— Каждому человѣку,—отвѣтилъ онъ:—предоставлено итти по пути добра или зла. Про зло-то и сказано: Господь его попущаетъ... до времени. А добру Онъ помогаетъ, черезъ людей. По пути ли добра мы идемъ? Ну, такъ пойдемъ до конца.

— И тогда добро побѣдитъ?—усмѣхнулся я уныло.

— Добро всегда побѣждаетъ!—отвѣтилъ онъ со строгой важностью.

— Но вѣдь мы добьемся у старосты не больше, чѣмъ здѣсь.

— Меня интересуетъ другое,—сказалъ дьяконъ и посмотрѣлъ куда-то вверхъ:—чего мы добьемся у Бога. Сказано: толцыте—и отверзется... не у людей, такъ у Бога!

И опять на лицѣ его появилось выраженіе, будто онъ знаетъ что-то тайное.

Мы медленно направились по дорогѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пора.

Уѣхалъ мой жилецъ, и комната пуста,
И сорваны съ оконъ рукой жестокой шторы,
И видны на полу протертыя мѣста,
И на обояхъ тусклые узоры.
Какъ долго жилъ, какъ много онъ страдалъ,
Какъ часто горячо и пламенно молился,
И какъ онъ вдругъ ушелъ, и ничего не взялъ,
И ни съ одною вещью не простился.
Но всѣ онѣ сошли съ своихъ обычныхъ мѣстъ,
И паутины нить повисла надъ дверями,
И трещина легла на зеркало, какъ крестъ,
И потемнѣлъ портретъ въ старинной рамѣ.
Онъ только-что ушелъ, а все мертво вокругъ,
И холодъ нежилья ложится понемногу,
По дому стонетъ подъ карнизомъ звукъ,
Уѣхалъ мой жилецъ,—
И мнѣ пора въ дорогу.

Кн. Я. Андрониковъ.

Неизданный отрывокъ Пушкина.

Съ примѣчаніями **Н. О. Лернера.**

Чѣмъ дальше отходитъ въ прошлое, тѣмъ ближе становится намъ и личный и литературный образъ Пушкина, тѣмъ охотнѣе и внимательнѣе прислушиваемся мы къ изрѣдка долетающимъ до насъ новымъ, загробнымъ звукамъ его голоса, тѣмъ драгоцѣннѣе намъ каждая, доселѣ невѣдомая, строка, сбѣжавшая съ его пера. Какимъ-то „святымъ очарованьемъ“ озаряетъ его имя коротенькую дружескую записочку, дѣловой документъ, случайный набросокъ.

Мы рады, что можемъ сообщить читателю небольшой отрывокъ Пушкинской прозы. Это—страничка изъ „Исторіи Пугачевскаго бунта“. Ее сохранилъ находящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ бѣловой экземпляръ „Исторіи“,—тотъ самый, съ котораго она набиралась.

Осенью 1833 г., возвратившись изъ поѣздки на мѣста, гдѣ когда-то гремѣла гроза Пугачевщины, Пушкинъ завершилъ свою работу, но затѣмъ еще долго дополнялъ и исправлялъ ее, а лѣтомъ 1834 г. приступилъ къ печатанію. Наблюденіе за послѣднимъ принялъ на себя начальникъ той типографіи, въ которой печаталась „Исторія“ (это была казенная типографія, принадлежавшая II отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи) М. Л. Яковлевъ—лицейскій товарищъ и одинъ изъ самыхъ близкихъ пріятелей поэта. Къ нему и обращены двѣ находящіяся на рукописи записки, также до сихъ поръ неизданныя.

„Вотъ тебѣ, мой благодѣтель, первая глава—съ Богомъ“,—пишетъ Пушкинъ Яковлеву на первомъ листѣ рукописи. Она поступила въ типографію 5 іюля 1834 г., какъ помѣчено вверху первой главы. „Вотъ и второй томъ“,—пишетъ поэтъ на титульной страницѣ второго тома, поступившаго въ типографію, какъ видно изъ помѣтки, 17 іюля. Печатаніе шло съ лихорадочной быстротою. Пушкину хотѣлось поскорѣе справиться съ „Исторіей“ и „дернуть“ къ гостившей у своихъ родныхъ въ деревнѣ женѣ, и онъ спѣшилъ съ корректурами и торопилъ типографію. „Кабы ты видѣла,—пишетъ онъ ей 11 іюля:—какъ я сталъ прилеженъ, какъ читаю корректуру, какъ тороплю Яковлева! Только бы въ августѣ быть у тебя“. 14 іюля: „Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ, я оставлю Пугачева на его попеченіе“. 30 іюля: „я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются, два тома печатаются вдругъ!“ 3 августа: „Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца“. Повидимому, первый томъ въ августѣ былъ уже готовъ, такъ какъ подъ предисловіемъ, которое переписалъ начисто для набора самъ Яковлевъ (см. Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-е, СПБ., 1899, стр. 117), находимъ приписку Пушкина: „Печатать. 12 авг. А. П.“

Чтеніе корректуръ осложнялось тѣмъ, что Пушкинъ въ то же время продолжалъ отдѣлывать свою работу и вносилъ въ нее различныя измѣненія: кое-что изъ самаго текста „Исторіи“ вносилъ въ примѣчанія, исправлялъ нѣкоторыя выраженія, производилъ перестановки. Одно изъ наиболѣе значительныхъ измѣненій онъ сдѣлалъ въ пятой главѣ. То мѣсто, которое начинается словами: „Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года“...—и которое посвящено описанію осады Яицкаго городка и происходившаго въ немъ броженія (въ изд. 1834 г., I, 98—105)—Пушкинъ снабдилъ примѣчаніемъ (стр. 52): „слѣдующія любопытныя подробности взяты мною изъ весьма замѣчательной статьи („Оборона Яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ“), напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ П. П. Свиньина. Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ слѣдовалъ я журналу Симонова *), предполагая болѣе достовѣрности въ офиціальномъ документѣ, нежели въ воспоминаніяхъ старика. Но вообще статья неизвѣстнаго очевидца носитъ драгоцѣнную печать истины, неукрашенной и простодушной“.

*) Подполковникъ Симоновъ былъ комендантомъ Яицкой крѣпости.

Шесть листковъ этого описанія приложены въ типографской рукописи къ пятой главѣ, а въ самой рукописи данное мѣсто изложено иначе, короче и драматичнѣе. Приводимъ эту интересную страничку:

Крѣпость сего города находилась въ осадѣ съ самаго начала года. Гарнизонъ претерпѣвалъ всѣ ужасы голода. Хлѣба уже не было. Мѣшали землю съ отрубями и составляли какое-то тѣсто. Лошадиное мясо раздавалось на вѣсъ. Ѣли кошекъ и собакъ. Гарнизонъ находился въ вѣчной опасности, ибо осада ведена была правильнѣе, нежели подъ Оренбургомъ и подъ Уфою. Наконецъ (15 Апрѣля) изъ крѣпости замѣчено было, что мятежные казаки въѣзжали въ городъ въ безпорядкѣ одинъ за другимъ. Цѣлый день жители волновались, перебѣгали изъ дома въ домъ и сходились на улицахъ. Къ вечеру ударили въ Соборной колоколъ. Казаки собрали кругъ и долго шумѣли; потомъ кучею пошли къ крѣпости. Симоновъ уже готовился отразить ихъ пушками, но съ изумленіемъ увидѣлъ, что они вели связанныхъ своихъ предводителей, Атамановъ Каргу и Толкачева. Они приближались, громко моля о помилованіи себя и о пощадѣ городу. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Жители увѣдомили его объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. Гарнизонъ бросился на хлѣбъ, нанесенный изъ города. 17-го прибылъ Мансуровъ и принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Карга, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца Устинья Кузнецова были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Новое, болѣе пространное, изложеніе этихъ событій вышло у Пушкина исторически-цѣннѣе, но въ стилистическомъ отношеніи не лучше. Отвергая первую редакцію, Пушкинъ, въ сущности, не отказался отъ нея, а какъ бы растворилъ ее во второй, гдѣ тамъ и сямъ мелькаютъ отдѣльныя фразы первой. „Картина бѣдствія гарнизона и его освобожденія составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ исторіи этихъ смятеній“,—справедливо отозвался о данномъ описаніи одинъ современный критикъ (въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1835 г.). Въ первоначальной редакціи даже скорѣе, чѣмъ во второй, можно усмотрѣть „мудрую экономію и изящное устройство матеріала“ (слова бар. Е. Розена въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1835 г.). Его краткость болѣе соотвѣтствуетъ общему масштабу работы, а его благородная сжатость, простота и лапидарность слога оправдываютъ отзывъ Бѣлинскаго, что „Исторія Пугачевскаго бунта“—„перомъ Тацита написана на мѣди и мраморѣ“.

Уличный папа.

Разсказъ **Вас. Брусянина.**

Перепечатка воспрещается.

Инженеръ Суслинъ вошелъ на площадку трамвая на углу Невскаго и Литейнаго, хотѣлъ пройти въ вагонъ, увидѣлъ въ вагонѣ мужа Натальи Дмитріевны и не двинулся съ мѣста...

Мужъ Натальи Дмитріевны—господинъ тучный, съ брюшкомъ, съ длинными усами и бритымъ подбородкомъ. Глаза на выкатѣ, большіе, странные, пустые глаза. Щеки у него одутловатыя, со складками у шеи: „какъ она можетъ любить этого урода?“ И шляпа у него все такая же, фетровая, широкополая, съ приплюснутымъ верхомъ. Это онъ, мужъ Натальи Дмитріевны, онъ—художникъ Свинцовъ!

Суслинъ подумалъ: „впрочемъ, какой же онъ художникъ? Всего-то учитель рисованія въ какомъ-то училищѣ...“

Купилъ Суслинъ у кондуктора билетъ и, къ изумленію послѣдняго, спрыгнулъ съ площадки на первой же остановкѣ и посмотрѣлъ сквозь вагонное стекло на жирный подбородокъ мужа Натальи Дмитріевны.

Долго стоялъ посреди улицы и ждалъ, когда подойдетъ слѣдующій трамвай... Ждалъ, смотрѣлъ на темныя очертанія молчаливыхъ домовъ подъ ровнымъ покровомъ бѣлой ночи и думалъ о Натальѣ Дмитріевнѣ и... о Леночкѣ. Подошелъ вагонъ трамвая, и какимъ-то страннымъ, точно никому не нужнымъ показался Суслину свѣтъ электрическихъ лампочекъ.

Быстро вошелъ на заднюю площадку, пропустивъ мимо себя даму съ дѣвочкой лѣтъ 8-ми, и внимательно посмотрѣлъ внутрь вагона, направо, и точно боялся—не сидитъ ли и тутъ мужъ Натальи Дмитріевны.

Почему-то Суслинъ даже и въ думахъ своихъ не называлъ художника Свинцова по имени и отчеству или по фамиліи, у него какъ будто не было ни имени ни фамиліи, а званіе—мужъ Натальи Дмитріевны.

Суслинъ сидѣлъ въ вагонѣ трамвая противъ дамы съ дѣвочкой и смотрѣлъ на милую семилѣтнюю брюнетку, въ свѣтлой кофточкѣ и въ красивомъ короткомъ платьицѣ. Шляпа на дѣвочкѣ была большая, соломенная, съ широкой лентой, концы которой опускались на спину дѣвочки и, темнѣя, сливалась въ одинъ тонъ съ темнымъ цвѣтомъ длинныхъ вьющихся волосъ.

„И Леночкѣ теперь семь лѣтъ... У нея такіе же длинные волосы. Только Леночка блондинка. Она похожа на меня... И онъ, мужъ Натальи Дмитріевны, знаетъ объ этомъ, знаетъ и точно радуется, что его дочь похожа на него, на инженера Суслина“...

Такъ думалъ о Леночкѣ, о мужѣ Натальи Дмитріевны и объ инженерѣ Суслинѣ самъ инженеръ Суслинъ.

А вагонъ трамвая быстро спускался подъ уклонъ Литейнаго моста. Сейчасъ Финляндскій вокзалъ. Мужъ Натальи Дмитріевны сошелъ у этого вокзала, сѣлъ въ поѣздъ, который раньше Бѣлоострова не останавливается, и поѣхалъ къ себѣ на дачу подъ Выборгъ.

Прекрасно знаетъ инженеръ Суслинъ дачу мужа Натальи Дмитріевны. Широкая дорога отъ станціи по финскимъ болотамъ. Потомъ дорога поднимается на изволокъ съ высокими соснами, потомъ поворачиваетъ налѣво въ узкую улицу, съ дачами по обѣ стороны, и вотъ тутъ недалеко бѣлая двухъэтажная дача съ башней. Въ этой дачѣ и живутъ Леночка и ея мама, красивая шатенка.

Леночка—его дочь... И какъ странно: его дочь живетъ тамъ гдѣ-то, подъ Выборгомъ, а онъ, инженеръ Суслинъ, проводитъ лѣто въ городѣ. Живетъ въ богатой и прекрасной квартирѣ на Каменномъ островѣ. И окна его квартиры выходятъ въ садъ, но все же нѣтъ той прелести, что̀ была тамъ, когда онъ жилъ недалеко отъ дачи, гдѣ теперь живетъ его милая дочка Леночка.

Дама и дѣвочка-брюнетка встали, забрали пакеты и сошли у Финляндскаго вокзала. Суслинъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и подумалъ:

„И онѣ живутъ на дачѣ... Можетъ-быть, онѣ живутъ тамъ же, гдѣ живетъ Леночка... Можетъ-быть, эта дѣвочка—подруга Леночки, и онѣ вмѣстѣ играютъ, ходятъ по берегу темнаго озера... Можетъ-быть, и эта дама знакома съ Натальей Дмитріевной...“

А вагонъ трамвая быстро несся по Большой Дворянской и увлекалъ инженера Суслина отъ Финляндскаго вокзала все дальше и дальше, къ его холостой квартирѣ...

Прошло уже больше семи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, а онъ все не можетъ осмыслить своего страннаго положенія. Занятый проектами мостовъ, дамбъ и плотинъ, онъ часто забываетъ и о Леночкѣ, и о Натальѣ Дмитріевнѣ, и о ея мужѣ, но какъ только что-нибудь напомнитъ ему о прошломъ—образъ Леночки не даетъ ему покоя. Укоромъ какимъ-то живетъ она тамъ гдѣ-то и точно мститъ ему своими маленькими нѣжными ручками: душитъ его, терзаетъ грудь, холодитъ сердце.

Глупая и, пожалуй, пошлая дачная интрижка вначалѣ, семь лѣтъ назадъ, теперь виситъ надъ нимъ преображенной въ мучительную трагедію. Рѣдко вспоминаетъ инженеръ Суслинъ о художникѣ Свинцовѣ, и вотъ сегодня... Надо же ему было войти на площадку именно того вагона, въ которомъ сидѣлъ, обложенный пакетами, этотъ противный дачный мужъ—мужъ Натальи Дмитріевны... Сегодняшній вечеръ инженеръ Суслинъ вмѣстѣ съ своими товарищами предполагалъ провести на Крестовскомъ. Но развѣ же онъ въ состояніи сдержать данное слово сегодня? Развѣ же можетъ онъ поѣхать въ этотъ садъ, переполненный веселящимися петербуржцами? Когда онъ думаетъ о томъ, что̀ случилось семь-восемь лѣтъ назадъ, когда онъ вспоминаетъ, что на свѣтѣ есть Леночка, русокудрая, голубоокая дѣвочка—ему не хочется видѣть людей, и онъ бѣжитъ отъ нихъ, запирается у себя въ холостой квартирѣ и никого не принимаетъ.

И одинъ, какъ всѣми отверженный, переживаетъ свою душевную драму...

Обыкновенная исторія юности,—исторія, какихъ много. Жилъ онъ лѣтомъ на дачѣ именно тамъ, гдѣ жили художникъ Свинцовъ и его жена Наталья Дмитріевна. То время было на зарѣ его карьеры. Мечталъ онъ объ этой карьерѣ, и хотѣлось ему любить. Ухаживалъ за дамами и за барышнями и слылъ даже за интереснаго кавалера, о которыхъ всю зиму мечтаютъ дачныя и станціонныя барышни. Кто-то познакомилъ его съ Натальей Дмитріевной. Она была стройна, молода, красива, съ соблазнительными коралловыми губами и съ ясными свѣтло-сѣрыми глазами. Вначалѣ онъ не обратилъ на нее вниманія, потому что увлекался въ это время одной барышней, за которой ухаживали почти всѣ дачные кавалеры. Но вышло такъ, что однажды Натальи Дмитріевна по-

жаловалась ему на одиночество. И узналъ Суслинъ, что у Натальи Дмитріевны есть мужъ, художникъ Свинцовъ, старше ея лѣтъ на десять, обрюзгшій, толстый человѣкъ, думающій только о наживѣ и о своихъ иконописныхъ занятіяхъ.

Въ дачѣ Свинцова висѣли его этюды и картины, и Суслинъ искренно восхищался ими въ тотъ вечеръ, когда добродушный художникъ затащилъ къ себѣ молодого инженера. А поздно ночью послѣ винта втроемъ, когда Суслинъ прощался съ новыми знакомыми, обрюзгшій художникъ сказалъ:

— Ужъ вы, пожалуйста, Артемій Ивановичъ, мѣшайте моей жинкѣ скучать.. Я, знаете ли, человѣкъ занятой, только по субботамъ да по воскресеньямъ и бываю у родныхъ пенатовъ...

Сказалъ такъ обрюзгшій занятый человѣкъ и точно благословилъ Суслина на новую жизнь.

Не долго молодой инженеръ ухаживалъ за скучающей женой художника: бѣлыя ночи, уединенныя прогулки на берегу пустыннаго темнаго озера быстро сблизили ихъ... Сблизились они— и порвалась цѣпь безмятежныхъ человѣческихъ отношеній...

Въ началѣ сентября она ему сказала:

— Артемій, я...

Его точно жаромъ обдало, и онъ промолчалъ.

И шли они по темной дорогѣ съ косыми тѣнями елей, въ лучахъ луннаго свѣта и молчали...

— Ты слышишь, Артемій, у меня будетъ ребенокъ...

— Это скверно,—сказалъ онъ.

И опять они помолчали...

— Я не знаю, какъ ко всему этому отнесется мужъ,—сказала она.

— Позволь, что̀ значитъ „отнесется“? Вѣдь вы же мужъ и жена. Что̀ же удивительнаго, что у васъ родится ребенокъ?..

Она расхохоталась и сказала:

— ... Да дѣло въ томъ, что у насъ съ моимъ супругомъ вотъ уже семь лѣтъ нѣтъ дѣтей!..

Не зналъ Суслинъ, какъ отнесется мужъ Натальи Дмитріевны къ ея беременности, а потому поспѣшилъ уѣхать съ дачи въ Петербургъ. Его отъѣздъ никого не могъ удивить: въ половинѣ сентября съ дачъ разъѣзжаются даже самые запоздалые дачники.

Передъ отъѣздомъ было свиданіе съ художникомъ Свинцовымъ. Встрѣтилъ Артемій Иванычъ Свинцова по дорогѣ къ станціи. Шелъ художникъ подъ руку съ женою, а въ свободной рукѣ несъ ручной чемоданчикъ.

— А-а-а!.. Что̀ же это васъ не видно?.. Здравствуйте!.. А мы скоро въ городъ... Дня черезъ три пріѣду и жинку увезу...

Потупивъ глаза, выслушивалъ Суслинъ веселую рѣчь художника и боялся взглянуть въ глаза его жены. Взглянулъ и замѣтилъ спокойный и даже насмѣшливый взглядъ.

На прощанье художникъ сказалъ:

— Вотъ вамъ и адресокъ нашъ зимній... пожалуйста, заходите...

И сунулъ въ руки инженера свою карточку.

На обратномъ пути отъ станціи Наталья Дмитріевна была весела и безпечна. Но въ ея улыбкѣ Суслинъ прочелъ что-то новое, и сама она казалась какой-то новой. Лицо Натальи Дмитріевны пополнѣло и стало точно застывшее, и сама она пополнѣла.

Шла она какая-то новая, смѣялась по-новому, глядѣла на Суслина по-новому. Ему хотѣлось разспросить, гдѣ и какъ они будутъ видѣться въ Петербургѣ, и онъ раздумывалъ, слѣдуетъ ли объ этомъ спросить. Шелъ рядомъ съ Натальей Дмитріевной и жалѣлъ, что на улицѣ еще такъ свѣтло, и нельзя обнять красивую женщину и поцѣловать ее, какъ всегда.

— Онъ знаетъ о моей беременности,—вдругъ сказала она.

— Кто онъ?—спросилъ Суслинъ, сознавая ненужность своего вопроса.

— Ха-ха-ха!..—разсмѣялась она.— Кто онъ?.. Да мужъ, конечно!..

— И что̀ же онъ?

— Онъ радъ...

— Чему?..

— А тому, что у насъ будетъ ребенокъ. Онъ такъ давно желалъ этого, и я даже стала замѣчать, какъ онъ съ каждымъ годомъ все больше и больше охладѣваетъ ко мнѣ... И онъ, какъ мальчикъ, былъ влюбленъ въ меня сегодня...

— Вы сегодня сказали ему?—спросилъ онъ, переходя на „вы“.

— Да, утромъ...

И они больше ничего не говорили, пока шли до дачи.

Онъ какъ-то не могъ понять и осмыслить своего положенія. „Какъ же это такъ? Ужели же онъ, этотъ толстый художникъ, не сомнѣвается, что ребенокъ не его? Вотъ глупый и жалкій человѣкъ! И какъ теперь вести себя съ нимъ, съ этимъ глупымъ рогатымъ мужемъ?..“

А Наталья Дмитріевна ни о чемъ не думала. Шла, опустивъ лицо, и улыбалась, и нельзя было понять, почему она такъ странно улыбается.

У рѣшетчатой изгороди бѣлой дачи они остановились. Онъ хотѣлъ зайти къ Свинцовой, а она сказала:

— Сегодня я васъ не приглашаю... что-то нездоровится...

Протянула къ нему руку и добавила:

— Вы, говорятъ, черезъ день уѣзжаете?

— Да.

— Всего лучшаго!.. Заходите къ намъ въ Петербургѣ, мужъ далъ вамъ нашъ адресъ.

Уѣхалъ Суслинъ въ Петербургъ, занялся работами и первое время забылъ и о дачѣ въ Финляндіи и о Натальѣ Дмитріевнѣ. Отнесся къ исторіи съ ея беременностью, какъ къ обычной легонькой интрижкѣ. Былъ съ нею—и жилось хорошо, а теперь нѣтъ ея—и съ глазъ долой, изъ сердца вонъ.

Случайно встрѣтился съ художникомъ Свинцовымъ въ обществѣ архитекторовъ на какомъ-то докладѣ.

— А-а!.. Артемій Ивановичъ,—обрадовался художникъ.—Что̀ же это вы къ намъ не заглянете?.. А вѣдь у меня родилась дочка, недѣлю назадъ окрестили ее, Леночкой назвали... Приходите, пожалуйста, жена будетъ очень рада...

Прошелъ мѣсяцъ и другой... Примчалась новая, веселая, зеленая весна съ бѣлыми ночами, а онъ почему-то не рѣшался побывать у Свинцовыхъ. Бѣлыя ночи будили воспоминанія минувшаго года и хотѣлось побыть съ Натальей Дмитріевной наединѣ, ласкать ее, цѣловать... и все же онъ не рѣшался пойти къ чудаку-художнику. Не зналъ, какъ держать себя съ нимъ, не зналъ, какъ встрѣтитъ его она, не зналъ, какъ онъ впервые посмотритъ на свою дочку... На свою дочку!.. У него есть дочка. Какое это странное, новое ощущеніе. Зналъ онъ и привычки счастливыхъ родителей: притащатъ ребенка показать гостю, будутъ ему расхваливать свое сокровище, а гость долженъ находить ребенка и милымъ, и румянымъ, и Богъ знаетъ еще какимъ, лишь бы слова гостя были пріятны родителямъ.

Боялся и не шелъ. Но вотъ какъ-то разъ получилъ отъ художника приглашеніе письмомъ и рѣшился и поѣхалъ...

Пріѣхалъ къ Свинцову около часу. Художникъ встрѣтилъ его радушно, провелъ въ кабинетъ и притворилъ дверь въ сосѣднюю комнату.

— Жена поѣхала въ Гостиный... На дачу собираемся... То надо купить да другое. Теперь вѣдь у насъ больше заботъ: дѣвочка родилась; то да се... подай ей, тоже вѣдь будущая личность!..

— Что̀ же, большая она? — спросилъ Суслинъ, чувствуя, что что-то надо спросить и о дочкѣ.

— Ого! четвертый мѣсяцъ намъ!.. Да-съ, четвертый мѣсяцъ!..

Разговоръ о дѣвочкѣ оборвался. Суслину показалось, что художникъ умышленно заговорилъ о томъ проектѣ, докладъ о которомъ они оба слушали въ обществѣ архитекторовъ.

Гдѣ-то въ глубинѣ комнатъ послышался дѣтскій плачъ.

— Ага!.. вотъ и Леночка проснулась!.. Вотъ я ее вамъ сейчасъ покажу!..

Счастливый отецъ быстро метнулся въ сосѣднюю комнату и черезъ минуту принесъ дѣвочку въ конвертикѣ съ оборочками и кружевами.

Протянулъ Суслинъ къ дѣвочкѣ руку и даже произвелъ губами какой-то неопредѣленный звукъ, зная, что съ дѣтьми говорятъ на такомъ особенномъ языкѣ.

— Видите, какая бѣленькая, кудрявенькая, съ голубыми глазками!.. А! Леночка, миленокъ ты мой!..

И художникъ безъ числа принялся цѣловать дочку, такъ что та состроила кислую гримасу и расплакалась.

— Ну, ну, не плачь, бѣлобрынчикъ ты мой, мальдашка моя!

Пересталъ папа цѣловать дочку, и дѣвочка успокоилась.

— А!.. Смотрите, какая красавица! Леночка, ты красавица? Бѣлобрынчикъ ты мой, голубоглазикъ!.. На васъ, Артемій Иванычъ, похожа...

Острыя мурашки пробѣжали по всему тѣлу инженера, и онъ опустилъ глаза. Свинцовъ съ дѣвочкой на рукахъ быстро вышелъ въ сосѣднюю комнату и быстро же появился вновь. Осмотрѣлъ смущенную фигуру инженера насмѣшливымъ взглядомъ и сказалъ:

— Да-съ, на васъ похожа, на васъ!.. Да вы не смущайтесь!.. И было время, когда я васъ хотѣлъ убить, а потомъ, какъ собаку, пристрѣлить... Да-съ!

Художникъ стоялъ передъ Суслинымъ съ раскраснѣвшимся лицомъ. Выкатившіеся глаза его налились краской, и губы поблѣднѣли, точно опаленныя его же словами.

— Хотѣлъ и васъ и ее убить!.. А потомъ пришла мнѣ идея отравить вамъ существованіе, такъ сказать, безкровнымъ способомъ... Вотъ вы—отецъ дѣвочки, а я не пущу васъ приласкать ее!.. Да-съ, не пущу васъ въ дѣтскую вашей же дочери!.. А?.. Ха-ха-ха!..

Отошедшее немного лицо художника снова начало наливаться кровью, и глаза запылали злобой.

— Да-съ, вы отецъ и не смѣете войти въ дѣтскую своей дочки!.. Что?.. И ко мнѣ не смѣйте ни ногой... Слышите! Я и принялъ-то васъ для того, чтобы сказать вамъ это. Жена моя вонъ тамъ, въ столовой. Я приказалъ ей сидѣть у камина и слушать, что̀ я вамъ скажу. А скажу я вамъ слѣдующее: если вы или она будете назначать другъ другу свиданія—убью и васъ, и ее, и Леночку!.. А потомъ уже и съ собой покончу!.. Слышите?..

Художникъ подошелъ къ двери въ столовую, пріотворилъ одну скрипнувшую половинку и сказалъ:

— Слышишь, Наташа?.. А теперь, — добавилъ онъ, обращаясь къ Суслину: — а теперь, какъ говорится, „извольте вамъ выйти вонъ“!.. Вонъ!.. вонъ!.. И чтобы никогда у меня не бывать!.. И чтобы вы не смѣли при встрѣчѣ со мною или съ женою раскланиваться!.. Замѣчу — публично морду набью! На улицѣ прибью, въ театрѣ, въ церкви и то не пощажу!..

Онъ говорилъ и шелъ за торопливо удалявшимся къ двери инженеромъ,—шелъ, тяжело дыша и грузно ступая по паркету:

— Я отмщу вамъ .. да-съ!.. Вотъ вы—отецъ Леночки, а не смѣете

войти въ ея комнату... да-съ!... потому, она моя дочь, а не ваша!.. Ваша она и не ваша... да-съ!..

Художникъ стоялъ въ двери въ прихожую и насмѣшливо смотрѣлъ на инженера, руки котораго дрожали, и онъ никакъ не могъ попасть въ рукавъ пальто. Свинцовъ помогъ Суслину надѣть пальто и сказалъ:

— Помните же... Леночка моя дочь!.. Моя, не ваша!.. Я ее буду любить, цѣловать буду, ласкать, а вы будете жить, знать, что у васъ есть дочь, и не будете ее ласкать!.. Ого!.. Я отмщу вамъ!..

Эта сцена навсегда осталась въ памяти Суслина. Точно околдовалъ его жирный художникъ своими словами, точно приворожилъ его къ Леночкѣ. И какъ будто какимъ-то неумолимымъ проклятіемъ нависла надъ нимъ эта дѣвочка, которую онъ не имѣетъ права ласкать и цѣловать. Пусть бы лучше художникъ избилъ его у себя въ кабинетѣ, но лишь бы позволилъ бывать у него въ домѣ, чтобы видѣть Леночку... А теперь онъ живетъ и мучится мечтою о Леночкѣ. Его дочь эта бѣлокурая, голубоокая дѣвочка, и онъ не можетъ цѣловать ее. Она даже не знаетъ, что онъ ея отецъ, а не этотъ обрюзгшій, толстый художникъ...

Послѣдніе годы онъ только издали рѣшается смотрѣть на Леночку. По воскресеньямъ отправляется на Караванную и долго ходитъ мимо дома № 17. Ходитъ и ждетъ, когда Леночка выйдетъ на улицу въ сопровожденіи бонны.

Бонна—пышная блондинка съ густыми волосами и съ вздернутымъ носикомъ. Одѣвается она франтовато, и, когда Суслинъ идетъ имъ навстрѣчу и смотритъ въ ясные глазки Леночки, нѣмка жеманно и кокетливо заглядываетъ на Артемія Иваныча и что-нибудь веселое разсказываетъ Леночкѣ по-нѣмецки.

Иногда взглядъ Артемія Ивановича встрѣчается съ простодушнымъ и веселымъ взглядомъ милой дѣвочки, и горькое чувство укалываетъ сердце одинокаго инженера. Такъ и хочется наклониться къ дѣвочкѣ и сказать: „Милая моя Леночка... здравствуй!.. Ужели ты не узнаешь своего папу?..“

Смѣшно бы это вышло, а можетъ-быть, и грустно, почти трагично!.. Сказалъ бы онъ такъ Леночкѣ, а та съ недоумѣніемъ посмотрѣла бы на „чужого дядю“, а можетъ-быть, и шарахнулась бы въ сторону. У нея уже есть папа—толстый человѣкъ, съ сѣдыми висками и съ бородой, которая тоже сѣдая. А какія игрушки онъ ей покупаетъ! А какъ смѣшно, когда папа,—большой сѣдѣющій папа,—какъ мальчикъ, начинаетъ бѣгать по комнатамъ и играть съ Леночкой! А лѣтомъ на дачѣ что̀ онъ съ нею дѣлаетъ!.. Научилъ Леночку играть въ крокетъ, купилъ ей бильбокэ, завелъ на озерѣ лодку съ красными каймами по борту и даже лодку эту назвалъ „Леночкой“. Большими бѣлыми буквами выведено на носу лодки ея имя. И Леночка, вообще-то еще плохо умѣющая читать, твердо знаетъ семь буквъ въ ея имени, и этому научилъ ее папа, большой, толстый и сѣдѣющій папа.

Инженеръ Суслинъ лѣтомъ особенно скучаетъ по Леночкѣ. Уѣзжаетъ семья Свинцовыхъ на дачу и увозитъ съ собою бѣлокурую дѣвочку, и онъ прекрасно знаетъ, гдѣ Леночка проводитъ лѣто: въ бѣлой дачѣ, на холмѣ, поросшемъ высокими соснами. Недалеко отъ бѣлой дачи озеро, а на озерѣ лодка съ красными бортами, и на самомъ носу лодки бѣлой краской выведено дорогое Суслину имя, милое, хорошее слово: „Леночка“.

Въ воскресенье утромъ спѣшно ѣдетъ инженеръ Суслинъ на Финляндскій вокзалъ, садится въ поѣздъ, и ему кажется, что вотъ именно этотъ поѣздъ, въ который онъ сѣлъ, движется медленнѣе всѣхъ поѣздовъ въ мірѣ. Спѣшитъ онъ въ знакомую дачную мѣстность, къ холму, на которомъ расположена бѣлая дача, а поѣздъ движется медленно. И сидятъ около инженера Суслина и противъ него и за нимъ неизвѣстные ему, чужіе люди. Надоѣдливый, плоскій разговоръ этихъ людей и противный ихъ смѣхъ... и все скверныя рожи, чужія, холодныя, чопорныя, скверныя рожи!.. А въ представленіи рисуются образъ милой Леночки и ея бѣлокурые волосики и ея свѣтло-голубые глазки, милые глазки...

Останавливается поѣздъ у знакомой станціи. Выходитъ изъ вагона инженеръ Суслинъ и идетъ знакомой дорогой къ бѣлой дачѣ на холмѣ съ соснами. А самъ все озирается, опасаясь, какъ бы не встрѣтиться съ Натальей Дмитріевной, съ ея мужемъ или съ Леночкой.

Онъ боится остаться съ глазу на глазъ съ Леночкой. Вѣдь не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ подойти къ ней и сказать: „Здравствуй, Леночка... милая моя дѣточка!.. вѣдь я твой папа, настоящій папа“... Не можетъ онъ сдѣлать это, потому что знаетъ, что Леночка не пойметъ его и скажетъ: „Не знаю я чужого дядю... ай, боюсь, боюсь!..“ У нея есть папа, толстый, сѣдѣющій человѣкъ.

Боится Артемій Иванычъ встрѣчаться съ Леночкой, но любитъ смотрѣть на нее издали, когда она играетъ у себя въ саду или идетъ по дорогѣ къ станціи съ бонной, или стоитъ на дебаркадерѣ станціи и поджидаетъ поѣздъ, который привезетъ изъ города ея папу, противнаго толстаго художника. Какъ-то разъ онъ видѣлъ, какъ Леночка и Наталья Дмитріевна и бонна шли на озеро. Онъ шелъ за ними медленно, съ опущенной на грудь головою, и всматривался въ Леночку, идущую рядомъ съ мамой. А по другую сторону Леночки идетъ бонна, кокетливо одѣтая и такая, что вся ея внѣшность, ея близость къ дѣвочкѣ возбуждаютъ въ Суслинѣ глухую и острую непріязнь къ этой чужой женщинѣ, имѣющей право быть такой близкой къ его дочери... Идетъ онъ и думаетъ:

„Я и Наталья Дмитріевна около Леночки... это такъ понятно! Но зачѣмъ она, эта бѣлобрысая, противная бонна близка къ ней?..“

Вотъ вышли они на побережье озера, прошли къ лодкѣ, на борту которой написано „Леночка“. Бонна оттолкнула лодку, усѣлись онѣ всѣ въ лодку и поплыли. Бонна гребетъ веслами, а Леночка сидитъ рядомъ съ мамой, наклоняется за бортъ лодки и брыжжетъ блестящей на солнцѣ водою, опуская въ воду ручонку и выбрасывая ею цѣлые каскады брызгъ. Наталья Дмитріевна потянула къ себѣ Леночку и сказала что-то дѣвочкѣ. А та подняла кверху ручонки и принялась бить въ ладоши...

Стоитъ Суслинъ за угломъ изгороди чьей-то дачи и исподтишка слѣдитъ за тѣмъ, что̀ дѣлается на лодкѣ.

Плыветъ лодка по тихой, прозрачной поверхности озера, и отражаются въ озерной глади бѣлое платьице Леночки и большая свѣтло-розовая шляпа съ широкими лентами...

Смотритъ Леночка сощуренными глазами въ голубое небо, улыбается солнцу, улыбается тихому озеру съ прозрачной гладью, а ея папа стоитъ у угла чужой дачи, прячется отъ Леночки и груститъ. И яркому солнцу онъ не смѣетъ улыбаться, не смѣетъ улыбаться и ясной и тихой глади озера, въ которой такъ живо отражаются бѣлое платьице Леночки и ея большая розовая шляпа...

Какъ-то разъ, случайно, Артемій Иванычъ повстрѣчался съ Натальей Дмитріевной на углу переулка, по которому никогда не ходятъ Свинцовы. Встрѣча была случайная и неожиданная, и потому, быть-можетъ, и онъ и она испугались другъ друга...

— Вы?.. — выкрикнулъ онъ и остановился. — Наталья Дмитріевна?..

Она равнодушно посмотрѣла ему въ глаза, точно въ первый разъ встрѣтила этого страннаго человѣка, который каждое воскресенье ходитъ вблизи ихъ дачи и точно ищетъ чего-то или кого-то... Посмотрѣла Наталья Дмитріевна равнодушно на Суслина и прошла молча и, какъ замѣтилъ онъ, даже быстрѣе пошла къ дачѣ, какъ бы съ желаніемъ поскорѣе убѣжать отъ этого страннаго человѣка.

Грустный, задумчивый шелъ онъ къ озеру и думалъ:

„Что̀ же это она?.. Ужели забыла?.. Мужъ сказалъ: забудь—и она забыла... Это же невозможно, невозможно!.. Невозможно забыть тѣ бѣлыя ночи, когда мы были счастливы!.. Нельзя забыть того, что Леночка—ихъ дочь, ихъ дочь!..“

Думалъ такъ и шелъ къ озеру...

Лежали придорожныя длинныя тѣни сосенъ и елей дачныхъ садовъ. Вилась вдоль дороги узкая тропа, выбитая ногами дачниковъ. Слышались изъ-за деревьевъ голоса, смѣхъ и дѣтскій визгъ. Взрослые люди спорили на террасѣ коричневой дачи, а можетъ-быть, мирно разговаривали, но только громко, а у террасы, на крокетной площадкѣ, дѣти катали шары, лихо махали молотками, весело перекликались, смѣялись...

Дѣти... и опять дума о Леночкѣ... И опять запросы:

„Ужели она могла забыть и бѣлыя ночи, и наши встрѣчи, и нашу любовь?.. Ужели же она не знаетъ, что я отецъ Леночки... я?..“

Озерное побережье пустынно. Пестрѣютъ купальныя будки у воды. У пристаней-помостовъ, у кольевъ на отмели привязаны лодки, и тихо покачиваются лодки на озерной глади...

Двѣ жирныя дачницы въ купальныхъ костюмахъ стоятъ въ водѣ недалеко отъ берега и о чемъ-то бесѣдуютъ, какъ будто встрѣтились на улицѣ и обмѣниваются новостями, и смѣшно выглядятъ на ихъ головахъ какіе-то чепцы. А дальше у отмели купаются финскіе ребятишки, брызжутся водою, гоняются другъ за другомъ, хохочутъ, визжатъ. Имъ весело, имъ радостно!.. Великая земля-мать вдохнула въ нихъ радость и веселье и дала имъ избытокъ силъ для счастья ихъ дѣтскихъ дней... А вотъ и опять дѣтскіе, звонкіе голоса въ ближайшей купальнѣ. Густой мужской голосъ врывается въ хоръ дѣтскихъ голосовъ. Это ихъ папа говоритъ что-то... И въ этихъ невидимыхъ дѣтей, смѣхъ и возгласы которыхъ доносятся изъ купальни, великая земля-мать вдохнула свои радости и свое счастье. Дала она жизнь и тому человѣку, который густымъ, веселымъ голосомъ кричитъ:

— Дима!.. Дима! да чего же ты боишься?.. Зажмурь глаза, сожми крѣпче губы, я тебя окуну...

— Нѣтъ, папочка, нѣтъ!.. Я боюсь!..

— Глупый, чего боишься?.. Видишь!..

И слышно изъ-за перегородки купальни—опускается въ прохладную воду тучное тѣло того человѣка, котораго какой-то Дима называетъ папой... А Суслинъ стоитъ на берегу озера, смотритъ въ голубую даль водной глади съ отраженными берегами, и ему кажется, что и онъ самъ, со всей своей жизнью, съ своими радостями и горестями, только отраженный... только отраженный въ жизни...

„У этого Димы есть папа... У этого папы есть Дима... Дима... И у меня есть Леночка... И у Леночки есть папа... Я ея папа... Я, а не тотъ противный, толстый, обрюзгшій художникъ... я... я... я...“

Подошелъ ближе къ водѣ и началъ всматриваться въ лодки и все искалъ лодку съ красными бортами. Нашелъ, хотѣлъ-было сѣсть на ея бортъ и не посмѣлъ: на красномъ фонѣ у самаго носа было выведено бѣлой краской только одно слово: „Леночка“... Онъ уже не первый разъ видѣлъ это слово, бѣлымъ по красному,

но только теперь всматривался въ него, какъ въ новое, никогда не виданное... Подошелъ ближе къ лодкѣ, осмотрѣлся...

Все такъ же, какъ и пять минутъ назадъ, стояли въ водѣ жирныя дачницы въ купальныхъ костюмахъ и все еще о чемъ-то бесѣдовали. А изъ ближайшей купальни доносились дѣтскіе голоса, и слышно было, какъ какой-то Дима кричалъ:

— Папочка!.. папочка!.. а я не боюсь, не боюсь!.. Смотри!.. Разъ, два, три!..

И слышно было, какъ упало въ воду тѣло Димы, и шумѣла вода и волновалась.

Осмотрѣлся Суслинъ еще разъ и, показывая видъ, будто разсматриваетъ лодку съ красными бортами, опустился колѣнами на песокъ, наклонился и припалъ губами къ слову „Леночка“, выведенному бѣлымъ, и шепталъ:

— Леночка!.. Леночка!.. милая моя дѣточка!..

Солнце зашло за грани лѣса. Потемнѣла озерная вода. Упалъ вѣтеръ, примолкъ, притаился, и неподвижной лежала водная гладь, отразившая прибрежныя деревья и зарево закатнаго пожара. Смолкли голоса финскихъ ребятишекъ, ушли жирныя дачницы въ красную купальню, прошли берегомъ Дима и его папа, господинъ въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой, и за ними шли еще два мальчика въ гимназическихъ фуражкахъ.

Торжественно тихо на озерѣ... Какъ будто и лѣсъ, и вода, и купальни, и лодки творятъ молитву уходящему въ вечернія дали солнцу... Ближе къ тому берегу темной полоской показалась лодка, и такъ гулко, такъ непрошенно рѣзко и такъ нежданно противно донеслись со стороны лодки рѣзкіе, крикливые звуки гармоники...

„Гармоника въ этотъ тихій вечеръ молитвы... Какая пошлость!..“

Метнулась въ Суслинѣ эта мысль и оборвалась, точно испуганная рѣзкими, крикливыми голосами гармоники...

Хотѣлось бы молиться въ этотъ тихій, ласковый вечеръ какому-то невѣдомому Богу, который сумѣлъ бы понять тихую грусть больного, пустого сердца Суслина... Вся жизнь прошла въ одиночествѣ и въ поискахъ какого-то призрачнаго счастья, а то счастье, которому только теперь его душа поетъ грустные гимны блаженства,—того счастья нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... и не будетъ... Ощущеніе одиночества теперь для Суслина уже какое-то жизнеощущеніе. Такъ и кажется ему, что и во всемъ мірѣ и во всей жизни людей было и есть и будетъ только одно одиночество, только одинъ грустный гимнъ души невозможному... И хочется ему молиться невѣдомому Богу. И мѣшаютъ этой вечерней молитвѣ крикливые, рѣзкіе звуки гармоники... Дальше отъ этихъ звуковъ, вглубь тихаго лѣса, подъ молчаливыя его сѣни...

И онъ шелъ по дорогѣ отъ озера и думалъ о Леночкѣ и о Натальѣ Дмитріевнѣ,—больше о Леночкѣ... Ему казалось, что его скорбь услышитъ именно тотъ Богъ, который создалъ милую, бѣлокурую дѣвочку. Все остальное въ жизни какое-то такое непонятное ему, понятна только Леночка, милая дѣвочка, его Леночка, его дочка, плодъ матери-земли... Стихія—мать Леночки, а онъ ея отецъ... Наталья Дмитріевна только символъ матери, а настоящая мать—земля... „Изъ земли созданъ человѣкъ и въ землю возвратится...“ Земля—мать Леночки, а онъ ея отецъ, и только онъ и земля имѣютъ право на Леночку...

— Я — отецъ Леночки... я... — твердилъ онъ и шелъ къ бѣлой дачѣ, чтобы увидѣть дѣвочку.

Идутъ навстрѣчу ему студентъ, барышня въ крымской шляпѣ и дѣвочка-подростокъ... Идутъ, хохочутъ и толкаются по дорогѣ и бьютъ другъ друга какими-то зелеными вѣтками. Идутъ за ними слѣдомъ почтенная дама и господинъ съ сигарой во рту.

— Папа, чего же вы отстаете?—кричитъ дѣвочка человѣку съ сигарой.

А тотъ пыхтитъ сизоватымъ табачнымъ дымкомъ и мычитъ что-то, чего и не поймешь.

— Я говорю тебѣ, что эта квартира не подойдетъ намъ, мала,— шепелявымъ голосомъ говоритъ почтенная дама.

Мычитъ что-то про себя человѣкъ съ сигарой, а Суслинъ думаетъ:

„Если бы Леночка назвала меня „папой“... Если бы она крикнула мнѣ: „Папа, иди же скорѣй, что ты отстаешь!..“ Но она не могла бы крикнуть этого:—онъ всегда бы былъ съ Леночкой, онъ никогда бы не отставалъ отъ нея“.

Перегналъ Суслина извозчикъ, быстро увлекая на вокзалъ господина въ котелкѣ. За деревьями послышался шумъ вагоновъ,— шелъ поѣздъ. Протяжно просвистѣлъ паровозъ, и машинистъ точно надавилъ на послѣднюю нотку, такъ странно она взвизгнула и замерла. И печально пахнуло на него отъ свистка паровоза, точно кто-то большой прощался тамъ, за лѣсомъ, и выкрикнулъ боль разлуки такъ, чтобы всѣ услышали.

„И этотъ—навѣрное отецъ“, — подумалъ Суслинъ о господинѣ въ котелкѣ, проѣхавшемъ на вокзалъ.

Дошелъ до рельсовъ, подлѣзъ подъ опущенный шлагбаумъ и пошелъ къ бѣлой дачѣ. Только-что промчавшійся поѣздъ стоялъ у станціи. Подумалъ: „не поѣхать ли?..“ Рѣшилъ итти дальше, пройти до бѣлой дачи.

А вотъ и Леночка и бонна-нѣмка. Идутъ они со станціи и несутъ какіе-то свертки... Ближе, ближе... что-то невнятное говоритъ нѣмка, Леночка отвѣчаетъ: „nicht! nicht!..“ Пошли тише. Нѣмка развернула какой-то пакетикъ, что-то предлагаетъ дѣвочкѣ, а та опять: „nicht! nicht!“ Метнулся въ сторону Суслинъ и обернулся. Твердыми шагами перешелъ дорогу и пошелъ навстрѣчу Леночкѣ и боннѣ... Все ближе и ближе къ нимъ. Все сильнѣе и сильнѣе выростаетъ въ немъ желаніе подойти къ Леночкѣ и сказать, чтò у него накопилось въ душѣ.

Поравнялся съ ними, подошелъ ближе. И сказалъ трепещущимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Леночка, здравствуй... Вѣдь я папа твой!..

Взвизгнула дѣвочка, и глаза ея отъ испуга стали большіе и неподвижные.

— О, mein Gott!..—выкрикнула нѣмка.

И обѣ онѣ шарахнулись отъ него въ сторону и перебѣжали на другую сторону дороги.

— Дѣти пугайтъ нельзя!.. Некорошо!—вскрикнула нѣмка, заслоняя собою перепуганную Леночку, прячущуюся за бонну.

А онъ шелъ за ними быстрѣе и быстрѣе, а онѣ убѣгали отъ него.

И говоритъ онъ:

— Леночка! Леночка!.. Я твой папа!.. Пойми же меня—я твой папа!..

И бѣжали отъ него нѣмка и бонна и убѣжали въ ограду бѣлой дачи...

И пошелъ онъ въ сторону, быстро, одинъ...

Пока шли садомъ до террасы, на которой за опущенными занавѣсками блѣдно горѣла при свѣтѣ бѣлой ночи лампа,—нѣмка хохотала, смѣялась и Леночка. Сумасшедшій господинъ только напугалъ, и то не сильно.

— Сумашешщій!.. сумашешщій! — бормотала нѣмка.

— А онъ намъ и худо могъ сдѣлать? — задавалась вопросомъ дѣвочка. Но нѣмка ничего не сказала.

На террасѣ за чайнымъ столомъ сидѣлъ художникъ Свинцовъ, въ чечунчевомъ пиджакѣ и съ всклокоченными волосами на затылкѣ облысѣвшей головы. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ дачный сосѣдъ, полковникъ въ отставкѣ Ермошинъ. Длиннополый темный сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами и съ поперечными погонами былъ на немъ тщательно застегнутъ. Распушивъ сѣдѣющіе длинные усы, полковникъ курилъ папиросу въ янтарномъ мундштукѣ и глубокомысленно смотрѣлъ на доску съ разставленными на ней шахматами. Оба серьезно играли въ шахматы, а Наталья Дмитріевна, въ бѣломъ капотѣ, хлопотала у самовара, заваривала чай.

— Мамочка!.. Мамочка!.. — громко выкрикнула Леночка.

— Тс!.. тише, Леночка!.. Ты же знаешь—папа не велитъ шумѣть, когда играютъ въ шахматы...

— Лена, тише! — грузнымъ голосомъ протянулъ отецъ.

— Мамочка,—шопотомъ продолжала Леночка:—какой-то господинъ... прилично одѣтый... какой-то господинъ...

— О, mein Gott!.. Сумашешщій! — повторяла бонна.

— Какой-то приличный господинъ напугалъ насъ посреди дороги...

— Лена, тише!.. — снова послышался окрикъ папы.

— Господи Боже мой!.. Леночка, говорятъ тебѣ, не кричи!.. Ну, чтò такое?.. Идемъ сюда...

Наталья Дмитріевна положила на плечи Леночки руки и увлекла ее въ полутемную столовую съ большимъ роялемъ въ углу и съ картинами на стѣнахъ.

— Мамочка, онъ подошелъ къ намъ, разставилъ руки во всю дорогу, да какъ крикнетъ мнѣ: „Леночка, здравствуй!.. я твой папа!.. Леночка, я твой папа!“ Вотъ смѣшной господинъ!..

— Сумашешщій!.. сумашешщій!.. — твердила бонна.

— Да кто онъ?..

— Господинъ, приличный... въ шляпѣ, съ тросточкой... Развернулъ руки и говоритъ: „Я твой папа, Леночка!.. я твой папа!..“ Правда, мама, смѣшной уличный папа?.. Папа мой играетъ съ Александромъ Петровичемъ въ шахматы, а тамъ ходитъ какой-то уличный папа...

Лицо Натальи Дмитріевны точно разомъ опустилось и поблѣднѣло, брови сдвинулись, руки задрожали. Она слышала, чтò говорила ей бонна, разъясняя подробности происшествія, и не слышала голоса нѣмки.

— Ну, будетъ, дѣточка!.. будетъ!.. Идемъ чайку попьемъ... а то папа разсердится...

Разлила Наталья Дмитріевна по стаканамъ и чашкамъ чай, а бонна перенесла къ тому концу стола, гдѣ Свинцовъ и полковникъ играли въ шахматы. А Леночка, присмирѣвшая и задумавшаяся, сидѣла за столомъ и пила чай съ печеньемъ. Посмотрѣла она въ серьезно-печальное лицо мамы, и ей почему-то вдругъ стало невесело.

А сзади нея сидѣли толстый папа и Александръ Петровичъ и играли въ шахматы. Обдумывая ходъ, полковникъ пускалъ въ уголъ губъ струйки сизоватаго табачнаго дыма и барабанилъ пальцами свободной руки по столу.

— А-а... ха-ха!.. матъ!—вдругъ выкрикнулъ Свинцовъ, передвинувъ ладью.

— А-а-а... это неожиданно,—сказалъ полковникъ.—Ну, теперь дѣло проиграно, сдаюсь!..

Они оба ближе подсѣли къ самовару, продолжая разговоръ о проигранной полковникомъ партіи. А Леночкина мама все еще смотрѣла печальными глазами куда-то въ сторону, вслушивалась, о чемъ говорятъ, и какъ будто не слышала голосовъ мужа и гостя.

— Папочка!—вдругъ выкрикнула Леночка:—а бываютъ уличные папы?

— Довольно, Леночка, довольно!.. Сиди и пей!..— останавливала ее мать.

— Уличные папы?.. гм!.. не знаю, не видалъ!.. — сказалъ, отпивая изъ стакана чай, художникъ.

— Уличные папы!.. Ха-ха-ха!.. — разсмѣялся полковникъ.—Ну, и дочка же у васъ растетъ... Словечко-то какое удумала: уличный папа!..

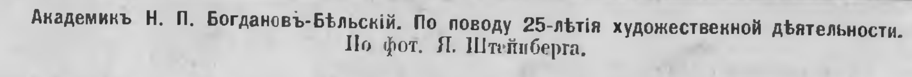
— Ха-ха-ха!.. — разсмѣялся художникъ: — она у меня умница!..

Свинцовъ потянулъ къ себѣ Леночку, сидѣвшую рядомъ съ нимъ, погладилъ ее по волосамъ и сказалъ:

— Умница моя, попей чайку, да и бай-бай!..

И поцѣловалъ дѣвочку.

А Наталья Дмитріевна сидѣла задумавшаяся и пристально всматривалась въ свое отраженіе въ хорошо начищенномъ самоварѣ... Какъ странно некрасиво отражалось ея лицо въ чисто вычищенной мѣди...

Академикъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій. По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности.
По фот. Я. Штейнберга.

Быстро прошло лѣто. Медленно тянулась осень. Сырая погода и скучные туманные дни навѣвали тоску на тѣхъ, кто любитъ солнце.

Суслинъ любилъ солнце, и ему было не по себѣ всю осень. Немного прихворнулъ онъ, простудившись на постройкѣ дома, и слегъ. Лежалъ въ одиночествѣ и никого не хотѣлъ видѣть... Звонили по телефону товарищи по работѣ, и онъ лѣниво бралъ въ руки телефонную трубку и отвѣчалъ на дѣловые вопросы... Иногда справлялись о его здоровьѣ, и тогда онъ лѣниво выслушивалъ заботливые вопросы и отвѣчалъ равнодушно... По вечерамъ лежалъ въ постели съ книгой и читалъ и не читалъ: такъ странно мелькали мимо него чужія мысли. Свои думы прорывались сквозь чужія мысли и бороли послѣднія, отгоняли, разсѣивали. Откладывалъ книгу въ сторону и думалъ... а о чемъ?—все о томъ же... По ночамъ долго не могъ заснуть и все думалъ о томъ, когда можно будетъ встать съ постели и уѣхать. Доктора рекомендуютъ ему заграничную поѣздку, и онъ хочетъ уѣхать отъ своихъ думъ... Какъ это странно — уѣхать отъ своихъ думъ!..

Наканунѣ заграничнаго путешествія, послѣ обѣда, пошелъ Суслинъ на Караванную къ дому № 17.

День выдался ведреный, съ яркимъ солнцемъ, но съ тусклымъ, холоднымъ небомъ. Дулъ вѣтеръ съ моря и разгонялъ обрывки тучъ, которыя такъ долго, всю недѣлю занавѣшивали небо и прятали осеннее солнце.

Шелъ Суслинъ по Караванной и думалъ о Леночкѣ. И хотѣлось ему увидѣть ее сегодня, передъ разлукой. Кто знаетъ, когда онъ вернется?

Теперь онъ уже съ бòльшей осторожностью проходилъ мимо дома № 17. Странная сцена на дачѣ все еще волновала его, и ему было стыдно за свою мальчишескую выходку. И ему не хотѣлось, чтобы Леночка узнавала его на улицѣ, а онъ часто бродитъ по Караванной, заходитъ и въ ближайшій скверъ и часто издали любуется дѣвочкой или съ грустью въ глазахъ слѣдитъ за нею, смотритъ, какъ она играетъ съ большимъ мячомъ или сидитъ, или ходитъ около бонны, этой чужой и близкой ей женщины.

Долго онъ ходилъ по улицѣ и не могъ дождаться Леночки. Заходилъ въ ближайшій скверъ и тамъ все высматривалъ ее. Осторожно обошелъ почти всѣ аллеи, гдѣ обыкновенно встрѣчалъ дѣвочку, и все всматривался въ дѣвочекъ, гулявшихъ съ мамами, боннами, нянями. Надумалъ выйти на Невскій и зайти въ кафэ, чтобы отогрѣться...

Къ вечеру, послѣ заката солнца, похолодало. На небо опять надвинулись темныя облака. Вспыхнули на улицахъ фонари, загорѣлось на Невскомъ электричество...

На углу Невскаго и Караванной неожиданно увидѣлъ онъ Леночку и ея нѣмку-бонну. Тутъ же, немного впереди, была и Наталья Дмитріевна. Стояли онѣ у окна магазина и что-то разсматривали.

Суслинъ узналъ Леночку не сразу и придвинулся къ ней ближе и старался спрятаться въ толпѣ гулявшихъ. Неожиданно двинулась отъ окна Леночка, увидѣла его, узнала, бросилась къ мамѣ и боннѣ и крикнула:

— Мамочка!.. мамочка!.. вонъ опять уличный папа!..

Увидѣла Суслина бонна и отшатнулась и бросилась къ Леночкѣ. Оглянулась Наталья Дмитріевна, узнала Суслина, смутилась и отвернулась. Встрѣтился взглядъ Натальи Дмитріевны съ взглядомъ Суслина и упалъ... А Леночка все еще съ испугомъ въ глазахъ тѣснилась къ мамѣ и испуганно смотрѣла на Суслина...

И шелъ онъ по Невскому, убѣгая отъ угла Караванной, и въ каждомъ звукѣ шумнаго проспекта слышалъ одни и тѣ же слова:

— Уличный папа!.. Уличный папа!..

Старый домикъ.

(Съ 3 рис. на стр. 296).

Маленькій одноэтажный домъ въ восемь оконъ по фасаду... Скромная, почти чуждая Петербургу или, точнѣе, почти уже забытая въ Петербургѣ архитектура. Этотъ домикъ пріютился среди шестиэтажныхъ пышныхъ громадъ словно полузабытая тѣнь далекаго прошлаго. Изъ такихъ домиковъ состоялъ въ былые дни весь Петербургъ, но теперь ихъ уже почти не встрѣтишь въ нашей столицѣ: они—музейная рѣдкость.

Въ этомъ домикѣ, имѣющемъ такой музейный характеръ, дѣй-

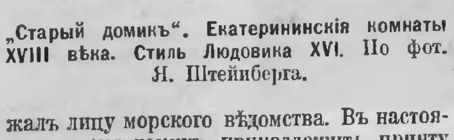
ствительно помѣщается музей старины. Извѣстный артистъ Императорскихъ театровъ и страстный коллекціонеръ предметовъ русской старины Ю. Э. Озаровскій создалъ изъ описываемаго домика настоящую сокровищницу, гдѣ отраженъ въ цѣломъ рядѣ интереснѣйшихъ предметовъ старинный Петербургъ: Петербургъ временъ Петра Великаго, Елисаветы, Екатерины и Александра Благословеннаго.

Домикъ Ю. Э. Озаровскаго находится въ Соляномъ переулкѣ, гдѣ въ Петровское время существовала такъ называемая „партикулярная верфь“. На этой верфи въ то время строились частныя суда — галеры, шнявы, вельботы, долженствовавшіе, по мысли Петра Великаго, играть роль извозчиковъ для петербургскаго населенія. Петръ Великій, какъ извѣстно, всячески старался пріохотить жителей Петербурга къ морю и къ водянымъ способамъ передвиженія. Тѣмъ болѣе, что весь Петербургъ, по его плану, долженъ былъ состоять изъ цѣлой системы каналовъ, подобно Венеціи или Амстердаму.

На мѣстѣ Соляного переулка тогда протекалъ каналъ. Позднѣе каналъ былъ осушенъ, и на этомъ мѣстѣ возникъ Соляной Городокъ. „Домикъ“, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ лицу морского вѣдомства. Въ настоящее время домикъ принадлежитъ причту церкви св. Пантелеймона.

„Старый домикъ“. Елисаветинская комната. Рококо XVIII вѣка. По фот. Я. Штейнберга.

„Старый домикъ“. Екатерининскія комнаты XVIII вѣка. Стиль Людовика XVI. По фот. Я. Штейнберга.

Принадлежность домика къ старинной эпохѣ несомнѣнна. И въ этомъ отношеніи самъ онъ представляетъ собою весьма цѣнный музейный раритетъ. Это была одна изъ многочисленныхъ въ тѣ времена построекъ „для особъ средняго званія“. Буржуазный скромный пріютъ мелкаго чиновника...

Ю. Э. Озаровскій распредѣлилъ свои музейныя богатства по пяти комнатамъ, изъ которыхъ каждая относится къ извѣстной эпохѣ существованія Петербурга: петровской ранней (когда москвичи только-только стали селиться и осѣдать въ новой столицѣ), петровской поздней, елисаветинской, екатерининской и александровской.

„Ранняя петровская“ комната производитъ впечатлѣніе нѣкоторой двойственности стиля: стѣны и вообще внѣшность этой комнаты выдержаны въ стилѣ голландскаго или шведскаго мелкаго буржуазнаго жилья, съ неизбѣжнымъ каминомъ и деревянной облицовкой стѣнъ. Предметы же, собранные здѣсь, говорятъ о московскомъ обиходѣ до-петровскаго времени. Ю. Э. Озаровскій поясняетъ: русскіе люди, еще не разставшіеся съ своими ветхозавѣтными обиходными мелочами, явились въ качествѣ завоевателей въ чужую обстановку... Это были первые петровскіе поселенцы Петербурга, и такова была внѣшность ихъ еще неустановившагося на новомъ мѣстѣ жилья...

Среди собранныхъ здѣсь музейныхъ раритетовъ обращаютъ на себя вниманіе своеобразные портреты Ивана Грознаго и его жены, Маріи Нагой, а также рѣдчайшій портретъ царя Михаила Ѳеодоровича, изображающій царя въ раннюю эпоху его жизни — въ пору избранія на царство. Интересны выставленные въ этой комнатѣ образчики

„Старый домикъ“. Александровскія комнаты. Русскій ампиръ. По фот. Я. Штейнберга.

старинной мебели, старинныя блюда, формы для именинныхъ пряниковъ, „подлучинникъ“ (вставка для горящей лучины) и т. п.

Далѣе слѣдуетъ петровская комната болѣе поздней эпохи. Прочная, солидная мебель, способная выдерживать петровскихъ богатырей. Старинный шкапъ англійской работы, старинныя ткани, вышивки, старинные портреты Петра и Екатерины I, взятые изъ присутственныхъ мѣстъ той эпохи. По стѣнамъ—интереснѣйшія гравюры и лубочныя картины. Особенно занимательны двѣ французскія картинки, изображающія фантастическіе виды Петербурга и Москвы: „увеселительную мѣстность“ въ Москвѣ „на берегу канала, соединяющаго Москву съ Петербургомъ“ (?) и „Площадь въ С.-Петербургѣ“, при чемъ эта послѣдняя площадь представляетъ собою типичный уголокъ Парижа того времени...

Изъ этой немного мрачной и темной комнаты мы переходимъ въ царство жизнерадостнаго барокко, въ комнату елисаветинской эпохи, гдѣ насъ поражаютъ яркіе персиковые, оранжевые тона, золото рѣзьбы, пышныя ткани и узоры обоевъ. Прекрасно подобранная мебель и предметы домашняго обихода говорятъ намъ объ эпохѣ широкихъ „робъ“, париковъ, менуэтовъ, „машкерадовъ“, которые такъ любила Елисавета Петровна.

Комната, посвященная эпохѣ императрицы Екатерины II, отличается большей строгостью и нѣкоторой чопорностью тона, хотя яркая екатерининская роскошь и здѣсь поражаетъ посѣтителя. Здѣсь царитъ благородный и спокойный стиль Луи XVI, уже близкій къ ампиру: гирлянды, корзиночки, букеты и вазы, среди мебели обращаютъ вниманіе прелестное бюро краснаго дерева, золоченые столики и кресла русской работы.

Изящный бѣлый трельяжъ отдѣляетъ екатерининскую комнату отъ александровской. Тамъ уже подлинный ампиръ. Тамъ обстановка эпохи Отечественной войны... Характерная, изящная и простая, въ своемъ изяществѣ мебель, старинное фортепіано, стильные кинкеты... По стѣнамъ рядъ старинныхъ гравюръ и портретовъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ портретъ-литографія Уткина „Константинъ I Императоръ“. Здѣсь же собраны прекрасные гравированные портреты Пушкина работы Уткина и Райта.

Музей Ю. Э. Озаровскаго можетъ доставить любителю старины громадное художественное наслажденіе. Здѣсь, въ этомъ скромномъ маленькомъ „старомъ домикѣ“, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшемъ среди разросшагося новаго Петербурга, мы переносимся въ давнопрошедшія времена, къ исчезнувшимъ тѣнямъ прошлаго. И отъ этихъ тѣней вѣетъ чѣмъ-то милымъ и дорогимъ. И на каждомъ шагу здѣсь чувствуются искренняя и живая любовь къ старинѣ и умѣнье освѣтить эту старину и приблизить ее къ намъ.

Н. Н. Вентцель (Бенедиктъ), поэтъ и публицистъ. (По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности). По фот. Д. Здобнова.

Пѣвецъ сельскаго школьника.

(Къ 25-лѣтію художественной дѣятельности академика Н. П. Богданова-Бѣльскаго).

Очеркъ М. П. Невѣдомскаго.

Левъ Толстой говорилъ, что въ искусствѣ важнѣе всего та настоящая точка, на которую нужно попасть рукой или кистью: на этой точкѣ — подлинное художество, а по обѣ стороны, чуть вправо, чуть влѣво—его уже нѣтъ... Можетъ-быть, столь же важно для художника попасть на настоящую точку не только въ самый моментъ творчества, но и въ выборѣ общаго его направленія... Искренне и глубоко облюбованный уголокъ міра или жизни человѣческой, тема, съ которою интимно сроднилась душа художника,—вотъ уже залогъ достиженій, залогъ опредѣленнаго слѣда, который художникъ оставитъ въ искусствѣ и жизни. Сосредоточиться на такой вѣрно найденной „точкѣ“, значитъ—углубить свое творчество, удесятерить свои силы, которыхъ, быть-можетъ, и не хватило бы на творчество съ большимъ размахомъ, съ болѣе широкимъ діапазономъ. Въ такихъ случаяхъ всегда осуществляется правда французской поговорки о человѣкѣ, пьющемъ „изъ своего стакана“...

Ран[illegible] нашелъ свою точку и всегда „пилъ изъ своего стакана“ тотъ художникъ, которому посвященъ этотъ очеркъ.

Міръ крестьянскихъ дѣтей, міръ растущаго деревенскаго молодого поколѣнія и, точнѣе — и даже почти исключительно — міръ сельской школы,—вотъ чему посвятилъ себя Богдановъ-Бѣльскій съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности. И теперь, когда исполнилось 25 лѣтъ этой дѣятельности, онъ остается вѣренъ этому міру, этой своей „настоящей точкѣ“. Кто не знаетъ этой длинной серіи зарисованныхъ имъ ребячьихъ головокъ—русыхъ или бѣлыхъ, какъ ленъ: этихъ скуластыхъ, загорѣлыхъ, изможденныхъ дѣтскихъ личиковъ; этихъ совсѣмъ лишенныхъ жира костлявыхъ фигурокъ, кое-какъ прикрытыхъ убогимъ деревенскимъ нарядомъ, этихъ ребячьихъ ногъ босыхъ, или въ опоркахъ?.. Это—„спеціальность“ Богданова-Бѣльскаго. И въ той общей картинѣ русской жизни, какую даетъ наша живопись, этотъ уголокъ ея принадлежитъ ему. Съ раннихъ лѣтъ облюбованная тема опредѣлила его мѣсто и значеніе въ нашемъ искусствѣ.

Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о томъ, что̀ давали и даютъ зрителю картины Богданова-Бѣльскаго, можетъ служить безхитростное письмо одной сельской учительницы, недавно полученное художникомъ и предоставленное имъ въ мое распоряженіе. Я приведу изъ него нѣсколько характерныхъ строкъ...

Авторъ письма, введенный въ заблужденіе послѣдними передвижными выставками въ провинціи (куда попадало далеко не все, выставлявшееся въ столицахъ), скорбитъ о „перемѣнѣ“ въ творчествѣ художника, а въ его поискахъ новой манеры, въ его приближеніи къ пленъ-эру видитъ какъ бы „измѣну“ прежнему руслу его работы... Интересъ представляютъ, конечно, не эти ошибочные выводы, а тѣ мѣста письма, гдѣ выражено впечатлѣніе отъ прежнихъ произведеній Богданова-Бѣльскаго.

„Вы у насъ одинъ!—восклицаетъ неизвѣстная художнику корреспондентка.—Писать дѣтей умѣютъ многіе художники,—писать въ защиту дѣтей умѣете только вы... Нарисовать картину изъ жизни сельскаго учителя, вѣроятно, по силамъ многимъ,—вдохновлять, поддерживать учителя, вносить тепло и красоту въ его жизнь умѣете только вы... Искусство съ каждымъ годомъ все дальше уходитъ отъ насъ, все больше стремится существовать только для избранныхъ, только для цѣнителей,—да намъ-то безъ искусства ужъ очень горько, безъ того искусства, которое говорило бы съ нами на нашемъ языкѣ!..“

Задавая далѣе вопросъ, извѣстно ли художнику, какъ много онъ давалъ ей и подобнымъ ей „работникамъ жизни“, корреспондентка разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ снимками съ картинъ Богданова-Бѣльскаго (особенно съ извѣстной картины „У дверей школы“) на участниковъ учительскихъ курсовъ:

„Не были вы у насъ на лѣтнихъ учительскихъ курсахъ, когда одинъ изъ лекторовъ закончилъ свой курсъ тѣмъ, что показалъ на экранѣ ваши картины,—и три тысячи человѣкъ, какъ одинъ, замерли, потрясенные, взволнованные... Вы бы поняли, что̀ они переживали!..“

Этотъ искренній и горячій отзвукъ лучше всякихъ разсужденій характеризуетъ ту связь, которая создалась между „пѣвцомъ сельскаго школьника“ и его аудиторіей...

Найти свою „точку“, нащупать свое призваніе Богданову-Бѣльскому помогла счастливая случайность. Его біографія полна интереса, какъ біографія всякаго культурнаго работника, вышедшаго изъ народной, крестьянской среды, всплывшаго на поверхность вмѣсто того, чтобы затеряться и потонуть въ морѣ нищеты и тьмы народной,—въ томъ морѣ, гдѣ гибнетъ столько талантовъ, глохнетъ столько творческихъ ростковъ.

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій родился въ 1868 г. въ семьѣ крестьянина Смоленской губерніи въ селѣ Шопотовѣ. Первые годы дѣтства его окружала суровая атмосфера. Хозяиномъ въ домѣ былъ его дядя, а его съ матерью терпѣли въ семьѣ какъ бы изъ милости. Нѣкоторая отчужденность отъ семьи съ раннихъ лѣтъ помогла выработкѣ самостоятельнаго характера... Любовь къ искусству проснулась очень рано: шести—семи-лѣтній бутузъ уже вырѣзываетъ изъ дерева скрипку настолько удачно, что получаетъ заказъ отъ сосѣда и зарабатываетъ цѣлыхъ 25 коп! Тогда же, на диво роднымъ и знакомымъ, вырѣзываетъ онъ изъ тыквы или изъ дерева же фигурки животныхъ. Начало обученія грамотѣ въ мѣстной школѣ совпадаетъ съ началомъ „славы“ его, какъ рисовальщика. Подобно всѣмъ дѣтямъ, онъ старается изображать „коней“, и вотъ его „кони“ настолько плѣняютъ сотоварищей, что вся школа наперебой заказываетъ ему рисунки „коня“ на аспидныхъ доскахъ: для учебы служила уже только одна сторона доски, на другой хранили свято драгоцѣнное изображеніе...

Въ этой именно школѣ узналъ мальчика С. А. Рачинскій, сыгравшій такую огромную роль въ его судьбѣ.

Этотъ профессоръ университета, бросившій каѳедру для народной школы, какъ извѣстно, отдавалъ все свое время и всѣ свои заботы взращиванію талантливыхъ крестьянскихъ дѣтей. По указанію священника, преподавателя шопотовской школы, Рачинскій пригласилъ девятилѣтняго Николю къ себѣ въ имѣніе Татево, великолѣпіе котораго показалось мальчонкѣ сказочнымъ... „Экзаменъ“ состоялъ въ рисованіи портрета въ профиль одного изъ учителей татевской школы. Мальчикъ, чувствуя, что рѣшается его судьба, напрягаетъ всѣ силы, и сходство получается большое. Этотъ первый рисунокъ съ натуры—какъ бы „вычерпываетъ“ будущаго художника изъ глубины крестьянскаго моря, и вотъ онъ уже на поверхности, пользуется руководствомъ Рачинскаго и другихъ „татевцевъ“... По окончаніи ученія въ татевской школѣ, мальчика отдаютъ въ школу рисованія при Троице-Сергіевской лаврѣ въ Москвѣ. Рачинскій отпускаетъ ему 25 р. ежемѣсячной субсидіи. Изъ школы при лаврѣ 13-лѣтняго мальчика переводятъ въ „Училище Живописи и Ваянія“, гдѣ онъ и проходитъ курсъ живописи. Уже съ 18 лѣтъ онъ становится на собственныя ноги и живетъ заработками—отъ продажи своихъ этюдовъ (виды татевскихъ окрестностей). Изъ первой же заработанной суммы (500 р.) половина отдается семьѣ, на постройку дома—на землѣ, подаренной тѣмъ же Рачинскимъ. Въ „Школѣ Живописи и Ваянія“ онъ пользуется совѣтами Полѣнова, Вл. Маковскаго и особенно Прянишникова, который заинтересовывается имъ съ самыхъ первыхъ его шаговъ... Съ мучительными сомнѣніями, съ колебаніями, доходящими до рѣшенія уничтожить картину, пишется небольшой жанръ „Будущій инокъ“, представляемый на званіе „класснаго художника“... И вотъ, сверхъ всякихъ ожиданій,—большой успѣхъ: картина не только одобрена экзаменаторами, но куплена съ выставки Солдатенковымъ, а затѣмъ уступлена имъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ... Впервые на холстѣ Богданова-Бѣльскаго появляется сухощавая фигурка „школьника“: мальчонка, съ нервнымъ лицомъ и мечтательнымъ взглядомъ, заслушался разсказовъ странника въ подрясникѣ и съ котомкой за плечами... Пробуждающаяся мысль и мечта выражены были съ большой экспрессіей. Художнику въ эту пору всего 19 лѣтъ. Картина вызываетъ всеобщій интересъ къ нему, и отнынѣ передъ нимъ — открытая дорога *)...

А. П. Пуни, извѣстный віолончелистъ, сынъ покойнаго композитора Цезаря Пуни и ученикъ Н. Н. Лядова и И. И. Зейферта. (По поводу 50-лѣтія музыкальной дѣятельности). По фот. А. Никитина.

Выставляетъ Богдановъ-Бѣльскій съ самаго начала на „Передвижныхъ выставкахъ“, сперва въ качествѣ экспонента, а затѣмъ съ 1895 г. становитси товарищемъ Общества. За „Будущимъ инокомъ“ слѣдуютъ: „Новая сказка“ (ребятишки въ избѣ), „Послѣдняя воля“ (смерть крестьянина)...

Приведу въ хронологическомъ порядкѣ списокъ наиболѣе значительныхъ произведеній Богданова-Бѣльскаго, появлявшихся на выставкахъ „Товарищества“, съ 1895 г. по нынѣшній:

1895 г.—„Воскресное чтеніе въ школѣ“ (здѣсь среди учителей изображенъ и С. А. Рачинскій).

1896 г.—„Устный счетъ“...

1897 г.—„У двери школы“ и „У больного учителя“.

1898 г.—„Проводы новобранца“.

1899 г.—„Бывшіе товарищи“ (встрѣча въ портерной молодого учителя со школьнымъ товарищемъ, превратившимся въ босяка-пропойцу).

1901 г.—„Соборованіе“.

1902 г.—„Талантъ“ (мальчикъ пиликаетъ на скрипкѣ въ избѣ, а старикъ задумчиво слушаетъ).

1904 г.—„Свадьба“ (вѣнчаніе двухъ паръ въ сельской церкви).

1908 г.—„На пріемѣ въ школу“ (репродукція въ настоящемъ нумерѣ).

1910 г.—„Именины учительницы“ и „Цвѣты на террассѣ“.

1911 г.—„Пастухи“ (репродукція въ настоящемъ нумерѣ).

1912 г.—Этюды пленъ-эра: „Мальчики на фонѣ синихъ цвѣтовъ“ и „У забора“ (дѣвушка на фонѣ лѣсной дали).

1913 г.—„Деревенскіе друзья“ (дѣвочки на диванѣ).

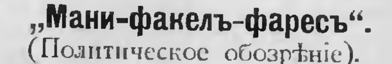
1914 г.—„Новые хозяева“ (репродукція въ настоящемъ нумерѣ).

Какъ читатель можетъ видѣть по однимъ названіямъ картинъ, деревня, деревенская, крестьянская жизнь и прежде всего школьная жизнь—вотъ что неизмѣнно вдохновляло бывшаго питомца „татевской“ школы... Помимо собственныхъ впечатлѣній, съ дѣтства накопленныхъ, въ ту же сторону направляли творчество художника и учитель и покровитель его Рачинскій и ученики послѣдняго, товарищи нашего художника по судьбѣ: въ ихъ средѣ въ Татевѣ проводилъ онъ каждое лѣто до 1898 г., да и потомъ, послѣ смерти С. А. Рачинскаго (1902 г.), не прекращалъ съ ними дружескихъ сношеній. А вѣдь это была цѣлая „академія“ деревенская!.. Съѣзжаясь на лѣто въ Татевѣ, всѣ занимались соотвѣтственно своей профессіи: этюды писались подъ звуки экзерсисовъ на фисгармоніи и пѣнія, рядомъ—изучалась исторія литературы, естествознаніе и т. д. Трудовая и культурная атмосфера царила въ эти мѣсяцы въ Татевѣ, и въ ней-то поднимались деревенскіе „всходы“...

Большое значеніе въ развитіи художника имѣли его поѣздки за границу. Первая—черезъ Бессарабскую губернію на Аѳонъ и Константинополь (въ 1889 г., вскорѣ по окончаніи „Школы Живописи и Ваянія“). Въ эту поѣздку, между прочимъ, 19-лѣтній Богдановъ-Бѣльскій встрѣчаетъ на Аѳонѣ 17-лѣтняго Малявина, занимавшагося иконописью и заинтересовавшагося „свѣтскими“ этюдами Бѣльскаго (Впослѣдствіи онъ былъ „извлеченъ“ съ Аѳона проф. Беклемишевымъ). Въ 1895 г. на средства, вырученныя съ картины „Воскресное чтеніе“, Богданову-Бѣльскому удалось съѣздить за границу, въ Парижъ, гдѣ онъ занимался живописью у Кормона и Коларосси. Въ третью поѣздку онъ работаетъ въ Мюнхенѣ и въ Италіи.

Пребываніе за границей замѣтно сказывается на пріемахъ художника: съ этой поры начинается его приближеніе къ „пленъ-эру“, обогащается его палитра, интереснѣе становится и колоритъ и его рисунокъ. Фигурирующая на выставкѣ настоящаго года картина „Новые хозяева“ внятно говоритъ объ этой работѣ художника надъ собою. Тема картины очень сложная и очень злободневная. Въ разоренномъ помѣщичьемъ домѣ поселилась новые владѣльцы — семья крестьянъ, горбомъ своимъ завоевавшая новое положеніе. Этотъ сурово-трудовой характеръ семьи выраженъ очень рельефно: мускулистыя, угловатыя фигуры, испитые, безъ всякихъ „округлостей“, лица. Позы привычно-усталыя, но и говорящія объ упорной жизненной цѣпкости. Никакой идеализаціи, ни малѣйшей слащавости. Умное и властное лицо главы дома снабжено и черточками жесткости и плутоватости. Угрюмы лица и молодого бѣлобрысаго парня и хозяйственной мамаши, сидящей за самоваромъ. Вся семья — а съ нею заодно и работникъ въ истасканномъ пиджакѣ — въ молчаніи, словно обрядъ совершаетъ — пьетъ чай въ прикуску. Блюдца мѣрно подносятся ко рту, позы у всѣхъ неподвижныя, почти торжественныя... А кругомъ — остатки былого дворянскаго благополучія: блестятъ кресла александровской эпохи изъ краснаго дерева, сіяютъ блики на золотыхъ рамахъ старинныхъ портретовъ, оставленныхъ прежними хозяевами на стѣнахъ. Послѣднія кое-гдѣ уже дали трещины, а въ одномъ изъ угловъ уже прилажена самая „демократическая“ желѣзная печка съ длинной трубой, поднимающейся къ потолку... Эта послѣдняя картина художника, свидѣтельствуетъ о значительномъ техническомъ прогрессѣ. Но не только объ этомъ. Внятно говоритъ эта картина и о томъ, что художникъ (вопреки мнѣнію той поклонницы его дарованія, письмо которой я цитировалъ выше) не измѣняетъ своей „настоящей точкѣ“, остается вѣренъ себѣ и той крестьянской жизни, которая вдохновляла его на протяженіи всѣхъ 25 лѣтъ его дѣятельности. Писалъ онъ и продолжаетъ писать также и портреты. Но это не его спеціальность, не имъ отдаетъ онъ свою душу. Онъ былъ и остается именно пѣвцомъ деревни и прежде всего деревенскаго школьника. Его основная дума это—дума о тѣхъ маленькихъ росткахъ духовной жизни, которые тысячами погибаютъ у насъ, заглушенные, раздавленные всѣми тягостями крестьянскаго существованія, и изъ которыхъ столь немногимъ улыбается судьба, столь немногимъ дано выбраться на поверхность и послужить родинѣ въ мѣру своихъ талантовъ, какъ удалось это самому автору.

*) „Будущему иноку“ предшествовала только одна жанровая картина: „Знахарь“ (написана въ томъ же 1889 г.), удостоенная преміи на конкурсной выставкѣ „Общества Поощренія“.

„Мани-факелъ-фаресъ“.

(Политическое обозрѣніе).

Что такое государство? На этотъ вопросъ авторитетнѣйшіе юристы, историки и соціологи даютъ множество самыхъ противорѣчивыхъ отвѣтовъ. Въ ходячихъ опредѣленіяхъ много спорнаго и сомнительно, но безспорно и внѣ сомнѣній стоитъ только признаніе чисто психологической природы государства. Оно существуетъ только въ умахъ и сердцахъ гражданъ настолько и до тѣхъ поръ, насколько и пока милліоны подданныхъ вѣруютъ въ его правду, исповѣдуютъ его законы и видятъ въ дѣйствіяхъ правительства выраженіе верховной воли народа. Когда эта вѣра начинаетъ колебаться, тогда расшатываются основы государственности. Этико-психологическая сущность государства дѣлаетъ совершенно очевиднымъ тотъ разрушительный прогрессъ, который вноситъ съ собою деморализація правящихъ классовъ въ каждой странѣ. Государства живутъ, пока правящіе классы общества находятся на извѣстной высотѣ, и начинаютъ заживо умирать и внутренно разлагаться, когда умираетъ и разлагается общественная мораль. Политическому паденію и Рима, и Греціи, и всякихъ азіатскихъ деспотій всегда предшествовало длительное паденіе нравовъ.

Стабилизаторъ Туртье.

Изобрѣтатель г. Туртье на остановленномъ велосипедѣ.

Изобрѣтатель г. Туртье стрѣляетъ, стоя на неподвижномъ велосипедѣ.

Любопытное приспособленіе, придающее велосипеду недостававшую ему до сихъ поръ устойчивость во время остановокъ. Легкимъ нажатіемъ пружины по обѣимъ сторонамъ задняго колеса опускаются особыя стойки, придерживающія велосипедъ въ состояніи устойчиваго равновѣсія. Какъ видно изъ нашихъ рисунковъ, велосипедистъ можетъ свободно дѣйствовать обѣими руками, что является особенно важнымъ въ военныхъ велосипедныхъ отрядахъ. По фот. С. Левковича, въ Парижѣ.

Міровыя политическія катастрофы незримо подготовлялись безконечнымъ рядомъ мелкихъ слабостей отдѣльныхъ лицъ, невѣдомо для себя подготовлявшихъ своему отечеству судьбу Содома и Гомморы. Кто предугадаетъ, какъ отразится въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ на судьбахъ Французской республики громкій парламентскій скандалъ съ двумя министрами нынѣшняго кабинета — Кайо и Монисомъ, уличенными въ давленіи на правосудіе въ пользу завѣдомаго мошенника Рошетта, обобравшаго десятки тысячъ довѣрчивыхъ людей? Убійство женою министра Кайо журналиста Кальметта, опубликовавшаго изъ интимной переписки ея жизни тѣ строки, которыя относились только къ его парламентской дѣятельности, именно авгурское признаніе, что онъ проваливаетъ подоходной налогъ подъ видомъ энергичной защиты этого законопроекта, и послѣдовавшія затѣмъ парламентскія разоблаченія тяжелой исторіи совмѣстнаго давленія обоихъ министровъ на генеральнаго прокурора Фабра, вынужденнаго согласиться на отсрочку судебнаго разбирательства по дѣлу Рошетта, которая нужна была послѣднему для завершенія его операцій и для благополучнаго бѣгства за границу; наконецъ публичная ложь общественныхъ избранниковъ, подъ честнымъ словомъ открыто съ парламентской трибуны отрицавшихъ существованіе документовъ, которые вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же были оглашены ихъ противниками, — все это свидѣтельствуетъ о современномъ паденіи политическихъ нравовъ Франціи. Можно ли особенно негодовать на стѣсненія свободы суда въ болѣе отсталыхъ странахъ, если даже въ передовой республикѣ избранные полноправнымъ парламентомъ представители правительства властною рукою останавливаютъ ходъ правосудія, дабы обезпечить безнаказанность крупному финансисту-мошеннику, ограбившему публику на десятки милліоновъ?

Въ партійномъ одичаніи современнаго передового французскаго общества правда получила случайное торжество только во имя мелкой партійной злобы и лжи. Слѣдственная парламенская комиссія подъ предсѣдательствомъ соціалиста Жореса всѣми силами старалась обѣлить Мониса и Кайо и, не имѣя возможности скрыть на этотъ разъ самый фактъ министерскаго вмѣшательства въ правосудіе, усиленно подчеркнула въ своемъ заключеніи полное безкорыстіе виновниковъ давленія и ихъ неподсудность уголовному суду за совершенныя явно противозаконныя дѣянія.

По выслушаніи заключеній комиссіи, палата постановила резолюцію, въ которой ограничилась одними платоническими сожалѣніями по поводу того, что финансовыя сферы давятъ на правительство, а правительство оказываетъ давленіе на судъ, и пообѣщала выработать какія-то мѣры противодѣйствія этому сцѣпленію совершенно незаконныхъ давленій, но нисколько не возмутилась преступными поступками своихъ избранниковъ и не пожелала покарать ихъ за посягательство на свободу суда.

Однакоже и надъ ними есть судъ—въ лицѣ общественнаго мнѣнія Франціи. Полномочія нынѣшней палаты истекли, и въ маѣ начнутся общіе выборы депутатовъ. Палата нынѣшняго состава не пожелала осудить Кайо, но не осудитъ ли ее за это страна? Повидимому, господствующая партія радикалъ-соціалистовъ не особенно боится нравственнаго осужденіи общества, увѣренная въ томъ, что значительное большинство избирателей отнесется къ разыгравшимся скандаламъ такъ же, какъ отнеслась и палата, т.-е. не съ этической, а съ партійной точки зрѣнія. Самое государство существуетъ только какъ фокусъ, какъ олицетвореніе цѣлой системы морально-правовыхъ понятій и вѣрованій народа, поэтому не можетъ ли разсматриваться массовая отрѣшенность французскихъ политическихъ дѣятелей отъ морали, какъ опасный симптомъ внутренняго заболѣванія національной французской государственности? Неунывающіе парламентаріи шумно и весело празднуютъ побѣду, а незримая рука какъ бы пишетъ на фасадѣ палаты депутатовъ таинственныя словеса: „мани-факелъ-фаресъ“.

Отвѣтственность должностныхъ лицъ.

(Вопросы внутренней жизни).

Однимъ изъ первыхъ законопроектовъ, разработанныхъ Гос. Думой четвертаго созыва, былъ законопроектъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Народные представители прекрасно поняли, что, пока органы управленія остаются совершенно безотвѣтственными передъ судомъ и закономъ, до тѣхъ поръ нельзя говорить ни о какомъ правовомъ строѣ жизни государства. Русскій патріотизмъ, русское національное чувство не можетъ мириться съ тяжелымъ сознаніемъ, что русская жизнь протекаетъ за гранью цивилизаціи; что нормы закона и права въ ней не играютъ должной роли; что наша родина надолго еще обречена пребывать въ состояніи безсудности, безправія и беззаконія. Не

такъ давно и съ высоты Престола раздался твердый призывъ къ законности. Въ общихъ чертахъ думскій законопроектъ устанавливалъ и гражданскую и уголовную отвѣтственность должностныхъ лицъ за незакономѣрныя дѣйствія, принесшія матеріальный или личный ущербъ потерпѣвшимъ, но Гос. Совѣтъ подвергъ думскія законодательныя предположенія коренной переработкѣ. Смыслъ и значеніе внесенныхъ Гос. Совѣтомъ измѣненій всего лучше охарактеризовалъ съ трибуны Гос. Думы ея лучшій ораторъ по юридическимъ вопросамъ, деп. Маклаковъ.

„Жизнь,—сказалъ онъ:—упразднила существующій у насъ порядокъ гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ. Населеніе знаетъ этотъ порядокъ, но не прибѣгаетъ къ защитѣ своихъ правъ, да и намъ, профессіоналамъ, приходится говорить: „оставь надежду навсегда". Мысль о взысканіи убытковъ, причиненныхъ неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ, есть простая словесная иллюзія. Всѣ такіе иски безнадежны и безполезны, потому что они разбираются не судомъ, а тенденціозно составленнымъ присутствіемъ, въ которое введены лица того самаго административнаго вѣдомства, къ которому предъявляется искъ. Введеніе этихъ административныхъ лицъ поставило судебную коллегію на такую наклонную плоскость, которая называется картиннымъ терминомъ: отказъ отъ правосудія. Другая, не менѣе важная причина — это то, что отвѣтственнымъ передъ обывателемъ является не казна и не государство, которое уполномочило эту власть, а отдѣльный агентъ власти. Государство, надѣляя своихъ агентовъ властью, отвѣчаетъ за ихъ уровень, но въ то же время отказывается платить за нихъ, говоря, что они слишкомъ ненадежные чиновники. Государство предлагаетъ, чтобы за эту надежность отвѣчалъ несчастный обыватель.

Новое зданіе гербарія при Императорскомъ Ботаническомъ саду въ С.-Петербургѣ.
По фот. Я. Штейнберга.

„Уголовная отвѣтственность должностныхъ лицъ, какъ она до сихъ поръ существовала, соотвѣтствуетъ основной чертѣ того строя, когда господствовалъ не законъ, не право, а воля начальства, когда все сводилось къ всемогуществу бюрократіи: всякое должностное лицо было беззащитно противъ своего начальства. Покуда существуетъ этотъ ужасающій третій пунктъ, эта хартія всемогущаго начальства, до тѣхъ поръ чиновникъ беззащитенъ противъ начальства. Другая сторона этого дѣла та, что если чиновникъ пользуется милостью начальства, то ему бояться нечего. Это создало школу, которая научаетъ служить лицамъ болѣе, чѣмъ дѣлу. На юридическомъ языкѣ это называется громкимъ словомъ: административная гарантія. По своей идеѣ она вещь не плохая: кому же дѣйствительно, какъ не начальству, лучше знать своего чиновника? Но на практикѣ административная гарантія стала тѣмъ колпакомъ, который закрываетъ совершающаго преступленіе чиновника не только отъ общества и обывателя, но и отъ суда и прокурора.

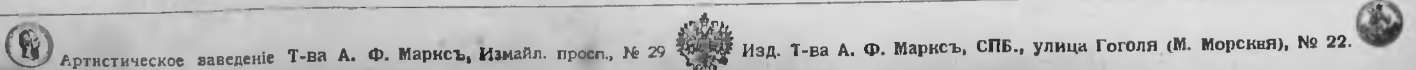
„Знаете ли вы, въ чемъ состояли раньше права прокурора? Права были довольно странныя, унизительныя. Если къ прокурору поступала жалоба на преступленіе должностного лица, прокуроръ превращался въ почтальона, который эту жалобу препровождалъ по начальству. Если начальство, изслѣдовавшее это дѣло, не хотѣло вести его, то прокуроръ — блюститель закона — превращался въ просителя, у котораго было одно право: пререкаться съ подлежащимъ начальствомъ и доводить дѣло въ порядкѣ пререканія до разбора его высшимъ начальствомъ. Эти права Гос. Совѣтъ и теперь полностью за нимъ сохранилъ. Судебная комиссія поняла, что если возбужденіе дѣла будетъ зависѣть исключительно отъ начальства, то весь законъ превратится въ пустословіе. И будетъ хуже того, что̀ есть: теперь виноватъ только законъ, а тогда будетъ виновно малодушіе прокурора. Всякій обыватель будетъ въ правѣ сказать прокурору: ты, какъ рабъ лукавый и лѣнивый, не посмѣлъ сдѣлать того, что̀ ты былъ въ правѣ сдѣлать. Что̀ же нужно сдѣлать, чтобы исправить это? Очень немногое: стоитъ прокурора поставить въ то положеніе, въ которое его поставили незабвенные Судебные Уставы. По обыкновеннымъ дѣламъ прокуроръ обязанъ начать предварительное слѣдствіе тогда, когда къ нему приходитъ потерпѣвшій. Примѣните это къ отвѣтственности должностныхъ лицъ — и тогда вы не поставите прокурора въ то ложное положеніе, въ какое его ставитъ проектъ комиссіи. Если наша власть въ этомъ отношеніи не уступитъ, тогда будетъ по крайней мѣрѣ совершенно ясно, что никакого улучшенія они не хотятъ, что подъ видомъ исполненія Высочайшаго указа Сенату здѣсь куется государственный обманъ".

Послѣ преній Гос. Дума переходитъ къ постатейному чтенію законопроекта и принимаетъ его цѣликомъ съ поправкою Маклакова, предоставляющей прокурору право распорядиться о производствѣ дознанія или же произвести предварительное слѣдствіе съ предувѣдомленіемъ начальства привлеченнаго чиновника. Принимается также поправка прогрессистовъ и к.-д. о выслушаніи не только заключенія товарища прокурора, но и объясненій жалобщиковъ и о предоставленіи должностному лицу права переносить въ дальнѣйшую инстанцію дѣло въ томъ случаѣ, если онъ находитъ возбужденіе дѣла неправильнымъ. Несмотря на возраженія деп. Замысловскаго, по предложенію докладчика деп. Антонова Гос. Дума соглашается на передачу дѣлъ по жалобамъ на должностныхъ лицъ суду присяжныхъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко", кн. 8.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 16 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника", содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ" и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 19 апрѣля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на ½ года 4 р., на ¼ года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана" кн. 2.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1914 г.

М. Блохъ. Дафнисъ и Хлоя. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. Присуждено званіе художника.

Несокрушимый оптимистъ.

(Изъ записной книжки священника).

Повѣсть С. Гусева-Оренбургскаго.

(Продолженіе).

Коротконогонскій домъ уже опять глухо и тупо вздрагивалъ отъ топота ногъ, и, какъ бы въ насмѣшку намъ, уходящимъ, плыли сквозь стѣны его развеселые звуки гармоники. Но дорогѣ что-то зачернѣло. Мы увидѣли того пьяного человѣка, который еще недавно лежалъ въ сѣняхъ, а теперь, въ смутномъ стремленіи попасть домой, очутился лицомъ въ снѣгу на дорогѣ.

— Да вѣдь это писарь!—узналъ дьяконъ.—Что же намъ съ нимъ дѣлать?

Онъ смотрѣлъ на пустынную дорогу:

— Замерзнетъ вѣдь!

— Не уподобимся левиту!—улыбнулся я.

Мы подняли писаря.

Онъ былъ безчувственен, голова его падала на грудь и моталась изъ стороны въ сторону, а ноги волочились по снѣгу. Мы тащили его, но это и не было тяжело: въ тщедушности своей онъ былъ подобенъ пуху. Человѣкъ, и вообще видомъ жалкій, онъ теперь имѣлъ видъ даже не пьянаго, а раздавленнаго или тяжело больного. Онъ поднялъ голову, мутнымъ взглядомъ разсмотрѣлъ дьякона, и блаженная пьяная улыбка расползлась по его лицу.

— Дья... дьяконъ,—забормоталъ онъ:—дья...

Онъ попытался утвердиться на ногахъ:

— Же... женись на ей!

Дьяконъ всталъ, какъ вкопанный.

Я расхохотался при видѣ его растерянно-изумленнаго лица.

— На комъ?!—закричалъ онъ.

— А... Аню... ню...

— На Анюткѣ?!

— Не да... не давай ее... этому чер... черт... ме... мельни... спа... спаси ее! Я... я знаю... я все про него... Онъ по... подле... по...

И писарь вдругъ заплакалъ:

— Я несъ... не-е-съ... а ты... хор-ро-шій че... ловѣкъ! Люблю-ю ее... а пью... пью съ ме... съ мельни... не-е-съ!

Тайна души его вдругъ обнажилась передъ нами. Дьяконъ взволнованно принялся трясти его и пытался о чемъ-то разспрашивать, но писарь опять уже впалъ въ безчувствіе. На улицѣ мы покричали мужиковъ и сдали его имъ.

А сами направились къ старостѣ.

...Съ хмурымъ, злымъ лицомъ встрѣтилъ насъ староста, но съ виду оставался, какъ всегда, спокоенъ и молчаливъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, подъ божницей, въ полутьмѣ комнаты, подобный лохматому пугалу, не всталъ при видѣ насъ и только угрюмо сверкающимъ взглядомъ наблюдалъ, какъ мы усаживались къ столу, не ожидая приглашенія. А когда мы усѣлись, онъ грубо и властно крикнулъ:

— Самоваръ!

Тотчасъ въ сосѣднихъ комнатахъ поднялось хлопотливое движеніе. Вбѣжала старостиха Васильевна, робко, безмолвно поздоровалась съ нами, поспѣшно накрыла столъ. Сейчасъ же работница, съ испуганнымъ лицомъ, внесла огромный самоваръ. Слѣдомъ появилась и Анюта, съ посудой и разнымъ угощеньемъ. Видно, все было приготовлено заранѣе: староста не любилъ ждать исполненія своихъ приказаній. Анюта пытливо взглянула на дьякона, и что-то радостное на мигъ блеснуло въ ея глазахъ.

Я взглянулъ на дьякона.

Онъ блаженно улыбался.

Анюта, худенькая и стройная, производила еще впечатлѣніе ребенка, несмотря на свои двадцать лѣтъ, ребенка миловиднаго, робкаго, запуганнаго. Но необыкновенной и какой-то умной душевной добротой сіяли ея глаза. Она быстро разставила посуду, налила всѣмъ чаю и все взглядывала на дьякона. Глаза ея просили, благодарили, говорили что-то тайное, вѣдомое дьякону, а дьяконъ въ отвѣтъ на это какъ бы давалъ взглядомъ клятвенное обѣщаніе,—не доставало только торжественныхъ жестовъ. Но и они появились, когда, по приказу отца, Анюта вышла.

Дьяконъ вытянулъ руки:

— Ну, Евстигнеичъ, теперь давай поговоримъ... послѣдній разъ!

Даже всталъ въ волненіи, шагнулъ два раза до печки и обратно, снова сѣлъ.

— Живъ Богъ и жива душа моя... покалякаемъ!

Но не могъ усидѣть и минуты, опять всталъ, выросъ, вытянулся, опять вытянулъ руки, словно благословлялъ самоваръ и явства или готовился гипнотизировать старосту. Видно было, что онъ возлагалъ на этотъ разговоръ всю свою надежду, давалъ послѣднюю битву. Рѣчь его получила характеръ пѣтушиныхъ криковъ, и, какъ крыльями, взмахивалъ онъ руками.

— Богъ!—вопіялъ онъ.

И казалось въ самомъ дѣлѣ, что Богъ, о Которомъ онъ говорилъ, смотритъ и слушаетъ дьякона, такъ убѣдительно, горячо онъ говорилъ. Я даже не предполагалъ, что дьяконъ такой ораторъ. Невольно я вспомнилъ его слова объ „отплывающей эскадрѣ“ и подумалъ: „пальба изъ всѣхъ пушекъ... что-то будетъ?“ А дьяконъ и всѣмъ видомъ своимъ какъ бы изображалъ кровопролитное сраженіе: осѣдалъ, вытягивался, дергался, рѣзко выбрасывалъ руки, и потокъ горячихъ, гнѣвныхъ или убѣждающихъ словъ его напоминалъ безпрерывный орудійный огонь. Все было пущено въ ходъ: угрозы Судомъ Божіимъ, обращеніе къ отеческому чувству, сокрушающіе тексты Писанія, пылкое изображеніе несчастной судьбы единственной дочери съ гніющимъ старикомъ. И были тутъ еще язвительныя, желчныя слова противъ корысти, и были милыя, кроткія слова, на мигъ вкраплявшіяся въ возбужденную рѣчь и какъ бы стучавшія въ сердце.

— Человѣче... не дочь ли родную, любимую и едину, отдаешь на погибель и счастья лишаешь?

Но подобенъ несокрушимой крѣпости былъ угрюмый староста. Ни словомъ, ни жестомъ, ни взглядомъ не отзывался онъ на рѣчь дьякона: сидѣлъ неподвижно и словно что-то съ мрачной думой разсматривалъ на столѣ.

Дьяконъ какъ-то вразъ осѣлъ.

Иссякъ весь порохъ, а непріятель молчалъ. Подобно усталому ворону, опустился дьяконъ на скамью и съ недоумѣніемъ взглянулъ на меня, какъ бы прося подкрѣпленія.

Я, было, началъ:

— Михаилъ Евстигнеичъ, поставимъ вопросъ прямо...

Но внезапно староста весь какъ-то странно оживился, словно пришелъ въ движеніе лохматый пукъ спутанной пакли.

— Погодите, батюшка,—сказалъ онъ и поставилъ предо мной темную ладонь:—кушайте чай.

— До чаю ли теперь!—вскрикнулъ я.

— Кушайте! А я разскажу вамъ...

И онъ съ мрачной насмѣшкой взглянулъ на дьякона:

— Вотъ и дьякону въ поученье.

Наступило ждущее молчанье.

Какъ-то странно успокоился дьяконъ, словно, сдѣлавъ, что могъ, остальное предоставилъ судьбѣ. Даже сталъ прихлебывать чай и испытующе смотрѣлъ на старосту, терпѣливо ожидая. За дверью, въ сосѣдней комнатѣ, слышалось неопредѣленное движеніе и шуршаніе: кто-то тамъ прислушивался.

— У дѣда моего, Тараса Овцова,—началъ староста, и угрюмая улыбка не сходила съ его губъ:—лошадь была... по случаю купилъ... огонь-лошадь! Бывало, по степи мчитъ—метель кругомъ! Да къ себѣ не подпускала, кусается. Запрягать—лягается. За ворота выѣхалъ—передокъ въ щепки. Совѣтовали ее дѣду-то продать. А онъ...

Староста смолкъ и нахмурился:

— Ну?—сказалъ дьяконъ:—дальше что?

— Дѣдъ мой, Тарасъ,—продолжалъ староста съ упорной силой:—далъ ей бутылку укусить... весь ротъ окровянила. А къ хвосту мѣшокъ съ соломой привязалъ... Билась она съ нимъ весь день, пока съ ногъ не грохнулась отъ устатку... и сама въ мылѣ, бѣла вся. Съ тѣхъ поръ... шелкова стала! Вотъ... мы всѣ, Овцовы... такіе...

Съ внезапно вспыхнувшимъ злобнымъ гнѣвомъ онъ крѣпко положилъ на столъ ладонь:

— Не сдаемся!

Мрачно смотрѣлъ намъ въ лица:

— Какъ сказано, такъ и будетъ. Овцовъ зря слова не говоритъ. Не вы—другіе повѣнчаютъ. А отъ слова не отступлюсь.

Онъ грубо крикнулъ:

— Варвара!

Поспѣшно и испуганно вбѣжала старостиха.

— Запереть Анну, Варвара! Она все съ дьякономъ шепчется. Не позволяю! Взаперти держать... пока не повѣнчаемъ!

Старостиха, было, робко заговорила:

— Что ты, Евстигнеичъ... побойся Бога!

Староста мгновенно поднялся надъ столомъ, высокій и лохматый, и только крикнулъ:

— Ну?!

Старостихи какъ не бывало.

Но въ этотъ моментъ въ комнату вбѣжала Анюта, вся въ слезахъ, въ полномъ отчаяніи:

— Батя! Милый батенька!—кричала она:—что жъ ты со мной, что ты съ дочкой своей хочешь сдѣлать?

Неловкими движеніями она пыталась поймать руку отца, чтобы поцѣловать ее.

— Милый батенька!

Староста крѣпко и грубо взялъ ее за плечо, собираясь вытолкнуть за дверь, но тутъ дьяконъ мгновенно всталъ между ними и, какъ отецъ дѣтище, защитилъ грудью Анюту. Мнѣ казалось, что онъ въ гнѣвѣ и ярости сейчасъ бросится на старосту. Но, къ удивленію моему, дьяконъ остался совершенно спокоенъ, и даже какъ бы улыбка появилась на его лицѣ.

Князь А. Шервашидзе. Въ старинномъ платьѣ.
Выставка „Міръ Искусства“.

— Теперь, Евстигнеичъ,—проговорилъ онъ съ серьезной медлительностью:—я скажу тебѣ послѣднее слово. Ты хочешь сдѣлать по-своему? А я, дьяконъ Колобродовъ...

Онъ вытянулся и торжественно указалъ на себя пальцемъ:

— По-своему.

Поднялъ кверху указующій перстъ:

— А за меня Богъ!

Тотчасъ повернулся и пошелъ вонъ изъ комнаты, какъ бы не желая слушать возраженій старосты. Но староста и не думалъ возражать. Не тронувшись съ мѣста, не прощаясь, онъ проводилъ насъ угрюмымъ взглядомъ.

Мы молча возвращались домой.

Дьяконъ, колыхаясь, подобный перстѣ, вышагивалъ рядомъ со мной и временами бормоталъ:

— Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни...

Морозный вечеръ темнѣлъ.

Мы сидѣли въ молчаніи за чайнымъ столомъ. Даже дьяконъ притихъ и вскорѣ собрался уходить.

Я пытливо взглянулъ на него.

— Мы разбиты,—сказалъ я:—остается только надежда на вашу тайну. Въ чемъ она?

Онъ вытянулся, всталъ на ходули и торжественно выставилъ руку:

— Скажу горѣ: иди!—она пойдетъ.

Это было сказано и трогательно и въ то же время такъ комично, что невольно мы расхохотались.

— Однако вы самоувѣрены,—сказала матушка.

Но онъ не отвѣтилъ улыбкой на нашъ смѣхъ, остался серьезенъ, важенъ, молча простился и ушелъ. Мы съ Ларисой нѣкоторое время еще разговаривали о дьяконовой тайнѣ, но я не вѣрилъ въ нее, да и она сомнѣвалась: слишкомъ безвыходно было положеніе. Я бы даже пошелъ на то, чтобы посовѣтовать Аннѣ убѣгомъ обвѣнчаться съ Ларіономъ, но она слишкомъ покорна была волѣ отца, остановилась бы передъ угрозой отцовскаго проклятья, скорѣе бы наложила на себя руки,—это я хорошо зналъ, этого боялся... Лариса давно ушла, читала въ своей комнатѣ, я а все сидѣлъ у потухшаго самовара, сидѣлъ, какъ замороженный тишиной, объявшей домъ. И мысли мои были темны, какъ ночь, смотрѣвшая въ окна. Онѣ были началомъ тѣхъ сомнѣній, которыя впослѣдствіи привели меня къ инымъ взглядамъ и иной жизни.

Тишина вскрывала передо мной свои тайны.

По всему уже міру ходила моя мысль, и всюду видѣла насиліе человѣка надъ человѣкомъ, всюду пораженіе добраго и торжество злого. Готовые трафаретные взгляды были къ моимъ услугамъ для объясненія этого, но они уже не удовлетворяли меня. Ибо они говорили о необходимости зла, а я не могъ этого признать. Потому что я уже ясно видѣлъ, что передъ каждой доброй волей стоитъ зло обычаевъ и учрежденій. И воля добрая должна склоняться передъ злой, бездушной волей. Почему законъ не на сторонѣ Анюты и Ларіона, а на сторонѣ ея отца и вмѣстѣ съ тѣмъ Коротконогова? Почему я долженъ признать этотъ законъ и склониться передъ нимъ, а если нѣтъ—то отойти въ сторону и предоставить злу совершиться? Положимъ, Анюта въ рѣшительный моментъ передъ вѣнчаньемъ на вопросъ священника о ея согласіи могла отвѣтить: „нѣтъ“. Но вѣдь это только форма. Человѣкъ, который можетъ отвѣтить: „нѣтъ“, не пойдетъ къ аналою, чтобы отвѣтить: „нѣтъ“! И передо мной рисовались тѣ люди, тѣ массы несчастныхъ людей, которые на роковой вопросъ жизни не могли отвѣтить: „нѣтъ“...

И изъ нихъ я первый!

И ужъ смутная мысль выростала во мнѣ, что между волей Христа и волей міра—непримиримое противорѣчіе, а я, въ своей пастырской дѣятельности, долженъ примирить ихъ...

Мои мысли нарушилъ смутный шумъ за окномъ, тревожный говоръ голосовъ; онъ проплылъ мимо оконъ, стихъ. Я посмотрѣлъ сквозь морозное стекло.

Тьма, тишина...

Но тотчасъ тишину эту нарушилъ спѣшный дробный стукъ въ калитку. Не успѣлъ я выйти въ кухню, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, какъ въ отпахнувшуюся дверь ворвались клубы морознаго пара, и вмѣстѣ съ ними въ шумномъ движеніи вошла толпа мужиковъ. Впереди ихъ Овцовъ. Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него: онъ былъ въ какой-то сдержанной ярости, глаза его мрачно

пылали, и вся мохнатая, овчинная фигура его была какъ бы встрепана вѣтромъ. Онъ весь подался ко мнѣ, готовый задать какой-то важный вопросъ, но не успѣлъ сказать и слова: толпа заколыхалась и сквозь нее съ крикомъ:

— Пустите... пустите, православные!—бросилась къ ногамъ моимъ Васильевна.

Эта кроткая, всегда покорная, забитая женщина была внѣ себя, въ страстномъ отчаяніи: сморщенное, давно состарившееся, лицо ея было красно и мокро отъ слезъ, безпорядочными движеніями она взбрасывала ко мнѣ руки, словно молилась на меня:

— Батюшка... батюшка родной! Не отдавай ее, не отдавай ему... коли она у тебя! Не отдавай! Защити!

И вскочила.

А. Линдеманъ. Лѣтній день. Выставка „Міръ Искусства“.

А. Линдеманъ. Бѣлыя розы. Выставка „Міръ Искусства“.

И бросилась къ мужу, налетала на него, какъ насѣдка на коршуна:

— Лиходѣй! Тридцать лѣтъ я терпѣла!.. Не хочу, мучитель, больше! Не отдамъ дите, не отдамъ... не отдамъ на такую же муку! Въ монастырь уйду отъ тебя... и ее возьму съ собой!

Маленькіе безсильные кулачки протягивала она къ нему съ рыдающимъ крикомъ:

— Мучи-и-тель!

Онъ не отталкивалъ, не пытался удержать ее, какъ будто лаяла на него маленькая собачонка, и молча, съ мрачной пытливостью смотрѣлъ на меня.

— У тебя?—глухо проговорилъ онъ.

Я ничего не успѣлъ отвѣтить, какъ снова Васильевна бросилась ко мнѣ.

— Онъ билъ ее!—кричала она визгливымъ голосомъ.—Какъ быкъ на рога, поднималъ! Мѣста живого не оставилъ! Смотри...

Она вытянула руку.

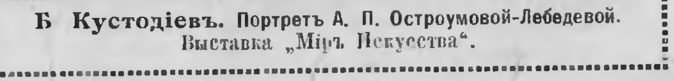
— Пыталась отнять... руку мнѣ измялъ! Звѣрь! Звѣрь!.. А этотъ старикъ поганый, безносый... смѣялся! Заперъ онъ ее, на замокъ заперъ. Убѣгла она, отъ отца родного убѣгла, отъ мучителя... въ одномъ платьишкѣ убѣгла, на морозъ лютый! Батюшка, батюшка родной... тридцать лѣтъ терпѣла, нѣтъ больше моготы моей! Уйду, уйду отъ лютаго звѣря, въ монастырь уйду, вмѣстѣ съ ей уйду! Не отдавай ее, не отдавай ему!..

Опять она бросилась на колѣни:

— Защити!

Я съ жалостью смотрѣлъ на Васильевну, на ея мокрое отъ слезъ лицо, на ея сѣдые волосы, на ея движенія утопающей, и отзвукъ недавнихъ мыслей невольно шевельнулся во мнѣ: вотъ

Б Кустодіевъ. Портретъ А. П. Остроумовой-Лебедевой. Выставка „Міръ Искусства“.

и ей и Анютѣ властная жизнь говоритъ свое грубое: „да“, а онѣ, быть-можетъ, впервые, пытаются крикнуть ей: „нѣтъ!“ Но она сомнетъ ихъ хрупкую волю... Въ то же время я говорилъ ей:

— Встань, Васильевна, успокойся. Разскажи, что случилось? Не понимаю.

Но Овцовъ не далъ ей отвѣтить.

Не сводя съ лица моего пытливаго взгляда, онъ мрачно сказалъ:

— Такъ, стало-быть, она не у тебя?

— Кто?

— Анютка моя?

Я гнѣвно вспыхнулъ:

— Ищемъ для твоей милости!—крикнулъ веселый мужичокъ Тихонъ:—да комарь въ дуплѣ засѣлъ, и носа не видать... какъ у твоей милости.

Мужики смѣялись.

Коротконоговъ налеталъ на нихъ своей ковыляющей походкой:

— Искать надо, безобразники!

Но въ мужикахъ разросталась враждебность къ нему:

— Ищи самъ... тебя вѣдь напугалась!

— Нешто мы слуги твои?

А веселый Тихонъ все не унимался:

— Ужъ и подъ вѣнецъ съ твоей милостью не прикажешь ли тащить?

Г. Лукомскій. Старый Кіевъ. Во Фроловскомъ монастырѣ ка Подолѣ. Выставка „Міръ Искусства“.

— Такъ ты довелъ все-таки, что она сбѣжала отъ тебя... безсердечный отецъ!

И невольная угроза сорвалась у меня:

— Смотри, найдешь ли!

— Со дна моря за волосья достану!—мрачно проговорилъ онъ.

И повернулся къ мужикамъ:

— Айда, ребята, дальше искать! Видать, здѣсь нѣтъ.

Они вышли.

Я задержалъ Васильевну, быстро одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ нею за мужиками. Изъ плачущихъ словъ ея понялъ, что Анну искали по всѣмъ клѣтямъ и амбарамъ, обошли сосѣдей, родственниковъ. И давешняя мысль,—мысль о томъ, что Анна можетъ наложить на себя руки,—всецѣло овладѣла мной, разрослась до напряженной тревоги.

Вѣсть разошлась по селу.

Со всѣхъ сторонъ бѣжали мужики.

Уже огромная толпа грудилась вокругъ старосты. Всѣ кричали, спорили, упрекали старосту за жестокое обращеніе. Впервые нашлись у людей слова обличенія. Прибѣжалъ съ мельницы и Коротконоговъ, совался въ толпѣ, растерянно спрашивалъ:

— Нашли?

Толпа гудѣла:

— Довели дѣвчонку!

— Теперь ищи!..

— Може, въ степь ушла!

— Уйдешь отъ такихъ-то...

— Изверги!

Отъ хатъ бѣжали и бабы.

Улица запрудилась народомъ.

Надъ синими лѣсами всходила багровая луна и все пропитала своимъ кровавымъ свѣтомъ: хаты улицы, возбужденныя лица мужиковъ и бабъ и снѣжныя поляны за околицей. Шумъ все разростался, словно поднималъ людей на гнѣвныя волны: молчавшіе доселѣ въ разбродъ по своимъ хатамъ, тутъ, въ толпѣ, они спѣшили высказать свои тайныя мнѣнія, возбуждались отъ собственныхъ словъ и общаго возмущеннаго говора, крики переходили въ угрозы. Уже бабы высказывали предположеніе, что Анна не добромъ кончила: отъ такихъ-то лиходѣевъ и въ воду бросишься! Васильевна то начинала причитать, то яростно нападала на мужа, обзывая его словами, какими навѣрное никогда не обзывала въ жизни.

Овцовъ стоялъ посреди толпы, выше всѣхъ на голову, съ мрач-

С. Соринъ. Портретъ артистки Императорскихъ театровъ Н. Г. Коваленской. Выставка „Міръ Искусства".

ной думой на лицѣ. И въ то время, какъ Коротконоговъ гнѣвливо переругивался съ мужиками, Овцовъ молчалъ, не обращая никакого вниманія на крики, словно вокругъ него и не люди волновались, а стадо овецъ съ блеяньемъ и перханьемъ металось у его ногъ. И какъ надоѣдливый комаръ, была ему жена,— онъ только раза два отвелъ ее рукой, когда она слишкомъ близко налетѣла на него съ своими маленькими сжатыми, грозящими кулачками.

Коротконоговъ метался и изгибался передъ нимъ:

— Чего жъ это теперь будетъ... а?

Овцовъ не замѣчалъ его, какъ и другихъ.

Среди мужиковъ разросталась тревога.

Теперь ужъ и всѣ кричали:

— Може, въ степь ушла!

— Испугалась дѣвчонка, знамо...

— Кабы не того... сдѣлать чего-нибудь...

— Искать надо!

— Звать надо!

— Може, у кого во дворѣ сидитъ?

Бабы принялись звать ее тонкими голосами:

— Аню-ю-тка!.. А-а-н-нушка-а!

Сулили ей, что теперь ничего не будетъ, что за нее всѣ вступятся. Стали кричать и мужики. Говорили, что надо въ степь выйти звать ее. Холодъ, замерзнуть можетъ... Луна взбѣгала все выше, становилась свѣтлой и яркой. Въ серебристомъ сіяніи ея мужики метались темными, неуклюжими тѣнями на синеватомъ фонѣ снѣга, и все стоялъ посреди нихъ молчаливый староста, единственно спокойный среди этихъ мятущихся людей, какъ будто онъ былъ тутъ одинъ, и не къ нему относились ихъ укоры. И по лицу его было видно, что какая-то смутная мысль прояснялась въ немъ.

— У дьякона она!—сказалъ онъ увѣренно.

И тотчасъ двинулся по улицѣ рѣшительнымъ и спокойнымъ шагомъ сквозь толпу, разступавшуюся передъ нимъ. Толпа пошла за нимъ. Коротконоговъ ковылялъ рядомъ съ нимъ, Васильевна съ причитаньями бѣжала впереди.

— А-а-нютка-а!—звали бабы.

Мужики кричали во дворы и въ хаты:

— Не у васъ ли Овцова?

Такъ дошли до школы.

Принялись крѣпко стучать въ ставни и двери, возбужденно звали дьякона. А дьяконъ почему-то не шелъ долго, и видно было сквозь просвѣты ставней, что онъ зажигаетъ лампу и чего-то ходитъ по школьной комнатѣ, ничѣмъ не отзываясь на отчаянный зовъ. Заскрипѣли потомъ двери, и дьяконъ появился на крыльцѣ весьма взлохмаченный и съ соннымъ видомъ.

— Что за шумъ среди ночи?—сказалъ онъ, сладко позѣвывая.—Первому сну помѣшали...

Мнѣ показалось, что позѣвнулъ онъ нарочно. И былъ онъ какъ-то странно спокоенъ и ничуть не удивленъ, словно ждалъ такого необычнаго посѣщенія. Мнѣ даже пришла въ голову догадка, что, пожалуй, правъ Овцовъ: Анюта у дьякона. Но на вопросъ такого рода дьяконъ тотчасъ сдѣлалъ удивленное лицо:

— У меня? Да чего ей у меня дѣлать?

Но Овцовъ взошелъ на крыльцо:

— Показывай помѣщеніе.

Ростомъ они были одинаковы и теперь стояли другъ передъ другомъ, какъ два великана: одинъ—тощій, другой—плотный и лохматый, и смотрѣли близко другъ другу въ лица.

Дьяконъ насмѣшливо усмѣхнулся:

— Не вѣришь?

Овцовъ угрюмо и твердо отвѣтилъ:

— Не вѣрю!

Дьяконъ вскинулъ голову и вытянулся, отчего произошелъ странный и въ то же время комическій феноменъ: онъ сталъ выше старосты, такъ-что лицо старосты пришлоcь уже въ уровень съ его грудью. Такъ всегда случалось съ дьякономъ въ торжественные моменты.

Б. Кустодіевъ. Портретъ художника Александра Бенуа. Выставка „Міръ Искусства".

А. Александровъ. Молодые у колдуна (изъ чувашской жизни). Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ.

— Староста Овцовъ,—сказалъ онъ съ важностью:—а что ты сдѣлаешь съ дочерью, если найдешь ее у меня?

Вмѣсто отвѣта староста хотѣлъ отстранить его, но дьяконъ сурово крикнулъ:

— Отвѣть!

— Моя власть отцовская,—глухо и мрачно отвѣтилъ староста.—Пусти съ дороги!

— Староста Овцовъ,—повторилъ дьяконъ:—власть отцовская—прахъ и пепелъ передъ властью Божеской.

И онъ отступилъ въ глубину сѣней:

— Ищи!

Пошелъ впередъ.

Староста пошелъ за нимъ въ комнату. Я и со мной нѣсколько мужиковъ вошли вслѣдъ за нимъ, остальные остались ждать. Староста мрачнымъ взглядомъ обвелъ школьную комнату, тускло освѣщенную лампой, нагнувшись, заглянулъ подъ парты, почему-то нѣкоторое время тупо смотрѣлъ на черную доску, испещренную цифрами. Дьяконъ молча растворилъ передъ нимъ дверь своей каморки: староста медленно прошелъ туда, остановился посрединѣ. Каморка была кровяечная, жарко натопленная. Стѣны ея сплошь были разукрашены портретами, иллюстраціями журналовъ и рекламами врачебныхъ средствъ. Въ ней едва помѣщались столъ съ остатками чаепитія, два стула, деревянная кровать, сундукъ съ имуществомъ дьякона да просторный домодѣльный шкапъ, въ которомъ дьяконъ хранилъ свои книги и праздничныя одѣянія. Негдѣ было повернуться. Дьяконъ отошелъ къ сторонкѣ, къ шкапу, прислонился къ нему и насмѣшливо наблюдалъ за старостою.

— Ну... ищи!—говорилъ онъ.

Мужики съ любопытствомъ заглядывали въ комнату, вытягивая шеи, но войти не рѣшались, да и некуда было. Староста все стоялъ посреди комнаты, хмуро озирая ее. Онъ ясно видѣлъ, что Анюты тутъ не было. А дьяконъ ужъ издѣвался надъ нимъ:

— Можетъ, въ сундукъ заглянешь?

Онъ протянулъ свою длинную руку и отпахнулъ крышку сундука: его смутной грудой наполняли книги въ перемежку съ дьяконовымъ бѣльемъ.

— Ищи!—усмѣхнулся дьяконъ.

Лицо старосты становилось темнымъ, но онъ все не двигался съ мѣста, словно прислушиваясь къ своимъ мутнымъ мыслямъ и разбираясь въ нихъ. За окнами толпа все время сдержанно гудѣла въ ожиданіи, но почему-то говоръ ея все возросталъ, превращался въ глухой тревожный гулъ, плескавшій и бившій въ стѣны, а потомъ стали выдѣляться отдѣльные взволнованные крики...

Дьяконъ все насмѣхался надъ старостой.

— Въ печку загляни!—говорилъ онъ, хотя староста не двигался съ мѣста.

Меня охватилъ гнѣвъ.

— Стыдно вамъ, отецъ дьяконъ!—вскричалъ я.—Богъ знаетъ, что случилось съ бѣдной дѣвочкой, а вы тратите время! Неужели вамъ не безпокойно за нее? Хорошо, если она у кого-нибудь спряталась, а если и въ самомъ дѣлѣ въ степь убѣжала? Вѣдь запугали, замучили ее! Вѣдь погибнуть можетъ человѣкъ!..

Дьяконъ повернулъ ко мнѣ лицо, удивленно приподнялъ брови и взглянулъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ.

— Она,—сказалъ онъ:—храбрая дѣвушка, и Богъ защититъ ее.

— Богъ, Богъ!—возмутился я:—но вѣдь мы-то должны же ей помочь, должны!

Я бросился къ старостѣ:

Л. Орландъ. Давидъ передъ Сауломъ. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

— Искать надо ее!

— Искать надо, — какъ эхо, повторили мужики за моей спиной.

Староста взглянулъ на меня съ видомъ человѣка, погруженнаго въ свои мысли, и передъ которымъ внезапно что-то замелькало. Но, очевидно, и не слышалъ меня. Не отвѣчая, повернулся, чтобы итти изъ комнаты. Въ это время дверь изъ сѣней отпахнулась, ворвался въ нее тревожный и какъ бы испуганный гулъ толпы. Нѣсколько мужиковъ тащили и вталкивали въ комнату тщедушную фигурку писаря. Онъ и не упирался, не противился, только ноги плохо слушались его, и онъ предоставлялъ мужикамъ вести себя.

Мужики толкнули его къ старостѣ.

Онъ остановился передъ старостой на дрожащихъ ногахъ, и видно было, что буйный хмель еще не вышелъ изъ него, но на лицѣ былъ написанъ отчаянный и какой-то жалостный испугъ.

— Я... я не зналъ... нешто я... зналъ?—бормоталъ онъ.

Староста вдругъ вышелъ изъ своей неподвижности.

— Чего ты?—грубо крикнулъ онъ.

И ужъ въ голосѣ его прозвучала тревога.

Онъ крѣпко схватилъ писаря за плечо:

— Говори... что тамъ?!

Писарь принялся плакать пьяными и жалостными слезами:

— Видѣлъ я ее... видѣлъ!..

— Гдѣ?

— Какъ очухался я, пьяница... дома-то у себя... въ головѣ грохотъ. Вышелъ на крыльцо, на морозъ. Еще свѣтокъ былъ. И вижу по свѣтку-то... она! Еще я подумалъ: ужель она... въ одномъ платьишкѣ, по морозу... не мерещится ли? Нешто я могъ знать, что такое дѣло... Гос-споди! Бѣжитъ, вижу, бѣжитъ, торопится... да за околицу, да по цѣлому-то снѣгу, да къ рѣкѣ. Подъ откосомъ сгинула. Еще, поди, и сейчасъ слѣдки видны. Господи... кабы я зналъ...

Пьяныя слезы текли по его лицу.

— Я бы за нее... я бы... душу...

Рѣзкимъ, яростнымъ движеньемъ староста отбросилъ писаря въ сторону. Писарь съ жалобнымъ крикомъ полетѣлъ и исчезъ подъ партами. Никто не обратилъ на него вниманія. Лицо старосты стало совершенно темнымъ, впервые онъ потерялъ свое спокойствіе. Необычнымъ быстрымъ шагомъ направился онъ къ двери. Мужики разступались передъ нимъ, жались къ стѣнамъ, чтобы дать ему дорогу. Разступилась, смолкла и толпа на улицѣ при видѣ темнаго лица старосты и мрачно пылавшихъ глазъ его. Молча онъ прошелъ черезъ толпу и быстро зашагалъ по дорогѣ, уже никого не приглашая итти за собой. Но всѣ пошли за нимъ, пошли уже въ молчаніи, въ напряженномъ ожиданіи чего-то страшнаго...

Я оглянулся.

Неужели дьяконъ не пойдетъ?..

Увидалъ его вдали на дорогѣ: высокій и худой, какъ темное привидѣніе, онъ шагалъ за толпой,—и въ смутномъ свѣтѣ мѣсяца казалось, что онъ шагаетъ на ходуляхъ.

За околицей искали слѣды.

И нашли ихъ... маленькіе слѣды полудѣтскихъ ножекъ, обутыхъ въ валенки. По глубокому снѣгу, въ молчаніи, прошли до откоса надъ рѣкой.

Луна сіяла.

Она лила свой мертвенный свѣтъ на мутныя снѣжныя поля, на лѣса, темнѣвшіе вокругъ серебристо-чернымъ кольцомъ. И казалось, все вокругъ говорило о смерти: кустарникъ по откосу, покрытый инеемъ, застывшія въ неподвижности деревья, отягченныя снѣжнымъ уборомъ, и рѣка, какъ могильной плитой, скованная льдомъ. По откосу и дальше — по мутному серебру снѣга на рѣкѣ виднѣлись синеватые, одинокіе слѣды... узкая дорожка ихъ вилась до темнѣвшей вдали проруби.

Староста остановился на откосѣ.

Какъ бы въ мутномъ удивленіи какомъ-то смотрѣлъ онъ, вскинувъ голову, на таинственные слѣды. Молчаливой толпой остановились мужики и жаднымъ, испугнутымъ взглядомъ смотрѣли на роковую дорожку, уводившую въ невѣдомое... Тихимъ стономъ отозвались женщины. И слышно было, какъ пытались онѣ успокоить Васильевну словами, въ которыя сами не вѣрили. Ее сдерживали подъ руки, а она, обезсилѣвшая, съ безумнымъ лицомъ, съ растрепавшимися сѣдыми волосами, рвалась и ужъ не могла говорить, только тяжело, хрипло дышала.

Я услыхалъ густой шопотъ дьякона:

— Бабы... отступите.

Онъ ухватилъ подъ руку Васильевну:

— Старуха, давай-ка я поведу тебя.

Староста шагнулъ подъ откосъ.

За нимъ покатились туда и мужики темнымъ ливнемъ, утопая въ снѣгу, падая и сваливаясь, вздымая серебристую пыль. Староста уже не шелъ, а бѣжалъ, широко махая руками и вытянувъ впередъ лицо. И тѣмъ же торопливымъ бѣгомъ, прыгая, утопая въ снѣгу, спѣшили за нимъ и мужики, растягиваясь въ темную змѣистую линію. Казалось, одно трепетное, молчаливое тѣло жутко и спѣшно ползло, извиваясь, по снѣгу, въ мутномъ страхѣ, въ безуміи ожиданія. Кошмарнымъ сномъ казались мнѣ эта бѣгущая толпа и застывшій узоръ деревьевъ надъ рѣкою, вверху холодная луна съ ея мертвеннымъ свѣтомъ. И самъ я бѣжалъ среди толпы, какъ въ мутномъ снѣ.

Задохнулся, отсталъ...

Оглянулся.

Вдали дьяконъ медленно велъ Васильевну и, нагнувшись, что-то говорилъ ей.

Мутный сонъ продолжался.

Темная прорубь глянула своимъ загадочнымъ глазомъ. Ледъ былъ сломанъ недавно и еще не успѣлъ затянуться. Вода глухо рокотала и крутилась въ глубинѣ, какъ въ черной пропасти, и холодные блики вспыхивали и гасли на ней отъ луннаго свѣта. Неподвижнымъ, сомкнутымъ кругомъ стояли мужики, смотрѣли на прорубь, и въ глазахъ ихъ какъ бы отражалась ея глухо волнующаяся, темная глубина. Неподвижно стоялъ и староста у самаго края, смотрѣлъ и какъ бы ждалъ чего-то. И лицо его стало совсѣмъ чернымъ, и самъ онъ — какъ взлохмаченный бурею, бушевавшей внутри его. И, казалось, темная глубина лепетала ему таинственную повѣсть о душѣ, не вынесшей муки, о молодомъ, нѣжномъ тѣлѣ, застывавшемъ на днѣ... вѣдь сюда привели его слѣды его дочери.

Онъ шумно, бурно вздохнулъ.

И, какъ бы впервые вспомнивъ, что на свѣтѣ есть люди, обвелъ кругъ мужиковъ мутнымъ взглядомъ.

Но ничего не сказалъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Любовь.

Любовь царицей
Вдругъ въ сердцѣ вспыхнетъ
И вольной птицей
Умчится вновь,
Порывъ случайный
Покой всколыхнетъ,—
И снова тайно
Уйдетъ любовь...

Любовь уходитъ,
Какъ день подъ вечеръ,
И вновь приходитъ,
Лишь минетъ ночь.
Любовь, какъ пѣсня,
Любовь, какъ вѣтеръ:
Едва коснется—
Ужъ мчится прочь.

О. Генсенъ.

Въ семьѣ.

Разсказъ **Г. Сѣверцева-Полилова.**

«Въ каждой избушкѣ свои поскребушки».

I.

Василій Никифоровъ сидѣлъ на бревнахъ, сваленныхъ у избы, и пытливо смотрѣлъ на потемнѣвшую рѣку, казавшуюся отсюда, съ верху холмистаго берега, громадною змѣею, быстро извивавшеюся чернымъ чешуйчатымъ туловищемъ между оголенныхъ позднею осенью пустынныхъ береговъ.

Рѣка скрывалась недалеко, за лѣсистымъ изгибомъ, но ниже снова показывалась, совершенно преображенная. Вся въ бѣлой пѣнѣ, съ громкимъ рокотомъ, усиленнымъ еще эхомъ высокой гранитной тѣснины, она злобно спорила съ каменной грядой, загораживавшей ей дорогу, бѣшено вскидывая кверху свои струи, осыпая угрюмый гранитъ пѣной и брызгами, срывалась съ гряды и долго еще, не успокоившись, неслась дальше.

Наглядѣвшись на знакомую ему картину рѣки, Василій перевелъ глаза на стоявшую у бревенъ сестру, одѣтую въ черное платье монашескаго покроя, съ чернымъ же коленкоровымъ платкомъ на головѣ, и тихо замѣтилъ:

— Чтой-то, думается мнѣ, Θима, зима у насъ скоро станетъ, затяжная будетъ, и снѣгу вдосталь выпадетъ.

Голосъ его звучитъ мягко, ровно, изъ-подъ густыхъ рыжеватыхъ бровей увѣренно смотрятъ свѣтло-сѣрые глаза сѣверянина; на всемъ его свѣжемъ, розоватомъ, далеко еще не старческомъ лицѣ, окаймленномъ большою рыжею бородою съ замѣтной сѣдиной, разлито спокойствіе уравновѣшеннаго человѣка.

Иная Евθимія: въ впалыхъ глазахъ ея, не такихъ свѣтлыхъ, какъ у брата, чуть теплится огонекъ упрямства, скрытная, настойчивая мысль затаилась гдѣ-то глубоко-глубоко. Она вѣритъ только себѣ, въ свои силы: уже давно чужой умъ, мнѣніе другихъ людей для старой дѣвушки ничто; но она никогда не высказываетъ это никому и дѣлаетъ видъ, что соглашается со всѣми.

Ей почему-то кажется, что замѣчаніе брата о скорой затяжной зимѣ невѣрно, но возразить ему прямо не рѣшается, а пытается сдѣлать это обходомъ.

— А почему это вы, братецъ, заключаете?—вкрадчиво, но все же съ оттѣнкомъ твердости спрашиваетъ Евθимія.

Ему, старому гонщику лѣса, рыбаку, всю жизнь не разстававшемуся съ этой рѣкой, не знать каждой, самой мелкой примѣты погоды! Его старыя, испытанныя кости чуютъ бурю, вѣтеръ, снѣгъ, дождь чуть ли не за два дня раньше. Василій загадочно улыбается и спокойно объясняетъ:

— Вотъ когда бы ты, Θима, съ бревнами да съ плотами годковъ съ тридцать пять поломалась, знала бы и ты кое-что про погоду!

Старикъ поднялся съ бревенъ, выпрямился,—ростомъ онъ былъ высокъ,—окинулъ взоромъ ярко заалѣвшій за рѣдкими осинками западъ, перевелъ глаза на терявшую мало-по-малу рѣзкость очертаній плотную стѣну еловаго бора за деревней и снова посмотрѣлъ на рѣку, сливавшуюся съ берегами.

Стало замѣтно темнѣть, отъ воды потянуло сыростью, надъ лѣсомъ мелькнула звѣздочка, за нею выкатилась на небо другая, тишина вечера усилила гармоническій шумъ падуна.

— Засумеречило. Пойдемъ домой, сестра!—услышала Евθимія голосъ брата и послушно стала подниматься впереди его по лѣстницѣ въ верхнюю половину хорошо срубленной изъ толстой сосны просторной избы сѣвернаго крестьянина.

II.

Внизу помѣщались амбары, кладовушки съ зерномъ, рыболовными снастями, веслами, баграми и другими принадлежностями, необходимыми гонщику и рыбаку; вверху жилъ самъ хозяинъ съ сыновьями и сестрою.

Большая горница избы была раздѣлена на двѣ части дощатой перегородкой. Въ меньшей части раньше спали старикъ съ женой; послѣ ея смерти тамъ помѣстилась Евθимія, Василій Никифоровъ перебрался къ сыновьямъ въ другое отдѣленіе.

Замѣтно было, что избу строилъ смѣтливый человѣкъ: ни одного уголка у него не пропало даромъ, даже печка не загораживала безтолково, какъ обыкновенно у крестьянъ, много мѣста, ее приткнули къ стѣнѣ, выходившей на лѣстницу. Холода отъ оконъ, видимо, не боялись,—по обѣимъ сторонамъ краснаго угла ихъ было по два, но двойныя рамы были прилажены такъ плотно, что изъ нихъ не дуло.

Большой столъ, два шкапчика, длинныя лавки по стѣнамъ, нѣсколько табуретовъ грубой домашней работы держались опрятно.

У порога снаружи лежалъ ельникъ для обтиранія ногъ, въ самой горницѣ, отъ двери къ столу, тянулась по полу самодѣльная дорожка изъ толстой посконии.

Фольговыя ризы на иконахъ, поставленныхъ на полочки въ красномъ углу, блестѣли,—Евθимія разъ въ мѣсяцъ чистила ихъ мѣломъ.

Все было приспособлено для удобнаго жилья зимою, вездѣ

чувствовалась опрятность. Сѣверный крестьянинъ почти всегда живетъ опрятнѣе и домовитѣе своего собрата средней полосы Россіи, а семья Никифоровыхъ издавна славилась этимъ по всему Заонежью.

Самъ Василій, такъ же, какъ его покойный отецъ и дѣдъ, съ малыхъ лѣтъ гоняли по Сунѣ лѣсъ, безстрашно стоя на одномъ бревнѣ, съ шестомъ въ рукахъ, перебирались по многочисленнымъ порогамъ, „падучинамъ“, „грядкамъ“, перетаскивали волокомъ обмелѣвшія бревна, гнали ихъ въ „кошелки“, вязали „запруды“, плоты, работали баграми, крючьями, мочалой и веревками, сжились съ водой, проводя на рѣкахъ и озерахъ всю свою жизнь.

Богъ миловалъ, никто изъ нихъ не утонулъ, всѣ гоняли лѣсъ, пока была мочь, и умирали у себя въ избѣ.

Одинъ только Василій долженъ былъ отказаться отъ этой работы еще въ полной силѣ, да и то по несчастной случайности: скатывая съ высокаго берега въ рѣку срубленный лѣсъ, онъ нечаянно попалъ ногою подъ бревно и остался хромымъ навсегда.

Больше мѣсяца пролежалъ онъ со сломанной ногой, она плохо срослась, неопытный фельдшеръ не умѣлъ наложить лубки, какъ слѣдуетъ, гонщику лѣса пришлось невольно отказаться отъ своего дѣла и заняться рыболовствомъ,—рыбу ловить онъ могъ и хромой.

III.

Но его скоро замѣнили подросшіе сыновья. Второй, Никаноръ, вышелъ работоспособностью, смѣткой весь въ него: такъ же безстрашно, какъ и отецъ, стоя на юркомъ бревнѣ, онъ гналъ лѣсъ черезъ пороги, ловко управляя длиннымъ шестомъ; весь мокрый отъ брызгъ и пѣны, стрѣлою мчался между опасными валунами и осколками скалъ, упавшими въ рѣку.

Старшій сынъ Василія, Маринъ, хотя тоже гонялъ лѣсъ вмѣстѣ съ братомъ, но въ немъ не чувствовалось такой увѣренности, смѣлости, какъ у Никанора, работалъ онъ, не лѣнясь, дѣлалъ все, что нужно, но это было не то.

Маринъ не любилъ этого дѣла: оно не подходило къ складу его жизни, не затягивало парня, лишеннаго отъ природы отваги, чисто-русской удали.

Третій сынъ гонщика, Павелъ, только-что переступившій грань между подросткомъ и юношей, не походилъ на обоихъ своихъ братьевъ. Работы такъ же, какъ и они оба, онъ не бѣгалъ, лѣнивымъ его никто не могъ назвать, но задумчивый, молчаливый, ушедшій въ себя юноша не увлекался работой, онъ исполнялъ ее, какъ урокъ, который нужно исполнить, какъ часть труда для общаго семейнаго благосостоянія.

Рубить деревья онъ не любилъ и готовъ былъ лучше все время работать на рѣкѣ, чѣмъ сводить лѣсъ.

При первомъ звукѣ топора, хлюпанья стали въ крѣпкую смолистую сердцевину ели парень зажималъ уши, на лицѣ его отражалась печаль, изъ глазъ невольно катились слезы. Онъ плакалъ, жалѣя каждое дерево, ему казалось, что оно такъ же, какъ и живое существо, страдаетъ и плачетъ отъ боли.

Павелъ каждый разъ убѣгалъ съ порубки куда-нибудь погуще, гдѣ не былъ слышенъ звонкій говоръ топора.

Старикъ-отецъ не настаивалъ, чтобы Павелъ былъ рубщикомъ, ничего не возражалъ противъ нежеланья Павла сводить лѣсъ.

— Такъ оно, значитъ, въ немъ и сидитъ: каждый человѣкъ особо думаетъ, каждому иное чувствіе Господомъ Богомъ опредѣлено! Пусть то дѣло дѣлаетъ, къ какому у него сердце лежитъ.

Отказывался Павелъ и отъ рыбной ловли, жалѣлъ бить рыбу; зато Маринъ былъ природный рыболовъ: ставилъ верши, какъ никто, зналъ мѣста, гдѣ рыба особенно хорошо ловилась, никогда не пріѣзжалъ съ лова безъ добычи, старику даже показывалъ, гдѣ и какъ ловить.

— Что до рыбы касается, то лучше нашего Марина, пройди по всѣмъ береговымъ деревнямъ, не сыщешь!—постоянно говорилъ старый гонщикъ.

Но два года тому назадъ Никанора взяли въ солдаты, гоночная работа всецѣло легла на Марина, подростокъ Павелъ могъ только еще ему помогать, старикъ Василій сталъ рыбачить вмѣсто второго сына. Осень застала семью временно отдыхающей послѣ нелегкой весенней и лѣтней страды.

IV.

Евѳимія привычными руками отыскала на шесткѣ спички, чиркнула, осторожно зажгла лампу и повѣсила на стѣну надъ столомъ.

Больная нога мѣшала старику быстро взбираться по лѣстницѣ. Войдя въ освѣщенную избу, онъ снялъ нагольный тулупъ и раскинулъ на лавку около печки, гдѣ спалъ. Затѣмъ умылъ руки изъ трехносаго глинянаго рукомойника, отерся полотенцемъ и истово перекрестился на иконы, передъ которыми, слабо мигая, теплился огонекъ въ зеленой лампадкѣ.

— Ужинать собирать, что ль,—спросила вѣковуша:—аль погодить?

— Гдѣ Маринъ-то?

— Знамо, гдѣ, верши, поди, на рѣкѣ смотритъ.

— А Павелъ?

— Побѣгъ къ отцу Иродіону, еще озавчера кликалъ онъ его: вѣтромъ кое-гдѣ пораздвинуло крышу на церкви, пока не позатекло еще, нужно поскрѣпить балясины,—вотъ Павлуша и побѣгъ подмочь.

— Подождемъ ихъ ужинать, не Богъ знать, какъ поздно. Въ печи у тебя варево-то стоитъ?

— Въ печь даве поставила пряженцы съ сыромъ, оладушки, да варева съ полгоршка. Доѣдать ужо все надобно.

— Доѣдать! Ишь, ты, сестра, какъ щедра нонѣ стала, добра не жалѣешь!—пошутилъ Василій.

— Чего жалѣть-то, а завтра не дадутъ: постъ-отъ сегодня съ полуночи наступитъ.

— Рождественскій! А я, грѣшный, совсѣмъ о немъ и запамятовалъ. Въ воскресенье заговѣнье-то пришлось...

Рыбакъ сложилъ пальцы руки, качнулъ недовольно головой и, точно сразу о чемъ-то вспомнивъ, отрывисто спросилъ сестру:

— А въ Боры, Ѳима, ходила объ утро, узнала что?

— Все какъ есть доподлинно выспросила,—чуть потупясь, смущенно оправляя сползшій на щеки головной платокъ, отвѣтила сестра.

— Подъ стать сирота-то Марину?

— Подходитъ, братецъ, и ростомъ вышла, съ лица недурна и привѣтлива.

— А сколь молода-то?

— Осьмнадцатый съ нонѣшняго августа пошелъ.

— Нашему Марину двадцать шесть въ іюлѣ минуло,—староватъ онъ для сироты-то,—задумчиво прошепталъ хозяинъ.—Ладно ли будетъ, что мы узломъ неразрывнымъ связать ихъ хотимъ?

Евѳимья снова потупилась:

— Ваша, братецъ, воля, вы старшой, женатымъ столько годовъ прожили, вамъ лучше знать,—я дѣвушка...

Братъ испытующе посмотрѣлъ на нее: ему невольно припомнились въ эту минуту слухи, много лѣтъ назадъ ходившіе по деревнѣ. Онъ не повѣрилъ имъ тогда, и только сейчасъ ея послѣднее слово какъ-то непріятно рѣзануло его по душѣ.

— Знаю я, что не привелось тебѣ, Ѳима, судьбу свою устроить, закономъ осоюзиться, а все же не малолѣтка теперь, царя своего въ головѣ держишь и о такомъ дѣлѣ совѣтъ свой можешь положить.

Точно набравшись смѣлости, дѣвушка подняла впалые глаза на брата и твердо сказала:

— Другой судьбы Ульянѣ себѣ не найти! Чѣмъ, какъ я, въ старыхъ дѣвкахъ сидѣть, все жъ лучше ей за нашего Марина выходить. Сживутся—слюбятся...

— Клементій Петровъ тоже съ Марьей сжился...—уронивъ голосъ, проговорилъ старый гонщикъ, испытующе поглядывая на сестру.—Оба рано съ жизнью разстались, не подошли одинъ къ другому.

Евѳимья сразу измѣнилась въ лицѣ, высокая грудь ея замѣтно заволновалась подъ темной тканью, въ глазахъ чувствовался скрытый ужасъ, кисти рукъ нервно сжимались, казалось, что она сейчасъ разразится плачемъ,—но сильная вѣковуша сумѣла преодолѣть охватившую ее минутную слабость.

Чуть замѣтно покачнулась ея сухая, высокая фигура, сразу выпрямилась и застыла; глаза подъ чуть замѣтно трепетавшими рѣсницами жестко уставились на брата.

Василій Никифоровъ невольно отклонился отъ пристальнаго взгляда сестры.

— Значитъ, по-твоему, слѣдуетъ оженить Марина на Ульянѣ?—спросилъ онъ и, не ожидая отвѣта отъ безмолвно стоявшей передъ нимъ Евѳиміи, тряхнувъ широкими плечами, промолвилъ:—Ну, значитъ, и осоюзимъ ихъ!

V.

Маринъ безразлично отнесся къ вопросу о своей женитьбѣ,—такъ поступали всѣ—и дѣдъ, и отецъ его, сосѣди по деревнѣ, весь міръ,—иного исхода не было, развѣ только уйти въ монастырь; но особаго стремленія къ иноческой жизни у рыбака не было. Онъ зналъ, что съ женитьбой положеніе его если и перемѣнится, то къ лучшему, молодая жена старшаго сына будетъ хозяйкой въ домѣ, теткѣ-вѣковушѣ придется уступить ей свое мѣсто. Появится въ семьѣ новая работница, пожалуй, станетъ веселѣй, не все придется слушать наставленія отца, какъ нужно жить, рѣдкія возраженія старой дѣвушки и жаркія молитвы Павла, привыкшаго шептать ихъ долго и настойчиво.

Суровый олончанинъ смотритъ на бракъ иными глазами, чѣмъ крестьяне изъ другихъ губерній Россіи. Онъ относится къ нему строго, считаетъ благословеніе церкви на сожительство чѣмъ-то незыблемымъ, какимъ-то камнемъ, опущеннымъ глубоко въ пучину, откуда его никогда никто не можетъ поднять, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ бракѣ онъ находитъ извѣстныя выгоды для дома и, отчасти, для самого себя.

Сѣверъ крѣпко, по старинѣ, блюдетъ чистоту семейной жизни, легкость нравовъ средней Россіи въ особенности для него чужда. Оттого здѣсь и сама семья выростаетъ сплоченнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, нѣтъ городскихъ отхожихъ промысловъ, отсутствуютъ и городскія болѣзни.

VI.

Въ слѣдующее воскресенье Василій вмѣстѣ со старшимъ сыномъ отправились поутру въ Боры, небольшую деревушку, отстоявшую отъ нихъ верстахъ въ пятнадцати.

Акимъ Прохоровъ, каменотесъ, рвавшій и тесавшій мѣстный мраморъ, дядя Ульяны, у котораго она жила, хотя и не ожидалъ гостей, но они были для него желанными, и онъ ихъ принялъ съ распростертыми объятіями.

Старикъ Василій не любилъ тянуть. Войдя въ избу каменотеса, онъ истово перекрестился на иконы, чинно поздоровался съ хозяиномъ и скромно помѣстился на лавкѣ, недалеко отъ входа.

Отъ его наблюдательнаго взгляда не укрылись чисто выметенная горница, хорошо вымытый полъ.

— Чаю испить, може, хочете?—нерѣшительно протянулъ хозяинъ, вопросительно посматривая на гостей.

— Что намъ съ тобой зря время терять, Акимъ Прохорычъ,—прервалъ его старикъ гонщикъ:—вѣдомо, зачѣмъ мы съ сыномъ пришли, значитъ—смотри на него хорошенько, да учти, какъ слѣдъ, подходитъ ли онъ твоей племянницѣ Ульянѣ.

Каменотесъ, пожилой, здоровый, большого роста, бѣлясый крестьянинъ, немного смутился неожиданными словами гостя, но сейчасъ же оправился:

— Что жъ, коли такъ сразу приступаешь къ самому дѣлу, и намъ съ бабой не пристало загадки загинать! Не прочь мы Ульяну за твоего парня выдать.

— Такъ-то оно такъ, знамо, а все жъ допрежь поспрошай у самой Ульяны,—неладно противъ ея воли дѣло промежъ насъ рѣшать.

— Сейчасъ ее самоё сюда покличемъ, она тамъ съ теткой курей въ теплушкѣ кормитъ,—согласился хозяинъ и вышелъ изъ избы.

Василій поднялся съ лавки и, прихрамывая, обошелъ всю избу, не забывая осмотрѣть печь, онъ даже отодвинулъ заслонку, поднялъ крышку съ котелка, стоявшаго на шесткѣ, поковырялъ ногтемъ замазку въ рамѣ... ничего не укрылось отъ его внимательнаго осмотра.

— Бери дѣвку смѣло, хозяйкой хорошей окажется,—шепнулъ онъ на ухо сыну, точно опасаясь, что ихъ кто подслушиваетъ.

Достаточно было для гонщика одного взгляда на вошедшихъ въ горницу женщинъ, чтобы убѣдиться, что неряшливой женѣ хозяина и въ голову не придетъ держать въ избѣ такую чистоту.

Сирота Ульяна сразу пришлась по душѣ старшему гостю. Съ лица она была миловидна, скромна съ виду, темнорусые волосы дѣвушки были заплетены въ толстую косу, одѣта Ульяна была опрятно, застѣнчивость ея объяснилъ себѣ Василій волненіемъ первой встрѣчи съ человѣкомъ, съ которымъ ей придется прожить всю жизнь.

Маринъ только мелькомъ посмотрѣлъ на невѣсту и, потупившись, молчалъ; трудно было рѣшить, понравилась ли она ему, или нѣтъ.

— Ну, что, Ульяна Егоровна,—пришелъ на помощь смущеняой дѣвушкѣ будущій ея свекоръ:—не прочь ты за моего Марина замужъ пойти?

Бѣглымъ взглядомъ окинула Ульяна сутуловатую фигуру жениха, насмѣшливая, чисто-дѣвичья тѣнь беззаботной шутки мелькнула на ея здоровомъ худощавомъ лицѣ. Она скорѣе по привычкѣ, чѣмъ изъ стыдливости, закрыла лицо ладонями рукъ и несмѣло проговорила:

— Отчего не выйтить, парень ничего себѣ, да только смѣшно больно, бабьимъ именемъ прозывается, какъ мнѣ звать-то его апосля придется?

— Ишь ты, о чемъ, дѣвушка, задумалась! Жена покойница да попъ нашъ всему этому дѣлу виноваты,—шутливо возразилъ старикъ.—Втѣпоры, какъ сынъ-отъ родился, въ отлучкѣ я былъ изъ дома, гналъ лѣсъ съ верховья, баба въ забытьѣ все время лежала, мальчонка родился слабый; побѣжали къ попу, чтобы поскорѣе окрестилъ его; посмотрѣлъ это батюшка въ святцы на тотъ день, видитъ мученика Марина справляютъ, такъ и назвалъ его.

— Машей, что ль, мужа стану я кликать?—уже смѣлѣе отозвалась дѣвушка и засмѣялась.

Не удержались отъ смѣха и старики, на вяломъ лицѣ жениха появилась тоже улыбка.

— Что объ этомъ толковать, столкуетесь опосля, какъ звать, а теперь, если, дѣвица, ты на бракъ съ моимъ сыномъ согласна, давайте совмѣстно Богу помолимся, а тамъ о всемъ прочемъ толковать станемъ.

Василій снова поднялся съ лавки и первый распростерся ницъ передъ образами, за нимъ опустились на полъ и всѣ остальные.

Старики сейчасъ же образовали жениха и невѣсту, а вѣнчать рѣшили въ слѣдующемъ мясоѣдѣ, сряду же послѣ Крещенья.

VII.

О. Иродіонъ вѣнчалъ степенно, не торопясь; Павелъ и двоюродный братъ Ульяны, съ перевязанными черезъ плечо, вышитыми невѣстой, длинными ручниками, держали вѣнцы.

На клиросѣ пѣлъ дьячокъ Лавръ Андреичъ съ нѣсколькими крестьянами—любителями церковнаго пѣнія; соблюли и стародавній обычай: вернувшіеся послѣ вѣнчанія молодые были поставлены на шубы, осыпаны золотистымъ житомъ, старикъ-отецъ вмѣстѣ съ Евѳимьей благословили ихъ иконой и хлѣбомъ на новое житье.

Свадьбу отпировали честь-честью, безпросыпнаго пьянства не было—работящій олончанинъ не падокъ на водку—но выпили въ мѣру.

Вѣковуша уступила новобрачнымъ помѣщеніе за перегородкой, завѣсивъ уголъ около печки холщевой занавѣской.

На другое утро молодыхъ не будили, хотѣли оставить ихъ спать чуть не до полудня,—но молодуха поднялась рано и вмѣстѣ съ Евѳимьей принялась хлопотать по хозяйству, точно она и раньше здѣсь хозяйничала.

Въ Маринѣ тоже не замѣчалось никакой перемѣны, казалось, что ему было безразлично, оставаться ли холостымъ, или обзавестись женой.

Онъ-было собрался итти ставить, по обыкновенію, свои верши и лазы изъ лыка для ловли рыбы, но отецъ остановилъ его:

— Сегодня какая ужъ работа, съ молодой женой побудь, словомъ-другимъ ласковымъ съ нею перемолвись, не завсе жениться-то приходится.

— А какъ же верши-то, кто ихъ смотрѣть нонѣ станетъ?—наивно-недоумѣвающе спросилъ новоженъ.—Павла за этимъ дѣломъ не угонишь.

— Брось ты, сынокъ, объ этомъ и толковать: коли поймалась рыба, такъ и не уйдетъ, озавтра вынешь. Ввечеру, смотри, сваты придутъ, поди, и деревенскіе наши допивать, что послѣ вчера осталось, заглянутъ,—усмѣхнулся отецъ.

Не сдержалась на этотъ разъ и вѣковуша: безразличіе племянника, его невниманіе къ молодой женѣ прорвало и ее:

— Дивуюсь я на тебя, племяшекъ, въ кого ты такимъ вялымъ, невструйнымъ зародился! Другой бы отъ своей молодухи ни на шагъ не отходилъ бы, какъ муха къ медовому прянику прилипъ, а ты, эхъ!..

Въ этомъ „эхъ“ сказалось такъ много прежняго, пережитаго, чего нельзя даже выразить многими словами. Впалые глаза старой дѣвушки съ тоскливымъ укоромъ уставились на Марина, все ея тѣло нервно встрепенулось, на минуту заговорила когда-то бурливая кровь, всколыхнулась забытая нѣга, и все снова замерло въ этой сильной духомъ старухѣ, закостенѣло.

Смущенный ея словами, Маринъ подошелъ къ стоявшей у печки Ульянѣ, какъ-то неловко обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы. Молодая женщина не противилась: въ ея понятіи мужъ представлялся ей полнымъ обладателемъ всѣхъ на нее правъ, противиться которымъ она не должна и не смѣетъ.

— Ну, вотъ такъ, да почаще, апосля попривыкнешь, не оторвать будетъ отъ жены!—пошутилъ бывшій гонщикъ, надѣвавшій тулупъ, чтобы итти на улицу.

Вечеромъ въ избу къ новоженамъ собрались всѣ вчерашніе поѣзжане, пискнула задорная гармоника въ искусныхъ рукахъ одного изъ парней, мѣстнаго музыканта, залилась тихая пѣсня, завертѣлись плясуны и плясуньи, тоже не бойко, степенно, какъ все здѣсь на сѣверѣ, степенно, спокойно, выдержанно...

VIII.

На рубку въ эту зиму Маринъ не пошелъ: артели были еще съ осени собраны, старикъ-отецъ, предполагая его оженить, не отпустилъ его пристать къ одной изъ нихъ, среди же зимы рѣдко прибавляли народу; но зато, какъ только отвягли мелкіе падуны, забурлила громче вода въ рѣкѣ на порожистыхъ мѣстахъ, онъ самъ не сталъ задерживать старшаго сына:

— Ступай, Маринъ, на дѣло; зимушку помиловался съ молодой женой, а теперь пора пришла, чего зря силу-то тратить! Павла пока я дома позадержу,—вишь, избу новую дорубить не успѣли, одному мнѣ, хромоногому, не въ справу, а съ нимъ куда вольготнѣе. Пока до Пасхи до самой, а то и дальше работы большой вверху еще не предвидится, одинъ, безъ брата обойдешься, апосля и онъ подойдетъ.

Маринъ собрался итти вверхъ по рѣкѣ, гдѣ по берегамъ былъ выволоченъ изъ лѣсу гоночный лѣсъ. Попрощался съ отцомъ, съ домашними, обнялъ безучастно жену и, взваливъ на плечо котомку съ бѣльемъ, четверткой чая, полкараваемъ хлѣба, съ веревочной оправой и парой острыхъ крючьевъ для багра, ровнымъ ходомъ отправился въ путь по чуть присталому снѣгу.

— Ты, того, Маринъ, съ осторожкой, посматривай, какъ лѣсъ-то гнать будешь!—крикнулъ ему вслѣдъ Василій.—Не изничтожься какъ!

Маринъ услыхалъ слова старика, обернулся, увѣренно мотнулъ головой, точно говоря, что за него бояться нечего, и пошелъ дальше.

Хотя за короткое совмѣстное житье съ мужемъ Ульяна не успѣла еще вполнѣ привыкнуть къ нему, чуждалась его немного, да и онъ самъ не особенно сблизился съ нею, молодой женщинѣ все же было непріятно разстаться съ высокимъ, нескладнымъ, молчаливымъ Мариномъ.

Она твердо помнила, что они навсегда, до самой смерти связаны закономъ, и хотя не любила мужа, но жалѣла его.

Свекру тоже было непріятно разъединять молодыхъ такъ скоро послѣ свадьбы, но исконная работа семьи не ждала, со вскрытіемъ рѣкъ объ отдыхѣ нечего было и думать. Онъ мягко положилъ широкую ладонь на только-что формировавшіяся плечи невѣстки и ласково проговорилъ:

— Ты, Ульяна, не скучай по мужѣ, дѣло ужъ наше такое, имъ кормимся; вернется домой невредимымъ, багромъ онъ работать умѣетъ. „Оно, вправду сказать, Никаноръ куда на наше дѣло сподручнѣе, ловчѣе“,—невольно сравнилъ мысленно обоихъ сыновей старикъ.—А ну, Павля, чего мы съ тобой зря гонгчемся, залаживай вѣнецъ-то слѣва.

Павелъ послушно взялся за одинъ конецъ бревна, Василій за другое, и вмѣстѣ стали поднимать его на новый срубъ. Женщины вернулись въ избу къ оставленнымъ работамъ.

— Не долго пришлось тебѣ, бабочка, съ мужемъ полюбиться,—сказала тихо вѣковуша, когда онѣ остались однѣ:—до самой осени ни дѣвка ни баба!

При братѣ Евѳимія рѣдко рѣшалась вступать въ разговоръ: присутствіе Василія Никифоровича точно смыкало ея губы, да вообще она рѣдко разговаривала, но иногда точно какая-то посторонняя сила заставляла ее говорить.

Слова старой дѣвушки тяжело отозвались на душѣ у молодухи, слезы невольно показались у нея на глазахъ.

— Плачь, милая, плачь,—такая ужъ участь наша женская плакать, другой не заслужили!..—прошептала Евѳимія, принимаясь возиться съ горшками на шесткѣ.

IX.

Сама рѣка еще спала подо льдомъ, только падунъ начиналъ ворчать, звонко оглашая тишину вѣкового бора, засыпаниаго снѣжными метелями. Изъ-подъ бѣлаго мягкаго покрывала коегдѣ темными пятнами проглядывали громадныя лапы елей, чернѣли толстые стволы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ухода Марина, Ульяна, урвавъ свободную минутку отъ заботъ по хозяйству, накинувъ полушубокъ на плечи, медленно шла по наѣзженной санями узкой дорогѣ къ лѣсу. Подшитые кожей валенки мягко поскрипывали. Дойдя до опушки, молодая женщина остановилась и задумалась: ей стало грустно: въ семьѣ дяди она чувствовала себя лишней: выйдя замужъ, она сознавала себя чужой и здѣсь.

Слезы снова невольно навернулись на глаза, Ульяна плакала отъ своего одиночества...

— Сестрица, что съ вами, бросьте, не плачьте!—услышала она около себя робкій голосъ Павла и, точно стыдясь слезъ, смахнула ихъ рукой.

— Такъ что-то закручинилось, братецъ,—отвѣтила молодуха, стараясь скрыть волненіе, но это ей не удавалось.

Павелъ съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на нее, во взглядѣ его большихъ близорукихъ сѣрыхъ глазъ искрились сожалѣніе и ласка къ этой чужой для него женщинѣ, прихотью судьбы ставшей женой его брата.

— Не скучайте, сестрица; вотъ поосвобожусь апосля Пасхи, съ дѣлами домашними посправлюсь, пойду на гонку, Марину посвободнѣе будетъ, съ лѣсомъ сплыветъ досюда, передышку себѣ сдѣлаетъ, дома побудетъ.

Унылый взглядъ Ульяны не оживился при этомъ сообщеніи: мысль о возвращеніи домой мужа почему-то не радовала ее: приходъ его не вносилъ особой перемѣны въ жизни молодой женщины, въ его отсутствіи, какъ и при немъ, она пользовалась положеніемъ хозяйки въ домѣ, ни свекоръ ни вѣковуша ее ничѣмъ не обижали...

Хотя поздно, но вспомнилась Ульянѣ дѣвичья воля: хотя дядя и тетка строго обращались съ нею, но все-таки это была свобода, заказать которую ей никто не могъ: а теперь?

Ульяна безсознательно махнула рукою, тулупъ отъ рѣзкаго движенія сползъ съ плеча и свалился на снѣгъ.

— Какъ бы не застыли, сестрица,—участливо проговорилъ Павелъ, торопливо поднимая тулупъ и заботливо укрывая имъ невѣстку.

Темноватый, противъ обыкновенія, мартовскій день тоскливо отгоралъ, оттепель переходила на морозъ. Въ окнахъ высокихъ избъ деревни вспыхнули кое-гдѣ огоньки.

— Ишь, у отца Иродіона какъ свѣтло новая лампа-то пыхаетъ,—стараясь отвлечь Ульяну отъ невеселыхъ мыслей, начинавшихъ невольно овладѣвать и имъ, сказалъ парень.—Три съ полтиной въ городѣ заплатилъ за нее.

Ульяна разсѣянно посмотрѣла на ярко освѣщенное окно священническаго дома и задумчиво прошептала:

— Куда ярче прочихъ-то...

Павелъ встрепенулся.

— Совсѣмъ на нашу людскую жизнь схоже! Иному, что только въ руки возьметъ—все дается, удачливый, такъ самъ удачей этой и свѣтится, а другой, какъ не заладится, ничего не можетъ сдѣлать: бьется, бѣдняга, всю жизнь шею гнетъ, рукъ отъ работы не отрываетъ, ни свѣта отъ него ни огня, словно лучина коптитъ, вотъ что допрежъ лампъ по деревнямъ жгли.

Ульяна съ изумленіемъ посмотрѣла на собесѣдника,—такимъ она его еще не знала.

— Кто же вамъ это, братецъ, разсказывалъ? — робко-наивно спросила она Павла.

Перекачнулись широкія плечи молодого гонщика, сказалась отцовская привычка.

— Въ школу я раньше бѣгалъ, учитель доберъ былъ, все намъ, мальчонкамъ, разъяснялъ, кто что спроситъ, все съ нами обтолковывалъ, въ ясность приводилъ, не хотѣлъ, чтобы мы, малыши, какъ подрастемъ, темными ходили. Спасибо ему по сихъ поръ говорю, много чему хорошему насъ научилъ, на умъ какъ слѣдуетъ наставилъ! Да вы, сестрица, грамоту-то знаете?—неожиданно перебилъ самъ себя Павелъ.

На лбу молодой женщины появилась складка:

— Писать не могу, а читать смыслю, не скоро, а все же понимаю.

— Коли хотите, я вамъ книжечки предоставлю; какъ отъ работы вечеромъ управитесь, почитайте—отъ сердца вся эта тоска отойдетъ.

— Принесите, братецъ, коли не въ трудъ,—потупилась Ульяна:—только вотъ, какъ свекоръ-батюшка...

— Тятенька хоть самъ по-старинному читать только можетъ, больше къ церковнымъ книгамъ прилежитъ, а все жъ мнѣ и брату Никанору никогда не прещалъ и такія книжки читать.

— А братецъ Никаноръ тоже въ школѣ учился? — съ любопытствомъ спросила молодуха о незнакомомъ ей членѣ новой для нея семьи.

— Онъ куда всѣхъ пареньковъ, что съ нимъ вмѣстѣ къ учителю ходили, обогналъ, одно время дьячку нашему помогалъ, въ церкви читалъ, а какъ въ солдаты итти подошла пора—все позабросилъ, кутить, пить началъ... Только, сестрица, тятенькѣ объ этомъ не сказывайте, ужъ больно онъ Никанора любитъ, все ему прощалъ.

— Все прощалъ?—невольно вырвалось у Ульяны.

Павелъ изумленно взглянулъ на нее.

— Все какъ есть, — протянулъ онъ. — А послѣдній день, какъ уходить... да что я, не слѣдъ вамъ это сказывать!—замялся парень.

— Братецъ Павленька,—загорѣлась вся любопытствомъ молодуха:—ужъ коли началъ говорить, такъ досказывай все!

Павелъ замялся, наклонилъ низко голову и еле слышно проговорилъ:

— Грѣхъ такой вышелъ.. съ замужней бабой спознался.

Еще блѣдное отъ недавнихъ слезъ лицо Ульяны сразу залилось густымъ румянцемъ, но спустившіяся сумерки скрыли его отъ Павла.

X.

Старикъ Василій не только не разсердился, что молодуха читаетъ книжки, принесенныя его сыномъ, но даже, вернувшись какъ-то подъ вечеръ съ постройки, сказалъ:

— Ты бы, доченька богоданная, каку книжечку намъ почитала, самъ-то я глазами поослабъ, да и по-гражданскому не ладенъ, какъ слѣдъ, разбирать!

Ульяна послушно исполняла его желанія и читала небольшія книжки приложеній къ дешевымъ журналамъ; въ особенности старикъ любилъ послушать, что дѣлается въ другихъ государствахъ, и нерѣдко доставалъ газету у о. Иродіона.

Евѳимія относилась къ книгамъ пренебрежительно; высказывать этого она не рѣшалась при братѣ, но, улучивъ какъ-то минуту, боязливо оглядываясь по сторонамъ, шепнула Ульянѣ:

— И чего это заладилъ братецъ съ Павлушкой чтеньемъ тебя, милушка, отягчать?.. Зря глаза только портишь, нѣтъ тебѣ ни радости особой, веселья то жъ, безъ книжекъ знаемъ, какъ жизнь-отъ прожить! По твоимъ-то молодымъ годамъ, Ульяшенька, веселиться бы только слѣдовало, хороводы водить, съ парнемъ, другимъ перемигнуться, съ бабочкой, такой же, какъ ты, молодой, посмѣяться, потараторить, а ты день-денской въ хомутѣ ходишь, а вечеръ пришелъ — тутъ бы зныку себѣ дать, а ты глаза порти—читай! Эхъ! Не таковская я была смолоду, цѣпью въ избѣ о вечеръ не приковали бы, завсе гулять рвалась,—съ затаеннымъ сожалѣніемъ закончила старуха.

Ничего не возразила теткѣ Ульяна: читать ей нравилось, въ глухой родной деревушкѣ Боры о чтеніи никто и не думалъ, по зимамъ чуть ли не всѣ мужчины уходили артелью валить лѣсъ, остававшіяся однѣ дома женщины пряли, ткали, вязали корзины изъ луба, не до чтенія тутъ было, которыя изъ нихъ и знали грамоту, такъ позабыли...

Но заманчивыя картины веселаго отдыха послѣ дневного труда, такъ горячо описанныя вѣковушей, какъ ни какъ, а все же невольно увлекали Ульяну, она никогда не бывала на оживленныхъ засидкахъ, слышала мало веселаго смѣха—раньше въ домѣ угрюмыхъ дяди и тетки, а теперь въ семьѣ мужа. У нея невольно нарождалось желаніе хоть разъ побывать на такомъ весельѣ, однимъ бы глазкомъ взглянуть, какъ умѣютъ люди веселиться, горѣть свѣтлой лампой, а не мерцать дымной лучиной.

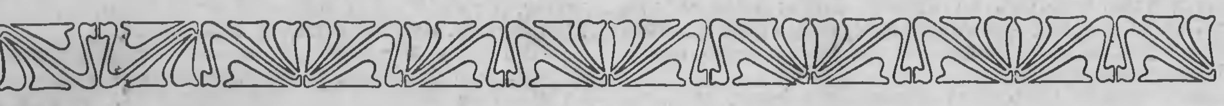
Но какъ это устроить? Сейчасъ Великій постъ, веселыхъ засидокъ и игрищъ больше не бываетъ, молодежь разошлась кто куда, о слѣдующихъ святкахъ только веселиться снова зачнутъ. Про Святъ день веселья особаго нѣтъ, да и гулять некому.

Правда, дома парень молодой имѣется, да съ такимъ и веселье на умъ не пойдетъ: все о жизни степенной толкуетъ, книжку какую послушаетъ или самъ прочтетъ, примѣръ приводитъ.

— Ладно ты, Павелъ, это сказываешь, такъ и надлежитъ поступать,—соглашался съ нимъ отецъ и, обратившись къ Ульянѣ, повторялъ: — Вотъ видишь, невѣстушка, какъ людямъ слѣдъ-отъ жить, и будетъ на землѣ миръ и благоволеніе.

Вѣковуша, сидя у печки, дремала, но при первыхъ звукахъ голоса брата открывала глаза и пристально уставлялась на Василія; въ ея остромъ лихорадочномъ взглядѣ можно было прочесть не мало презрѣнія и какой-то затаенной вражды, никогда не выказываемой ею въ другое время.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Полуостровъ" Сахалинъ.

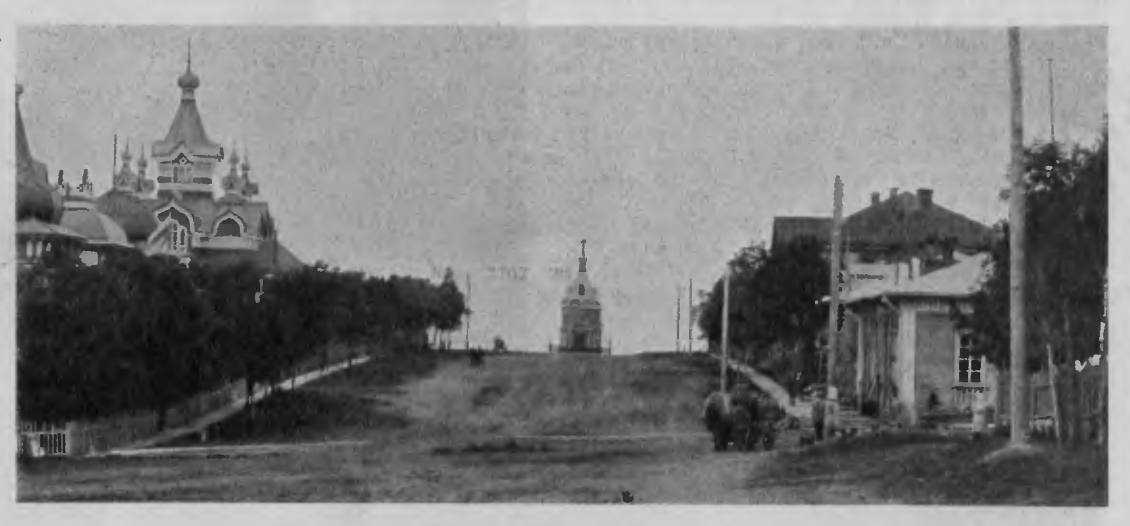
Очеркъ В. К. Анфилова.

(Съ 11 рис. на стр. 313, 314 и 315).

Морской пароходъ въ Чайвинскомъ заливѣ, у самаго берега. Фотографія даетъ представленіе объ этой удивительной естественной гавани: берегъ такъ отлогъ, а дно около берега такъ глубоко, что даже глубокосидящія морскія суда свободно подходятъ къ нему, словно въ благоустроенномъ портѣ. Эта замѣчательная гавань находится въ Восточномъ Сахалинѣ, гдѣ сосредоточена будущая нефтяная промышленность.

Въ 1905 г., едва вступили японцы на Сахалинъ,—и этотъ отдаленный островъ нашъ пересталъ исполнять свою печальную роль „штрафной колоніи". Почти тридцать пять лѣтъ подъ рядъ онъ несъ эту тяжелую службу, и, нужно признаться, она никогда не была удачною... За все время существованія сахалинской ссылки тамъ перебывало до сорока тысячъ преступниковъ, но для колонизаціи острова эта масса людей не совершила ничего хорошаго. Каторжный режимъ на островѣ былъ весьма серьезнымъ: случалось, изъ партіи въ пятьсотъ человѣкъ, назначенныхъ на работы, въ короткое время

Главная улица поселка Александровска, на о. Сахалинѣ.

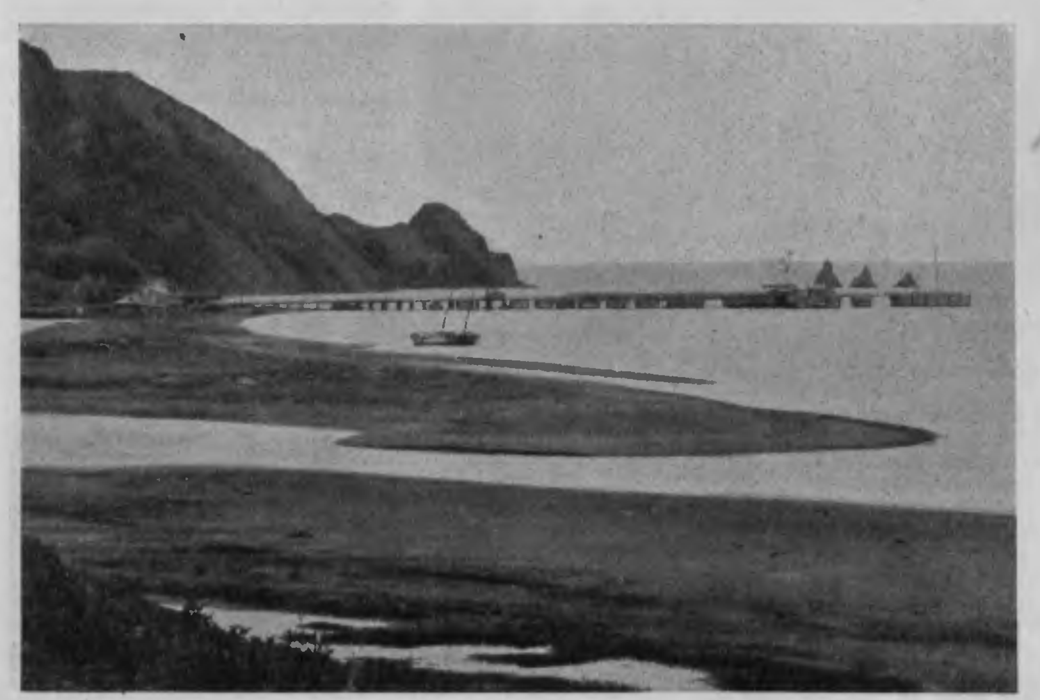
убывало до... трехсотъ арестантовъ, изъ которыхъ умирало 70—80 чел., а остальные безслѣдно исчезали. Разселеніе по приказанію, хозяйствованіе по казенной указкѣ, составленіе семей по принужденію—все это, конечно, не могло способствовать успѣху колонизаціи. Преступные люди подъ властью жестокихъ или—въ лучшемъ случаѣ—сухихъ чиновниковъ не въ состояніи были создать здоровой и производительной жизни. Громадный островъ не только не процвѣталъ, но непрестанно хворалъ и болѣлъ тяжкою болѣзнью.

„Жизнь поселенцевъ, это—какой-то тяжелый кошмаръ, смѣсь разгула, безшабашнаго разврата, наглости, безстыдства и разнузданности съ самымъ истиннымъ горемъ и невообразимыми лишеніями, жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ своихъ извращенная самыми уродливыми и ужасающими оттѣнками"...

Такъ отзывается о жизни ссыльныхъ одинъ изъ бывшихъ окружныхъ начальниковъ Сахалина. Сами же сахалинцы характеризовали свою жизнь на островѣ много короче, но едва ли не сильнѣе: „кругомъ море, а посрединѣ—горе!"

Почти ни одинъ изъ „колонистовъ", хотя бы и поселенный „безъ срока", никогда не считалъ себя обывателемъ Сахалина до гробовой доски и всегда стремился при первой же возможности удрать съ острова. Даже и заведенныя хозяйства, съ домами, выстроенными собственными руками, съ землями, политыми своимъ потомъ, безъ всякаго сожалѣнія бросались, едва лишь представлялся случай выбраться на материкъ. Напримѣръ, только за одинъ годъ — съ 1900 по 1901 г.—жителями острова было покинуто свыше тысячи заведенныхъ ими хозяйствъ!

Ни одинъ поселенецъ не желалъ, да, пожалуй, и не могъ жить безъ казеннаго пайка. Весьма характерна статистика такъ называемаго „Экономическаго фонда", снабжавшаго сахалинцевъ всѣмъ необходимымъ; она какъ нельзя лучше подчеркиваетъ

Берегъ моря и пристань у поселка Александровска, на о. Сахалинѣ.

сущность жизни бывшихъ „колонистовъ". Такъ, съ 1896 по 1897 г. фондомъ было продано разныхъ товаровъ на 19.635 р. 5 коп., а крѣпкихъ напитковъ... на 67.552 р. 10 к. Но потомъ такая торговля приняла еще болѣе высокіе размѣры: въ 1901 г., съ октября по Рождество, было продано на 55.000 р. одной водки; выдавались дни, когда винная лавка торговала болѣе, чѣмъ на 4.000 р... За одинъ зимній сезонъ 1902 г. было продано водки на 100.000 р!.. Нужны ли къ этому еще какія-либо поясненія?

Но вѣдь когда въ 1853 г. наши войска впервые высадились на Сахалинъ, тогда русское правительство предвидѣло въ этомъ островѣ главнымъ образомъ его стратегическое значеніе. Только имѣя именно эту цѣль, мы взяли Сахалинъ у японцевъ, а взамѣнъ отдали имъ острова Курильскіе.

Затѣмъ мы увидѣли, что вмѣстѣ съ стратегическою пользою изъ новаго острова можно извлечь и матеріальную, — ибо онъ оказался чрезвычайно щедро надѣленнымъ природою многими богатствами: на немъ найдено золото, серебро, свинецъ, мѣдь,

Поверхность сахалинскаго нефтяного озера.

желѣзо, цинкъ, кромѣ того — обильнѣйшія залежи чудеснаго каменнаго угля и многочисленные выходы нефти. Лѣсъ, тогда еще вовсе не тронутый человѣкомъ, покрывалъ весь островъ сплошь. Ель, пихта, лиственница — мощнаго роста, по два, по полтора аршина въ обхватѣ. Лѣса эти буквально были наполнены дорогими пушными звѣрями: соболями, черно-бурыми лисицами, выдрами, россомахами, медвѣдями, бѣлками... Пернатой дичи были несчетныя массы. Воды, омывающія островъ, прямо-таки кишѣли рыбою: кетою, горбушею, сельдью и мн. др. Въ періодъ икрометанія лососевая рыба входила въ рѣки острова, и ее можно было не ловить, а прямо вычерпывать, до того густъ былъ ходъ этой рыбы!

Однако все это было игнорировано. Правительство рѣшило устроить на Сахалинѣ пенитенціарную колонію, соблазнясь изолированностью острова: съ него-де арестанты не убѣгутъ, ссылка на него поневолѣ будетъ имѣть исправительное значеніе, и ссыльный элементъ явится прекраснымъ матеріаломъ для колонизаціи богато одареннаго края. И съ 1879 г. на Сахалинъ стали водворяться партія за партіей арестанты. Насколько оправдалились расчеты прави-

Рѣка Нутово, — характерный пейзажъ сахалинской природы въ таежныхъ мѣстахъ.

Поверхность сахалинскаго нефтяного озера.

тельства—мы уже знаемъ. Война окончательно аннулировала эту несчастную затѣю.

Когда островъ былъ раздѣленъ и превратился въ „полуостровъ“, каторгу упразднили—и сейчасъ же болѣе двухъ третей всего населенія перебралось на материкъ, безжалостно побросавъ свои усадьбы и хозяйства. Только сорокъ селеній (хотя нѣкоторыя изъ нихъ насчитывали всего одного жителя!) остались съ обитателями, остальное все опустѣло! Любопытно, что война не только не разорила сахалинцевъ, но значительно улучшила ихъ благосостояніе: вѣдь брошенныя жилища, скотъ, земли, покинутые японцами запасы хлѣба—все досталось оставшимся обывателямъ! Впрочемъ, и это благополучіе не крѣпко задерживало жителей Сахалина: они все продолжали рваться съ острова, и къ 1912 г. ихъ уменьшилось болѣе, чѣмъ въ пять разъ!

Такой поголовный разбѣгъ жителей, конечно, обезпокоилъ мѣстныхъ администраторорѣ. Дабы по возможности успокоить населеніе, оставшимся ссыльно-поселенцамъ понемногу начали возвращать права, а въ 1913 г., по ходатайству губернатора Д. Д. Григорьева, ихъ уравняли во всѣхъ правахъ, присущихъ всероссійскому крестьянству. Это—поистинѣ благодѣтельная мѣра. Ею названный губернаторъ воздвигъ себѣ памятникъ нерукотворенный.

Безъ сомнѣнія, этимъ высокознаменательнымъ распоряженіемъ окончательно смылось все прошлое Сахалина: отнынѣ жители его стали равноправные, свободные люди, и для нихъ началась совершенно новая эра жизни. Однако для начала послѣдней нужно было и еще кое-что совершить... И вотъ администрація обновляемаго Сахалина намѣтила цѣлый рядъ культурныхъ предпріятій, способныхъ удержать волну разбѣга обитателей. Она увеличила количество школъ, организовала болѣе широкую врачебную помощь, устроила сельскохозяйственные показательные пункты, выписала агрономовъ-инструкторовъ, затѣвала съѣзды мѣстныхъ земледѣльцевъ, выстроила народный домъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ она обратила усиленное вниманіе на природныя богатства „полуострова“, до сихъ поръ пребывавшія втунѣ. Дабы привлечь къ нимъ отечественныхъ капиталистовъ, губернаторство производило всевозможныя изслѣдованія богатствъ и всякій разъ „запротоколивало“ доказанную наличность такихъ даровъ природы въ издаваемыхъ для этой цѣли сборникахъ и брошюрахъ. Но русскіе толстосумы не двигались. Ихъ не прельщали ни рыба сахалинскихъ водъ, ни лѣса,

Нефтяная вышка въ новоразрабатываемыхъ мѣсторожденіяхъ нефти.

Рябчиковъ на Сахалинѣ не стрѣляютъ, а ловятъ особыми петельками, накидываемыми имъ на голову.

ни почти нетронутые запасы угля, ни феноменальныя зарожденія нефти, явные признаки которыхъ по всему восточному побережью видны въ видѣ нефтяныхъ озеръ и цѣлыхъ полей, покрытыхъ кирою... Сахалинъ-де отовсюду далекъ, онъ оторванъ отъ міра, совсѣмъ неудобенъ для привлеченія его въ общую сферу промышленности: порта у него нѣтъ, а сами запасы природныхъ богатствъ вовсе ужъ не такъ выгодны...

И вотъ пришлось прибѣгнуть къ старому средству, безъ котораго у насъ, какъ кажется, не двигается ни одно большое дѣло: „пойдемъ къ варягамъ, пускай пріѣдутъ володѣть нами!“

И на Сахалинъ явились англичане. Ихъ извѣстный геологъ, знатокъ нефтяныхъ изысканій Ф. Голидэй, нашелъ сахалинскую почву безусловно богатою нефтью и высказалъ убѣжденіе, что при затратѣ хорошаго капитала успѣхъ предпріятія превзойдетъ даже и весьма нескромныя ожиданія!

Тотчасъ же стали строить нефтяныя вышки, начались буренія, стали проводить дороги и телеграфъ. На состоявшемся недавно въ Лондонѣ общемъ собраніи быстро создавшагося акціонернаго общества „Сахалинскія нефтяныя поля“ по адресу нашего брошеннаго „гиблаго полуострова“ раздавались совершенно новые, неслыханные у насъ, отзывы!..

На Сахалинѣ птицы такъ смирны (не напуганы человѣкомъ), что ихъ можно фотографировать вблизи; здѣсь снятъ рябчикъ, сидящій на лиственницѣ.

Оказывается, Сахалинъ безусловно долженъ сдѣлаться однимъ изъ міровыхъ поставщиковъ керосина! Въ рынкахъ онъ отнюдь не можетъ имѣть недостатка уже въ силу своего удивительно удачнаго географическаго положенія. Онъ уже теперь обладаетъ великолѣпнѣйшею естественною гаванью въ Чайво: тамъ къ морскому берегу могутъ подходить громадныя суда чуть не вплотную!. По всей области Амура, по всей Сибири — по крайней мѣрѣ до Байкала — Сахалинъ не будетъ имѣть конкуренціи

Поверхность сахалинскихъ нефтяныхъ озеръ и полей — кира (земляной воскъ), сгустѣвшая нефть.

ближе Баку. Съ другой стороны, сахалинская нефть и въ Китаѣ забьетъ всякую другую... Словомъ, по расчетамъ будущихъ эксплоататоровъ нашихъ богатствъ, Сахалину предстоитъ блестящая будущность сильнаго и непоколебимаго промышленнаго центра, гдѣ станутъ выковываться милліоны рублей...

По послѣднимъ слухамъ, сахалинская область, какъ самостоятельная административная единица, упраздняется. Она будетъ присоединена къ новообразуемой Николаевской области, которая организуется изъ Удскаго округа, находящагося какъ разъ противъ Сахалина. Главнымъ городомъ новой области сдѣлается Николаевскъ-на-Амурѣ.

Привалъ губернаторской развѣдочной экспедиціи на Сахалинѣ.

Изъ міра азарта.

Очеркъ Н. Инсарова.

Многое проходитъ у насъ передъ глазами, не останавливая нашего вниманія и не вызывая того порицанія или одобренія, котораго эти вещи или явленія заслуживаютъ. Къ числу почти несознаваемаго зла принадлежитъ азартъ, т.-е. игра въ карты или рулетку, на тотализаторѣ или въ лото. Мы знаемъ только, что многіе играютъ и почти все проигрываютъ, по крайней мѣрѣ въ конечномъ итогѣ. Мы этому не сочувствуемъ, но и не преслѣдуемъ игру и азартъ въ такой мѣрѣ, какъ они того заслуживаютъ. Происходитъ это главнымъ образомъ оттого, что мы не представляемъ себѣ суммы тѣхъ бѣдъ, которыя вносятся въ жизнь общества страстью къ азартной игрѣ. Вотъ почему будетъ не лишнимъ попытаться опредѣлить прежде всего зло азарта въ денежной, такъ сказать, валютѣ, въ цифрахъ, показывающихъ матеріальный ущербъ, приносимый Европой богу азарта.

По подсчету одного англійскаго статистика,—подсчету, конечно, далеко не полному и несомнѣнно преуменьшенному,—общая сумма денегъ, проигранная міромъ въ послѣднія 20 лѣтъ, равняется 28.500.000.000 руб. Это значитъ, что публика въ теченіе года проигрываетъ не менѣе полутора милліарда рублей! Но это, какъ мы уже сказали,—по скромному подсчету, потому что исчислить хотя бы приблизительно ту массу проигрышей, которые производятся въ многочисленныхъ тайныхъ игорныхъ притонахъ, нѣтъ

никакой возможности. Быть-можетъ, при возможности сдѣлать болѣе полный подсчетъ проиграннымъ суммамъ, 28 милліардовъ увеличились бы въ полтора, а то и въ цѣлыхъ два раза.

Но и то, что проигрывается сейчасъ, представляетъ собою громадное богатство, выброшенное на содержаніе и увеличеніе кармановъ содержателей игорныхъ домовъ, казино, скаковыхъ и бѣговыхъ ипподромовъ, на увеличеніе бюджета шулеровъ, дамъ съ сомнительными нравственными идеалами, цѣлой арміи лакеевъ и крупье.

Если бы мы захотѣли наглядно представить ту сумму золота, которая была, по исчисленіямъ Мюльгаля, проиграна европейской публикой въ послѣднія только 20 лѣтъ, то мы могли бы изъ этого золота отлить 66.000 скаковыхъ лошадей. Но если бы мы пожелали это золото просто превратить въ золотую колонну, то она поразила бы насъ своими размѣрами. Такая колонна была бы въ полтора раза выше Исаакіевскаго собора и имѣла бы въ поперечномъ сѣченіи площадь въ два квадратныхъ аршина.

Таковы денежныя потери игроковъ. Онѣ колоссальны по сравненію съ тѣмъ, что̀ тратится человѣчествомъ на другія потребности. Такое, напримѣръ, богатое государство, какъ Англія, тратитъ на всѣ свои государственныя нужды въ наше время около 2-хъ милліардовъ рублей: за 10 лѣтъ, съ 1900 по 1910 гг., Франція потратила на свои государственныя нужды около 25 милліардовъ. Такимъ образомъ самыя богатыя страны тратятъ на общегосударственныя нужды меньше, чѣмъ игроки на страстную наклонность къ азарту.

Обыкновенно думаютъ, что проигрышъ одного игрока составляетъ выигрышъ другого; отсюда дѣлается выводъ, что деньги въ игрѣ просто вѣчно мѣняютъ своего хозяина, и что игроки всего свѣта изъ года въ годъ просто-напросто передаютъ деньги другъ другу: сегодня Иванъ Петру, завтра—Петръ Ивану. Такимъ образомъ получается невинная забава, при которой никто въ конечномъ итогѣ не выигрываетъ и не проигрываетъ.

Прежде, когда во многихъ государствахъ разрѣшались игорные дома, было сравнительно легко прослѣдить, какія суммы проигрывались публикой. Если мы заглянемъ въ старое сочиненіе француза Пуассона (1820 г.), то тамъ найдемъ много любопытнаго по части статистики игорныхъ домовъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ XIX вѣка въ Парижѣ было довольно много разрѣшенныхъ игорныхъ домовъ, платившихъ за это свое право правительству страны 6.000.000 франковъ ежегодно. Пуассонъ говоритъ, что въ trente et un ставилось въ этихъ домахъ ежегодно около 400 мил., въ рулетку 100—150 мил., а всего около 500 милліоновъ. А такъ какъ тѣ же самыя суммы переходили отъ игрока къ игроку по 12—15 разъ, то выходило, что сумма проигрыша составляла не менѣе 30.000.000.000 франковъ въ годъ. Доходъ только парижскихъ содержателей игорныхъ домовъ тѣхъ временъ Пуассонъ опредѣляетъ въ 8—10 милліоновъ, да плата казнѣ за право содержанія 6 милліоновъ, а всего, слѣдовательно, игорные дома Парижа стоили парижанамъ отъ 16—17 милл. франковъ въ годъ. Но вѣдь Пуассонъ имѣлъ въ виду только тѣ игорные дома, которые содержались открыто и съ разрѣшенія власти, и не учитываетъ тайныхъ игорныхъ притоновъ. Здѣсь же Пуассонъ приводитъ громадное количество самоубійствъ, находившихся въ непремѣнной связи съ проигрышемъ.

Вышеприведенный взглядъ крайне ошибоченъ. Всѣмъ, кажется, извѣстно, что во всемірно извѣстномъ Монте-Карло игра въ рулетку разсчитана съ такою геніальностью, что никогда хозяева этого всенароднаго игорнаго дома не могутъ остаться въ проигрышѣ. Милліонные барыши рулетки въ Монте-Карло могутъ ярче всего и убѣдительнѣе всего показать всю сущность современной игры. Вездѣ и всюду имѣются тысячи ловкихъ людей, умѣющихъ жить насчетъ азартной публики и забирать подъ предлогомъ слѣпого счастья и удачи громадные куши. И въ Спа, и въ Виши, и въ многотысячныхъ игорныхъ притонахъ, и на палубахъ, и каютахъ пароходовъ всѣхъ морей, рѣкъ и океановъ, и на всѣхъ ипподромахъ и казино идетъ непрерывно игра, въ которой наживаются тысячи шулеровъ, содержателей и аферистовъ. По подсчету, изъ всѣхъ проигранныхъ денегъ едва одна треть на самомъ дѣлѣ переходитъ въ руки счастливыхъ игроковъ, которые завтра окажутся тоже въ положеніи проигравшихъ и такимъ образомъ вернутъ вчерашнимъ несчастливцамъ ихъ проигрышъ. Что̀ же касается двухъ третей проигрыша, т.-е., говоря опредѣленнѣе, одного милліарда рублей, то онъ несомнѣнно попадетъ въ руки профессіоналовъ-шулеровъ и предпринимателей игорныхъ клубовъ, казино и скачекъ.

Видѣлъ ли когда-нибудь кто-либо изъ насъ богача, пріобрѣвшаго капиталъ въ честной игрѣ? Никогда. Но если вопросъ будетъ поставленъ наоборотъ: видѣлъ ли кто-нибудь бѣдняка, разорявшагося на игрѣ въ карты или иного рода игру, то всякій изъ насъ укажетъ на нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ или людей, которыхъ онъ зналъ, какъ несчастныхъ игроковъ. Поѣзжайте въ Монте-Карло и посмотрите, сколько тамъ лицъ въ теченіе только сутокъ теряютъ все свое состояніе и возвращаются на родину нищими или оканчиваютъ жизнь тамъ же, въ предѣлахъ благословеннаго княжества.

Зачастую мы слышимъ порицанія по адресу правительства Монако, допускающаго въ своихъ предѣлахъ игорный домъ и извлекающій изъ этой нечистой страсти свои государственные доходы. Однако государства не вмѣшиваются въ дѣла игорныхъ домовъ въ родѣ Монако, Спа, Виши и пр., потому что нѣкоторые изъ нихъ сами извлекаютъ не малую пользу отъ игры и азарта.

Въ Австріи, Италіи, Пруссіи, Саксоніи, Брауншвейгѣ, Венгріи, Голландіи, Сербіи и Даніи имѣются такъ называемыя государственныя лотереи. Защитники такихъ лотерей говорятъ, что государство, устраивая ихъ, даетъ бѣдному населенію самое высшее благо на землѣ—надежду. Такъ ли это, или не такъ, но ко всѣмъ уже существующимъ проигрышамъ государственная лотерея присоединяетъ еще одинъ, и этотъ проигрышъ стоитъ странѣ довольно много. О томъ, что лотерея вынимаетъ деньги по преимуществу изъ кармановъ бѣдноты, ибо она-то и склонна болѣе остальныхъ классовъ жить надеждами,—говорить не приходится. Замѣчено, что въ Италіи, напримѣръ, въ дни государственныхъ лотерей сокращается потребленіе хлѣба.

Государственная лотерея раздѣляется на двѣ системы: генуэзскую и числовую лотерею или классную. Сущность первой состоитъ въ томъ, что государство само участвуетъ въ игрѣ тѣмъ, что принимаетъ на любую сумму пари, предложенныя игроками за выходъ одного или нѣсколькихъ чиселъ. Въ этомъ случаѣ доходъ государства заключается въ томъ, что сумма выигрышей, предоставленная игрокамъ, значительно меньше той, которая реализуется по теоріи вѣроятностей.

При второй же системѣ лотереи, т.-е. при лотереи классной, имѣются въ виду денежные выигрыши, разыгрываемые въ нѣсколько тиражей и распредѣленные на опредѣленное количество билетовъ, при чемъ цѣна этихъ билетовъ крайне низка и поэтому доступна широкимъ, неимущимъ народнымъ массамъ, что̀ и дѣлаетъ такого рода игру нежелательной. Въ такого рода лотереѣ выгода государства заключается въ томъ, что оно беретъ себѣ опредѣленную долю этихъ выигрышей.

Государственные теоретики оправдываютъ государственную лотерею по тѣмъ соображеніямъ, что, разъ существуетъ въ природѣ современнаго человѣка потребность въ азартѣ и азартной игрѣ, то лучше, чтобы эта потребность удовлетворялась изъ рукъ государства, которое доходы отъ азарта употребляетъ на обще-государственное дѣло и устройствомъ государственныхъ лотерей сдерживаетъ эту страсть въ извѣстныхъ границахъ.

Если обратиться къ исчисленію доходовъ современныхъ государствъ отъ государственной лотереи, то мы увидимъ, что этотъ доходъ не малочисленъ. Валовая прибыль Австріи отъ этого вида государственной операціи равняется приблизительно 34 милліонамъ кронъ, т.-е. 13 милліонамъ 600 тысячамъ рублей; въ Италіи этотъ доходъ равняется 95 милліонамъ лиръ, т.-е. почти 37 милліонамъ рублей; въ Пруссіи государственная лотерея даетъ казнѣ 124 милл. марокъ, т.-е. около 57 милл. рублей. Россія не знаетъ такого вида государственнаго дохода, хотя это не относится къ Царству Польскому, гдѣ, впрочемъ, получается всего дохода 282.000 рублей.

Помимо проигрышей, публика терпитъ еще и расходы, связанные съ процессомъ игры, какъ, напримѣръ, покупка картъ. Въ Россіи выработка игральныхъ картъ, какъ извѣстно, составляетъ привилегію воспитательныхъ домовъ. Чистый доходъ отъ продажи картъ у насъ составлялъ въ 1902 г. 2.485.541 руб., въ 1901 г.—2.307.502 руб., въ 1899 г.—2.065.361 руб. Какъ видимъ, наши игроки въ карты несутъ ежегодно еще дополнительный расходъ въ два съ лишнимъ милліона рублей.

Среди орудій азарта на первомъ мѣстѣ можно поставить игральныя карты, потому что онѣ служатъ чаще всего цѣлямъ удовлетворенія потребности въ игрѣ, выигрышѣ, наживѣ и обиранію легковѣрныхъ игроковъ. Трудно учесть количество вырабатываемыхъ въ мірѣ игральныхъ картъ, но во всякомъ случаѣ ово громадно. Наиболѣе распространены въ наше время карты французскія. Какъ и многое другое, карты и карточная игра возникли на далекомъ Востокѣ и, кажется, раньше всего въ Китаѣ. Ихъ карты не были, конечно, картонными, какъ европейскія, а выдѣлывались либо изъ дерева, либо изъ слоновой кости. На такого рода четырехугольныхъ дощечкахъ были нарисованы фигуры.

Игральныя карты попали въ Европу, какъ говорятъ, отъ сарациновъ, у которыхъ заимствовали карточную игру итальянцы. Первыя документальныя свѣдѣнія о картахъ мы находимъ въ записяхъ казначея Карла VI, короля французовъ, 1392 г. Въ этихъ записяхъ находится графа, въ которой помѣчена уплата денегъ нѣкоему живописцу Жакмену Гренгонёру за три колоды картъ, расписанныхъ золотомъ и красками. Эта запись говоритъ намъ, что въ старину, до изобрѣтенія гравированія и печатнаго станка, игральныя карты разрисовывались художниками, и говорятъ, что среди этого вида произведеній попадались истинные шедевры искусства. Особенно славились по этой части нѣмецкіе художники. Ихъ въ Германіи было такъ много, что въ XIV вѣкѣ они уже составляли общества и гильдіи.

Послѣ изобрѣтенія рѣзьбы по дереву и гравированія на мѣди работа картъ руками прекратилась, но въ то же время производство ихъ значительно увеличилось, и въ особенности все въ той же Германіи. И посейчасъ Германія стоитъ во главѣ картопромышленности. Тамъ находится въ наше время около 40 карточныхъ фабрикъ, въ которыхъ ежегодно вырабатывается около $5^1/_2$ милліоновъ колодъ картъ.

Какъ это ни странно, но карты сыграли культурно-историческую роль. Благодаря тому, что карты изображали рыцарей, князей и гражданъ далекихъ Среднихъ вѣковъ въ ихъ костюмахъ

мы имѣемъ возможность теперь возстановить формы одежды того времени. Изъ картъ составлялись обширныя коллекціи, въ которыхъ можно было найти прекрасно исполненные и разукрашенные художниками экземпляры. Такія коллекціи художественныхъ картъ хранятся въ Вѣнѣ въ императорскомъ музеѣ, а также въ музеѣ Вюртембергскаго двора въ Штутгартѣ.

Интересна исторія появленія разукрашенной рубашки картъ. Сначала оборотная сторона картъ оставлялась чистой, но, по мѣрѣ употребленія такого рода картъ, на нихъ оставались различныя пятна, и по этимъ пятнамъ можно было узнавать карты противника. Вотъ поэтому-то и начали заполнять густымъ рисункомъ (крапомъ) заднюю сторону картъ.

100-лѣтіе лейбъ-гв. Драгунскаго полка.

(Съ 3 рис. на этой стр.).

19 марта с. г. исполнился 100-лѣтній юбилей одного изъ старѣйшихъ полковъ русской арміи—л.-гв. Драгунскаго. Его юбилей совпалъ съ знаменательнѣйшимъ юбилеемъ — съ 100-лѣтіемъ вступленія побѣдоносныхъ русскихъ войскъ въ Парижъ во главѣ съ императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

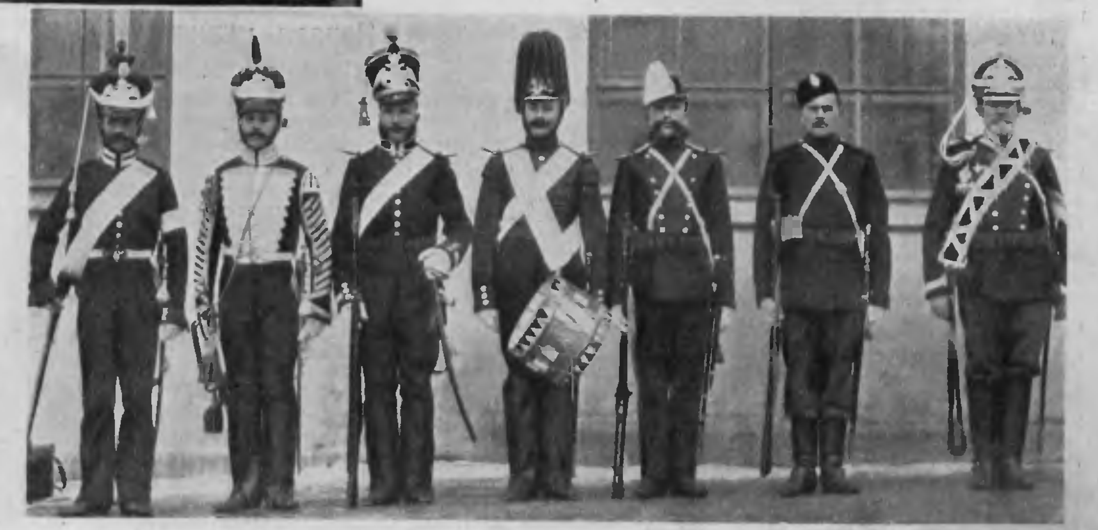

„Родному полку бывшіе лейбъ-драгуны въ память его столѣтія“. Художественная группа работы скульптора Адамсона, поднесенная полку въ день его юбилея. По фот. П. Жукова.

Это былъ заключительный торжественнѣйшій актъ Отечественной войны. Въ этотъ день императоръ Александръ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ, пропустивъ впереди себя легкую гвардейскую кавалерію, вошелъ въ міровой городъ, откуда два года тому назадъ нахлынула на Россію наполеоновская армія. „Наше вступленіе въ Парижъ было великолѣпное, — разсказывалъ впослѣдствіи государь князю Голицыну: — все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ. Народъ бросился цѣловать мои руки, ноги, хватались даже за стремена, оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями“... Дѣйствительно, Парижъ встрѣчалъ своихъ „враговъ“ болѣе чѣмъ сочувственно: народъ толпился на площадяхъ и улицахъ, изъ оконъ свѣшивались ковры, женщины въ окнахъ и на балконахъ махали платками. Ласково отвѣчая на привѣтствія парижанъ, императоръ Александръ сказалъ: „Я являюсь не врагомъ: я приношу вамъ миръ“.

Русскія войска поселились въ Парижѣ. Наступала Страстная недѣля. Александръ I и русская армія говѣли въ Парижѣ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, которое пришлось въ тотъ годъ на 29 марта, парижане были свидѣтелями невиданнаго въ ихъ городѣ православнаго торжества: на Площади Согласія состоялось торжественное богослуженіе въ присутствіи государя, войскъ и необозримой толпы народа. Русскіе праздновали въ самомъ сердцѣ Парижа православную Пасху съ трогательными пѣснопѣніями, исполненными братской любви къ ближнему... Вотъ что̀ говорилъ объ этомъ торжествѣ самъ императоръ Александръ тому же

Торжество освященія памятника бывшему шефу л.-гв. Драгунскаго полка, покойному Великому Князю Владиміру Александровичу. Памятникъ открытъ въ Петергофѣ, въ присутствіи Шефа полка, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны. Августѣйшій Шефъ въ формѣ своего полка. По правую руку Великой Княгини стоитъ Его Императорское Высочество Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ въ формѣ л.-гв. Драгунскаго полка. По фот. А. Оцупа.

Историческія формы л.-гв. Драгунскаго полка отъ его сформированія въ г. Парижѣ до нашихъ дней. По фот. А. Оцупа.

100-лѣтіе л.-гв. Драгунскаго полка (1814—1914).

М. М. Ковалевсій. Новый академикъ Императорской Академіи Наукъ. По фот. Я. Штейнберга.

Голицыну: „Я живо ощущалъ апоөеозъ русской славы между иноплеменниками — я даже ихъ самихъ увлекъ и заставилъ раздѣлить съ нами національное торжество наше. На то мѣсто, гдѣ палъ Людовикъ XVI, я привелъ и поставилъ своихъ воиновъ. По моему приказанію сдѣланъ былъ амвонъ, созваны были всѣ русскіе священники, которыхъ только найти было можно. И вотъ при безчисленныхъ толпахъ парижанъ всѣхъ сословій и возрастовъ живая гекатомба наша вдругъ огласилась громкимъ и стройнымъ русскимъ пѣніемъ... Все замолкло, все внимало... Сыны Сѣвера какъ бы совершали тризну по королѣ французовъ. Русскій царь по ритуалу православному молился вмѣстѣ съ своимъ народомъ и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто...“

Русское богослуженіе произвело глубокое впечатлѣніе на парижанъ. И когда, по окончаніи молебна, русскіе стали прикладываться къ кресту, вслѣдъ за ними потянулись къ кресту и французы. И событіе это — торжественное православное „Te Deum“ (какъ выражались французы)—было потомъ увѣковѣчено на многочисленныхъ гравюрахъ.

Въ эти своеобразно торжественные дни былъ сформированъ въ Версали новый полкъ—Конно-Егерскій. Этотъ полкъ позднѣе былъ переименованъ въ л.-гв. Драгунскій. Такимъ образомъ полкъ-юбиляръ, праздновавшій нынѣ свой 100-лѣтній юбилей, получилъ свое бытіе за границей, и притомъ въ ореолѣ воинской славы, только-что осѣнившей тогда наши войска послѣ Отечественной войны.

Профессоръ В. И. Семевскій. (Къ 40-лѣтію его литературно-общественной дѣятельности). По фот. Я. Штейнберга.

Въ томъ же 1814 году новому полку были присвоены права молодой гвардіи. а въ 1831 году за подвиги, оказанные въ польскую войну, драгуны были причислены къ старой гвардіи. Позднѣе полкъ получилъ отличія во время войны съ турками въ 1877 — 78 годахъ.

100-лѣтіе полка было торжественно отпраздновано въ Высочайшемъ присутствіи въ Царскомъ Селѣ. 18 марта состоялась церемонія прибивки новаго штандарта, Высочайше пожалованнаго л.-гв. Драгунскому полку по случаю 100-лѣтняго его юбилея.

А. Х. Востоковъ.

(Портр. на стр. 319).

Въ февралѣ с. г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины знаменитаго русскаго филолога А. Х. Востокова. Этотъ ученый создалъ себѣ громкое имя въ области изученія русскаго и церковно-славянскаго языковъ и оставилъ послѣ себя многочисленные ученые труды, считающіеся классическими въ данной области.

Александръ Христофоровичъ Востоковъ родился въ Аренсбургѣ (на о. Эзелѣ) въ 1781 году. Нѣмецъ по происхожденію, онъ получилъ русское воспитаніе и совершенно обрусѣлъ, такъ что даже перемѣнилъ свою настоящую фамилію Остенэкъ на Востокова. Обучался онъ въ Сухопутномъ Шляхетскомъ Корпусѣ въ Петербургѣ и въ Академіи Художествъ. Въ Академіи, впрочемъ, онъ, по собственному признанію, изучилъ въ совершенствѣ лишь французскій языкъ и не питалъ склонности къ искусствамъ. Зато, еще съ тринадцатилѣтняго возраста Востоковъ писалъ стихи и даже издалъ книгу стихотвореній („Опыты лирическіе“). не имѣвшую однако никакого успѣха... Настоящее призваніе будущаго ученаго сказалось лишь позднѣе—когда онъ сталъ работать надъ филологіей и въ частности—надъ грамматикой и словесностью русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Въ 1801 году А. Х. Востоковъ вступилъ въ число членовъ Вольнаго общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и, спустя семь-восемь лѣтъ, уже считался знатокомъ русской словесности, а въ 1820 году пріобрѣлъ и европейскую извѣстность замѣчательнымъ ученымъ трудомъ „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка“. Въ этомъ трудѣ А. Х. Востоковъ провелъ различіе между славянскимъ древнимъ и церковно-славянскимъ языками. Его выводы были новостью для западно-европейской науки и цѣлымъ откровеніемъ для нашей филологіи.

Позднѣе А. Х. Востоковъ состоялъ хранителемъ рукописей въ Императорской Публичной Библіотекѣ, затѣмъ былъ старшимъ библіотекаремъ въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Къ этому времени (тридцатые и сороковые годы прошлаго столѣтія) относятся замѣчательные труды Востокова по описанію различныхъ памятниковъ древней русской словесности. Такъ, имъ были подробно описаны рукописи Румянцевскаго музея, затѣмъ рукописи собранія кіевскаго митрополита Евгенія, нѣкоторыхъ иностранныхъ архивовъ и т. д. Главною заслугою А. Х. Востокова въ этомъ дѣлѣ является описаніе „Остромирова Евангелія“ и Лаврентьевскаго списка Несторовой рукописи. Благодаря этимъ описаніямъ и вообще описанію рукописей Румянцевскаго музея, стало возможнымъ изученіе древней русской литературы и русскихъ древностей.

Въ 1841—42 годахъ А. Х. Востоковъ редактировалъ „Акты историческіе, относящіеся къ Россіи и извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ“.

Изъ другихъ трудовъ А. Х. Востокова извѣстны: „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“ и „Грамматика церковно-славянскаго языка“—капитальный классическій трудъ.

Съ 1841 года А. Х. Востоковъ состоялъ ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. Академія однако не очень баловала его. А. Х. Востоковъ удостоился за свои замѣчательные классическіе труды всего пятисотрублевой преміи,—такой же, какъ и 14-лѣтняя дѣвочка-поэтесса Шахова, представившая въ Академію свои стихи...

Знаменитый филологъ скончался 8 февраля 1864 года и былъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Память о немъ должна быть свято почтена всѣми, кто цѣнитъ русскую науку и русское слово.

Зараза цивилизаціи.

(Политическое обозрѣніе).

Едва ли не самой характерной чертой японцевъ до сихъ поръ считалась ихъ удивительная переимчивость къ чужимъ формамъ быта. Въ то время, какъ Китай подъ вліяніемъ болѣе близкаго соприкосновенія съ Европой чувствуетъ себя вышибленнымъ изъ привычной исторической колеи, Японія въ короткій сравнительно срокъ успѣла завести у себя европейскіе конституціонные порядки, перестроила всю свою жизнь на новый

Профессоръ И. В. Лучицкій. (Къ 50-лѣтію его ученой и литературной дѣятельности). По фот. Я. Штейнберга.

ладъ и сумѣла взять изъ европейскихъ обычаевъ все, что нашла въ нихъ полезнаго и практичнаго. Въ какихъ-нибудь нѣсколько десятилѣтій полудикая страна переродилась въ могущественную военную державу, располагающую первоклассной арміей и превосходнымъ флотомъ, а старецъ Китай попрежнему остается безсильнымъ, зачатки его флота безжалостно истреблены японцами, а его армія вмѣсто того, чтобы обезпечить внѣшнюю безопасность государства. выступая въ цѣломъ рядѣ хаотическихъ бунтовъ и возстаній, становится слѣпымъ орудіемъ смертоноснаго внутренняго развала. У одного восточнаго народа присвоеніе формъ западно-европейской политической жизни привело только къ разрушенію его собственной исторической государственности, у другого — къ созданію новыхъ жизнедѣятельныхъ комбинацій, осложнившихъ религіозно-фанатическую преданность народа своимъ монархамъ активнымъ участіемъ всего вооруженнаго конституціонными правами населенія въ политической жизни страны; одного погрузило въ хаосъ безысходной анархіи, другого вознесло на небывалую въ его исторіи высоту.

А. Х. Востоковъ, знаменитый русскій филологъ. Съ старинной литографіи. (Къ 50-лѣтію со дня кончины).

Страна благородныхъ самураевъ, которые интересы отечества считали своими личными интересами и при малѣйшей неудачѣ даннаго имъ порученія распарывали себѣ животы, не могла не побѣждать въ столкновеніи со старыми странами, въ которыхъ, напротивъ, чуть не каждый служащій свои мелкіе личные интересы ставитъ выше государственныхъ, потому что побѣды страны были побѣдами героическаго патріотизма надъ себялюбивымъ сибаритствомъ, пресмыкающимся карьеризмомъ и отвратительнымъ казнокрадствомъ. Суровый солдатскій образъ жизни японскихъ полководцевъ, напоминающій традиціи непобѣдимаго Суворова, миніатюрные оклады первыхъ сановниковъ Страны Восходящаго Солнца, работающихъ не для самоублаженія, а для славы родины, поражающая дешевизна постройки флота и содержанія арміи давали ключъ къ пониманію того, чѣмъ сильна Японія, въ чемъ таится секретъ ея побѣдъ.

Съ тѣхъ поръ прошло только 10 лѣтъ—и за это время общая картина японскихъ нравовъ рѣзко перемѣнилась. Въ упоеніи прошлыхъ тріумфовъ, Страна Восходящаго Солнца готовилась къ будущимъ тріумфамъ, но она не замѣтила той перемѣны въ нравахъ, которая уже лишила ее права на новыя побѣды. Овладѣвая всѣми орудіями европейской цивилизаціи. она не разсчитывала, что вмѣстѣ съ грандіозными европейскими военными и промышленными заводами, фабриками, банками, биржами и т. д. на родину благородныхъ средневѣковыхъ самураевъ проникнутъ и европейскія понятія о нравственности и долгѣ, европейская скользкая биржевая, акціонерская и канцелярская этика, характеризуемая колоссальнымъ ростомъ богатствъ и еще бо̀льшимъ ростомъ роскоши, неумѣренныхъ потребностей и аппетитовъ. Вслѣдъ за европейской цивилизаціей пришла и европейская деморализація и прежде всего сказалась въ рядѣ скандальныхъ подкуповъ, случайно обнаруженныхъ въ японскомъ морскомъ вѣдомствѣ. Первымъ разоблачителемъ японскаго взяточничества явился нѣкто Пулей, агентъ міровой фирмы Сименса. Онъ подкупилъ завѣдывающаго японскимъ телеграфнымъ агенствомъ Гандо, получившаго взятку отъ фирмы Сименсъ въ 10.000 іенъ. Послѣ ареста Гандо и Пулея началась общая паника среди представителей другихъ европейскихъ фирмъ въ Японіи. Многіе изъ нихъ. въ томъ числѣ агенты Виккерса, предпочли заблаговременно спастись бѣгствомъ. Японскія фирмы не отставали отъ европейскихъ и американскихъ. Установлены большія злоупотребленія со стороны поставщиковъ флота Митуцу, каменноугольной компаніи Мицубиси и т. д. Раньше чѣмъ повѣситься въ тюрьмѣ, арестованный чиновникъ морского вѣдомства Іосида раскрылъ передъ судомъ картину преступныхъ соглашеній между морскими властями и поставщиками флота. Кромѣ поставщиковъ, слѣдственныя власти сочли необходимымъ подвергнуть аресту даже такого виднаго дѣятеля, какъ инспекторъ судостроенія адмиралъ Матсуо, и привлечь къ допросу товарища морского министра Токорабэ. Неудивительно. что при обсужденіи морского бюджета одинъ изъ депутатовъ, выступившій съ рѣзкими обвиненіями противъ министерства, рекомендовалъ премьеру Ямомото совершить харакири. Но нравы Японіи уже не тѣ, и призывъ самурая не нашелъ отзвука въ сердцахъ государственныхъ дѣятелей современной Японіи. Деморализація охватила не только морское вѣдомство и высшую администрацію, она проникла даже въ среду высшаго духовенства. Въ Кіото обнаружены злоупотребленія іерарховъ, которые на церковныя средства вели порочную и расточительную жизнь. Пять священниковъ арестованы и преданы суду. Паденіе нравовъ чувствуется всюду, во всѣхъ классахъ и слояхъ населенія оно стало всеобщимъ. Быстро усвоивъ отрицательныя стороны европейской цивилизаціи, Японія рискуетъ утратить свою былую моральную крѣпость, тотъ ореолъ героизма и самоотреченія, который составлялъ ея силу въ недавнихъ войнахъ.

Проектъ памятника И. К. Айвазовскому. знаменитому русскому маринисту, работы академика скульптуры И. Я. Гинцбурга. Проектъ этотъ одобренъ Императорской Академіей Художествъ и будетъ поставленъ въ г. Өеодосіи на берегу моря, недалеко отъ дома-музея имени Айвазовскаго. Памятникъ сооружается на средства г. Өеодосіи. Фигура Айвазовскаго изъ бронзы, пьедесталъ памятника—изъ финляндскаго гранита. По фот. Я. Штейнберга.

Новый курсъ въ желѣзнодорожной политикѣ.

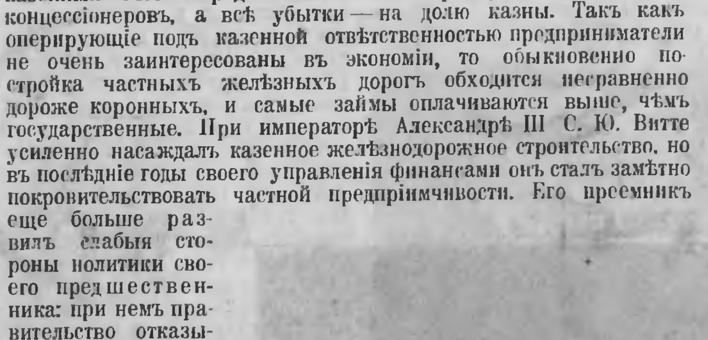
(Вопросы внутренней жизни).

Реформа никогда не приходитъ одна. Искреннее желаніе улучшить и преобразовать государственную жизнь не позволяетъ ограничиваться частичными улучшеніями. Перестройка одной какой-нибудь части государственнаго зданія обязываетъ, чтобы не остаться совершенно безплодной, перестраивать и другія его части, не останавливаясь даже и передъ общимъ ремонтомъ. То же самое намъ приходится наблюдать теперь и въ области нашей экономической политики. Вполнѣ законное и понятное чувство національной гордости и патріотическаго стыда вынудило наконецъ русское правительство отказаться отъ пьянаго бюджета. Обновленный кабинетъ не намѣренъ основывать процвѣтаніе казны на спаиваніи русскаго народа алкогольной отравой и перешелъ отъ финансовой эксплоатаціи народнаго пьянства къ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Вся печать и вся страна горячо привѣтствовали это рѣшеніе. Общество можетъ ограничиться одной лирикой, но правительство обязано считаться и съ финансовыми послѣдствіями по-

нулярнаго переворота. Предполагаемое впослѣдствіи исчезновеніе чуть не цѣлаго милліарда изъ трехмилліарднаго бюджета обязываетъ подумать, чѣмъ и какъ замѣнить его, какіе новые источники обложенія установить для пополненія ущербовъ казны. Подоходный налогъ, о которомъ такъ много говорятъ, имѣетъ скорѣе моральное значеніе, чѣмъ практическое, потому что, при отсутствіи въ Россіи крупныхъ капиталовъ, обѣщаетъ дать не больше 50—100 мил. въ годъ. Промыслы, торговля, промышленность, особенно же земледѣліе и безъ того переобременены у насъ налогами. На что же остается надѣяться? Исключительно на развитіе и надлежащую постановку государственнаго желѣзнодорожнаго хозяйства по примѣру Пруссіи, въ которой доходность желѣзныхъ дорогъ составляетъ такую же основную статью государственнаго бюджета, какъ у насъ — доходы винной монополіи. Кн. Бисмаркъ, называвшій себя государственнымъ соціалистомъ, провидѣлъ своимъ геніальнымъ умомъ экономическое значеніе рельсовыхъ путей и монополизировалъ ихъ доходность въ пользу государства, тогда какъ въ Англіи, Франціи, Америкѣ и т. д. колоссальные доходы съ желѣзныхъ дорогъ поступаютъ въ карманы частныхъ капиталистовъ. У насъ, въ Россіи, изобрѣтена средняя система, наиболѣе невыгодная, соединяющая въ себѣ отрицательныя стороны и той и другой: постройка бо̀льшей части линій производилась и производится обыкновенно частными концессіонерами на занятыя у заграничныхъ банкировъ деньги подъ гарантіей государства. Развитіе частной инціативы на казенный счетъ предоставляетъ всѣ преимущества на долю концессіонеровъ, а всѣ убытки — на долю казны. Такъ какъ оперирующіе подъ казенной отвѣтственностью предприниматели не очень заинтересованы въ экономіи, то обыкновенно постройка частныхъ желѣзныхъ дорогъ обходится несравненно дороже коронныхъ, и самые займы оплачиваются выше, чѣмъ государственные. При императорѣ Александрѣ III С. Ю. Витте усиленно насаждалъ казенное желѣзнодорожное строительство, но въ послѣдніе годы своего управленія финансами онъ сталъ замѣтно покровительствовать частной предпріимчивости. Его преемникъ еще больше развилъ слабыя стороны политики своего предшественника: при немъ правительство отказывалось отъ права выкупа въ казну ставшихъ доходными линій, нѣкоторыя казенныя линіи сдавались частнымъ обществамъ, разрѣшалась постройка конкурирующихъ съ государственными дорогами новыхъ линій, и цѣлые районы имперіи отдавались въ эксплоатацію получавшихъ сверхъестественные доходы желѣзнодорожныхъ хищниковъ. Доходность желѣзнодорожной сѣти нѣсколько поднялась при С. В. Рухловѣ. Положеніе еще ухудшилось благодаря необычайно возросшей роли частныхъ банковъ, которые финансировали обильно выдаваемыя концессіи и придали всему дѣлу оборудованія государственной сѣти желѣзныхъ дорогъ характеръ хищническихъ аферъ съ наживою на выпускахъ облигаціоннаго и акціонернаго капиталовъ. Необходимость замѣнить новыми статьями дохода пьяный милліардъ вынуждаетъ обновленное правительство покончить съ плутократическимъ режимомъ въ области желѣзнодорожной политики и перейти къ прусской системѣ планомѣрнаго государственнаго желѣзнодорожнаго хозяйства.

Харуко, вдовствующая императрица Японіи, скончавшаяся въ мартѣ с. г. въ г. Токіо послѣ тяжкой болѣзни. По фот. Я. Штейнберга.

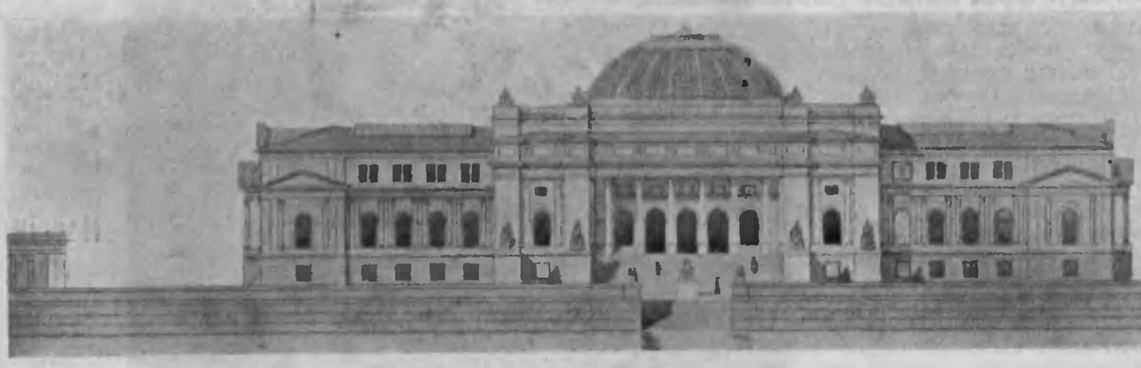

Къ рисункамъ.

Въ настоящемъ нумерѣ нашего журнала мы знакомимъ читателей съ картинами, появившимися на выставкѣ „Міръ Искусства“ и на Конкурсной выставкѣ въ Академіи Художествъ. Большинство художниковъ, участвующихъ въ выставкахъ „Міра Искусства“, отличается яркой талантливостью, и произведенія ихъ носятъ печать особой оригинальности.

Таковы, напримѣръ, изящные intérieur'ы А. Линдемана: *„Лѣтній день“* и *„Бѣлыя розы“*, *„Старый Кіевъ“* Г. Лукомскаго (Фроловскій монастырь на Подолѣ). Красива и типична женская фигура *„Въ старинномъ платьѣ“* (кн. А. Шервашидзе). Привлекаютъ вниманіе и появившіеся на выставкѣ „Міра Искусства“ прекрасные образчики портретной живописи: *„Портретъ А. П. Остроумовой-Лебедевой“*, *„Портретъ Александра Бенуа“* (Б. Кустодіева) и *„Портретъ артистки Императорскихъ театровъ Н. Г. Коваленской“* (С. Сорина).

Съ Конкурсной выставкой наши читатели уже знакомы по предыдущимъ нумерамъ „Нивы“. Въ настоящемъ нумерѣ мы воспроизводимъ граціозную скульптурную группу М. Блоха *„Дафнисъ и Хлоя“*, интересную жанровую сцену А. Александрова *„Молодые у колдуна“* (молодожены-чуваши пришли къ вѣдуну узнать свое будущее) и красивую библейски-величавую сцену *„Давидъ предъ Сауломъ“* Л. Орланда.

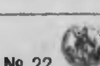

Геологическій и Минералогическій музей имени Петра Великаго при Императорской Академіи Наукъ. Проектъ академика архитектуры А. А. Полѣщука. По этому же проекту будетъ выстроенъ рядомъ и Ломоносовскій Институтъ въ ознаменованіе 200-лѣтія со дня рожденія М. В. Ломоносова. По фот. Я. Штейнберга.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Эдмонда Ростана“ кн. 2.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29 Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 17 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 26 апрѣля 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ кн. 9.

Несокрушимый оптимистъ.

(Изъ записной книжки священника).

Повѣсть **С. Гусева-Оренбургскаго.**

(Окончаніе).

Вокругъ начиналось волненіе.

Началось оно съ лепета, съ шопота, съ женскихъ вздоховъ и причитаній, разрослось въ глухой гулъ, а потомъ въ бурю негодующихъ, стонущихъ криковъ, отрывистыхъ, яростныхъ, укоризненныхъ словъ. Взбудораженная, пораженная несчастьемъ, буйная душа толпы дышала въ лицо старосты бурей страстнаго упрека, грозящія руки тянулись къ нему:

— Уби-и-вецъ!

Выбивались женщины изъ толпы:

— Довелъ... родиму дочку!..

Въ шубейкахъ, въ сбившихся платкахъ, онѣ обступали его, къ самому лицу его тянулись руки, и глаза ихъ въ лунномъ свѣтѣ сверкали яростью. Онѣ походили на русалокъ, явившихся изъ этой черной проруби, чтобы потребовать отчета во всей своей тяжелой жизни, и сознаніе ихъ, спутанное и темное, обнимало въ этотъ моментъ больше, чѣмъ могло обнять.

— Всѣ вы... всѣ вы... лиходѣи!

Староста невольно отступилъ передъ ихъ толпой и смотрѣлъ удивленно, не понимая, въ ихъ лица, смотрѣлъ съ тупымъ видомъ соннаго, наяву видящаго тяжелую нелѣпицу сна, отъ котораго хочется скорѣе очнуться. И случилось такъ, что, отступивъ, онъ остался одинъ противъ всей толпы, наступавшей на него, но остановленной прорубью, — остался одинъ, какъ подсудимый передъ судьями. Онъ стоялъ, опустивъ руки, и все продолжалъ тупо смотрѣть въ лица мужиковъ какъ бы въ одно лицо. Но, быть-можетъ, и не это, совсѣмъ другое лицо онъ видѣлъ сей-

В. Штемберъ. „Donnez quelque chose!“ (Собственность О. Я. Стахѣевой).

насъ передъ собой, такъ странно далекъ, сонепъ и безуменъ былъ его взглядъ.

Вдругъ руки его стали медленно подниматься.

Онъ тяжко обхватилъ ими голову, прижавъ къ ней свою мохнатую шапку:

— До-чень-ка-а!..

И рухнулъ на колѣни въ снѣгъ.

Тяжкимъ отчаяннымъ воплемъ прозвучалъ надъ рѣкой его крикъ:

— Дочень-ка-а!

И смолкли упреки.

Стихла толпа.

Медленно, одинъ за другимъ, мужики снимали шапки. Опустивъ головы, стояли какъ бы въ безмолвной молитвѣ. Я стоялъ у самаго края проруби, растерянный и подавленный. И жалко мнѣ было старосты, и гнѣвъ на него накипалъ въ груди, и мучительныя мысли вихремъ проносились въ головѣ. Такъ вотъ оно... дьяконово торжество Добра!.. Отчаяніе овладѣвало мной... Міръ мнѣ казался общей могилой... могилой всего добраго... И мертвъ былъ свѣтъ луны. Какъ отраженіе грѣха, тянулись по снѣгу черныя тѣни. И духомъ наказаннаго зла казался мнѣ староста въ снѣгу на колѣняхъ, надъ таинственною бездной проруби, подобной черному окну въ иной невѣдомый міръ... Внезапно безумный, какъ бы слѣпой взглядъ старосты остановился на мнѣ.

И вспыхнулъ.

Съ искаженнымся лицомъ вскочилъ староста съ колѣнъ.

— Попъ! По-опъ! —закричалъ онъ.

И потокъ яростныхъ словъ обрушился на меня.

— Отчетъ мнѣ подай... за до-о-чь! Ты... Ты... ты сбивалъ ее! Ты! Погубитель! Я... пойду... я... тебя... вмѣстѣ съ ней! Я... я...

Обращался къ мужикамъ.

— Всѣ... всѣ... весь міръ православный... будьте свидѣтелями!.. Жалобу... жалобу на него... отъ всего села! Онъ разлучаетъ дѣтей съ родителями... онъ дѣтей отымаетъ! Онъ...

Я растерялся.

— Стыдись!—вскрикнулъ я.

И весь таившійся во мнѣ на него гнѣвъ вырвался наружу:

— Ты насиліемъ своимъ погубилъ невинную душу!

Я указалъ на прорубь:

— Передъ Богомъ дашь отвѣтъ за нее!

Онъ опять смотрѣлъ, какъ бы не понимая, словно между нимъ и мною всталъ кто-то, ему одному видимый. И снова тяжко схватилъ себя за голову и поникъ, покачиваясь. Я растерянно оглянулся. И вдругъ мнѣ стало стыдно своего порыва... Мужики смотрѣли понуро, и ужъ не было у нихъ словъ упрека для старосты, и не надо было этихъ словъ, неумѣстны они были...

Ко мнѣ протиснулась Лариса.

Лицо ея было въ слезахъ, она припала ко мнѣ и только повторяла:

— Господи, Господи... неужели правда?

Вдругъ насъ кто-то разъединилъ и всталъ между нами, высокій и странно-спокойный. Я взглянулъ: на меня съ вышины смотрѣло дьяконово лицо съ загадочной важностью. Въ то же время дьяконова рука нашла мою руку и сжала ее съ какимъ-то тайнымъ масонскимъ значеніемъ. Что за таинственный смыслъ былъ въ этомъ пожатіи? Утѣшеніе... или горесть? Я взглянулъ на попадью: она тоже смотрѣла на дьякона съ недоумѣніемъ.

Тутъ же я замѣтилъ Васильевну.

И поразился.

На лицѣ ея сквозь растерянность проявлялись скорѣе удивленіе и забота, чѣмъ отчаяніе. Но не успѣлъ я подумать объ этомъ, какъ раздался по-за спиною толпы голосъ веселаго Тихона:

— Братцы... эй, братцы!

Всѣ повернулись туда.

— Да може, вона и не тае!—кричалъ Тихонъ.—Смотри-ка-сь... вѣдь тутъ дорога! Може, вона оттедова пришла... а отседова ушла!

Онъ, смѣясь, тыкалъ посохомъ въ снѣгъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ самыхъ ногъ старосты зачиналась протоптанная тропа къ другому концу села: оттуда было ближе сюда ходить, чѣмъ къ колодцу. Завороженные роковымъ значеніемъ слѣда, мы всѣ забыли эту тропу, не замѣтили ея, а теперь она давала какую-то надежду...

— Може, вона на село вернулась!—кричалъ Тихонъ.

И веселился.

— Кумарь въ дупло засѣлъ... ей-Богу!

Настроеніе рѣзко измѣнилось.

Опять поднялся шумъ и гомонъ и разросся въ бурливый гамъ, но ужъ гамъ веселый: словно съ плечъ у всѣхъ свалилась тяжесть. И веселѣе сталъ свѣтъ луны, и сталъ сказочнымъ, странно-красивымъ лѣсной узоръ надъ рѣкой.

— Вѣрно!— кричали мужики.

И радовались.

— Съ чего ей?..

— Староста... не тужи!

— Може, и была дума, да прошла!

— Конешно.

— Она вумна дѣвочка...

— Найдемъ!

— Вѣрно!

И ужъ никто не спорилъ, что это такъ и есть: всѣ повѣрили въ это, всѣ хотѣли повѣрить. И отъ радости стали, какъ дѣти. Совались по тропинкѣ, хотѣли найти слѣды, но смутный узоръ ихъ не выдавалъ своей тайны. Торопились итти въ село.

— Найдемъ ее, ребята... найдемъ!

Окружили старосту:

— Не тужи, найдемъ!

Пошли шумной, оживленной массой.

Говорили старостѣ утѣшительныя слова.

Даже женщины забыли недавній гнѣвъ свой на него, ласково успокаивали его.

Но староста шелъ, какъ сонный.

Лохматый, опустившійся, онъ походилъ на слѣпого, котораго ведетъ толпа... куда—ему все равно. Молчаливый и безучастный, онъ шагалъ только потому, что вокругъ шагали всѣ, увлекая его... И казалось, что, оставь его всѣ—онъ бы такъ и остался стоять въ мрачной, сонной неподвижности.

На селѣ опять стали ходить отъ хаты къ хатѣ, стучать въ ставни и калитки, спрашивать, искать, шарить по дворамъ и закутамъ. И долго еще надъ селомъ звучали зовущіе голоса:

— А-аню-ю-та-а!..

. . . .

Наутро день не принесъ ничего новаго.

Анюты не нашли.

. . . .

...Говорили про старосту, что всю ночь онъ сидѣлъ неподвижно въ переднемъ углу за столомъ, ни звукомъ не отзывался на слова Васильевны, словно и не замѣчалъ ея. А къ утру неожиданно потребовалъ самоваръ, долго пилъ чай въ уединеніи, выгнавъ всѣхъ изъ комнаты, потомъ принялся за обычную работу. Удивлялись также какому-то странному спокойствію Васильевны. Относительно же Анюты мнѣнія раздѣлились. Большинство склонилось снова къ убѣжденію, что она утопилась: больше некуда было ей дѣваться. Но другіе загадочно качали головами и сопоставляли ея исчезновеніе съ другимъ происшествіемъ, взволновавшимъ село: исчезъ куда-то писарь! Дома онъ не ночевалъ, на селѣ его не было, а всѣ поиски ни къ чему не привели... Пропалъ пьяный человѣкъ безслѣдно. И чѣмъ дальше дѣло шло къ вечеру, люди, загадочно качавшіе головами, начинали говорить увѣреннѣе:

— Вмѣстѣ сбѣжали!

Это ужъ было непонятнѣе всего.

— Съ писаремъ-то?

— А што же?.. Любовь зла!

— Съ пьяницей-то! Чать, она Ларивона любитъ!

— Што жъ Ларивонъ?.. Добивайся его. А писарь-то вольный... взмылся да улетѣлъ. Вотъ и по пути вышло... отъ безносаго-то и не съ писаремъ убѣжишь.

Люди стали задумываться:

— А и впрямь...

То и дѣло къ поповскому дому шмыгали женщины и приносили самыя невѣроятныя новости. У всѣхъ уже выростала увѣренность, что Анюта сбѣжала съ писаремъ. Припоминали слова

писаря, кому-то сказанныя, что онъ и пьяницей сталъ отъ любви къ Анютѣ, и что, будь онъ побогаче, онъ посватался бы къ ней... и не получилъ бы отказа. Ужъ тѣ, кто былъ увѣренъ, что Анюта погибла въ проруби, стали склоняться къ этому веселому предположенію. А про старосту сообщали, что его словно кто мѣшкомъ ударилъ: молчитъ и угрюмъ, какъ туча.

Весь день я былъ въ меланхоліи.

Все изъ рукъ валилось.

Ждалъ дьякона, но онъ не пришелъ. Говорили, что въ школѣ занятій не было: дьяконъ сказалъ ученикамъ, что боленъ, и отослалъ ихъ. Хотѣлъ-было я провѣдать его, собирался—да и не собрался... Смутно было и тяжело на душѣ, никого не хотѣлось видѣть, ничего не хотѣлось слышать... и думать бы не хотѣлось, да самыя черныя мысли одолѣвали меня.

Вечеромъ пришелъ Өиногенъ.

— Что съ дьякономъ?—спросилъ я.

Внезапно что-то интересное увидалъ Өиногенъ на порогѣ и нагнулся.

— Ничего... живетъ,—сказалъ онъ глухо.

Мнѣ показалось, что онъ смѣется.

— Ты чего?—спросилъ я.

— Ничего!

И выпрямился.

Взглянулъ на меня веселыми круглыми глазами.

— Чему ты радуешься?

— А печалиться-то чему? На свѣтѣ все хорошо.

— Развѣ не жалко Анюты?

— Нисколько!—отвѣтилъ онъ безпечно.—Чего кто хочетъ, то съ тѣмъ и бываетъ. А вотъ отецъ дьяконъ-то... велѣлъ сказать вамъ... придетъ сейчасъ.

И что-то лукавое мелькнуло въ глазахъ Өиногена.

Ушелъ.

И вновь медлительно потянулось время.

За окнами мглою и туманомъ осѣдалъ морозный вечеръ. И такіе же мгла и туманъ были въ моей душѣ: все мерещились серебристый, застывшій узоръ лѣса надъ рѣкою, мертвенно-мглистый свѣтъ луны и загадочно-темное пятно проруби—дикій сонъ кошмарной ночи... а тамъ... въ глуби... Я не могъ отдѣлаться отъ этого образа, отъ этого сна кошмарной ночи. И ужъ казалось мнѣ, что тамъ, на льдистомъ краю надъ этой пропастью, сломилось что-то въ моей душѣ. Тамъ ли, въ темной глубинѣ была Анюта, или ушла она—ужъ это было все равно. Образомъ міра стала для меня эта холодная пропасть. Все доброе въ немъ, все рвущееся на какую-то „божескую“ свободу, на свѣтлую высоту счастливой и праведной жизни, къ доступному людямъ идеалу сліянія человѣческаго съ божескимъ—все это нѣжное и тонкое въ грубой земной жизни, какъ морозомъ ранніе побѣги, глушится холодомъ зла и гибнетъ, гибнетъ въ пучинѣ... только слезы, вздохи и стоны рвутся изъ какой-то глубины, но заглушаются грохотомъ, гамомъ, грубымъ смѣхомъ торжествующаго зла. Но вѣдь такъ было и во времена Христовы: грохотъ, блескъ и сила языческой имперіи загоняли въ катакомбы всѣхъ вѣрящихъ въ кроткую силу добра, на арены колизеевъ бросали ихъ, гдѣ иногда сами звѣри останавливались передъ тѣмъ, передъ чѣмъ не останавливались люди. И не на крестѣ былъ распятъ Самъ Христосъ, а на „уставахъ жизни“: Пилатъ умылъ руки только потому, что существовалъ законъ... и обычай. Теоретически я понималъ, конечно, разницу между тѣмъ временемъ и

В. Штемберъ. Портретъ г-жи Н. В. Ш. (Собств. автора).

теперешнимъ, но практически... это было для меня одно. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ міръ побѣдила кроткая сила Галилеянина...

Но гдѣ же эта побѣда?..

Христосъ и ученики Его боролись съ „уставами жизни“. Но въ чемъ плоды этой борьбы? Не въ томъ ли, что я, ученикъ учениковъ ихъ, стою безсиленъ передъ „уставомъ жизни“? И могу бороться съ нимъ теоретически, а практически нѣтъ? Конечно, случай съ Анютой былъ маленькій: я бы могъ и обвѣнчать ее противъ воли отца, если бы воля ея не была задавлена отцовской волей... Но ужъ глаза души моей прояснились: я видѣлъ въ мірѣ многихъ людей, которые за свое доброе и за доброе міра должны были бороться съ „уставами жизни“, чтобы достигнуть побѣды. Но всегда ихъ побѣждали „уставы жизни“. Но если это такъ, если въ борьбѣ за доброе всегда стоятъ на пути „уставы жизни“, и гибель добраго есть торжество „уставовъ“, то я-то, я... съ подробнымъ и точнымъ регламентомъ моей пастырской дѣятельности... я-то, ученикъ Христовъ...

Мысли мои путались и меркли.

Въ душѣ разростался туманъ.

Уже за окномъ давно сгустилась морозная ночь, а я все ходилъ по темной комнатѣ и не зажигалъ лампы. И потому совершенно не замѣтилъ, какъ вошелъ и всталъ у порога дьяконъ. Вздрогнулъ, увидѣвъ его темную тѣнь, но когда зажегъ лампу, удивился. Дьяконъ облаченъ былъ въ новый подрясникъ и имѣлъ видъ торжественный и важный.

— Пришелъ пригласить васъ на праздникъ, —медленно произнесъ онъ пѣтушиною октавой.

На голосъ дьякона поспѣшно вышла и Лариса:

— Какой праздникъ, отецъ дьяконъ?

Дьяконъ выставилъ грудь.

И вдругъ по лицу его стала расползаться улыбка блаженнаго удовольствія:

— На праздникъ эффекта!

Всегда онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, этотъ дьяконъ! Лариса принялась смѣяться. Я же съ удивленіемъ смотрѣлъ на его радостное лицо. И вдругъ предчувствіе какой-то пріятной и веселой тайны охватило меня. Въ мозгу возникли сопоставленія... Но я предпочелъ не разспрашивать.

— Пойдемъ! — сказалъ я Ларисѣ.

— Пойдемъ!

И она побѣжала одѣваться.

...Дьяконъ выступалъ впереди насъ въ морозной мглѣ торжественно, —торжественность и важность вообще не оставляли его больше. Казалось, онъ шелъ впереди какой-то процессіи. И недоставало только, чтобы онъ пѣлъ. Лариса смѣялась надъ его видомъ, пыталась разспрашивать его, но онъ лишь временами обращалъ къ намъ сіяющій ликъ, на вопросы же отвѣчалъ односложно и таинственно.

Даже пропѣлъ въ отвѣтъ:

— Ели-и-це во Христа креститеся...

Но что это значило, не объяснилъ.

Школа была освѣщена, но дверь заперта. На стукъ дьякона отозвались не сразу. Было слышно за дверью какое-то смутное движеніе и тихій торопливый разговоръ. Когда же дверь наконецъ растворилась, я невольно засмѣялся.

Въ дверяхъ стоялъ улыбающійся писарь.

Онъ былъ совершенно трезвъ и даже какъ будто прифранченъ и во всякомъ случаѣ — причесанъ. За его спиною мнѣ во тьмѣ школьной комнаты мерещелись еще смутныя фигуры, но я не успѣлъ ихъ разсмотрѣть: дьяконъ торжественнымъ жестомъ пригласилъ насъ войти въ его помѣщеніе. Оно было ярко освѣщено, вѣрнѣе — иллюминовано: всюду, гдѣ только возможно, горѣли свѣчи — на столѣ, на подоконникѣ, даже на шкапу. Столъ же былъ уставленъ яствами и винами.

— Прошу! — сказалъ дьяконъ.

И въ тотъ же мигъ весь какъ бы превратился въ одну радужную, сіяющую улыбку.

— Чудеса, — сказалъ онъ: — совершаются и въ нашъ вѣкъ, ибо мертвые воскресаютъ.

Онъ сдѣлалъ два журавлиныхъ шага къ шкапу, остановился передъ нимъ и съ шумомъ отпахнулъ его дверцы съ какимъ-то веселымъ клохтаньемъ и кудахтаньемъ.

Въ шкапу стояла улыбающаяся Анюта.

— Выходи! — сказалъ дьяконъ.

И тотчасъ сталъ опять торжественно-серьезенъ, поднялъ вытянутый палецъ надъ головой:

— Если бы Богъ захотѣлъ, отецъ нашелъ бы ее здѣсь, ибо она въ этомъ самомъ шкапу таилась. Но Богъ... не захотѣлъ. И тѣмъ самымъ указалъ намъ путь правильный!

И дьяконъ какимъ-то нелѣпымъ колесомъ заходилъ по комнатѣ:

— Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни!

Матушка хохотала.

И ужъ она была около Анюты, радостно цѣловала ее, оживленно повернулась къ дьякону:

— Давайте ужъ и васъ поцѣлую, отецъ дьяконъ!

Дьяконъ въ восторгѣ растопырилъ руки.

Я оглянулся: все знакомыя лица! По праздничному разряженная Васильевна, улыбающійся писарь, Ларіонъ, добродушно-тор-

В. Штемберъ. Портретъ баронессы Д. Е. Гревеницъ.

В. Штемберъ. Портретъ Наташи Ш. (Набросокъ).

жественный, какъ и дьяконъ, а позади нихъ во все лицо ухмыляющійся Ѳиногенъ. Я сразу все понялъ. И когда дьяконъ обернулся ко мнѣ:

— Батюшка! Согласны ли?

Я засмѣялся:

— Вѣроятно, на это надо отвѣтить торжественно?

И я поднялъ руку:

— Согласенъ!

Дьяконъ хитро сощурился:

— А законъ?

— При нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ.

Дьяконъ въ восторгѣ бросился меня обнимать. И ужъ изъ восторга этого не выходилъ. Бросался то къ одному, то къ другому, приглашалъ возсѣсть за столъ. Усадилъ Василису на почетное мѣсто, рядомъ съ матушкой, тянулъ за рукавъ упиравшагося Ѳиногена. Аннушку усадилъ рядомъ съ собой и все вопіялъ:

— Это моя дочь! Я ей отца замѣняю!

Бралъ рюмку и поднималъ ее:

— Ур-р-а! Анютины глазки!

Непремѣнно заставилъ всѣхъ чокнуться и выпить. Потомъ захотѣлъ сказать рѣчь. Всталъ, подобно человѣку на ходуляхъ, и съ высоты своей началъ произносить трогательныя слова:

— Братіе! Друзья!

И не могъ продолжать отъ полноты чувствъ и все прикладывалъ руку къ груди.

— Сей день... запишу на скрижаляхъ жизни моей яко наисчастливѣйшій! Наипріятнѣйше бо человѣку зрѣть, егда добро побѣждаетъ, и на скорбномъ ликѣ человѣческомъ возсіяваетъ, подобно свѣту солнечному, улыбка счастія и радости... Ахъ, друзья мои! Се пиръ передъ бракомъ... яко въ Канѣ... мой пиръ! Мой праздникъ... мое ликованіе! Ибо дочь мою духовную, дочь мою наилюбимѣйшую отдаю человѣку вѣрному и другу... наперекоръ людской волѣ, судьбѣ...

Онъ взглянулъ на меня, слегка потянулся черезъ столъ:

В. Штемберъ. Этюдъ.

— И всѣмъ законамъ!

Выпрямился, принялъ торжественный видъ и заговорилъ наставительно:

— Одинъ въ мірѣ законъ, одинъ... и нѣтъ другого... Добро! Любовь! Гдѣ они — тамъ и Богъ! Да, да... Богъ сейчасъ съ нами, друзья мои, Онъ съ нами. Онъ смотритъ на насъ и радуется, ибо свершается воля Его черезъ насъ! Черезъ людей Добро въ мірѣ побѣждаетъ...

И растрогался.

Вытянулъ руки надъ столомъ:

— Ахъ, друзья мои... любимые мои! Ну, что еще вамъ скажу?.. Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господни... Выпьемъ!

И опять непремѣнно хотѣлъ, чтобы чокнулись и выпили всѣ. А потомъ растопырилъ руки и какъ бы пошелъ на всѣхъ войной:

— Другъ друга обымемъ... и возрадуемся!

Въ маленькой комнаткѣ разгорѣлся пиръ, надо сказать, очень веселый. Дьяконъ усадилъ Ларіона и Анюту рядомъ, и угощалъ ихъ, и все радовался на нихъ, и говорилъ, что онъ былъ одинъ... одинъ на всемъ свѣтѣ... а теперь семья вокругъ него. Всѣ раскраснѣлись, смѣялись и радовались, матушка хохотала невѣдомо надъ чѣмъ... Безпокоилась и торопила дьякона только Васильевна и выражала опасеніе, что все откроется раньше времени, но дьяконъ увѣрялъ ее, что тайна его хранится крѣпко и надежно, къ тому же и двери на замкѣ.

Но потомъ и онъ заторопился:

— Идемъ! Идемъ!

Приказалъ Ѳиногену:

— Ступай, Ѳиногенъ, и приготовь все, какъ указано.

Потомъ онъ потушилъ свѣчи.

Въ темнотѣ мы направились къ выходу.

Въ ночной морозной мглѣ дьяконъ торжественно выступалъ впереди. Шли молча. Молча вступили въ церковь. Она залита была моремъ свѣта. Какъ въ большой праздникъ, Ѳиногенъ зажегъ всѣ свѣчи, алтарь пылалъ, и едва мы вошли, какъ отъ горючей нитки зажглась и люстра. Вѣнчанье шло торжественно. Никогда я не видѣлъ, чтобы дьяконъ выступалъ съ такой важностью, съ такой гордостью, и чтобы его вѣтушиный голосъ гремѣлъ такими раскатами, когда онъ читалъ Апостола или возглашалъ:

— Исаія, лику-у-й!

Между тѣмъ свѣтъ привлекъ любопытныхъ.

Появились дѣвицы, баба зашла. Слышались удивленные возгласы. Потомъ, очевидно, новость распространилась по селу: когда мы кончали вѣнчаніе — въ церкви уже набралось много народа. И сначала всѣ были удивлены, но потомъ разгорѣлся радостный и довольный шопотъ.

Дьяконъ распорядился:

— Въ вѣнцахъ до дому!

Обернулся къ Ѳиногену:

— Трезвонь!

И вотъ среди радостно оживленной толпы народа, при колокольномъ звонѣ, нарушившемъ ночную тишь, мы направились къ дому Овцова. Ларіонъ и Анюта шли въ вѣнцахъ, какъ коронованныя особы. Дьяконъ въ золотомъ стихарѣ торжественно выступалъ впереди. И пока мы шли по селу, народъ выбѣгалъ изъ всѣхъ хатъ и присоединялся къ шествію. Всѣмъ было очень интересно, какъ поступитъ Овцовъ. Всю улицу залилъ народъ, когда мы подошли къ дому, и застылъ въ ожиданіи. Мы оставили Анюту съ Ларіономъ въ сѣ-

В. Штемберъ. Письмо.

ніяхъ, сами торжественно вошли въ комнату въ своихъ золоченыхъ одѣяніяхъ.

Староста сидѣлъ у стола за какими-то счетами.

Онъ поднялъ голову, взглянулъ.

Но я не замѣтилъ, чтобы онъ удивился. И странно мнѣ стало, что онъ какъ бы не слышалъ шума за окномъ. Онъ не поднялся намъ навстрѣчу, хотя мы и были въ духовныхъ одѣяніяхъ, сидѣлъ и молча ждалъ.

— Староста Овцовъ, — сказалъ я:—помнишь ты свою побасенку про лошадь? Такъ вотъ я привязалъ тебѣ мѣшокъ къ хвосту. Если хочешь—брыкайся! Только помни, что лошадь была умна и науку поняла. Да и свою поговорку вспомни...

— Как-у-ю?—медленно и угрюмо спросилъ онъ.

— Дураковъ учить и Богъ велѣлъ.

И я распахнулъ дверь:

— Богъ тебѣ радость посылаетъ... будь достоинъ ея!

Вошли новобрачные.

Анюта остановилась у дверей, вся пунцовая, не смѣя поднять глазъ на отца, и руки ея дрожали. А Ларіонъ, вскинувъ голову, вызывающе смотрѣлъ на старосту. Но староста какъ бы не обратилъ на него и вниманія. Угрюмый, темный взглядъ его остановился на дочери и долго не отрывался отъ нея. Напряженное, ждущее молчаніе царило въ комнатѣ, смутный говоръ за окномъ только оттѣнялъ его. Недвижно стоялъ дьяконъ, напряженно вытянувшись, и всѣ словно застыли въ заколдованномъ снѣ,—даже старый рыжій котъ, выйдя на середину комнаты, какъ бы въ удивленіи посмотрѣлъ на всѣхъ, сѣлъ и замеръ въ неподвижности.

— Анютка, — тихо сказалъ староста.

И въ голосѣ его прозвучала непривычная мягкость:

— Зачѣмъ же ты бѣгала на прорубь?

Анюта еще ниже опустила голову и молчала.

— Или вправду хотѣла... себя загубить? А съ собой и меня? Она все молчала.

Вдругъ закрыла лицо платкомъ и заплакала.

— Вярямь,—хмуро сказалъ староста:—Богъ добрѣе людей, коли отвелъ тебя.

Онъ мелькомъ мрачно взглянулъ на меня.

— Дураковъ-то Онъ учитъ... но и милуетъ! Ну... поди сюда, дочка...

Анюта такъ и метнулась къ нему.

Онъ облапилъ ее, подобно косматому медвѣдю, и ужъ казалось, и не думалъ отпускать ее, словно навсегда потерялъ ее и вновь нашелъ. Я взглянулъ на дьякона, и лицо его напомнило мнѣ восходящее солнце. Староста вдругъ свирѣпо взглянулъ на Ларіона:

— А тебя я, сукинъ сынъ, въ такую работу запрягу, что сорокъ потовъ каждый день сгонять съ тебя буду!

Ларіонъ весело тряхнулъ головой:

— Слушаю, тятенька!

Мрачный огонь въ глазахъ старосты внезапно потухъ, и тамъ зажглись веселыя искры.

— Ну, поди ужъ и ты сюда,—сдѣлалъ онъ широкій жестъ своей мохнатой рукой въ припадкѣ какой-то бурной любовности: — поди, что ужъ подѣлаешь, съ судьбой не cоспоришь. Поди... чортъ этакой!..

...И началось нѣчто невообразимое...

За окномъ поднялся какъ бы веселый плясъ, который вскорѣ закружилъ съ собой и хату. Въ комнату ворвались музыканты, Ларіоновы пріятели, появились разряженные по праздничному люди, поднялись шумъ и гамъ, поздравленія, поцѣлуи, объятія, крики. У Васильевны оказалось все приготовленнымъ для пира. И пиръ пошелъ на весь міръ, все село приняло въ немъ участіе. Шелъ стонъ веселья и въ комнатахъ, и на дворѣ, и на улицѣ, куда староста приказалъ выкатить цѣлую бочку вина, которую и распивали при крикахъ, пѣсняхъ, въ багровомъ отблескѣ костра. А въ комнатахъ стоялъ сизый дымъ отъ веселья. И въ этомъ дыму, какъ на ходуляхъ, кидался, бросался, совался подвыпившій дьяконъ, вздымалъ руки, свѣтился отъ радости, отъ любовнаго восторга, оралъ пуще всѣхъ:

— Го-о-о-орько!..

И изгибался, и обнимался съ кѣмъ-то, и присѣдалъ, и выросталъ, и сквозь гамъ и пѣсни кричалъ, раскидывая руки:

— Не умру... но живъ буду... и повѣмъ дѣла Господни!

КОНЕЦЪ.

В. Штемберъ. Гречанка. (Собственность г. Мюзеръ).

Неизданное посмертное произведеніе М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Предчувствія, гаданія, помыслы и заботы современнаго человѣка.

1 ноября. Всталъ нынче утромъ необыкновенно рано. Цѣлую почти ночь не спалъ. Третій разъ снится, будто воронъ вцѣпился въ меня когтями и клюетъ мнѣ желудокъ. Справился съ „Сонникомъ": отвѣтъ вышелъ короткій: „злодѣй не дремлетъ". Желалъ проникнуть въ сокровенный смыслъ этихъ словъ, но какъ ни вникалъ, а разгадать не могъ, по той причинѣ, что тайна будущаго отъ насъ, по милости Божьей, непроницаемой завѣсой скрыта. Однакожъ, раздумавшись объ этомъ, пренебрегъ и хозяйственными работами. Давно бы вотъ надо форрейтора выбрать на мѣсто Андрюшки...

2 ноября. Опять во снѣ видѣлъ птицу: вырвала кусокъ моего мяса и, поднявши носъ, смакуетъ. Словомъ сказать, хоть не ложись спать. Пріѣзжалъ съ сосѣдней

В. Штемберъ. У околицы. (Собственность Н. А. Балина).

фабрики управляющій, спрашивалъ, не соглашусь ли отпустить въ работы дѣвокъ. Настасья Петровна настаивала, чтобъ отпустить, потому что цѣну даютъ сходную. Однако по причинѣ разстройства душевнаго не могъ ничего сообразить, а потому и разговоръ до времени отклонилъ. Потомъ приходилъ Андрюшка и опять приставалъ, чтобъ его смѣнить. Оно и точно, что безобразно: и борода сѣдая, да и выросъ какъ-то неестественно. Чортъ ихъ знаетъ, а въ ихнемъ званіи и законы природы какъ будто власти никакой не имѣютъ. Вотъ ему давно бы пора перестать расти, а онъ ничего, растетъ какъ ни въ чемъ не бывало! А говорятъ еще, что мало кормилъ!.. Однако, за душевною смутой, и этого дѣла не могъ сообразить.

8 ноября. День былъ пасмурный; снѣгу навалило столько, что въ теченіе какого-нибудь часа сталъ зимникъ. Хотя видѣнія меня и оставили, однакожъ хозяйственныхъ распоряженій никакихъ дѣлать не могъ. Поэтому цѣлый день изъ халата не выходилъ и размышлялъ о томъ: кто мы?

9 ноября. Кто мы? Если вопросъ разобрать теоретически, то, конечно, нельзя не согласиться, что всѣ мы люди, всѣ человѣки. Если же разобрать этотъ вопросъ практически, т.-е. какъ все въ природѣ происходитъ, то выйдетъ, что всякому человѣку на свѣтѣ не только свое мѣсто опредѣлено, но и всякій человѣкъ изъ своего собственнаго сферовращенія никакимъ образомъ въ чуждое ему сферовращеніе переступить не можетъ. Есть люди малайцы, есть люди индійцы, есть люди черные, люди коричневые и люди бѣлые. Каждый изъ нихъ въ своемъ кругу. Поэтому есть люди, такъ сказать, подначальные, у которыхъ тоже свой кругъ и свое обращеніе. Можно ли и должно ли границы сіи преступать? На это отвѣтъ простой. Извѣстно, что всѣ земныя бѣдствія, какъ-то: голодъ, градъ, холера, эпизоотія и пр. — все отъ грѣха первороднаго. Можемъ ли мы все сіе отвратить? Не можемъ, всеконечно. Но если сихъ, такъ сказать, прирожденныхъ роду человѣческому бѣдствій предотвратить не можемъ, то, слѣдовательно, не можемъ и чернаго человѣка сдѣлать бѣлымъ и наоборотъ. Dixi et animam levavi, какъ пишутъ нынче господа газетчики, что значитъ: сказалъ и душу тѣмъ себѣ упразднилъ.

10 ноября. Нѣтъ, не упразднилъ. Мужикъ, цѣлый день предающійся прирожденной лѣни и праздности, или человѣкъ, денно и нощно не только о самомъ себѣ, но и о цѣлой государственной системѣ помышляющій: мужикъ, ищущій отдохновенія въ винѣ и въ непристойной пляскѣ, или человѣкъ, отдыхающій отъ заботъ въ умственныхъ упражненіяхъ, въ философическихъ разысканіяхъ и въ тайной бесѣдѣ съ отсутствующими! Граница проведена ясно. Отчего темный человѣкъ разсуждаетъ о двуперстіи, о нестриженіи бороды и другихъ нелѣпостяхъ, а дворянинъ о томъ не разсуждаетъ? Оттого, что дворянскому званію сіе неприлично. Отчего темный человѣкъ обращается съ навозомъ и другими низкаго свойства предметами, а дворянинъ пребываетъ лишь въ сферахъ благоухающихъ? Оттого, что сіе званіе дворянскому пристойно. Вопросовъ сего рода можно бы множество предложить, а предложивши—убѣдиться, что здѣсь всѣ чувства природы, какъ-то: обоняніе, вкусъ, зрѣніе, осязаніе и слухъ,—словомъ—все разнствуетъ. Итакъ, не будемъ уже удивляться, что въ природѣ существуетъ и бѣлый, и зеленый, и красный цвѣта, что зеленому, а не красному цвѣту прилично одѣвать дерева и злаки, что столъ, на которомъ я начертываю сію замѣтку, красный, а бумага бѣлая. Все

В. Штемберъ. „Если бы гордость, подобная ненужному свѣтильнику, зажигаемому у гроба, не сторожила ея пустыннаго сердца—она полюбила бы". (Собственность кн. Ф. Ф. Юсупова, гр. Сумарокова-Эльстонъ).

М. Безродный. „1812 г." Нападеніе партизанъ подъ Краснымъ на корпусъ маршала Нея. Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. (Присуждено званіе художника).

сіе выше скуднаго нашего разсужденіе и не отъ насъ непреложно устроено.

11 ноября. Поводомъ же къ таковымъ разсужденіямъ послужилъ засѣдатель отъ дворянъ Снѣжковъ, привезшій извѣстія, будто бы... но нѣтъ! — Скорѣе отечество наше превратится въ безплодную степь Сахару, нежели рука моя начертаетъ слово погибели и злорадства!

15 ноября. Вновь мучили душу предчувствія. За обѣдомъ Прохоръ докладывалъ, что тараканы ползутъ изъ дому; вечеромъ столпъ огненный показался на небѣ. Отъ всѣхъ сихъ предзнаменованій такое точно происходило ощущеніе, какъ бы половину достоянія отнимали. А Настасья Петровна, между тѣмъ, все продолжаетъ приставать съ Андрюшкой... женщина! *Замѣчательное:* во время послѣобѣденнаго сна весьма мучился; казалось, что Андрюшка налегъ на меня всею своею тяжестью и давитъ. Сновидѣніе сіе можно назвать гастрическимъ.

19 ноября. Опять пріѣзжалъ съ фабрики управляющій и отъ философическихъ упражненій обратился къ дѣйствительности. Рѣшили выбрать до десятиналучшихъ дѣвокъ. Настасья Петровна, которая замѣтно на меня въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль сердилась, послѣ этого повеселѣла и за ужиномъ даже заявила надежду, что у нея будетъ новая шляпа. Володинъ французъ поздравилъ меня съ выгодною сдѣлкою (une bonne spéculation), на что я ему отвѣтилъ, что это совсѣмъ не сдѣлка, а скорѣе доброе дѣло, ибо дѣвка, проводя время въ праздности, ничего, кромѣ пороковъ и развитія страстей, въ будущемъ для себя не пріобрѣтаетъ; но французъ, не будучи достаточно знакомъ съ особенностями національнаго духа (каждая нація имѣетъ свой національный духъ—это вѣрно!), пожалъ лишь плечами. Конечно, я его и не разувѣрялъ. Володя тоже распалился и почти каждую минуту повторялъ: „На фабрику! На фабрику!“ Однимъ словомъ, въ семействѣ нашемъ появилось то душевное спокойствіе, которое совершенно вознаградило меня за нѣсколько дней, проведенныхъ въ тревогѣ и безъ сна.

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

(Къ 25-лѣтію со дня кончины).

1889 $\frac{28}{IV}$ 1914 г.

Очеркъ **Павла Зайцева.**

Отъ исполняющагося 25-лѣтія со дня смертв Салтыкова-Щедрина русское общество ожидаетъ возбужденія интереса къ давно стоящему на очереди изученію его громадной литературной дѣятельности и въ особенности той области творчества, въ которой онъ былъ и остается непревзойденнымъ образцомъ: его геніальной сатиры. Послѣ того, что̀ было сказано о немъ русской критикой — незадолго до его смерти Арсеньевымъ и вскорѣ послѣ нея Пыпинымъ и Михайловскимъ,—мало прибавилось о немъ новыхъ сужденій. И это прежде всего оттого, что щедринская сатира до нашего времени сохраняетъ во многихъ отношеніяхъ всѣ признаки и весь интересъ современности: наша жизнь еще не чужда „ташкентщины“ и не сбросила еще съ себя печальнаго наслѣдія—путь „пошехонщины“.

Салтыковъ, выросшій въ дворянской семьѣ средней руки (мать его, впрочемъ, происходила изъ купеческаго званія), по окончаніи Дворянскаго пансіона и Александровскаго лицея, гдѣ уже онъ проявилъ литературное дарованіе въ качествѣ лицейскаго поэта, поступилъ въ 1844 г. на службу въ военное министерство и въ 1847 г. выступилъ въ печати съ рядомъ рецензій и съ повѣстью „Противорѣчія“. Въ 1858 г. появилась его новая повѣсть „Запутанное дѣло“, въ которой, кромѣ вліянія Ж.-Зандъ, отразившагося еще въ первомъ его литературномъ опытѣ, легко было усмотрѣть и вліяніе французскихъ соціально-философскихъ идей въ прозвучавшихъ въ повѣсти нотахъ несочувствія къ существовавшему общественному строю. 1848 годъ былъ годомъ самой сильной реакціи, и Салтыковъ за увлеченіе „Франціей не Луи-Филиппа и Гизо, а Сенъ-Симона и Фурье“ поплатился ссылкой въ Вятку. Впрочемъ, ему вскорѣ разрѣшили служить, и до 1856 г. —времени перехода на службу въ Петербургъ—Салтыковъ въ качествѣ дѣятельнаго и честнаго чиновника, постепенно подвигавшагося по лѣстницѣ губернской іерархіи, имѣлъ возможность изучить нравы провинціальной жизни и въ особенности чиновной среды, ея способы управленія и „опеканія“ народныхъ массъ. Въ 1856 г. появились его „Губернскіе Очерки“. Въ 1862 г. Салтыковъ оставилъ-было службу, но потомъ снова къ ней вернулся. „Надворный Совѣтникъ Щедринъ“—таковъ былъ избранный сатирикомъ псевдонимъ — съ неутомимостью предался кипучей литературной дѣятельности, матеріалъ для которой давала ему продолжавшаяся служебная дѣятельность: одна за другой выходили изъ-подъ его пера безпощадныя сатиры. Особенно благопріятное развитіе получила его дѣятельность, когда онъ, оставивъ должность предсѣдателя рязанской казенной палаты, сталъ однимъ изъ руководителей, а подъ конецъ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“ (съ 1868 по 1884 г.). Въ нихъ напечатана была впервые бо̀льшая часть его произведеній, каждое слово которыхъ съ жадностью ожидалось и ловилось русской читающей публикой. (Пока былъ живъ „Современникъ“, Салтыковъ работалъ въ немъ). Въ 1884 г. „Отечественныя Записки“ были запрещены, и руководителю ихъ пришлось оставить редакторское кресло. Удрученный годами и болѣзнью, въ непрерывныхъ физическихъ страданіяхъ прожилъ онъ послѣднія пять лѣтъ жизни, не покидая однако писательской дѣятельности.

„Геній Салтыкова отличался тѣмъ, что представлялъ весьма рѣдкое и поистинѣ чудесное явленіе полной независимости отъ своей матеріальной физической оболочки. Для него не существовало того періода полнаго расцвѣта и развитія, который у простыхъ смертныхъ совпадаетъ обыкновенно съ окончательнымъ развитіемъ физическаго организма, съ такъ называемымъ возрастомъ мужества, а затѣмъ слѣдуетъ если не паденіе таланта вмѣстѣ со старостью, то во всякомъ случаѣ отсутствіе въ немъ дальнѣйшаго роста и развитія. Талантъ Салтыкова непрестанно развивался до самаго послѣдняго мгновенія жизни, до того момента, когда холодѣющая рука не въ силахъ уже была исполнять внушеній неугомоннаго генія. Ни преклонный возрастъ, ни хилость организма, ни продолжительная и мучительная болѣзнь—ничто не могло задержать хотя бы на минуту это развитіе, и, вслѣдствіе этого, нѣкоторыя изъ послѣднихъ произведеній Салтыкова достигли такой общечеловѣческой красы, что безъ малѣйшихъ преувеличеній можно поставить ихъ на одномъ ряду съ безсмертными памятниками сатиры въ родѣ „Похвалы Глупости“ Эразма или „Донъ-Кихота“ Сервантеса“. (Скабическій).

„Много есть путей служить общему дѣлу; но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также небезполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ“,—писалъ сатирикъ въ объясненіе своей дѣятельности.

Въ „обнаруженіи зла, лжя и порока“ Щедринъ проявилъ самые разнообразные пріемы творчества, соединяя бьющій въ глаза реализмъ съ самой необузданной игрой фантазіи.

„Что̀ касается формы въ смыслѣ рубрикъ, ва которыя теорія дѣлитъ художественныя произведенія, то Салтыковъ обращался съ ними вполнѣ безцеремонно, подчиняя ихъ основной струѣ своего творчества“... Онъ „тасовалъ ихъ, какъ колоду картъ, то, перебивая комическій разсказъ страстнымъ стихотвореніемъ въ прозѣ, то иллюстрируя публицистику діалогомъ, то, наоборотъ, обрывая художественный разсказъ публицистической экскурсіей, то неожиданно вводя струю сказочной фантастики въ реальнѣйшее изъ реальныхъ описаній“. (Н. К. Михайловскій).

Ядовитыя насмѣшки легко смѣняются у него страстной лирикой. А его лирическія тирады поражаютъ искренностью вдохновляющаго ихъ чувства. Прекрасны также попадающіяся у него описанія природы, но ни въ чемъ онъ такъ не силенъ, какъ въ изображеніи человѣка, русскаго человѣка, будь онъ чиновникъ, будь онъ дворянинъ, будь онъ крестьянинъ; въ описаніи психологіи массъ и въ отдѣльныхъ типахъ русская общественная жизнь 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ г.г. запечатлѣна имъ навсегда для будущихъ поколѣній, какъ драгоцѣнный историческій матеріалъ.

Въ развращающей атмосферѣ крѣпостного права тѣ, кто мнилъ себя, по превосходному выраженію опубликованнаго здѣсь впервые отрывка, содержащаго необыкновенно мѣткое изложеніе крѣпостнической идеологіи—„пребывающими въ сферахъ благоухающихъ“, „въ умственныхъ упражненіяхъ и философическихъ разысканіяхъ“,—фактически были „рыцарями безнаказной оплеухи“. Со скорбью видѣлъ Салтыковъ, что новыя условія жизни, возникшія съ проведеніемъ реформъ, не сразу улучшили ея состояніе. На сцену вылѣзли Колупаевы и Разуваевы, а живую народную силу продолжали попрежнему держать подъ опекою „помпадуровъ“...

Салтыковъ сознательно и горячо любилъ народъ. Онъ любилъ „не историческій народъ“, а „народъ, представляющій извѣстную идею“. „Головотяпы“ и „моржеѣды“ не возбуждаютъ къ себѣ его симпатій за то, что „выносятъ на своихъ плечахъ Бородавкиныхъ и Бурчеевыхъ“.

Не всѣ одинаково принимали сатиру Салтыкова. Одни пытались даже обвинять его въ зубоскальствѣ (Писаревъ), другіе обижались за унижаемый имъ якобы народъ, третьи его ненавидѣли со всею страстностью, съ какой только можетъ ненавидѣть без-

пощадно обличаемый и почуявшій возможную гибель „ликующій жуликъ“. Зато всѣ, для кого слово народъ не было ни пустымъ звукомъ ни предметомъ для неискреннихъ умиленій и присѣданій, кто стоялъ на почвѣ пониманія его истинныхъ нуждъ и потребностей,—тѣ всей душой сочувствовали безпримѣрному въ исторіи русской мысли общественному служенію великаго сатирика.

„Я благоговѣю передъ Салтыковымъ,—писалъ Шевченко въ своемъ дневникѣ послѣ прочтенія „Губернскихъ Очерковъ“.—О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ геніальныхъ учениковъ своихъ. Пишите, подайте голосъ за эту бѣдную, грязную, опаскуженную чернь. За этого поруганнаго, безсловеснаго смерда!“

„Кто возбуждаетъ ненависть, тотъ возбуждаетъ и любовь,—писалъ сатирику Тургеневъ.—Будь вы просто потомственный дворянинъ М. Е. Салтыковъ—ничего бы этого не было. Но вы—Салтыковъ-Щединъ, писатель, которому суждено было провести глубокій слѣдъ въ нашей литературѣ,—вотъ васъ и ненавидятъ и любятъ, смотря, кто“.

Съ Салтыковымъ повторилась та же исторія, что и съ Гоголемъ, выступленія котораго вызывали въ однихъ кругахъ негодованіе, въ другихъ—восторгъ и преклоненіе. Съ Гоголемъ Салтыкова роднятъ и исключительный по силѣ дарованія талантъ юмориста, и элементы фантастики въ творчествѣ, и особый взглядъ на смѣхъ, какъ на орудіе борьбы со зломъ, и взглядъ на литературу, какъ на учительство. Но по зрѣлости своей политической и соціальной мысли Салтыковъ далеко опередилъ своего учителя, и кто ознакомится съ нимъ, какъ съ публицистомъ, тотъ еще больше убѣдится въ этомъ. Но Салтыкову благопріятствовало въ этомъ отношеніи сохраненіе той ясности духа, характеристику которой мы привели выше въ прекрасныхъ словахъ Скабичевскаго.

М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. Съ портрета Н. А. Ярошенко. (По поводу 25-лѣтія со дня кончины).

Нельзя въ немногихъ словахъ остановиться здѣсь на всѣхъ произведеніяхъ Салтыкова. Читатели „Нивы“ знаютъ ихъ хорошо и любятъ „своего“ писателя. Хочется сказать о томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ Салтыковъ въ русской литературѣ, и о тѣхъ причинахъ, которыя навсегда сохранятъ за его творчествомъ его громадную воспитательную силу.

Причины эти—въ любви къ родному народу, въ глубокой внутренней правдѣ его твореній, въ ихъ возвышенномъ идеализмѣ, въ проникающемъ всѣ произведенія Салтыкова настроеніи вѣры въ лучшее будущее человѣчества—въ смыслъ и въ самоочищающую силу историческаго процесса.

Щедринская сказка, въ которой народъ изображенъ въ видѣ коняги, долго будетъ въ русскомъ обществѣ будить мысль о необходимости рѣшить „проблему о мужикѣ“. Пустоплясы не могли выяснить, „отчего это Коняга живетъ, когда ему по всѣмъ соображеніямъ давно помереть надо. Одинъ говоритъ, что это отъ здраваго смысла, другой—что это въ Конягѣ „жизнь духа и духъ жизни“ дѣйствуетъ, третій приписываетъ чудо душевному равновѣсію, четвертый—привычкѣ. Такъ и остался вопросъ нерѣшеннымъ“. Необходимость рѣшенія этого вопроса Щедринъ завѣщалъ будущимъ поколѣніямъ. Въ полныхъ глубочайшей мудрости словахъ указываетъ онъ необходимость служенія народу:

„Есть что-то фаталистическое въ томъ, что мы всѣ завѣтныя свѣтлыя думы наши посвящаемъ толпѣ, что самый великій мыслитель, котораго мысль, повидимому, не можетъ имѣть ничего общаго съ мыслью толпы, именно ей отдаетъ лучшую часть своей дѣятельности. Да, тутъ есть своего рода фатализмъ, но не въ томъ смыслѣ, къ какомъ обыкновенно клеймятъ этимъ словомъ какое-нибудь положеніе, которое не хотятъ или не могутъ объяснить, а фатализмъ, объясняемый тою общечеловѣческою основою, которая именно и составляетъ соединительное звено между неразвитою толпой и наиболѣе развитою отдѣльною человѣческою личностью. Исторія показываетъ, что тѣ люди, которыхъ мы не безъ основанія называемъ лучшими, всегда съ особенной любовью обращались къ толпѣ, и что только тѣ политическіе и общественные акты получали дѣйствительное значеніе, которые имѣли въ виду толпу“.

Глубокая правда произведеній Салтыкова, соотвѣтствіе изображаемаго въ нихъ съ дѣйствительностью прямо поражаютъ знакомаго съ русской жизнью читателя. Даже когда сатирикъ употребляетъ карикатурные пріемы, то и тогда за его твореніями сохраняется правдивость и только увеличивается масштабъ изображаемаго. Такую карикатуру Тургеневъ называлъ преувеличивающей дѣйствительность „какъ бы посредствомъ увеличительнаго стекла, не мѣняя характера этой дѣйствительности“. Созданные Щедринымъ образы потому такъ и жизненны, что исполнены глубокой правды.

И если еще пріемы и формы сатирическаго творчества вводили иногда нѣкоторыхъ представителей общественной мысли въ заблужденіе относительно правдивости изображаемой писателемъ жизни, то въ единственномъ своемъ романѣ—„Господа Головлевы“—Щедринъ опровергнулъ это неправильное, основанное на недоразумѣніи, мнѣніе. Всѣ дѣйствующія лица романа и особенно Іудушка Головлевъ—„лицемѣръ чисто русскаго пошиба“—будутъ живы до тѣхъ поръ, пока изъ жизни нашей не искоренятся лицемѣріе, скудоуміе, пустословіе и прирожденное бездѣльничество. Сатиры же Щедрина кромѣ того, что въ нихъ отразилось временнаго, преходящаго, заключаютъ въ себѣ и тѣ элементы вѣчности, ради которыхъ онъ и служилъ литературѣ. Пусть навсегда останутся неповторимыми Угрюмъ-Бурчеевы, или, по крайней мѣрѣ, для продолжительной дѣятельности ихъ не станетъ уже благопріятныхъ условій, но никогда не искоренятся изъ психологіи людской „благонамѣренность“ „умѣренность и аккуратность“, прикрываясь которыми, лишеннымъ этическихъ принциповъ людямъ такъ удобно служить удовлетворенію своихъ мелкихъ расчетовъ, своихъ низкихъ страстей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не исчезнетъ необходимость борьбы съ этимъ растлѣвающимъ общественный организмъ зломъ. И самъ Салтыковъ сознавалъ, что онъ служитъ не одной современности. „Ничто такъ не соприкасается съ идеею вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ“,—говорилъ сатирикъ.

Создавая свои безсмертные образы, онъ приглашалъ читателя „прозрѣвать въ будущее“.

„Тогда вы получите цѣлую картину волшебствъ, которыхъ, быть-можетъ, еще нѣтъ въ дѣйствительности, но которыя несомнѣнно придутъ“,—говорилъ онъ.

И русская жизнь дарила не разъ русскаго обывателя такими „волшебствами“, которыя представлялись невозможными оптимистически настроеннымъ современникамъ.

Но дороже всего для насъ идеализмъ Салтыкова-человѣка, сообщенный въ полной мѣрѣ Щедрину-сатирику.

„Не слѣдуетъ забывать,—учитъ онъ насъ:—что хлѣвные принципы обязаны своимъ торжествомъ лишь совершенно исключительнымъ обстоятельствамъ, которымъ общество ни въ какомъ случаѣ не причастно. Но вѣдь должна же когда-нибудь настоящая правильная жизнь вступить въ свои права. И она вступитъ“.

И вѣру въ то, что въ свои права настоящая жизнь вступитъ, овъ какъ будто хочетъ прочнѣе укрѣпить въ душѣ обуреваемаго „ташкентствомъ“ и пришибленнаго „помпадурами“ всѣхъ ранговъ русскаго человѣка: попадетъ наконецъ попираемая всюду совѣсть въ сердце „маленькаго русскаго дитяти“,—„и будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть... И исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ неробкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама“.

Медленно совершается процессъ роста народной совѣсти, но совершается, и новыя поколѣнія уже въ значительной мѣрѣ свободны отъ ошибокъ и недостатковъ ихъ отцовъ. Великое значеніе литературной дѣятельности Салтыкова совпадаетъ съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ исторіи нравовъ сатира: „она освѣжаетъ воздухъ, поддерживаетъ движеніе, необходимое для жизни, сигнализируетъ подводные камни, предвѣщаетъ перемѣны погоды, разгоняетъ апатію и дремоту: она вызываетъ тысячи мимолетныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ слагается незамѣтный, но цѣнный вкладъ въ общественную жизнь“. И если щедринской сатирѣ удалось сохранить за собой всѣ эти качества, то это потому, что великимъ сатирикомъ руководили идеалы добра, справедливости и просвѣщенія, не потускнѣвшіе даже „подъ игомъ безумія“ окружавшей его жизни, и потому, что онъ „проповѣдывалъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья“.

Салтыковъ-Щедринъ и его время.

(По поводу 25-лѣтія дня его кончины).

Очеркъ **Н. Денисюка.**

25 лѣтъ тому назадъ изъ міра ушелъ тотъ, кто безраздѣльно властвовалъ и руководилъ журналистикой и даже создавалъ общественное мнѣніе въ 70-хъ годахъ. 25 лѣтъ тому назадъ сошелъ въ могилу тотъ, кто далъ намъ геніальную анатомію и патологію русскаго общества и общественныхъ нравовъ. „Щедринъ писалъ талантливые шаржи, пародіи и карикатуры на Россію“,—говорили въ его время. „Нѣтъ болѣе злой карикатуры,—отвѣчалъ имъ сатирикъ:—какъ дѣйствительность нашего времени“. И въ самомъ дѣлѣ, Россія представляла собою во времена Щедрина положительно музей соціальныхъ ошибокъ, карикатуру общественности, выставку двоедушія, общественной лжи, дутаго патріотизма, паразитизма, наивной пошлости и грубаго невѣжества. Все гнило сверху и до низу, все разлагалось и заражало атмосферу. Нуженъ былъ человѣкъ „великаго гнѣва“, пророкъ суровый и непреклонный, нуженъ былъ бичъ, изгоняющій изъ храма торгашей, нужно было сильное, потрясающее слово, нуженъ былъ горькій смѣхъ... Все это далъ Россіи покойный Щедринъ.

Салтыковъ-Щедринъ выступилъ на арену какъ разъ въ такое время, когда къ писателю общество и критика предъявляли уже не эстетическія, а гражданскія требованія. Уже Бѣлинскій порываетъ съ требованіемъ отъ писателя только „звуковъ сладкихъ и молитвъ“ и вмѣсто романтизма требуетъ прежде всего гражданственности. Но то, что во времена Бѣлинскаго было настроеніемъ небольшого, тѣснаго кружка, то во времена Щедрина стало требованіемъ общимъ.

Крымская кампанія кончена пораженіемъ Россіи и вскрыла для всѣхъ многообразныя язвы нашего отечества. Всѣ поняли и почувствовали необходимость коренныхъ государственныхъ реформъ, и началась славная „эпоха, эпоха великихъ реформъ“ и великихъ чаяній русскаго общества, эпоха возрожденія и оживляющей общественной весны. Крѣпостническій строй палъ, и все, казалось, устремилось къ новымъ берегамъ новой жизни. Но это только казалось для поверхностнаго взгляда. Великіе перевороты зрѣютъ медленно и входятъ въ жизнь вѣками. Дореформенный строй, казалось, павшій по волѣ Царя-Освободителя, былъ, въ сущности, только надломленъ. Партія крѣпостнической Руси не была побѣждена, а потерпѣла только серьезное пораженіе. Правда, просвѣтительныя реформы Александра II сдѣлали разъ и навсегда невозможнымъ возвратъ къ „доброму старому времени“, но только лишь въ тѣхъ его специфическихъ формахъ, въ которыхъ онъ существовалъ въ дореформенной Руси. Несмотря на усилія лучшихъ людей страны, гидра реакціи вскорѣ вновь стала расправлять свои понемногу отраставшія щупальцы и почти незамѣтно разрушать культурное достояніе новой Россіи.

Наше общество и печать раздѣлились на два противоположныхъ лагеря, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ на реформы радостно-оптимистически, и среди этого лагеря раздавались несмолкавшія рукоплесканія и одобренія; съ другой стороны, выступилъ лагерь, отрицавшій всякое значеніе реформъ. Писаревъ вмѣстѣ съ молодой Россіей были преисполнены торжествующаго задора и ждали обновленія Россіи только въ будущемъ,—въ томъ будущемъ, когда она будетъ насыщена положительнымъ знаніемъ.

„Настоящій день“ еще не наступилъ, и его очередь еще впереди. Щедринъ въ своихъ „Губернскихъ Очеркахъ“, т.-е. въ своемъ первомъ произведеніи, раздѣляетъ общее увлеченіе и вѣритъ въ общее обновленіе; онъ вѣритъ въ близкое коренное чудодѣйственное преобразованіе русскаго общества. Однако вскорѣ его трезвый умъ и проницательный взглядъ, его недовѣріе и подозрительность подсказываютъ ему иное отношеніе къ происходящему. Онъ видитъ, что Россія только стала употреблять слова изъ европейскаго лексикона, онъ понялъ, что общество крѣпостниковъ прикрылось только мишурой пореформенной новизны: онъ увидѣлъ, что либерализмъ его эпохи есть новый вицмундиръ, напяленный на плечи всѣхъ тѣхъ, кто желалъ ловить рыбку въ мутной водѣ и не потерять своего выгоднаго положенія въ обществѣ. „На языкѣ уже иныя выраженія, выхваченныя какъ будто изъ европейскаго словаря. Россія словно принарядилась на западный ладъ, грязь смыта съ рукъ, и пятенъ не видно на новенькихъ, съ иголочки вицмундирахъ, и прежній тяжеловѣсный приказный слогъ замѣнили новыя, вылощенныя фразы, гдѣ постоянно звучатъ слова „мѣропріятія и преобразованія“. Но суть дѣла все та же: подъ личиною просвѣщенной администраціи все тотъ же нелѣпый формализмъ, ничуть не мѣшающій произволу, та же нравственная распущенность, та же повальная глупость“.

Въ „Невинныхъ Разсказахъ“ уже Щедринъ, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, угадываетъ попятное движеніе и ту обстановочку, за ширмами которой свершится возвратъ къ любезной старинѣ. „Я питаю увѣренность,—говоритъ Семенъ Михайловичъ, когда ему пишутъ изъ Петербурга о надвигающихся новыхъ порядкахъ:—что мы возродимся. Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ. Мы возродимся—это вѣрно. Потому, ненатурально! Развѣ можно существовать безъ системы?.. Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится, потеплится, да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!..“ Семенъ Михайловичъ, очевидно, хорошо зналъ, что не въ природѣ русской дѣйствительности измѣненіе „фигуры“ отечества. Этотъ взглядъ хорошо выраженъ у Щедрина въ другомъ мѣстѣ: „Мы до того любимъ наше отечество въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ издревле, что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобы могли потребоваться въ фигурѣ его какія-нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобы фестончикъ какой-нибудь не поправить... ну, тамъ помощничка, что ли, къ становому прикинуть, или даже и цѣлый департаментикъ для пользы общей сочинить. Но все это такъ, чтобы величія древняго не нарушать...“

Въ этихъ немногихъ словахъ—разгадка всѣхъ событій и мѣропріятій, слѣдующихъ за періодомъ реформъ и несбывшихся надеждъ лучшихъ представителей русскаго общества. И огромный классъ крѣпостниковъ и официальная Россія того времени могли бы расписаться подъ этими фразами покойнаго сатирика. Попятное движеніе росло и ширилось, а передовые элементы русскаго общества съ ужасомъ должны были убѣдиться, что раскрѣпощенная и освобожденная Россія готова снова наложить на себя цѣпи рабства, хотя и въ нѣсколько иныхъ формахъ. Сторонники безправія, произвола, безсудія, порабощенія и экономическаго закрѣпощенія народныхъ массъ снова открыто стали дѣйствовать и домагаться реставраціи, осуществленія своекорыстыхъ цѣлей. Они оказались всюду: въ различныхъ общественныхъ группахъ, среди правительственныхъ агентовъ, среди земцевъ, купечества, дворянства, представителей науки, литературы и центральнаго правительства. Небольшая горсть сторонниковъ просвѣтительныхъ реформъ должна была смолкнуть. Печать, этотъ голосъ общественной совѣсти, смолкла надолго, и голосъ ея нерѣшительно, робко и неопредѣленно раздавался, разъ дѣло шло объ общественныхъ вопросахъ. На Руси понемногу водворялись та гробовая тишина, тѣ безпросвѣтныя сумерки, когда дѣйствительныя формы предметовъ исчезаютъ, и міръ наполняется призраками. Наступалъ періодъ русской общественности, о которомъ, за нѣсколько мгновеній до своей смерти („Забытыя Слова“), покойный сатирикъ писалъ: „Ни звука, ни шороха, ничего, кромѣ печати погибели...“

Реформы 60-хъ годовъ вызвали общій подъемъ мысли и чувства, но Щедринъ былъ не изъ тѣхъ, кого могла обмануть внѣш-

ность, мишура. Въ то время, когда общество придавало значеніе мелочамъ, слухамъ, словамъ, мелкимъ событіямъ официальной жизни: въ то время, когда К. Аксаковъ видитъ наступленіе новой эры въ томъ, что „камергеровъ переименовываютъ въ стольниковъ, камеръ-юнкеровъ — въ ключниковъ“; въ то время, когда восторженно комментируется то простое обстоятельство, что „императрица подарила Тютчевой Маколея“, а Государь на вопросъ о русскомъ платьѣ и бородѣ совершенно резонно отвѣтилъ: „А мнѣ какое дѣло... пусть одѣваются, какъ хотятъ“; когда все это волновало, вызывало разнорѣчія, вызывало надежды, чаянія, ликованія и радость—Щедринъ глубже смотрѣлъ на вещи. Онъ лучше окружающихъ чуялъ природу общества и зналъ, что въ „царствѣ глуповцевъ“ не все такъ гладко, радостно, полно значенія, творчества, обновленія, полно здраваго смысла. Онъ видѣлъ, какъ уже зашевелились и начали работу разные типы новой формаціи, какъ они жадно смотрятъ на народное достояніе и казенный пирогъ, какъ Колупаевъ и Разуваевъ охаживаютъ „дворянскія гнѣзда“, какъ дѣльцы новой конструкціи запускаютъ руку въ карманы простецовъ, ротозѣевъ, въ карманы своего ближняго, соблюдая всѣ видимости легальнаго поведенія и, не приходя въ конфликтъ съ существующими узаконеніями, какъ „Шнейдерша“, начинаютъ царить надъ вкусами и эстетическими потребностями гражданъ, и какъ эти граждане пристраиваются къ Губошлеповымъ, а Губошлеповы дѣлаются идолами современности; какъ „ташкентцы“ распродаютъ Россію, и какъ подъ вліяніемъ Тряпичкиныхъ-очевидцевъ наша печать превращается въ „помойную яму“, и начинаютъ возникать органы въ родѣ „Красы Демидрона“ и газеты „Чего изволите“. Щедринъ видитъ, что новыя времена не принести новыхъ, лучшихъ нравовъ, а только обострили и расширили старыя вожделѣнія и низменныя инстинкты. Щедринъ понялъ, что до возрожденія, до той общественной жизни, о которой мечтали лучшіе люди его времени, очень и очень далеко. Психологія, характеръ народа и формы его соціальной жизни не создаются почеркомъ пера, а требуютъ предварительной вѣковой работы мысли и рукъ и воли разума.

„Между хорошими людьми,—пишетъ нашъ сатирикъ:—добраго стараго времени (old merry Gloupoff) много было плутовъ, забулдыгъ и мерзавцевъ pur sang. Почему они назывались хорошими людьми, а не канальями — это тайна глуповской почвы и глуповской природы. Но, разбирая дѣло внимательно, полагаю, что это происходило отъ того, что надъ упомянутыми выше качествами царило какое-то добродушіе, какая-то атласистость сердечная, при существованіи которыхъ какъ-то неловко думать о вмѣняемости“.

Доброе старое время прошло, наступило возрожденіе.

„Но что можетъ значить глуповское возрожденіе?.. Воля ваша, тутъ есть что-то непроходимое. что-то до такой степени несовмѣстное, что мысль самая дерзкая невольно цѣпенѣетъ передъ дремучимъ величіемъ этой задачи“.

Возрожденіе вызвало въ Глуповѣ новыя страсти и новыя понятія, но прежде всего вызвало ненависть къ самому возрожденію. Отсюда настоящая оргія сплетни и клеветы, этихъ исконныхъ, излюбленныхъ глуповскихъ времяпрепровожденій. „Старый глуповецъ представлялся милымъ уже потому, что былъ не ужасно, а смѣшно отвратителенъ. Новый глуповецъ продолжаетъ быть отвратительнымъ и въ то же время утратилъ способность быть милымъ... Попрежнему глуповцы оказываются бѣдными иниціативой, шаткими и зависимыми въ убѣжденіяхъ“...

Потерявъ матеріальную почву подъ ногами послѣ освобожденія крестьянъ, наше дворянство оскудѣло и стало искать счастья и обезпеченности вдали отъ родныхъ гнѣздъ. Эта своеобразная переселенческая волна пошла въ двухъ направленіяхъ: въ сторону „казеннаго пирога“, т.-е. государственной службы, гдѣ молодое поколѣніе быстро и успѣшно пристроилось, и по пути дѣловой спекуляціи. Спекуляція манила по преимуществу людей пожилыхъ, зрѣлыхъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что возрожденная къ новымъ хозяйственнымъ формамъ жизнь Россіи превратилась въ арену дѣятельности новоучреждавшихся въ большомъ количествѣ акціонерныхъ обществъ, банковъ и пр. Капиталы перемѣщались изъ деревни въ городъ и сулили новымъ обладателямъ обильную жатву. Международная торговля росла и требовала все новыхъ и новыхъ капиталовъ, новыхъ людей и новыхъ дѣльцовъ. Настала эра желѣзнодорожнаго строительства, и ловкачи стали „хватать“ одну концессію за другой. Словомъ, новое время выдвинуло городъ и городскую культуру, создало цѣлый рядъ новыхъ, неслыханныхъ дотолѣ, источниковъ обогащенія.

„Сидѣвшее по своимъ угламъ провинціальное дворянство,—говоритъ одинъ историкъ литературы: — протерло глаза, почуявъ негаданную добычу. Возможность пріобрѣсти нѣсколько учредительскихъ паевъ въ желѣзнодорожной концессіи или пристроиться къ какому-нибудь вновь открывшемуся банку блестящимъ миражемъ проносилась предъ восхищенными глазами старосвѣтскихъ помѣщиковъ, которымъ прежде и во снѣ не снились сказочныя суммы, теперь представлявшіяся уже не во снѣ только, а и наяву. Въ то же время вѣсти о новыхъ мѣстахъ и неслыханные прежде оклады по судебному, финансовому и другимъ вѣдомствамъ давали надежду обезпечить сынковъ, которымъ уже не сидѣлось въ деревнѣ, и прежняя карьера армейскаго кавалериста да украшеніе сельскихъ досуговъ прелестями разныхъ Палашекъ м Матрешекъ казались уже очень мизерными“.

Въ эту-то минуту махроваго цвѣтенія общественной испорченности и разнузданности и является сатира Щедрина. Она рисуетъ и безпощадно бичуетъ все, что представляетъ собою общественную цѣнность, что типично, знаменательно, что отрицательно характеризуетъ русское общество. Нашъ сатирикъ не останавливается на официальной Россіи, онъ не полагаетъ, что повинны во всемъ только помпадуры и помпадурши, что Россія гибнетъ только отъ „ежовыхъ рукавицъ“ и „бараньяго рога“ и отъ „Макара, не гоняющаго телятъ“. А посмотрите на этихъ молодыхъ, прилизанныхъ, либеральныхъ молодыхъ людей, такъ удачно умѣющихъ подстерегать фортуну и знающихъ всѣ мѣста, въ которыхъ зимуютъ раки и водятся дивиденды, субсидіи и теплыя мѣста. Ихъ у Щедрина цѣлая галлерея. Всѣ они глубоко убѣждены, что работаютъ только дураки, и что это—невѣрный и проблемматичный путь къ благамъ жизни. „Господа Ташкентцы“ у Щедрина встрѣчаются всюду. Онъ ихъ вкрапливаетъ чуть ли не во всѣ свои произведенія. По мѣрѣ того, какъ Щедринъ наблюдалъ ихъ, типъ этотъ все разростался и уже сталъ захватывать общественную власть. А эти всѣхъ видовъ „пѣнкосниматели“, завтракающіе съ крупными биржевыми дѣльцами, посѣщающіе столичныя канцеляріи, „ученыя говорильни“ и консервативныя гостиныя!..

Одинъ за другимъ идутъ предъ вами въ сатирѣ покойнаго Щедрина хищники, паразиты, туиеядцы, насильники, ловкачи, аферисты, эксплоататоры, чающіе легкихъ хлѣбовъ, большихъ окладовъ, незаработаннаго дохода, незаслуженныхъ повышеній, шулера общественности, разбойники пера... Здѣсь бездна юмора, мѣткихъ характеристикъ, вѣрно подмѣченныхъ сторонъ русской дѣйствительности, здѣсь тончайшій анализъ вожделѣній, лжи, прикрытаго своекорыстія, продажнаго патріотизма и грабительскихъ пріемовъ...

Щедринъ—одинъ изъ самыхъ самостоятельныхъ и цѣльныхъ нашихъ писателей, оставшихся всю жизнь вѣрнымъ только своимъ впечатлѣніямъ, своимъ взглядамъ, своему жизненному опыту. Ни та ни другая литературная партія не привлекла его къ себѣ, ибо были они, казалось ему, односторонними.

Въ періодъ идеализаціи мужика Щедринъ пишетъ „Пошехонскую Старину“, въ которой рисуетъ сплошную картину нелѣпости русской деревенской жизни и безтолковость всего уклада тогдашняго быта. Тамъ и баринъ и крѣпостной почти одинаково глупы, невѣжественны, лѣнивы, развращаютъ другъ друга и приносятъ вредъ другъ другу. Онъ выводитъ галлерею Колупаевыхъ, Разуваевыхъ, Деруновыхъ, Стрѣлковыхъ и имъ подобныхъ и показываетъ, что ни чиновникъ ни помѣщикъ никогда такъ не эксплоатировали въ доброе старое крѣпостное время мужика, какъ его эксплоатируетъ эта орава хищниковъ нашего времени. Кулакъ, самъ вышедшій изъ народа, можетъ подняться надъ односельчанами только посредствомъ самой жестокой, безпощадной эксплоатаціи, не знающей ни милосердія ни границъ: въ его ловко разставленную паутину давно уже попали не только крестьяне, во и помѣщики. Онъ становится властелиномъ общества и охранителемъ устоевъ порядка и „патріотомъ“.

Каковъ взглядъ на современное русское общество у Щедрина? Это, пожалуй, лучше всего опредѣлитъ маленькая сценка изъ его жизни.

„Въ 1863 г.,—разсказываетъ Головачева-Панаева: — Салтыковъ пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ съ мѣста своей службы и почти каждый день приходилъ обѣдать къ намъ и, къ удивленію моему, былъ не такъ сильно раздраженъ на все и на всѣхъ: но это настроеніе въ немъ скоро прошло, и онъ говорилъ, что надо скорѣй уѣхать изъ Петербурга, иначе онъ безъ штановъ останется.

— „Такая куча денегъ выходитъ, а удовольствія никакого нѣтъ.

— „Но все-таки въ Петербургѣ больше разнообразія,—сказалъ Некрасовъ.

— „Хорошее разнообразіе: куда ни пойдешь — видишь однѣ морды, на которыя такъ и хочется харкнуть. Тупоуміе, прилизанная мелочная подлость или раздраженная бычачья свирѣпость. Я даже обрадовался вчера, ужиная у Бореля, такое каторжное рыло сидѣло противъ меня, но все-таки видно, что мозги у него работаютъ хотя на то, чтобы прирѣзать кого-нибудь и обокрасть.

— „Развѣ не тѣ же лица вы видите и въ провинціи?—возразилъ Некрасовъ.

— „Нѣтъ, тамъ жизнь превращаетъ людей въ вяленыхъ судаковъ!—отвѣтилъ Салтыковъ.

При жизни Щедрина его часто называли фельетонистомъ, зубоскаломъ во что бы то ни стало, писателемъ, у котораго нѣтъ ничего святого, который не признаетъ ни семьи, ни религіи, ни власти, ни нравственности. Врядъ ли теперь надо намъ опровергать все это. Врядъ ли для насъ теперь не ясно, что Щедринъ не признавалъ такой семьи, какая существовала въ его время, такой общественной нравственности, такой власти и такого общества. Его злая сатира, его желчь, презрѣніе и бичующій смѣхъ истекали не изъ равнодушнаго или злобнаго отношенія къ Россіи, не изъ презрѣнія къ русскому народу, а наоборотъ—изъ горячей любви къ своей родинѣ и изъ страстнаго желанія видѣть ее богатой, трудящейся, счастливой и упорядоченной. Его ли вина, что онъ вѣрно угадалъ коренную болѣзнь своей родины. „Онъ засталъ, — какъ говоритъ г. Арсеньевъ: — Россію,

погруженную въ глубокій мракъ, безправною и нѣмою; онъ пережилъ тотъ кризисъ, съ котораго началось ея медленное обновленіе. Угадавъ вмѣстѣ съ лучшими людьми своей эпохи, что главный источникъ зла заключается въ крѣпостномъ правѣ, онъ понялъ, что крѣпостничество не можетъ быть искоренено однѣми законодательными и административными мѣрами, что оно свило себѣ прочное, крѣпкое гнѣздо въ обычаяхъ, въ нравахъ, въ самомъ міросозерцаніи общества“.

Вчитываясь внимательно въ произведенія Щедрина, мы выносимъ впечатлѣніе, что онъ никогда не опускалъ безпомощно и безнадежно рукъ. Нѣтъ, онъ показываетъ путь къ выходу, онъ убѣжденъ въ торжествѣ разумныхъ прогрессивныхъ началъ. „Не вѣчно вѣдь будутъ проповѣдывать,—пишетъ онъ:—что крестьянская реформа есть источникъ всѣхъ золъ, что судъ присяжныхъ—злонамѣренная комедія, что свободная печать — вертепъ мошенниковъ пера“... Раскрывая язвы, топи и зажоры отечественнаго неустройства, онъ учитъ любить эту бѣдную природу, этотъ духовно богатый задатками народъ. Уже въ первомъ своемъ произведеніи — „Губернскихъ Очеркахъ“—онъ пишетъ:

„Я люблю эту бѣдную природу, можетъ-быть, потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ: она сроднилась со мною точно такъ же, какъ и я сжился съ нею; она лелѣяла мою молодость; она была свидѣтельницей первыхъ тревогъ моего сердца, и съ тѣхъ поръ ей принадлежитъ лучшая часть меня самого. Перенесите меня въ Швейцарію, въ Индію, въ Германію, окружите какою хотите роскошною природою, накиньте на эту природу какое хотите прозрачное и синее небо — я все-таки вездѣ найду милые сѣренькіе тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу ихъ въ моемъ сердцѣ, потому что душа моя хранитъ ихъ, какъ лучшее свое достояніе“.

Часто случается, что писатели къ старости рѣзко мѣняютъ свои взгляды или возвращаются къ сбивчивымъ, незрѣлымъ точкамъ зрѣнія своей ранней молодости. Щедринъ же принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, для которыхъ выработанныя убѣжденія обладали всѣми свойствами математической истины. Одолѣваемый подъ конецъ жизни всѣми формами физическихъ недуговъ, онъ сохранилъ здоровый умъ: въ организмѣ его, окончательно изъѣденномъ болѣзнью, сохранился здоровымъ только лишь одинъ мозгъ. Начавъ свою литературную дѣятельность призывомъ къ улучшенію существующаго, онъ окончилъ ее такъ же согласно словамъ, выраженнымъ въ частномъ письмѣ къ одному изъ товарищей-писателей.

„Мнѣ кажется,—пишетъ онъ въ этомъ письмѣ:—что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость“.

Со дня смерти Щедрина прошло ровно 25 лѣтъ, а его произведенія не только не утратили свѣжести и современности, но, кажется, только теперь получили полную силу и значеніе. Это понятно. Вѣрно понятыя и безпощадно осмѣянныя уродливыя стороны русской дѣйствительности еще долго, надо полагать, будутъ существовать, видоизмѣняясь. окрашиваясь въ другіе колера и прикрываясь другими кличками. Кромѣ того, глубоко проникая въ сущность явленій, умѣя усмотрѣть въ нихъ все то, что способно къ долгой жизни, борьбѣ и развитію, Щедринъ вѣщимъ умомъ предсказалъ будущее. Часть его предсказаній уже оправдалась на нашихъ глазахъ.

Вотъ почему произведенія нашего сатирика еще очень не скоро утеряютъ литературную и общественную цѣнность, а впослѣдствіи, ставъ достояніемъ исторіи, займутъ въ ней почетное мѣсто на ряду съ произведеніямъ лучшихъ русскихъ и иноземныхъ писателей.

Въ семьѣ.

Разсказъ **Г. Сѣверцева-Полилова.**

(Окончаніе).

XI.

Сосѣдъ Ларіонъ ѣздилъ въ волость, привезъ съ собой для всей деревни письма... Одно было и Василію Никифорову отъ сына-солдата.

Никаноръ писалъ:

„За правильную мою службу и хорошее поведеніе выходитъ мнѣ отъ начальства отпускъ на два мѣсяца. Обыкновенно нашихъ солдатиковъ отпускаютъ въ началѣ іюня, чтобы они къ покосу домой на подмогу успѣли, а я просился, чтобы мнѣ отпускъ выдали сразу послѣ Пасхи. Норовлю я, чтобы Марину и Павлу помощь на гонкѣ лѣса оказать. Ежели командиръ разрѣшитъ, такъ ждите меня сейчасъ же опосля пасхальной недѣли, коли озеромъ добраться возможно уже будетъ, а то придется горой ѣхать, такъ задержка противъ этого времени окажется. День-другой прогощу дома, а потомъ вверхъ ударюсь, по бревнушкамъ заскучалъ больно, не на чѣмъ здѣсь, въ столицѣ, удаль свою показать, удовольствіе себѣ сдѣлать!“

Письмо было написано грамотно, въ немъ отсутствовали безчисленные поклоны роднымъ и знакомымъ, безсмысленныя повторенія одного и того же, какъ это принято писать мужиками въ деревню.

Смѣтливый сѣверянинъ умѣлъ примѣниться къ солдатской средѣ и многому чему научиться.

— Вотъ и ладно, къ разу Никаноръ домой на побывку вернется,—усмѣхнулся добродушно старикъ:—Марина на гонкахъ смѣнитъ, и тебѣ, Ульяна, пріятства больше: мужъ подлѣ будетъ, а тамъ можно будетъ лѣтомъ, какъ Никанору въ полкъ вернуться, Павла кверху послать, къ тому времени новую избу, какъ слѣдъ, оборудуемъ!

Неожиданное возвращеніе Никанора обрадовало всѣхъ въ семьѣ, но каждаго по-своему; больше всего радовались этому самъ Василій и старуха-тетка: среднякъ былъ любимцемъ ихъ обоихъ. Вѣковуша чуяла въ немъ свою кровь, онъ былъ ей ближе всѣхъ остальныхъ, все въ немъ ей нравилось: и его беззавѣтная отвага, и живой, образный разговоръ, оживленныя движенія, быстро загоравшіеся чувствомъ каріе глаза, вся его мощная, красивая фигура, въ которой чуялись недюжинная сила воли и увѣренность въ себѣ.

Ульянѣ тоже было любопытно посмотрѣть на незнакомаго ей деверя, про котораго она такъ много слышала отъ Евѳиміи, Павла и самого свекра.

Павелъ любилъ брата и былъ радъ его прибытію. Старшаго брата не извѣщали о скоромъ пріѣздѣ Никанора: Маринъ былъ не близко, посылать письмо было не съ кѣмъ, да и особой нужды для этого не представлялось.

— Какъ Никаноръ къ нему на смѣну явится—самъ его увидитъ и порадуется!—сказалъ старый гонщикъ.

Разговоры о Никанорѣ послѣ полученія письма пошли еще больше: теперь дожидались Пасхи не только какъ большого праздника и розговѣнья послѣ долгаго поста, но и какъ возвращенія въ семью хорошаго работника, подспорье для усиленной работы и лучшаго заработка.

Повеселѣвшій Василій Никифоровъ торопился заканчивать внутреннюю отдѣлку новой избы.

— Никаноръ намъ ее и обновитъ, апосля Маринъ съ Ульяной въ нее перейдутъ,—рѣшилъ старикъ.

XII.

По порогамъ вода пошла сильнѣе, падунъ заговорилъ громче: хотя снѣгъ сходилъ медленно, но южный вѣтеръ стряхнулъ тяжелый настилъ его съ развѣсистыхъ лапъ елей; въ воздухѣ запахло весной.

Послѣ разговора съ Ульяной на опушкѣ лѣса Павелъ часто бесѣдовалъ съ молодой женщиной. Въ его рѣчахъ проскальзывала какая-то особая нѣжность, предупредительность,—такъ говоритъ взрослый человѣкъ съ дѣтьми, которыя еще не вполнѣ его понимаютъ.

Эта нѣжность, ласка проглядывала у него во всемъ, даже въ обращеніи съ невѣсткой: никогда не сказалъ онъ ей грубости, не обмолвился дурнымъ словомъ. Впрочемъ. въ семьѣ Василія никто не ругался,—старикъ строго за этимъ слѣдилъ.

Случилось Ульянѣ пойти подъ вечеръ за водой; оттаявшая за день тропка къ рѣкѣ заледянѣла, ноги скользили, съ полными ведрами взобраться молодой женщинѣ было не легко.

Павелъ слѣдомъ за Ульяной вышелъ изъ избы и помогъ ей втащить въ гору тяжелыя ведра; колоть дровъ ей никогда не приходилось: объ этомъ заботился тоже Павелъ; не укрылось это отъ стариковскаго глаза, посмѣялся онъ сыву:

— Аль жену отъ брата отбить задумалъ, Павлуша?

Наивно посмотрѣлъ на отца парень,—ему и въ умъ ничего такого не приходило.

— Чтой-то ты, батюшка! Да статочное ли объ этомъ и подумать, не то что говорить! — простодушно укорилъ Павелъ отца.

Чуткій старикъ уловилъ въ его словахъ искренность и поспѣшилъ все обратить въ шутку:

— А ты, Павелъ, не серчай на меня,—я такъ въ шутку сказалъ.

Не смущалась и Ульяна такимъ обращеніемъ деверя,—она не видѣла въ этомъ ничего особеннаго.

— По-родственному, по-хорошему!—разсуждала она и обращалась съ нимъ попрежнему, какъ съ однимъ изъ близкихъ ей людей.

Старикъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе, дивясь порой простотѣ ихъ обращенія другъ съ другомъ, чуждой всякаго дурного помысла.

Настала Страстная. Чаще на этой недѣлѣ сталъ гудѣть небольшой колоколъ старинной, крѣпко срубленной изъ рудовой сосны. деревенской церкви. Загоралась она внутри свѣчечками въ рукахъ молящихся; деревня съ молитвой встрѣчала Великъ день.

Радостно, чисто по-вешнему зазвонили колокола къ Свѣтлой утрени...

Наступила и отошла пасхальная недѣля, за работу снова принялся деревенскій людъ, а солдатъ все еще не являлся на побывку въ родительскій домъ.

— Должно, ледъ на озерѣ ослабъ, горой идетъ,—рѣшилъ старикъ Никифоровъ.

XIII.

Правымъ оказался старый гонщикъ. Въ среду на Ѳоминой прибылъ и Никаноръ въ родной домъ.

Ѣхать было нельзя: мѣстами дороги стали непроѣзжими, весенняя безпутица отрѣзала Заонежье отъ остального міра.

— Ишь ты, Никаша, какимъ молодцомъ задѣлался, сразу-то тебя и не признаешь,—говорилъ Василій, восторгаясь стройной фигурой сына.

Два года муштровки много помогли и безъ того ловкому парню. Глаза солдата бойко, съ видимымъ удовольствіемъ посмотрѣли на красивую невѣстку.

— Эку кралю раздобылъ себѣ Маринъ: всѣмъ, кажись, взяла!—польстилъ онъ Ульянѣ.

Та невольно улыбнулась его похвалѣ.

— Если бы я васъ, сестрица, раньше Марина узналъ—другое дѣло было бы!

Разговоръ велся между ними на берегу рѣки. Она почти совсѣмъ освободилась ото льда и быстро скользила попрежнему темной извилистой змѣей; бѣлый снѣгъ, лежавшій еще кое-гдѣ по берегамъ, дѣлалъ ее совсѣмъ черной.

Ниже падунъ сердитыми всплесками слизалъ весь снѣгъ съ гранитныхъ скалъ: онѣ стояли голыя, ослизлыя, угрюмыя...

Чувствовалось слабое, чуть замѣтное вѣяніе весны; не легко было ей бороться съ зимой, сознавшей себя здѣсь хозяйкой бо̀льшую часть года: но все-таки природа брала свое: просыпалась весна, разбудила и эти громадныя ели; въ каждой травкѣ, въ каждой былинкѣ проснулась жизнь, быстрѣе заструились соки, началось прозябаніе ростковъ...

— Цѣнитъ ли братанъ красоту вашу ненаглядную? — вырвалось у солдата послѣ недолгаго молчанія.

Профессоръ В. Д. Орловскій (1842—1914). По фот. І. Глыбовскаго.

Стоявшая рядомъ съ нимъ миловидная женщина настроила его мысли совсѣмъ иначе, чѣмъ за минуту раньше.

Взглядъ Ульяны мимолетно скользнулъ по крупной фигурѣ Никанора: она не знала, что̀ ему отвѣтить.

— Эхъ, чую я, что не цѣнитъ, знаю я Марина: ему все едино, что̀ пень, что̀ женщина, ловилась бы только рыбка! Несмышленый парень, одно слово!

Солдатъ съ какимъ-то азартомъ сорвалъ съ головы фуражку и кинулъ ее о земь.

Ульяна боязливо на него посмотрѣла и пыталась защитить мужа:

— Что̀ вы, что̀ вы, Никаноръ Васильевичъ! Любитъ онъ меня!..

В. Орловскій. На хуторѣ. По фот. І. Глыбовскаго.

Никаноръ махнулъ рукой:

— Не сказывайте,—вѣдома мнѣ его любовь-то! Да онъ до васъ, сестрица, отъ каждой бабы волкомъ въ лѣсъ бѣжалъ! Нѣтъ у него этой самой любви-то настоящей, все по приказу родителя, по наслышкѣ, для ради обихода семейнаго!

Молодуха не возражала: слова деверя ей самой почему-то казались справедливыми, но согласиться съ ними она не рѣшалась: слишкомъ чуждо, странно звучали они, разбивали всѣ ея понятія, всѣ вѣрованія, рвали съ корнемъ впитанные съ дѣтства устои.

— Обѣдать самая пора. Пойдемте, братецъ,—какъ бы свекоръ-батюшка не осерчалъ, что промедлили...—пыталась она отклониться отъ прямого отвѣта и медленно пошла къ дому.

Солдатъ недовольно шелъ возлѣ нея, его воображеніе работало.

— Ульяна Егоровна...

Молодуха сдѣлала видъ, что не слышитъ его.

— Ульяна Егоровна, постойте, дайте слово одно вамъ сказать!—задыхающимся голосомъ проговорилъ онъ.

Ульяна остановилась и, полуобернувшись къ Никанору, трепетно спросила:

— Что̀ вамъ, Никаноръ Васильичъ?

— Придите вечеромъ въ новую избу, тамъ я вамъ доподлинно докажу, что Маринъ васъ не любитъ!

Молодая женщина ничего не отвѣтила, потупилась еще больше и быстрѣе пошла къ дому.

Сквозь нависшія мрачныя тучи прорвался блѣдный лучъ солнца. Кругомъ было тихо, только попрежнему злобно рокоталъ за извилистымъ берегомъ падунъ, да звенѣли капли съ вѣтвей о прибрежный гранитъ.

XIV.

— Тетенька, милая, что̀ я тебѣ потайно повѣдать хочу,—пугливо прошептала Ульяна вѣковушѣ, когда послѣ обѣда мужчины ушли на новую постройку, и въ избѣ онѣ остались вдвоемъ.

Евѳимія, мывшая посуду, внимательно насторожилась.

— Ты только никому не сказывай...

— За несмышленку-дѣвку, что ль, меня засчитала?!—сухо перебила ее тетка.

Боязно посмотрѣла по сторонамъ молодуха, къ самому уху вѣковушѣ припала:

— Братецъ Никаноръ ввечеру звалъ меня въ новую избу приходить, о Маринѣ Васильичѣ сказывать хочетъ...

Вѣковуша сразу преобразилась, куда дѣвалось ея смиреніе, ея угодливость, которую она проявляла въ присутствіи брата. Темные глаза заблестѣли былымъ огнемъ, заволновалась старая, изсохшая грудь, выпрямился согбенный, но все еще стройный, несмотря на лѣта, станъ старой дѣвушки, сухой голосъ смягчился, въ немъ зазвучали горячія нотки страстной натуры.

— Позвалъ тебя?! Никаноша, племяшъ мой разлюбезный! Эко

В. Орловскій. Зима. По фот. І. Глыбовскаго.

тебѣ счастье привалило, бабочка! Иди, иди, не раздумывая, бѣги! Рай для тебя отверзся, понимаешь ли ты, бабочка, райскія двери настежь распахнулись, такъ тебя и манятъ, зовутъ! Войди въ нашу радость, счастье тое испытаешь, что̀ никогда допрежь не испытывала, не помышляла даже о немъ!

Широко раскрывъ глаза отъ изумленія, смотрѣла Ульяна на старуху, преобразившуюся до неузнаваемости при одномъ воспоминаніи минувшихъ наслажденій, вновь переживавшую теперь блаженныя минуты нѣги и страсти...

— Нѣтъ, не пойду, боюсь, — ничего не соображая, повторяла молодая женщина.

— Эй, безразсудная, не гордись, ступай, бѣги! — шептала вѣковуша сухими отъ внутренняго огня губами.—Ой, вспомнишь меня, вспомнишь, да поздно будетъ! Испепелитъ, сожжетъ онъ тебя своими ласками, зачаруетъ, радость великую подаритъ, вовѣкъ не позабудешь, на то онъ мой самый ближній, самый дорогой!..

Ульяна, закрывъ лицо руками, стояла, прислонившись къ притолокѣ.

— Слушай, бабочка, може, кому другому вовѣки не сказала бы, а тебѣ откроюсь, все до капли повѣдаю.

Волнуясь попрежнему, Евѳимія быстро заговорила, точно опасаясь, чтобы ее кто-нибудь не прервалъ.

XV.

— Молодостью гордо прошла, слова вольнаго не переносила, на взглядъ любовный супилась, людей молодыхъ сторонилась! Гордыня меня адская обуяла... Всѣ парни не по мнѣ, всѣ красоты моей недостойны...

И отошли всѣ прочь; кое-кто меня и любили, да не устояли—ненависть ко мнѣ лютую возымѣли, злостью воспылали... Дожила я до тридцати годовъ, ни себѣ ни людямъ не милая, а самоё мучитъ, гнететъ, точно камень стопудовый на сердцѣ лежитъ; жажду чего-то, рвусь къ кому-то... сама не знаю, и въ мысляхъ нѣту силъ понять все это...

Женихи сватались—женихи отстали, отецъ съ матерью покойные не разъ спрашивали—молчу, ни слова, замкнулась въ себя и, точно каменная, слова не промолвлю...

А на сердцѣ все тяжелѣе, тяжелѣе камень тотъ-отъ все давитъ.

Въ монастырь уйти надумала, совсѣмъ собралась, а тутъ вдругъ искушеніе.

Былъ у насъ въ деревнѣ парень, Клементіемъ звали, красивъ изъ себя и статенъ, „картина“. Свататься за меня онъ не сватался, а мигни я втѣпоры глазомъ—прибѣжалъ бы ко мнѣ разомъ, осиновымъ листомъ затрепеталъ бы передо мною: недаромъ красивѣе меня дѣвки нигдѣ по деревнямъ кругомъ не было. Побоялся, что ль, парень слова моего злого, нрава супротивнаго—не прислалъ сватовъ, а тоже, вотъ какъ тебя, сиротку себѣ одну высваталъ, Марьей звали...

В. Орловскій. На рейдѣ (Одесскій портъ). По фот. І. Глыбовскаго.

Вѣковуша глубоко вздохнула, она еле переводила духъ отъ быстраго разсказа, губы запеклись, но сейчасъ же, не отдыхая, она стала говорить дальше:

— Недолго думая, взялъ да на Марьѣ-то этой и оженился. Въ другу пору, можетъ, я вниманія на него не обратила бы, а тутъ узнала, гордостью вскипѣла: какъ, молъ, смѣлъ, меня не упредивъ, жениться на Марьѣ! И зачала я свою сатанинскую гордость тѣшить, покою парню не давать. Долго терпѣлъ Клементій, а все же подъ конецъ не выдержалъ, сдался, моимъ сталъ закрѣпощеннымъ навѣки, все побросалъ,—жену молодую, хозяйство, со-

В. Орловскій. Лѣто. По фот. І. Глыбовскаго.

бакой моей доподлинно задѣлался, только моего слова слушается, мнѣ въ глаза глядитъ, что̀ приказать соизволю!

Иперва-то ради гордости къ себѣ я его приманила, потѣху изъ него сдѣлать себѣ надумала, а послѣ вижу, что и самой-то въ сердце вступило, и мѣру и силу свою порастеряла, „милымъ“, „ненаглядимъ“ звать его стала...

Дошло до того, что сама собачонкой зàвсе за нимъ бѣгать начала, честного люда не стыдилась.

Мужики наши, сама знаешь, три четверти въ году на рубкѣ да на гоньбѣ находятся, а онъ, голубчикъ мой, увертывался, гдѣ бы поближе около меня быть...

Родителю и братцу Василію не до нашихъ деревенскихъ сплетенъ да пересудовъ было, у нихъ свое исконное дѣло имѣлось, матушка промежъ пальцевъ смотрѣла, и жилось намъ съ Клементьемъ вольготно.

Жена его, Марья, молчаливая была, все терпѣла, все въ сердцѣ копила, да, видно, не выдержала, въ падунъ бросилась, тутъ и жизнь свою прикончила.

Не знаю, какъ опосля случилось, нажалилась ли „тамъ“ упокойница на мужа, аль жребій его такой вышелъ: сороковину по Марьѣ отпѣли, о тотъ же вечеръ и Клеменгій въ падунъ кинулся.

Послѣднія слова, видимо, не легко было разсказывать старухѣ: ея металлическій голосъ потухъ, хрипѣлъ, она задыхалась, горящій взоръ угасъ, лицо поблѣднѣло, глубокія морщины снова избороздили высокій узкій лобъ, передъ Ульяной стояла согбенная годами и испепеленная страстью старуха.

— Иди, бабочка, бѣги, коли кличетъ, не отталкивай зря своего счастья! Коротко оно, охъ, какъ коротко,—мигнуть не успѣешь — и нѣтъ его!—еле слышнымъ голосомъ досказала Евѳимія.

XVI.

День много прибавился. Василій съ сыновьями кончали новую избу для Марина съ женою: работали они до семи вечера, иной разъ полчаса еще прихватывали, пока совсѣмъ не стемнѣетъ. Ужинали, какъ домой приходили, уставшій старикъ сейчасъ же ложился спать,—вставалъ онъ рано, со вторыми пѣтухами; женщины, убравшись по хозяйству, тоже шли на покой послѣ него, одинъ Павелъ долго еще молился на колѣняхъ передъ иконами и клалъ земные поклоны.

О солдатѣ молчали, вечерняя зорька выгоняла его изъ избы, утренняя загоняла.

Пытался-было отецъ говорить ему объ этомъ, только усмѣхнулся статный парень:

— Эхъ, батюшка, одинъ разъ молоды-то бываемъ. Вспомни-ка, что̀ ты самъ въ такую пору дѣлалъ!

Пытливо посмотрѣлъ старикъ на своего любимца, махнулъ рукой и не сказалъ больше ни слова.

Поужинали сегодня, какъ и всегда, старикъ-гонщикъ легъ спать, вѣковуша съ Ульяной отпросились у Василія посидѣть на рѣчкѣ, пока стемнѣетъ. Тепломъ подуло, духъ пріятный отъ травы пошелъ, дышать имъ не надышаться...

Тихо въ избѣ, слабо стонетъ во снѣ гонщикъ, долгіе годы нелегкаго труда сказываются: вздрагиваетъ порою огонекъ въ лампадкѣ, упадетъ нагаръ, весь уголъ сразу освѣтится, заблеститъ фольга на иконахъ, еще усерднѣе начнетъ бить земные поклоны молельщикъ семьи, Павелъ, еще жарче его молитва, еще забвеннѣе его духъ о плоти человѣческой.

„Искушеніе... — не выходитъ у него изъ головы.—Не забылъ ли дверь затворить въ новой избѣ, струментъ тамъ разный остался, не дешевый вѣдь... Украсть могутъ, мало ли по тракту вдоль рѣки народу всякаго-то о весеннюю пору идетъ... Сходить, что ли, поглядѣть“.

Не хочется Павлу итти, отъ молитвы уклониться, да боязно за струментъ, — хозяинъ все-таки побѣждаетъ богомольца.

Павелъ накинулъ на босу ногу лапотки-расхлебы. Стараясь не разбудить отца, онъ осторожно пріотворилъ дверь въ верхнія сѣни и спустился безъ шума по лѣстницѣ.

Въ сторонкѣ отъ дороги новая изба поставлена, гдѣ раньше капусту сажали; мѣсто сухое оказалось, вода съ пригорка ушла, перестала капуста родиться.

Ночь свѣтлая, сѣверная, блѣдная, чуть тѣнитъ деревьями лугъ и дорогу.

Чутко... Рокотъ падуна смягчился ночью, точно его прикрыли чѣмъ-то мягкимъ, даже эхо не слышно...

„Гдѣ жъ тетка съ сестрицей-снохой?—невольно мелькнуло въ головѣ у парня. — Не слышно, не видно ихъ нигдѣ“.

Подошелъ къ новой избѣ,—смѣшокъ легкій, потайный, скрытный внутри заслышалъ.

„Сами изъ избы ради духоты вышли, а тутъ, на-те, въ другую посѣли!“

Успокоенный, что струментъ никто не возьметъ, коли въ избѣ свои, Павелъ хотѣлъ уже вернуться домой, какъ изъ новой постройки донесся до него мужской голосъ.

— Братъ Никаноръ! — изумленно прошепталъ онъ. —Дома съ бабами не наговорился еще!

Павелъ подошелъ ближе къ постройкѣ и невольно сталъ слушать. Достаточно было ему услышать нѣсколько словъ, какъ онъ, точно безумный, шарахнулся въ сторону, задѣлъ ногой животрепещущія подставки; поставленныя у стѣны для работъ, онѣ съ трескомъ упали.

Находившіеся въ избѣ Никаноръ и Ульяна, испуганные шумомъ, выбѣжали наружу. Ульяна быстро направилась домой, Никаноръ пытливо осмотрѣлъ все кругомъ, но блѣдный отблескъ луны помѣшалъ ему замѣтить лежавшаго за досками брата.

Не видя никого, онъ слабо свистнулъ; со стороны лѣса показалась фигура вѣковуши.

— Ну что̀, сладилъ съ бабенкой, ястребъ ты мой любезный?—замирающимъ отъ переживаемаго ею сладкаго чувства, невольно вспомнившагося теперь, шопотомъ спросила Евѳимія.

Т. П. Карсавина, балерина Императорскихъ театровъ, съ картины художника С. А. Сорина. Картина эта пріобрѣтена Московскимъ театральнымъ музеемъ Императорской Академіи Наукъ имени А. А. Бахрушина. По фот. Я. Штейнберга.

— Куда тутъ сладишь; такую сразу не обработаешь! Это не ваша кровь, тетенька, бурливая, на похоть падкая! Прежнее помните, а?—грубо-ласкательно протянулъ солдатъ.

— Ой не говори, не тревожь ты моего сердца, душу не вороти!—простонала старуха.

XVII.

Утренній холодокъ мало-по-малу привелъ Павла въ чувство. Упавшимъ бревномъ ему зашибло голову, она болѣла; услышанный имъ разговоръ казался ему какимъ-то бредомъ: онъ, чистый помыслами, прозрачный душой, не могъ даже вообразить себѣ той нравственной низости, которую спокойно высказывалъ Никаноръ Ульянѣ.

— Господи милостивый! Какъ быть-то, что̀ дѣлать? — шепталъ пораженный парень растерянно, хватаясь за болѣвшую еще голову.

Тихій, весь ушедшій въ своеобразный міръ грезъ, въ молитвенный экстазъ, смотрѣвшій чисто по-дѣтски на семейныя взаимоотношенія, Павелъ былъ пораженъ, пришибленъ, точно его самого окунули во что-то грязное.

Совершенно безсознательно шелъ онъ вдоль высокаго берега. Изъ деревни звонко доносилось по прозрачному утреннему воздуху пѣніе. Оно смежалось съ ударами топоровъ,—рубили теплушки для скотины. Два мужскіе голоса расходились и звенѣли надъ рѣкою:

„Тутъ упали-то багорышки со ручепекъ,
Тутъ упали-то удалыя головушки
Во кипучую, во холодную водушку.
Тутъ тонули-то наши добрые-то молодцы,
Тутъ пришла имъ скора, нечаянна смиретушка,
Видно, Богомъ та смиретушка имъ да суждена,
Да самы ихни головушки на судъ пришли.
Ихъ забило во глубокую, во холодную во водушку,
Въ глубину ихъ утащило непомѣрную...“

Павелъ, точно зачарованный, слушалъ знакомую ему пѣсню-причитаніе. Она невольно направила его мысль на находившійся недалеко внизу бѣшеный падунъ.

„Да, такъ-то лучше будетъ, спокойнѣе, никакой скверны больше ни увидать ни услыхать не придется!“ — пронеслось у него въ мысляхъ, а со стороны деревни доносилось смягченное рѣдкимъ перелѣскомъ тягучее, заунывное пѣніе:

„Протащило ихъ по быстрой по рѣченки,
Ихъ бросало-то на крутые на бережки,
Тутъ нашли да ихъ сотоварищи,
Подымали и на бѣлыи на рученки...“

Павелъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ при послѣднихъ словахъ пѣсни, качнулъ рѣшительно головой и сталъ спускаться къ падуну по узкой тропкѣ.

XVIII.

Не спалось что-то старику. Поднялся еще раньше вторыхъ пѣсней, на лавку оглянулся, гдѣ Павелъ спалъ—одинъ тулупъ валяется.

Умылся, помолился, какъ слѣдъ, передъ образами, тулупъ накинулъ, вышелъ изъ избы и хотѣлъ уже брести къ новой постройкѣ, но прежде оглянулся по привычкѣ на рѣку. Недалеко отъ берега его зоркіе глаза замѣтили понуро идущаго младшаго сына.

Встревоженный старикъ пошелъ вслѣдъ за нимъ, стараясь, чтобы тотъ его не замѣтилъ.

Недоброе мелькнуло у Василія въ головѣ, когда онъ замѣтилъ, что парень сталъ спускаться къ падуну. Осторожно перебираясь по осклизлымъ отъ брызгъ и пѣны камнямъ, онъ догналъ его и крѣпко охватилъ сильными руками плечо Павла, когда тотъ, быстро перекрестившись, хотѣлъ уже кинуться въ ревущую струю падува.

— Батюшка!—изумленно прошепталъ сынъ, не пытаясь вырываться изъ крѣпкихъ объятій отца.

Немало нужно было силы воли старику, чтобы удержаться отъ упрековъ и разспросовъ... Василій мягко обнялъ его за плечи и участливо проговорилъ:

— Ишь ты, Павлуша, сколь неостороженъ: долго ли до грѣха, неравно свалился бы въ падунъ, а съ нимъ шутки плохи: изъ своихъ лапъ живьемъ ужъ не выпуститъ!

Пристально заглянулъ парень въ отцовскіе глаза, стараясь прочитать въ нихъ, извѣстно ли старику о его намѣреніи покончить съ жизнью. Но въ ясномъ отцовскомъ взорѣ ничего не прочелъ.

Послушно, безъ сопротивленія, Павелъ позволилъ твердой рукѣ отца увести себя наверхъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ, маленькимъ, ничтожнымъ...

— Батюшка! — снова нервнымъ воплемъ вырвалось у него, когда они поднялись почти до самаго берега.—Не посмѣю солгать тебѣ, грѣхъ на душу взять не хочу: утопить себя хотѣлъ, съ жизнью разстаться...

Чуть затуманились глаза Василія, но онъ сдержалъ себя:

— Убить себя задумалъ? Ты ли мнѣ это сказываешь, аль кто другой? Ушамъ своимъ вѣрить не могу!

В. К. Штемберъ. Автопортретъ 1892 г. (По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности).

Павелъ молчалъ: ему стыдно было глядѣть на отца.

— Подумалъ ли ты, неразумный, какое дѣло злое затѣялъ? Гордыней обуялся, супротивъ воли Господней, аки сатана, возсталъ! Тебя Творецъ небесный не для смерти создалъ, а для жизни; все у Него, Всемилостивѣйшаго, предопредѣлено, улажено, кому до коего дня предѣлъ земной жизни положенъ, что̀ ему въ этой жизни сдѣлать назначено,—а ты, какъ ребятенокъ малый, по-своему задѣлать надумалъ! Скажи, откройся мнѣ, сынокъ, чѣмъ прельстилъ врагъ твою душу, на такое страшное дѣло рѣшиться заставилъ? Говори, сынокъ, говори мнѣ все, какъ на духу. Все, что̀ сейчасъ мнѣ повѣдаешь, все здѣсь и умретъ между нами!..

Быстро, нервнымъ шопотомъ, сбиваясь словами, передалъ Павелъ отцу всю ночную сцену, свои сомнѣнія, отчаяніе...

Молча слушалъ его старый гонщикъ, задумался на минуту и тихо замѣтилъ:

— Вотъ сказываешь ты, что съ отчаянія низости людской, грязи этой плотской не хотѣлъ видѣть, а я понимаю тутъ совсѣмъ иное...

Удивленно поднялъ Павелъ глаза на отца,—въ нихъ свѣтился недоумѣвающій вопросъ.

— Скажу тебѣ, сынокъ, также и мою правду: полюбилась тебѣ Ульяна, жена Марина, какъ и брату твоему Никанору, плотскимъ чувствомъ оба вы къ ней возгорѣли, только тотъ прямо на грѣхъ пошелъ, а ты грѣшилъ еще горше мыслями.

Точно глаза открыли Павлу слова отца, понялъ онъ все и низко опустилъ отъ невольнаго стыда голову.

— Что̀ же, батюшка, дѣлать мнѣ? Чѣмъ грѣхъ-отъ мой тяжкій замолить?—глухо спросилъ парень.

— Молись, какъ и раньше молился, волю свою, помыслы цѣпью скуй желѣзной...

— А Никаноръ?

— Ревность сатанинская понынѣ мучитъ тебя! Все дѣло я самъ налажу, все какъ слѣдъ произведу въ порядокъ. Никанора сегодня же отправлю вверхъ, пусть брата Марина смѣнитъ.

— А я-то? Я-то?—упавшимъ голосомъ спросилъ Павелъ.

— Тебя я не отпущу съ нимъ, дома останешься, нуженъ ты мнѣ.

Павелъ поблѣднѣлъ, въ немъ боролись радость и въ то же время какая-то боязнь находиться около любимой имъ женщины.

Онъ медленно опустился передъ отцомъ на колѣни и, земно ему поклонившись, тоскливо проговорилъ:

— Батюшка, невмочь мнѣ дома оставаться. Отпусти въ монастырь!

Василій наклонился, поднялъ сына, обнялъ и, заглянувъ ему въ лицо, ласково произнесъ:

— Претерпи, сынокъ, перебори себя. Такъ нужно, такъ слѣдуетъ,—не то еще въ жизни претерпѣть придется. На міру-то куда легче, въ обители сильнѣе врагъ-отъ искушать станетъ, снова къ рѣкѣ аль къ осинѣ подведетъ! Все, Павлушенька, пройдетъ, все позабудется, жизнь и не такія горы да овраги заравнивала!

Грозное рокотаніе падуна слышалось все глуше, отъ лежавшаго передъ ними лѣса неслось ароматное смолистое дыханіе обновленной жизни, въ чащѣ чирикала еще не наладившаяся варакушка, изъ деревни доносилось протяжное пѣніе рубщиковъ:

„Охти мнѣ бѣдной горюшицѣ, сама знаю, сама вѣдаю,
Ужъ какъ вѣкъ того не водится — со мертвыхъ живы не родится!..“

С. О. Макаровъ († 31 марта 1904). По фот. К. Булла.

Воспоминаніе объ адмиралѣ Степанѣ Осиповичѣ Макаровѣ.

(Съ 2 рис. на этой стр.).

Н. И. Кравченко.

Въ иочь на 27 января 1904 года японскіе миноносцы неожиданно напали на наши суда въ Портъ-Артурѣ. На другой день была бомбардировка. Началась война, которую, вѣроятно, никогда не забудутъ. Я былъ командированъ въ Манчжурію корреспондентомъ „Новаго Времени“. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я закончилъ свои сборы, сѣлъ въ поѣздъ и отправился въ Москву, чтобы тамъ пересѣсть въ Сибирскій экспрессъ и слѣдовать дальше.

Передъ самымъ отъѣздомъ мнѣ говорили, что адмиралу С. О. Макарову, назиаченному иачальиикомъ Тихоокеанскаго флота вмѣсто вице-адмирала О. В. Старка, будетъ данъ экстренный поѣздъ, который доставитъ его въ девять дней въ Портъ-Артуръ. Но въ Москвѣ на Курскомъ вокзалѣ я узналъ, что Макаровъ ѣдетъ съ нами. Мнѣ посчастливилось получить мѣсто въ одномъ вагонѣ съ извѣстнымъ боевымъ генераломъ, прославившимся въ китайскую кампанію въ Манчжуріи. П. К. Ренненкампфомъ. Съ нимъ ѣхалъ его небольшой штабъ, состоявшій большею частью изъ боевыхъ офицеровъ, полковникъ Пестичъ, корреспондентъ „Русскаго Инвалида“ эсаулъ Н. Красновъ и еще корреспондентъ одной столичной газеты, человѣкъ довольно ограниченный, но чрезвычайно предупредительный, помогавшій намъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось вопроса нашего питанія. Ему дали прозвище „маркитанта“.

Не прошло и двухъ-трехъ дней, какъ мы всѣ уже перезнакомились — и распредѣлили наше время длинной поѣздки на подробное изученіе японо-китайской войны, современной японской арміи, флота, карты Манчжуріи и Кореи. Время шло незамѣтно. При каждой большой остановкѣ мы рысью бѣжали на телеграфъ, къ начальнику станціи, жандармскому офицеру и спрашивали телеграммъ, какихъ-нибудь новостей, а главное — извѣстій изъ Портъ-Артура. Въ пути, всюду на станціяхъ мы перегоняли множество поѣздовъ съ запасными, отправлявшимися въ Манчжурію. Въ огромныхъ черныхъ мѣховыхъ папахахъ, въ шинеляхъ, большею частью нараспашку, они выглядѣли молодцами. У всѣхъ былъ бодрый видъ. Изъ вагоновъ слышались пѣсни, звуки гармоники, порой тренкала балалайка.

Къ намъ изъ другихъ вагоновъ нерѣдко приходили офицеры Генеральнаго Штаба и гвардейскаго экипажа, —все люди, по своей доброй волѣ отправлявшіеся на войну. Отъ нихъ мы узнали, что вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ ѣхалъ бывшій командиръ ледокола „Ермакъ“, кап. 2-го ранга М. П. Васильевъ 2-й, проф. Академіи Генеральнаго Штаба полк. А. П. Агапѣевъ, кап. 2-го ранга А. Ф. фонъ-Шульцъ 2-й и др.

Адмирала С. О. Макарова я въ первый разъ увидѣлъ черезъ день или черезъ два послѣ нашего отъѣзда изъ Москвы. Въ ожиданіи завтрака, я сидѣлъ со своими спутниками въ вагонѣ-ресторанѣ. За большимъ столомъ, стоявшимъ въ углу у разбитаго и никогда не настраивамаго піанино, сидѣло нѣсколько моряковъ, между которыми былъ и кап. М. П. Васильевъ. Онъ заказывалъ завтракъ. Остальные болтали и поглядывали въ окна. На какой-то станціи во время остановки открылась дверь, и вошелъ средняго роста адмиралъ, съ большой окладистой полусѣдой бородой и красивымъ открытымъ лицомъ съ маленькими умными сѣрыми глазами. При его появленіи разомъ поднялись моряки, а затѣмъ и всѣ мы. Адмиралъ раскланялся и занялъ свое мѣсто. Послѣ завтрака кап. А. Ф. Шульцъ представилъ меня адмиралу. Вечеромъ, когда поѣздъ гдѣ-то долго стоялъ, а мы выскочили на перонъ размять ноги, встрѣтилъ меня кап. Шульцъ и сказалъ:

— Если хотите повидать адмирала, то онъ можетъ принять васъ каждое утро около одиннадцати часовъ.

На другой день я пошелъ къ адмиралу. Матросъ проводилъ меня въ большое купэ. посреди котораго стоялъ столъ, заваленный бумагами, морскими картами, карандашами, а вокругъ сидѣли самъ адмиралъ и весь его штабъ.

— Садитесь, —сказалъ мнѣ адмиралъ послѣ того, какъ я поздоровался со всѣми. Онъ подвинулся ближе къ окну, придавивъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ кап. Васильева, и далъ мнѣ мѣсто.— У насъ здѣсь тѣсно, но ничего — работать можно. Много помогаетъ вотъ эта пишущая машинка. Поѣздъ идетъ, вагонъ шатается. дрожитъ, а мы все-таки пишемъ. Вы какъ, — сказалъ онъ, немного помолчавъ: — хотите меня интервьюиронать или просто со мной поговорить?

— Нѣтъ, —отвѣтилъ я: — я плохой интервьюеръ. Да и притомъ вы, ваше превосходительство, все равно не скажете мнѣ правды, а потому, если можно, просто поговоримъ.

— Хорошо, —сказалъ онъ, поглаживая свою великолѣпную бороду.—Это мнѣ больше нравится. Во всякомъ случаѣ, если вы захотите что-нибудь написать о нашемъ разговорѣ—покажите мнѣ.

И. Гинцбургъ. В. В. Верещагинъ за работой. († 31 марта 1904). По фот. А. Оцупа.

Къ 10-лѣтію гибели „Петропавловска“ (1904—1914).

Домъ по Литейному пр., № 6, въ которомъ жилъ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. На домѣ будетъ прибита памятная доска. По фот. Я. Штейнберга.

Я, конечно, согласился.

— Видите ли, — началъ онъ: — нужно всегда помнить, что мы имѣемъ дѣло съ опаснымъ и хитрымъ врагомъ, который не показываетъ своихъ картъ, мы же по своему добродушію разсказали ему все, что только онъ ни натворилъ у насъ. Это была наша первая большая ошибка, и она не должна больше повториться.

— Позвольте, адмиралъ,—сказалъ я:—неужели мы могли скрыть результаты ихъ ночной минной атаки и не сообщить Россіи, что у насъ повреждены суда, когда японцы сами видѣли подбитый и неподвижный „Ретвизанъ“ и другіе корабли? Вѣдь если хоть одинъ изъ нападавшихъ миноносцевъ остался цѣлъ и вернулся къ своимъ, то онъ, конечно, сообщилъ то, что было.

— Не совсѣмъ такъ. Факта столь огромной важности, какъ выходъ изъ строя двухъ первоклассныхъ броненосцевъ, къ сожалѣнію, скрыть нельзя, но если бы можио было это сдѣлать, то въ интересахъ дѣла нужно было бы скрыть. Откровенность вообще и оглашеніе подробныхъ отчетовъ о ходѣ какихъ бы то не было дѣлъ не только лишни, но и положительно вредны на войнѣ. Будьте увѣрены, что и японцамъ вся эта исторія не прошла даромъ, а между тѣмъ никто изъ насъ не знаетъ объ ихъ потеряхъ. Вы думаете, что 27 января они отступили безъ потерь, безъ поврежденій? Нѣтъ, —побѣждающій и не терпящій урона не отступитъ, иначе онъ будетъ глупъ. А японцевъ такими считать нельзя. Значитъ. потери у нихъ были, и даже большія. Вотъ почему, какъ только я узналъ, что ихъ флотъ ушелъ черезъ сорокъ пять минутъ, я послалъ въ Артуръ поздравленіе съ побѣдой. Не подумайте, что это былъ дипломатическій шагъ, — нѣтъ, это мое искреннее убѣжденіе. Каждое наше сообщеніе, напечатанное въ газетахъ или перехваченное какъ-нибудь, японскіе агенты передаютъ по телеграфу въ Японію. Они знаютъ о насъ очень много, а мы—ничего.

Иллюстрируя мнѣ вредъ, который могутъ приносить военному дѣлу всякаго рода корреспонденціи, онъ разсказалъ, какъ во время франко-прусской войны одно незначительное письмо барышни, писавшей своимъ родителямъ о томъ, что она не пріѣхала потому, что дорога была занята войсками, сдѣлало чрезвычайно важное указаніе германскому штабу. Попавъ случайно на глаза агенту, оно дало ему свѣдѣніе о передвиженіи войскъ въ извѣстномъ направленіи и указало на то, что въ такомъ-то мѣстѣ происходитъ сосредоточеніе.

— Я вообще,—уже довольно сердито закончилъ онъ:—нахожу, что присутствіе корреспондентовъ на войнѣ вредно.

Я возражалъ и скоро откланялся.

— Если вы пріѣдете въ Артуръ,—я васъ арестую. — сказалъ въ полушутливомъ тонѣ адмиралъ, подавая мнѣ руку.

— Нѣтъ, адмиралъ,—отвѣтилъ я:—это вамъ не удастся. Я ѣду туда съ разрѣшенія намѣстника и пользуюсь его довѣріемъ.

Несмотря на такой финалъ нашей первой встрѣчи, черезъ день кап. Васильенъ передалъ мнѣ приглашеніе на завтракъ къ адмиралу. Вмѣстѣ со мной былъ также приглашенъ корреспондентъ „Русскаго Инвалида“ Красновъ и офицеры гвардейскаго экипажа: лейт. Ладыгинъ (погибъ на „Петропавловскѣ“), лейт. Трухачевъ и еще одинъ, фамилію котораго забылъ.

Встрѣтилъ насъ адмиралъ очень привѣтливо. Усадилъ и вмѣстѣ со своими помощниками сталъ угощать прекрасной ветчиной, холодной индѣйкой, голландскимъ сыромъ и т. п.

— Вотъ только водки у насъ нѣтъ,—ласково, какъ бы извиняясь, сказалъ онъ.—Не думайте, что я не пью. Нѣтъ, пью, и даже съ удовольствіемъ. Да только время теперь такое: нужно, чтобы голова всегда свѣжа была.

Но милые моряки гдѣ-то раздобыли бутылку смирновки, угостили своихъ гостей да и сами выпили по одной. Адмиралъ не пилъ. Послѣ завтрака подали чай, папиросы, а патріархальный хозяинъ закурилъ сигару. Опять зашелъ разговоръ о корреспондентахъ, подъ конецъ немного испортившій общее настроеніе. Адмиралъ нападалъ на нихъ. Я защищалъ, какъ посредниковъ между арміей и народомъ.

Уходя, я сказалъ ему:

— Разрѣшите мнѣ, адмиралъ, еще разъ васъ потревожить. Я хотѣлъ бы васъ зарисовать.

Онъ согласился.

Когда мы переѣхали по льду на саняхъ черезъ Байкалъ, и адмиралу былъ поданъ прекрасный вагонъ I-го класса я, какъ-то утромъ, захвативъ альбомъ, отправился къ нему. Въ большомъ отдѣленіи, въ глубинѣ котораго стояла широкая кровать, покрытая ватнымъ одѣяломъ, за столомъ у пишущей машинки сидѣлъ кап. Васильевъ, а С. О. Макаровъ ходилъ изъ угла въ уголъ и своимъ ровнымъ голосомъ что-то диктовалъ.

— Можно? — спросилъ я, входя.

— Конечно. Вы какъ хотите меня изобразить: сидя или стоя?— спросилъ адмиралъ.

— Да какъ вамъ удобнѣе. Вѣдь вы работаете? Я могу примоститься такъ, чтобы вамъ не мѣшать.

— Нѣтъ, ничего. Хотите, я сяду?

Мы устроились. Степанъ Осиповичъ досталъ изъ кармана гребень и сталъ расчесывать свою роскошную бороду.

— La barbe,—сказалъ онъ улыбаясь:—а теперь—moustaches,— и поправилъ усы.

Я началъ работать.

— Когда покажется непріятельская эскадра,—диктовалъ адми-

Памятникъ М. Е. Салтыкову-Щедрину на его могилѣ на Волковомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ. По фот. Я. Штейнберга.

Къ 25-лѣтію кончины М. Е. Салтыкова-Щедрина (1889—1914).

ралъ, отчеканивая каждое слово, очевидно, продолжая прерванное:—то по сигналу...

Пальцы Васильева забѣгали, и машинка застучала.

Въ продолженіи цѣлаго часа диктовались все новые и новые параграфы инструкцій, которыя вырабатывалъ Макаровъ для своего флота. Однообразно вздрагивалъ вагонъ, рѣзко стучала машинка, ровно, слово за словомъ, выливались изъ устъ Степана Осиповича правила. Въ нихъ не было ничего забыто. Каждый параграфъ сопровождался примѣчаніями на случай, „если“ будетъ такъ-то и такъ-то.

— Мы работаемъ всю дорогу, и у насъ этотъ долгій путь пройдетъ съ пользой,—проговорилъ адмиралъ во время одного перерыва. — Спасибо машинкѣ. Славная выдумка!

Я кончилъ рисунокъ.

С. О. Макаровъ проводилъ меня до дверей и на прощаніе, улыбаясь, сказалъ:

— Вы никому не говорите, что̀ слышали. Кромѣ насъ троихъ, этого пока не знаетъ никто.

— Будьте спокойны, адмиралъ,—отвѣтилъ я.— На мнѣ вы можете сдѣлать опытъ, поскольку корреспонденты заслуживаютъ довѣрія.

— Ну, въ васъ-то я увѣренъ, но вы не одинъ.

Уѣзжая изъ Мукдена, гдѣ я представлялся Намѣстнику адмиралу Е. И. Алексѣеву, я просилъ его телеграфировать ген. Стесселю и С. О. Макарову съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе въ Портъ-Артурѣ. Телеграммы были посланы, и начальникъ обороны укрѣпленнаго района на другой же день по прибытіи моемъ въ Артуръ выдалъ мнѣ особый пропускной билетъ, открывавшій мнѣ всюду дорогу. Къ адмиралу Макарову я не пошелъ. Только увидавъ его 28 марта на бульварѣ и узнавъ, что наша эскадра готовится къ выходу въ море, я отправился утромъ 29 марта на „Петропавловскъ“ и просилъ доложить о себѣ, но адмиралъ выслалъ ко мнѣ полковника Аганѣева, сообщившаго, что адмиралъ принять меня теперь не можетъ, такъ какъ у него засѣданіе. Я передалъ полковнику, что пришелъ просить принять меня на бортъ „Петропавловска“, чтобы видѣть морской бой. Онъ ушелъ. Возвратившись, полковникъ сказалъ, что адмиралъ не можетъ допустить присутствія частныхъ лицъ на военномъ кораблѣ.

— А Верещагинъ?—сорвалось у меня.

— Онъ—георгіевскій кавалеръ и боевой товарищъ адмирала.

Обиженный, я сошелъ съ корабля. Пріятели меня утѣшали, говоря, что все къ лучшему, и что Макаровъ всегда вѣренъ себѣ.

31 марта съ высоты Золотой горы я видѣлъ, какъ на ладони, морской бой. Видѣлъ гибель миноносца „Страшнаго“ и видѣлъ, какъ утонулъ „Петропавловскъ“ вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ и всѣмъ его штабомъ, который этотъ выдающійся морякъ и флотоводецъ сумѣлъ подобрать и научить работать.

Онъ одинъ какъ слѣдуетъ понялъ тактику и характеръ японцевъ, и останься онъ въ живыхъ—японцы не вышли бы побѣдителями. Это теперь поняла вся Россія, и вотъ почему адмирала Макарова, не сдѣлавшаго никакого геройскаго подвига и не выигравшаго ни одного сраженія, оплакиваютъ всѣ русскіе люди!

В. Д. Орловскій. (Портр. и 4 рис. на стр. 334 и 335).

Въ концѣ февралѣ с. г. въ Италіи, въ г. Нерви, скончался извѣстный русскій художникъ-пейзажистъ Владиміръ Донатовичъ Орловскій. Покойный, принадлежавшій къ старому поколѣнію русскихъ художниковъ, тѣмъ не менѣе пользовался у современныхъ намъ поколѣній рѣдкимъ уваженіемъ и авторитетомъ.

В. Д. Орловскій родился въ Кіевѣ въ 1842 году. Любовь къ рисованію пробудилась въ немъ еще въ дѣтствѣ.

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ къ Т. Г. Шевченко, юный Орловскій отправился въ Петербургъ, чтобы попытаться поступить въ Академію Художествъ. Маститый украинскій поэтъ, знаменитый авторъ „Кобзаря“, Т. Г. Шевченко встрѣтилъ юношу съ распростертыми объятіями: по ходатайству Шевченко, Орловскаго приняли въ Академію уже послѣ экзаменовъ, т.-е. помимо всякихъ нормальныхъ правилъ. Громадный талантъ молодого художника вскорѣ оправдалъ и хлопоты Шевченко и уступчивость академическаго начальства: уже черезъ два мѣсяца послѣ поступленія Орловскаго въ Академію профессора перевели его въ слѣдующій классъ. Въ 1862 году Орловскій уже получилъ двѣ медали за свои работы.

Позднѣе ему удалось сблизиться съ извѣстнымъ художникомъ А. П. Боголюбовымъ, и послѣдній пригласилъ Орловскаго въ свой классъ. Подъ руководствомъ Боголюбова Орловскій сталъ работать еще продуктивнѣе и усердвѣе, побывалъ на этюдахъ въ Крыму и получилъ за свои крымскіе пейзажи („Деревня Кокозъ“ и др.) большую золотую медаль и заграничную поѣздку.

Но русская природа преимущественно привлекала художника и онъ умѣлъ находить въ ней глубокія настроенія и живыя краски.

В. Д. Орловскій отличался необыкновенной работоспособностью и плодовитостью, какъ художникъ. Имъ было написано множество этюдовъ, эскизовъ и картинъ. И тѣмъ болѣе страннымъ является то обстоятельство, что еще 15 — 20 лѣтъ тому назадъ онъ какъ-то вдругъ совершенно пересталъ принимать участіе въ какихъ бы то ни было выставкахъ и вообще въ художественной жизни и какъ бы умеръ для искусства.

3 с. г. марта въ Кіевѣ онъ умеръ и для жизни. Хоронили В. Д. Орловскаго торжественно, при громадномъ стеченіи народа. Кіевляне вспомнили своего талантливаго согражданина и сумѣли достойно почтить его память.

В. К. Штемберъ. (Портретъ на стр. 337).

(По поводу 25-лѣтія художественной дѣятельности).

Мы воспроизводимъ рядъ произведеній художника В. К. Штембера, отпраздновавшаго въ нынѣшнемъ году двадцатипятилѣтній юбилей своей художественной дѣятельности.

Викторъ Карловичъ Штемберъ родился въ 1863 году. Обладая склонностью къ искусству, онъ еще въ юные годы поступилъ въ Академію Художествъ по архитектурному классу. Но позднѣе его стала болѣе привлекать живопись и преимущественно портретная. В. К. Штемберъ уѣхалъ въ Парижъ, поступилъ въ мѣстную академію и много работалъ у знаменитыхъ французскихъ мастеровъ Бугро и Роберъ-Флери. Результатомъ этой работы явился цѣлый рядъ женскихъ портретовъ, которые были выставлены Штемберомъ въ парижскомъ Салонѣ въ 1888 году. Въ томъ же году В. К. Штемберъ сталъ выставляться въ Россіи—въ началѣ на передвижной и академической выставкахъ, а позднѣе примкнулъ къ выставкамъ Петербургскаго Общества художниковъ. Въ 1903 году онъ въ числѣ другихъ лицъ основалъ Товарищество художниковъ, гдѣ состоитъ и до сихъ поръ.

В. К. Штемберъ—портретистъ по преимуществу, онъ даетъ прелестные женскіе и дѣтскіе типы. Большинство воспроизводимыхъ въ настоящемъ № нашего журнала произведеній В. К. Штембера представляютъ собою именно женскіе портреты и головки. Не менѣе изящны и типичны и другія произведенія В. К. Штембера, въ которыхъ онъ затрагиваетъ иные сюжеты.

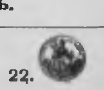
Кромѣ картинъ В. К. Штембера, мы производимъ здѣсь эффектную батальную картину М. Безроднаго *„Нападеніе партизанъ подъ Краснымъ на корпусъ маршала Нея“*. Этотъ эпизодъ Отечественной войны относится къ той эпохѣ, когда французская армія уже уходила изъ Россіи. Городъ Красный, Смоленской губ., былъ неоднократно мѣстомъ жестокихъ стычекъ: на переднемъ пути французы наткнулись здѣсь на отрядъ Невѣровскаго, при чемъ были отражены послѣ кровопролитнаго сраженія. На обратномъ пути здѣсь на нихъ напали партизаны и разгромили корпусъ Нея.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“, кн. 9

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

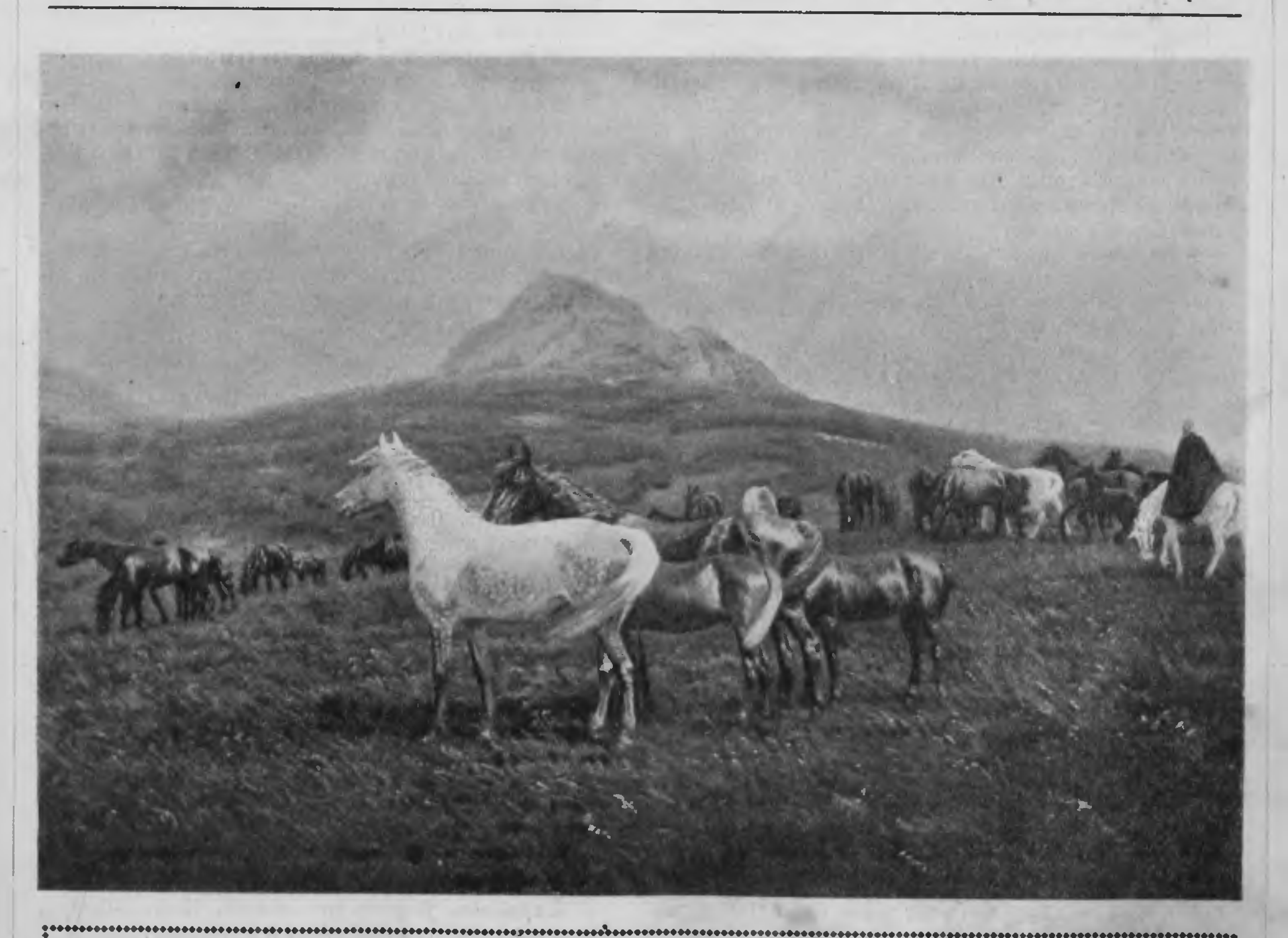
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLV г. № 18 — г. XLV 1914

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 3 мая 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Май 1914 г., 2) „НОВѢЙШІЯ МОДЫ“ за Май 1914 г. съ 40 рис., отдѣльн. листъ съ 25 черт. выкр. въ натур. величину и 7 рис. для выжиганія.

Н. Бунинъ. Арабскія лошади въ имѣніи гр. Строганова.

Поджогъ.

Повѣсть I. I. Ясинскаго.

I.

— Не скучайте, дѣти. Не тоскуйте, глупцы. Съ меня примѣръ берите. Шестой десятокъ—а я пою, играю и танцую. Кто изъ васъ сдѣлаетъ такъ?

Хрисаноъ Семеновичъ Вертлуговъ подпрыгнулъ и на лету щелкнулъ два раза каблуками щегольскихъ ботинокъ.

— Ну-те-ка, попробуйте!

Соня и Маня—десяти и одиннадцати лѣтъ, въ розовыхъ юбочкахъ и стоптанныхъ башмакахъ, и Гриша и Макся—семи и восьми лѣтъ, босые и въ плисовыхъ штанишкахъ, застѣнчиво смотрѣли на отца.

— Дураки, идіотики. Пойдемте въ садъ, я васъ выучу играть въ чехарду.

Хрисаноъ Семеновичъ былъ веселъ. На лысинѣ его играло солнце, какъ и на лакированныхъ ботинкахъ. Сѣренькій пиджачокъ съ серебристымъ отливомъ болтался на угловатыхъ плечахъ. Онъ былъ въ розовомъ галстучкѣ, и жилетъ былъ застегнутъ внизу на одну сердоликовую пуговицу, открывая плоеную манишку.

Смуглый, въ синей блузѣ, двадцатилѣтній юноша сидѣлъ за конторкой у окна и переписывалъ кассаціонную жалобу, сочиненную Хрисаноомъ Семеновичемъ.

— Иванъ! Что наморщилъ носъ?

Иванъ ниже наклонилъ голову.

Гнѣвно посмотрѣлъ Вертлуговъ на Ивана и сказалъ:

— Безъ тебя дѣти были бы совсѣмъ другія. Дурной примѣръ, дурной примѣръ. Перепортилъ дѣтишекъ, и приходится чуть не каждый день драть бѣдняжекъ.

Иванъ что-то пробормоталъ.

— Не разговаривай!—закричалъ Хрисаноъ Семеновичъ.— Не дѣлай изъ ясной погоды грозу. Тебѣ слово, а ты двадцать. И опять посадишь жида. До сихъ поръ не научился писать. Помни, Иванъ, что безъ хорошаго почерка не будешь имѣть успѣха въ жизни. Я знавалъ замѣчательныхъ людей, которые достигли высокаго положенія только благодаря почерку. Какъ ты поступишь хотя бы въ губернское правленіе, если у тебя буквы будутъ кланяться направо и налѣво?

— Именно въ губернскомъ правленіи надо кланяться направо и налѣво,—проворчалъ молодой человѣкъ.

— Иванъ! Счастливъ твой Богъ, что я не могу сегодня разсердиться!.. Ну-ка, дѣти!

Хрисаноъ Семеновичъ сузилъ глаза, широко раскрылъ ротъ, еще полный зубовъ, и запѣлъ, хлопая въ ладоши:

„Какъ былъ у бабушки
Сѣренькій козликъ,
Ну такъ что жъ,—
Сѣренькій козликъ“.

Подпѣвая и приплясывая, направился старикъ въ слѣдующую комнату, гдѣ раскрыта была стеклянная дверь въ садъ, зеленѣвшій въ лучахъ голубого дня.

Иванъ посмотрѣлъ черезъ плечо назадъ, отодвинулъ кассаціонную жалобу, досталъ изъ конторки книжку „Отечественныхъ Записокъ“ и сталъ читать.

Надъ городомъ стоялъ зной. Былъ іюнь.

II.

Вошла изъ передней молодая дѣвушка въ соломенной шляпѣ и въ свѣтломъ платьѣ.

— Что отецъ?—спросила она робко и неувѣренно.

Иванъ обернулся.

— А, Саша!—вскрикнулъ онъ.—Что скажешь?

— Я пришла, Ваня... Что, отца нѣтъ дома?—спросила она.

— Въ саду. Исполняетъ родительскій долгъ. Выигралъ въ съѣздѣ дѣло и завтра получитъ гонораръ. И будетъ балъ, и соберутся всѣ ископаемые... И вдовушка будетъ.

Саша присѣла на край табуретки, обнявъ брата одной рукой.

— Правда, отецъ женится?—тихо спросила она.

— Кто сказалъ?

— Въ городѣ говорятъ.

— Слышу первый разъ.

— Маленькія дѣти, видишь ли, и некому смотрѣть.

— На комъ же?

— На вдовушкѣ. Какъ ты слѣпъ!

— Отецъ со мной не очень откровенничаетъ. А на вдовушкѣ—такъ на вдовушкѣ. Умерла мама, будетъ мачеха. То-то онъ все поетъ и дѣлаетъ па-де-зефиры.

— Я пришла серьезно переговорить съ отцомъ,—начала Саша, покраснѣвъ.

У нея были такіе же темные глаза съ длинными рѣсницами, какъ у Ивана, толстыя розовыя губы и лѣнивая манера двигать головой.

— О чемъ съ нимъ будешь говорить?—спросилъ Иванъ.

— Я хотѣла бы сказать, что если онъ женится для хозяйства, то не позволитъ ли онъ мнѣ лучше вернуться назадъ.

— Воображаю, что онъ запоетъ,—сказалъ Иванъ.

— Что же?

— Предвкушаю. Нѣтъ, Саша, я тебѣ не совѣтую. Онъ и такъ постоянно грозитъ тебѣ проклятіемъ. Онъ серьезно вѣритъ въ дѣйствительность своихъ отеческихъ заклинаній.

— Ну, уроки я могла бы продолжать, живя дома, и одѣвалась бы на свой счетъ. Посмотри—хорошенькое платьице я себѣ сдѣлала?

— Ничего. Къ лицу. А зонтикъ рыжій. У меня есть трешница, хочешь—на зонтикъ?

Саша поцѣловала брата.

— Не надо,—конфузливо сказала она.

Братъ настаивалъ.

— Я и такъ тебѣ должна.

— Вѣчно считаешься. А скучно безъ семьи?

— Я ужъ очень Маню люблю и всѣхъ.

— Я тоже собирался отрясти прахъ. Египетская жизнь. Всю канцелярію веду. Рабъ... Слышишь: „жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ“... Чехардѣ обучаетъ. А, лупка началась. Кончилась увеселительная педагогика.

— Ну такъ какъ же быть, Ваня?—вздрогнувъ отъ прорѣзавшаго воздухъ дѣтскаго визга, спросила дѣвушка.

— Безъ покаянныхъ сценъ тебя не приметъ. По крайней мѣрѣ двѣнадцать часовъ будетъ отчитывать. А относительно его женитьбы—можетъ-быть. Наведу справки. Подожди.

Саша въ раздумьѣ спросила:

— Кого это? Маню?

— Нѣтъ, Гриша реветъ...

— Не могу! Не могу! Вмѣшаюсь—и выйдетъ скандалъ. Пройдемся немного и подышимъ свѣжимъ воздухомъ, если ты свободенъ.

Гриша спряталъ „Отечественныя Записки“ и ушелъ съ сестрой.

Улица была вся въ заборахъ, пустынная и засыпанная раскаленнымъ пескомъ. Она выходила въ поле, гдѣ пахло рожью и межъ блѣдныхъ колосьевъ качались синіе васильки.

III.

— Настаиваетъ, чтобъ я поступилъ на службу,—началъ Иванъ:—а я удеру въ Кіевъ или Петербургъ. Выдержу на зрѣлость. Осточертѣло.

— Меня возьмешь?

— Всѣхъ потомъ перетащу. Не пропаду.

Братъ и сестра шли вдоль обрыва. Внизу змѣилась Лебядка, то сверкая въ песчаныхъ берегахъ, то синѣя и пропадая въ густыхъ орѣшникахъ.

— Безъ матери еще хуже стало... Не знаю, за что возненавидѣлъ меня отецъ?—спросила Саша.

Братъ молчалъ.

— И не такой же онъ дурной человѣкъ, если сравнить...

Она не договорила.

— Я пробовалъ убѣждать его,—сказалъ Иванъ.—Сначала спорилъ—но вдругъ схватилъ хлыстъ и отдулъ меня.

— И мать дралась...—замѣтила Саша.

Братъ и сестра вздохнули. Имъ стало жаль мать, умершую

отъ тифа ранней весною, когда вода начинаетъ пахнуть навозомъ, и въ городѣ вспыхиваетъ эпидемія.

— Все же она была добрая,—сказалъ Иванъ:—и не позволила бы выжить тебя изъ дома.

— Но не прочь была выдать меня хоть за Петрусевича!—съ дрожью въ голосѣ вскрикнула Саша.

Они опять замолчали.

— А признайся, горькія минуты тебѣ приходится переживать?—спросилъ Иванъ.

— Думаю, не горше твоихъ.

— Голодаешь?

— Какое голоданье, если не пообѣдаю.

— Бѣдная ты моя!

— Моя выгода въ томъ, что я поборолась съ отцомъ и доказала ему, что для меня не въ одномъ его оконцѣ свѣтъ... Онъ долженъ былъ бы теперь увидѣть во мнѣ личность.

— Скажи, Саша, правду: стало досадно, что тѣнь матери будетъ заслонена другой женщиной? Ты не любила мать... Дай разобраться въ твоей психологіи... Въ тебѣ живетъ еще старина.

— Не знаю, Ваня.

— Что, если онъ станетъ мягче и лучше, когда въ самомъ дѣлѣ женится хотя бы на вдовушкѣ?

— Ревность ли это?—сказала Саша.—Часто мнѣ снится моя комната и даже отецъ, когда онъ по утрамъ въ фланелевой курткѣ и гарусной ермолкѣ торжественно выходитъ въ гостиную молиться и дѣтишекъ ставитъ на колѣни.

— Вы, бабы, консервативны,—проворчалъ Иванъ.—Если же я порву, то окончательно.

— Я вѣрю въ тебя... Ты сильный.

— Но ты не знаешь меня... а я и на смерть готовъ... И на всякую казнь пойду,—съ гордо заблиставшими глазами загадочно проговорилъ Иванъ.

Въ далекой зыблющейся синевѣ жаркаго дня онъ словно хотѣлъ угадать свое будущее и смотрѣлъ впередъ.

— Страшно, Ваня,—сказала Саша, которой вдругъ почудилось, что бездна отдѣлила ее отъ брата.

И слезами наполнились ея глаза.

IV.

На заросшей травою дорогѣ изъ-за поворота, облитыя солнцемъ, выступили двѣ дамы подъ бѣлыми зонтиками.

— Легка на поминѣ,—сказалъ Иванъ.

— Не хотѣлось бы встрѣчаться,—сказала Саша.

— А Надя сушитъ на плечахъ полотенце,—продолжалъ Иванъ.

— Тебѣ нравится Надя?—вдругъ спросила Саша.

— Нравится,—отвѣчалъ Иванъ, всматриваясь въ идущихъ навстрѣчу дамъ.—И ничего, что она старше меня. Но вопросъ, нравлюсь ли я ей? Но и въ случаѣ, если да, какой смыслъ въ томъ, что мы оба нравимся другъ другу?

Аглая Ермолаевна подошла съ племянницей. У нея было черезчуръ роскошное тѣло и сонные глаза. Теперь она была взволнована. Багровый румянецъ разливался на дряблыхъ, какъ подходящее тѣсто, щекахъ.

У Нади были голубые зоркіе глаза. Бѣлое, замкнутое лицо было красиво.

— Еще смѣетъ потомъ ухаживать за порядочными дѣвицами!—сердито начала вдовушка, поздоровавшись съ молодыми людьми.

— Тетя, довольно ужъ объ этомъ,—сказала Надя.

— Я узнала его. Такъ нельзя этого оставить. Хрисаноъ Семеновичъ дома?

— Онъ былъ дома. Но въ чемъ дѣло?—спросилъ Иванъ

— Конечно, ваша обязанность, какъ благороднаго молодого человѣка, проучить нахала. Продержалъ въ водѣ цѣлый часъ... Въ кустахъ все утро лежитъ...

— Тетя!

— И все-таки дождался, негодяй.

— Тетя! Не надо!

— Ну, вотъ и Александрѣ Хрисаноовнѣ нельзя будетъ выкупаться.

— Мы не собираемся купаться,—сказала Саша холодно.

На лицѣ вдовушки расплылась широкая улыбка:

— Давно не видала васъ. Вы все такая душечка. Купаюсь и думаю, какъ бы помирить васъ съ отцомъ. Зайдите ко мнѣ съ братцемъ. Я вамъ совѣтъ дамъ. Съ Хрисаноомъ Семеновичемъ можно ладить. Вы должны повліять на сестру, Иванъ Хрисаноовичъ. Вы такой преданный и любящій сынъ.

— Если вы будете сейчасъ у насъ, то не говорите отцу, что видали меня съ Сашей.

— Не выдамъ. Вы—моя симпатія. Наденька, прощайся. Братъ и сестра хотятъ побыть вдвоемъ. Не будемъ мѣшать ихъ изліяніямъ... Ахъ, нахалъ!

Иванъ, пройдя нѣсколько шаговъ по обрыву, обернулся. И обернулась Надя.

V.

Со дна оврага по извилистой тропинкѣ поднимался Петрусевичъ. Онъ былъ въ свѣтлой парѣ, и въ рукахъ у него блестѣла старинная мѣдная подзорная труба. Рыжая борода огненнымъ клокомъ висѣла подъ его удлиненнымъ лицомъ съ бритыми губами: оно все было въ крупныхъ морщинахъ. И ротъ былъ у него сморщенный и круглый. Увидавъ, что идутъ, Петрусевичъ нырнулъ въ кусты.

Но Иванъ закричалъ:

— Аглая Ермолаевна пошла жаловаться на васъ!

Изъ кустовъ раздался голосъ:

— Какъ ей угодно.

— А вы не были на службѣ?

Петрусевичъ отмолчался

— Съ утра съ подзорной трубой... Днемъ звѣзды наблюдаете... Отчего у насъ давно не видно?

— Соскучились развѣ по мнѣ?.

— Отецъ просилъ, при встрѣчѣ, пригласить васъ—не съ кѣмъ въ шашки играть.

— Некому его дамокъ въ крѣпость запирать... Ага! Пускай сначала отдастъ пятьдесятъ копеекъ, которыя мнѣ проигралъ.

— Отдастъ.

— Съ кѣмъ вы?

— Вылѣзайте, взгляните.

— Ваня, зачѣмъ?

— Хочу доставить тебѣ еще разъ удовольствіе посмотрѣть на этого несчастнаго. Я съ сестрою!—закричалъ Иванъ.

Петрусевичъ замеръ. Иванъ засмѣялся:

— Онъ боится тебя.

— Пойдемъ дальше,—съ досадой въ голосѣ сказала Саша.

Они спустились въ долину и сѣли на траву подъ старымъ дубомъ. Сорокопуты трещали надъ головой. Синѣлъ раскаленный воздухъ.

— И мать поощряла ухаживанья этого урода!—съ горестной улыбкой проговорила молодая дѣвушка.

VI.

Вертлуговъ пообѣдалъ и спалъ въ гостиной на диванѣ. Окна были занавѣшены двумя шалями покойницы. Сумракъ стоялъ въ гостиной.

Маня и Соня играли въ куклы на огородѣ, гдѣ кукуруза возвышалась надъ прочей зеленью. За нее тоненькими усами цѣплялась тыква. Гриша и Макся бѣгали верхомъ на палочкахъ по двору.

Кривоглазая кухарка Аксинья чистила кирпичомъ самоваръ у порога кухни.

Иванъ вернулся домой, усталый и съ загорѣвшимъ лицомъ.

— Баринъ приказали не давать вамъ ѣсть,—сказала Аксинья, созерцая себя въ отполированномъ самоварѣ.—Да и гости все покушали. Аглая Ермолаевна съ племянницей и двое судейскихъ—толстый и худой. Послѣ въ карты играли. Пришелъ разстрига, и тогда четвертную выпили.

Иванъ нашелъ на кухнѣ ломоть хлѣба, посолилъ и съѣлъ, запивъ водою.

„Лучше остаться безъ обѣда, чѣмъ сидѣть съ такими мордами,—подумалъ онъ.—А Наденька могла—она какъ-то черезчуръ благоразумна и терпѣлива“.

Уже ложились длинныя тѣни на мураву двора.

Въ домѣ раздавался храпъ Хрисаноа Семеновича. На конторкѣ Иванъ увидѣлъ клочокъ бумаги, приколотый къ сукну булавкой, а на немъ рукою отца было написано: „негодяй“.

Иванъ взялъ неоконченную имъ кассаціонную жалобу, разорвалъ пополамъ, пришпилилъ къ конторкѣ той же булавкой и опять ушелъ.

VII.

Улица, по которой шелъ Иванъ, была кривая. Постройки почти всѣ почернѣли и посѣдѣли отъ старости. Вечерѣло. Садилось солнце.

У домика о двухъ окнахъ, окутаннаго тѣнью отъ тюремнаго замка, съ косыми стѣнами и съ башнями по угламъ, Иванъ остановился и дернулъ звонокъ.

Легкіе шаги пробѣжали къ дверямъ по наружному коридору.

— Свой? — спросилъ женскій голосъ.

— Черный голубь, — произнесъ Иванъ.

Громыхнулъ засовъ. Пожилая женщина въ простомъ платьѣ, съ прекрасными глазами и съ милой улыбкой на блѣдныхъ губахъ, привѣтливо тряхнувъ руку Ивана, впустила его и, запирая за нимъ дверь, сказала:

— Хоть не ваша очередь, но спасибо, что пришли, а то выбиваются изъ силъ... Пока напейтесь чаю.

Она глазами указала на комнату, гдѣ шумѣлъ самоваръ.

У стола сидѣло двое.

Одинъ — съ темной бородой и съ бѣлымъ лбомъ, въ синей курткѣ и въ ботфортахъ — искоса глянулъ на Ивана; другой — маленькій, бѣлокуренькій и въ красной перепачканной рубахѣ — дружески улыбнулся.

— Я же говорю, — нервнымъ теноркомъ произнесъ онъ: — что человѣкъ сей — воплощенное стараніе... Черный голубь! — обратился онъ къ бородачу.

— А, радъ вамъ, — сказалъ бородачъ и протянулъ Ивану твердую, какъ чугунъ, руку. — Я — Силантій Лапинъ.

Иванъ слыхалъ о немъ, какъ о великомъ дѣятелѣ.

— Ольга Петровна, — продолжалъ Силантій прерванную бесѣду: — буду откровененъ: источникъ изсякаетъ. Средства привезъ я небольшія. А вы розовыя очки снимите, — сказалъ онъ Ивану: — сгніете на каторгѣ или повѣсятъ.

Бѣлобрысый щипнулъ себя за опущенную щеку и вскрикнулъ:

— Поздно уже на попятный!

— Я и не собираюсь! — сказалъ Иванъ и возразилъ Силантію: — Не всѣ погибаютъ.

Ольга Петровна сдѣлала знакъ Силантію и вызвала его въ другую комнату. Бѣлокуренькій сказалъ Ивану вполголоса:

— Любитъ запугивать... Геройская личность. Съ огромными полномочіями...

Силантій вернулся, подошелъ къ Ивану и положилъ ему на плечо руку:

Н. Бунинъ. Конь-плѣнникъ.

Н. Бунинъ. Хозяинъ пріѣхалъ.

Н. Бунинъ. Историческая мельница въ м. Каменкѣ Кіевской губ., гдѣ Шервудъ раскрылъ заговоръ южно-русскихъ Декабристовъ.

— Ну, я надѣюсь на васъ.

Волна радости ударила въ сердце Ивана. Онъ посмотрѣлъ на Силантія бодрымъ взглядомъ.

Вмѣстѣ съ бѣлокуренькимъ онъ спустился въ люкъ, на смѣну другимъ работникамъ.

А Силантій далъ денегъ Ольгѣ Петровнѣ, простился съ нею поцѣлуемъ и, обойдя стѣны тюремнаго замка, позвонилъ у квартиры начальника, — единственной, шесть оконъ которой не были забраны желѣзной рѣшеткой.

VIII.

Высокая прическа удлиняла блѣдное лицо Музы Автономовны; узкое платье облегало ея худое тѣло.

Она показала свои большіе зубы Силантію и стала радостно смѣяться.

— А я только-что думала о васъ, — сказала она, разрумянившись и вводя въ гостиную Силантія.

— Спасибо, — сказалъ Силантій и посмотрѣлъ ей въ глаза тоже смѣющимся взглядомъ.

Оглянулся и медленно поцѣловалъ ее въ сгибъ локтя. Она стыдливо потупилась:

— Думала, что вы забыли меня.

— Такого друга, какъ вы, легко не забудешь, — возразилъ онъ и хотѣлъ взять ее за талію.

Но она выскользнула и пальчикомъ указала на перегородку съ испуганно-лукавымъ лицомъ.

— Вы все цвѣтете, — сказалъ онъ, усаживаясь въ креслѣ.

— Увы, скоро тридцать, — произнесла она.

— Лучшіе годы, — замѣтилъ Силантій. — Но все-таки съ вами можно говорить откровенно? — вполголоса спросилъ онъ.

Она дотронулась кончикомъ вытянутой ботинки до его ботфорта:

— Смотря о чемъ.

— О театрѣ, — съ беззвучнымъ смѣхомъ сказалъ онъ.

Умирающее солнце стало играть на лицѣ Музы Автономовны. Она сдѣлала гримасу и пересѣла ближе къ Силантію. Положила руку на его плечо, глаза ея приняли страдальческое выраженіе, и она проговорила:

Н. Бунинъ. На стойлѣ.

Н. Бунинъ. Къ вечеру. (Съ охоты).

— Ну?

— Постараюсь быть хладнокровнымъ,—началъ онъ.—Дѣло общественное. Я пріѣхалъ изъ имѣнія въ городъ не только ради васъ—и прямо съ охоты...

— Ахъ, вы—извѣстный немвродъ. Вамъ такъ идетъ этотъ костюмъ.

— Не перебивайте. Въ хорошихъ вы еще отношеніяхъ съ его превосходительствомъ?

Она приложила свой пальчикъ къ губамъ Силантія:

— Т-с-с!

— Муза Автономовна, я не хотѣлъ обидѣть васъ своимъ вопросомъ.

— Мало ли что говорятъ.

— Я подразумѣваю только ваше доброе вліяніе на Спиридона Сергѣевича... И было бы неумно упустить изъ рукъ...

— Вы намекаете на мадамъ Баумъ?—съ презрѣніемъ спросила Муза Автономовна и засмѣялась.—Я ужъ ему сдѣлала сцену. А въ слѣдующій разъ если повторится—поставлю его на колѣни. Какъ начальникъ губерніи, онъ не имѣетъ права себя компрометировать. Я вовсе не ревнива, но если трубятъ, избави Богъ.

— Магическая сила у васъ,—прошепталъ Силантій и поцѣловалъ молодую женщину въ губы.—Итакъ,—продолжалъ онъ, черезчуръ быстро повинуясь отстранившей его рукѣ:—нужно устроить спектакль съ благотворительной цѣлью.

— Съ благотворительной цѣлью?—повторила Муза Автономовна, сложивъ губы для поцѣлуя.

— Именно. У васъ чудесный организаторскій талантъ. Связи съ обществомъ. А при содѣйствіи Спиридона Сергѣевича билеты всѣ будутъ распроданы.

— Конечно. Но въ чью пользу?—спросила Муза Автономовна, продолжая протягивать губы.

— Закружится голова, и я забуду, что я хотѣлъ сказать...—шопотомъ произнесъ онъ.—Въ пользу семьи несчастнаго Вигдорскаго. У меня въ усадьбѣ проживаютъ его жена и двое дѣтей.

— Ахъ, какое у васъ доброе сердце, Никита Петровичъ! Однако найдетъ ли въ обществѣ откликъ такой спектакль?

— Вигдорскій предалъ хорошихъ людей,—отвѣтилъ Силантій:—и подѣломъ ему выжгли глаза... Но, Муза Автономовна, онъ же человѣкъ, не погибать же его семьѣ. Наконецъ можно не объявлять его фамиліи, а заявить только губернатору... Тутъ не можетъ быть колебанія,—повелительно сказалъ онъ.—А пока на расходы двѣсти рублей—возьмите—мой взносъ.

— Въ прошломъ году вы меня подвели, Никита Петровичъ,—съ сладкими глазами, тряхнувъ головой, сказала жена начальника тюрьмы.—Я играла и уговорила мадамъ Куровскую, а оказалось... Положимъ, я сама такихъ взглядовъ... и Куровскій, хотя жандармскій полковникъ, но имѣетъ библіотеку запретныхъ книгъ... Но ужасно подумать, на вырученныя деньги были снаряжены въ ссылку политическіе!

— Ну, такъ что же?—сказалъ Силантій съ странной улыбкой, холодно поцѣловавъ ее въ щеку.—Исторія разберетъ, кто правъ... А почему же и политическимъ нельзя помочь? Я не дѣлаю разницы между несчастными. А сборомъ теперь васъ попрошу завѣдывать.

— О, да... правда. Если даже Вигдорскій,—то, я вижу—лучшій аргументъ... Я такъ и губернатору скажу. Знаю... Хорошо!—согласилась Муза Автономовна и спрятала деньги, прислушиваясь къ шороху за перегородкой.—Сейчасъ встанетъ мужъ. Онъ вамъ обрадуется.

— Но я не обрадуюсь!—сверкнувъ глазами, сказалъ Силантій и всталъ.

— Онъ такъ цѣнилъ Вигдорскаго.

— Плевать,—проворчалъ Силантій.

Онъ могъ лицемѣрить съ Музой Автономовной, но начальникъ тюрьмы Будяковскій, грабившій арестантовъ и женившійся нѣсколько лѣтъ назадъ по приказанію губернатора, былъ ему противенъ, и онъ боялся не выдержать роль.

Рѣшительно простился онъ.

Въ темной передней Муза Автономовна припала къ нему на грудь. То странное и бѣшеное чувство, которое изрѣдка посѣщало его, вдругъ стало имъ овладѣвать. Онъ хотѣлъ отшвырнуть отъ себя Музу Автономовну. Но холодный потъ выступилъ у него на вискахъ, и онъ склонился къ ней и нѣсколько разъ поцѣловалъ въ лобъ.

IX.

Была темная ночь, и на улицахъ губернскаго города здѣсь и тамъ прорѣзывали мракъ лишь ручные фонари, съ которыми шли запасливые пѣшеходы. Должна была свѣтить луна, но собрались тучи, и хмурились черныя небеса.

Иванъ, размѣная руки, возвращался домой: нерѣшительно остановился передъ воротами и быстро повернулъ въ улицу, которая спускалась къ рѣкѣ.

На берегу стоялъ домъ съ тремя высокими тополями у фасада, принадлежавшій Аглаѣ Ермолаевнѣ. Городскіе часы пробили десять. Сквозь щели ставней прорѣзывался желтый свѣтъ. Иванъ услышалъ голоса.

„Кто у нихъ? Что, если отецъ?“—подумалъ онъ и толкнулъ калитку.

Она не была заперта. Собака залаяла-было, но узнала Ивана и стала къ нему ластиться. Въ сѣняхъ ровнымъ лучистымъ кружкомъ лежалъ на полу красный отблескъ. Возлѣ шевелилось бѣлое. Иванъ направился на огонь и сказалъ:

— Ульяна, барышня дома?

— Ульяны нѣтъ,—отвѣтилъ милый голосъ:—а барышня дома.

— Наденька, что вы дѣлаете?

— Самоваръ ставлю.

— У васъ гости?

Н. Бунинъ. Друзья.

— Перепетуя Васильевна и Ѳеонія Евстигнеевна... Кумушки убѣждаютъ тетушку выйти замужъ... Если бъ вы знали, за кого?

— За отца?

— Слыхали? Тетушка—хорошая невѣста и, право, добрѣйшей души.

Наденька тихо засмѣялась.

— Если бы счастливый бракъ состоялся, вы не разстались бы съ тетушкой?

— Куда жъ мнѣ дѣваться?... А впрочемъ, я еще ничего не знаю... Развѣ будущее кто-нибудь знаетъ?—съ новымъ тихимъ смѣхомъ сказала она.

— Не очень долго ужились бы вы съ Хрисанѳомъ Семеновичемъ,—сказалъ Иванъ.

— Зачѣмъ вы дурно отзываетесь объ отцѣ? Но, кажется, я ужилась бы съ нимъ.

Наденька наклонилась надъ самоваромъ и стала раздувать уголья. Бѣлый подбородокъ ея освѣтился краснымъ заревомъ, захватившимъ и часть шеи съ разстегнутымъ воротничкомъ. Снизу летѣли искры на свѣтлое платье. Одна застряла въ оборкѣ. Иванъ потушилъ искру ладонями:

— Сгорите.

— Я бы хотѣла... Что вы дѣлаете?

— Любуюсь вами...

— Позвольте мнѣ лучше полюбоваться вами. Нагнитесь и дуйте.

Иванъ сильно подулъ въ самоваръ.

— Вы дуете, какъ кузнечный мѣхъ,—сказала Наденька.—Отлично дуете, и кумушки будутъ напоены наконецъ чаемъ. Но если мы устроимъ дуэтъ?

Она тоже наклонилась надъ трубой. Лица ихъ озарились общимъ огнемъ. Никогда такъ близко при красномъ сумракѣ они не видѣли другъ друга. Горячими губами поцѣловала Наденька горячую щеку Ивана.

— Милый мальчишка.

Она увлекла его къ другимъ дверямъ, выходившимъ въ садъ, откуда пахнуло укропомъ и огуречной травой, и обняла.

— До сихъ поръ гулялъ?—вполголоса спросила она.

— Нѣтъ.

— Я нарочно осталась у Хрисанѳа Семеновича съ тетушкой обѣдать, а ты не пришелъ.

— Не очень сладко мнѣ дома. Было дѣло.

— Какое?

— Не скажу.

— У сестры сидѣлъ?

— Нѣтъ, Наденька.

— Ухаживалъ за какимъ-нибудь красивенькимъ платочкомъ?

— Можетъ-быть.

— Я не позволю тебѣ ни съ кѣмъ больше цѣловаться.

Наденька притянула Ивана и опять стала цѣловать. У него горѣли щеки и звенѣло въ ушахъ. Она цѣловала его въ лицо и въ голову.

— Ну, довольно,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я еще сюда не поцѣловала.

— Какой смыслъ? Что будетъ потомъ?—проворчалъ онъ.

— Зачѣмъ смыслъ? Ничего не будетъ. Я цѣлую тебя, а ты воображаешь себя, кажется, дѣвчонкой.

— А самоваръ потухъ,—сказалъ Иванъ.

Наденька повернула голову. Красный отблескъ на землѣ исчезъ.

— Въ самомъ дѣлѣ. Вотъ лучинки и спички. Помоги, добрая душа!

И, слегка оттолкнувъ Ивана, она выскочила въ садъ и побѣжала по дорожкѣ къ рѣкѣ. Долго сидѣла она на скамейкѣ. Грудь ея высоко поднималась.

Зашуршали шаги.

— Насилу нашелъ васъ,—сказалъ Иванъ.

„Теперь ты долженъ меня расцѣловать“,—съ тоскою подумала Наденька, но слова застыли у нея на губахъ.

Она нехотя встала и пошла впереди Ивана.

Самоваръ уже бурлилъ и кипѣлъ.

— Благодарю васъ,—холодно сказала Наденька.

X.

Хлопнула калитка, залаяла собака, и знакомый голосъ приблизился, напѣвая баскомъ:

— Крамбамъ-були, отцовъ наслѣдство... Пошла прочь, дура... Когда пою крамъ-бамъ-були... Да убирайся ты... лай на свою хозяйку!.. Люли-люли-крамъ-бамъ-були...

Хрисанѳъ Семеновичъ, войдя въ сѣни, постучалъ. Широкій лучъ озарилъ темноту, и на порогѣ массивнымъ силуэтомъ обрисовалась Аглая Ермолаевна.

— Поздній, но всегда желанный гость,—сказала она.—Ахъ, и самоваръ готовъ. Ну, и возилась же ты съ нимъ, Надюша!

Надя стояла съ самоваромъ позади Хрисанѳа Семеновича.

— Позвольте мнѣ, какъ кавалеру...

— Вы обварите меня. Проходите, Хрисанѳъ Семеновичъ.

— Самоваръ—или жизнь!.. Поставьте самоваръ на полъ—я возьму.

— Поставь, Надюша,—приказала вдовушка.

Наденька поставила самоваръ.

Хрисанѳъ Семеновичъ понесъ его въ дверь, напѣвая въ тактъ съ кипѣньемъ воды:

— Крамъ-бамъ-були, отцовъ наслѣдство, вотъ упоительное средство!

Оставшись въ темныхъ сѣняхъ, Наденька нашла руку Ивана:

— Не зайдешь?

— Не хочу я съ нимъ встрѣчаться.

— Боишься его, бѣдный мальчишка?

— И боюсь. И себя боюсь,—прибавилъ онъ.

Она приложила къ его уху свои вдругъ затрепетавшія губы:

— Приходи завтра въ двѣнадцать часовъ.

— Въ полночь?

— Ну да, не днемъ же. Я не запру садовую калитку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Ижакевичъ. Лѣтописецъ Несторъ.

Несторъ лѣтописецъ.

(По поводу 800-лѣтія со дня смерти). Очеркъ Н. Денисюка.

800 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ наша исторія получила свое письменное начало, и дѣянія нашихъ князей, историческая жизнь народа, его преданія и домашняя обстановка были фиксированы и, благодаря этому, дошли до нашего времени. Въ XII вѣкѣ появилась драгоцѣнная для нашей исторіи и нашего знанія жизни прошлаго русскаго народа рукопись: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжети, и откуду Русская земля стала есть“. Здѣсь записаны многочисленныя преданія о прошедшихъ дняхъ Русской земли, сказанія лицъ, бывшихъ очевидцами или современниками тѣхъ или другихъ историческихъ событій, свѣдѣнія, почерпнутыя изъ иноземныхъ источниковъ, и наконецъ запись по годамъ происшествій, протекшихъ на глазахъ писавшаго эту первую исторію русскаго народа. Лѣтописецъ „Повѣсти времянныхъ лѣтъ“, видимо, пользовался многочисленными устными и письменными источниками, а также византійскими хрониками и исторической Палеею.

Кто же этотъ первый русскій историкъ? Кто далъ намъ первыя свѣдѣнія о нашей древней Руси? Кому пришла счастливая мысль не дать улетучиться и распылиться свѣдѣніямъ и сказаніямъ очевидцевъ, современниковъ цѣнныхъ для насъ событій нашего историческаго прошлаго? Кто отряхнулъ пыль со старыхъ хартій, оживилъ ихъ, соединилъ въ одно цѣлое и повелъ дальше запись того, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ? На этотъ счетъ наши историки расходятся во мнѣніяхъ. Одни говорятъ, что „Повѣсти времянныхъ лѣтъ“ принадлежатъ иноку Кіево-Печерскаго монастыря Нестору, за что онъ и получилъ извѣстность въ качествѣ „лѣтописца“, другіе же отрицаютъ авторство Нестора. Однако Нестору принадлежатъ и другія историческія сочиненія, свидѣтельствующія о томъ, что этотъ просвѣщенный инокъ былъ одаренъ историческимъ чутьемъ, понималъ значеніе исторической записи и отдавалъ себѣ отчетъ въ важности историческихъ событій. Его „Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ“ и его же „Житіе Преподобнаго Ѳеодосія“ даютъ богатѣйшій матеріалъ для нашихъ историковъ и пользуются громадною популярностью и до сихъ поръ среди нашихъ русскихъ книжниковъ.

Живя въ такомъ центрѣ умственной и исторической жизни, какъ Кіевъ, и приходя постоянно въ соприкосновеніи съ многими лицами, игравшими въ прошломъ нашего народа извѣстную роль и бывшими очевидцами многаго прошлаго, Несторъ не могъ не отмѣтить всего этого. Будучи отъ природы надѣленъ пытливостью ума и историческимъ смысломъ, онъ не могъ не пожелать оставить намъ своихъ записей. Въ стѣнахъ Кіево-Печерскаго монастыря можно было встрѣтить людей разнаго общественнаго положенія, собравшихся въ обитель изъ разныхъ концовъ Руси и принадлежащихъ къ разнымъ славянскимъ и неславянскимъ племенамъ. Среди братіи были люди, много странствовавшіе и много пережившіе, дряхлые старики, видѣвшіе на своемъ долгомъ вѣку многіе виды, и знатные люди, нѣкогда стоявшіе близко къ власти и хорошо знавшіе жизнь князей и высшаго сословія. Въ стѣнахъ этого историческаго монастыря жилъ и Варлаамъ—сынъ боярина, и инокъ Ефремъ—сынъ княжого конюшаго, и богатый купецъ изъ Торопца — Исаакій Затворникъ, и монахъ Арефа, родомъ изъ далекаго Полоцка, и Ефремъ — родомъ грекъ, и венгерецъ Моисей, много видѣвшій, долго жившій въ плѣну у польскаго короля Болеслава; здѣсь же мы встрѣчаемъ и Никона Сухого, тоже могшаго многое разсказать изъ того времени, когда онъ находился въ плѣну у половцевъ и приглядѣлся къ ихъ нравамъ и обычаямъ; наконецъ мы встрѣчаемъ среди иноковъ монастыря Іеремію Прозорливаго, очевидца крещенія русскаго народа въ водахъ Днѣпра при Владимірѣ Равноапостольномъ.

Многихъ привлекала святая обитель Ѳеодосія Печерскаго, и если и суждено было начаться лѣтописной русской исторіи, то это несомнѣнно только въ стѣнахъ Кіевской лавры.

Мы запоздали въ своемъ культурномъ и историческомъ развитіи и когда наконецъ вступили въ семью просвѣщенныхъ народовъ, то принуждены были учиться у нихъ, подражать имъ и брать у нихъ формы общественной жизни. Наибольшее и самое древнее вліяніе на наши нравы и просвѣщеніе имѣла Византія, откуда мы и получили новую религію Христа, смѣнившую у насъ язычество. Византія же полагаетъ у насъ и первыя основы просвѣщенія и грамотности: она даетъ намъ не только азбуку и книги богослужебныя, но и вноситъ въ предѣлы нашей страны литературу и искусство. Мы получаемъ прежде всего Псалтирь, Евангеліе и Апостолъ, т.-е. дѣянія св. апостоловъ и ихъ посланія. Но, помимо книгъ богослужебныхъ, изъ Византіи распространяются у насъ и книги, служащія для чтенія и развитія чувства и ума. Среди этихъ книгъ мы видимъ толкованія на пророковъ, переведенныя въ Болгаріи, писанія Отцовъ и Учителей Церкви: св. Кирилла Іерусалимскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Ѳеодосія Студита, Ефрема Сирина, Іоанна Дамаскина и пр. Этимъ книжнымъ богатствомъ могли пользоваться, конечно, далеко не всѣ, ибо книгопечатаніе еще не удешевило книгу, но зато всѣ эти сочиненія ходили въ массѣ выписокъ и отрывковъ.

Эти сочиненія послужили образцами для созданія и у насъ различныхъ сборниковъ подъ различными наименованіями: „Златостуевъ“, „Измарагдовъ“, „Златыхъ цѣпей“, „Златыхъ матицъ и пчелъ“ и т. д. Большая часть этихъ сборниковъ состоитъ изъ поученій и толкованій на различныя мѣста Священнаго Писанія, а также выписокъ изъ сочиненій Отцовъ Церкви. Однако въ такого рода сборники все чаще и чаще начинаютъ вкрапливаться національные мотивы: описаніе историческаго быта древней Руси, ея обычаевъ и нравовъ, ея государственнаго права, искусства, поэзіи и миѳологіи.

Помимо сборниковъ и толкованій Св. Писанія, появляются у насъ и сочиненія чисто историческаго содержанія — хроники и и хронографы византійскіе. Благочестивые и любознательные предки наши, читая греческіе „патерики“ (житія святыхъ), лѣтописи и хроники, конечно, должны были изъ нихъ почерпнуть побужденіе написать такого же рода сочиненія, но уже съ русскимъ содержаніемъ. Предъ ними шла, „волнуясь и шумя“, молясь и свершая подвиги, мирясь съ врагами и снова начиная битвы, собираясь и округляясь, Русь и русская жизнь. Они не могли не замѣтить, что и у себя на родинѣ свершаются великія и малыя дѣла, выдвигаются замѣчательныя лица, свершаются великіе подвиги благочестія и милосердія, течетъ богатая и разнообразная общественная жизнь. Эту жизнь можно и должно остановить на страницахъ своихъ русскихъ хартій и хронографовъ, своихъ историческихъ лѣтописяхъ и записанныхъ преданіяхъ.

Кто же это долженъ былъ сдѣлать? Кто въ силахъ былъ свершить такой подвигъ? Конечно, только просвѣщенный и хорошо грамотный классъ нашего духовенства. Для всѣхъ, знакомыхъ съ нашей исторіей, небезызвѣстно, что первыми нашими писателями и были именно лица духовныя, ибо только они одни въ тѣ далекія времена искусились въ дѣлѣ грамоты и книжнаго знанія. Правда, мы видимъ, что книгой интересуются и наши князья и княгини, читая ихъ и распространяя грамотность и просвѣщеніе; правда, что окружавшіе нашихъ князей дружинники и бояре любили чтеніе, и среди нихъ можно было насчитать немало лицъ, дорожившихъ книгами, собиравшихъ ихъ,—но все это было случайно, и только одно духовное сословіе стояло на должной высотѣ просвѣщенія и настолько было образовано, что могло взять на себя серьезный трудъ созиданія новыхъ книгъ и лѣтописей.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что наши монастыри въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи (XI, XII вѣка) были главными разсадниками просвѣщенія и, кромѣ того, привлекли въ свои ограды лучшихъ людей, любившихъ и искусныхъ въ книжномъ дѣлѣ. Въ монастыряхъ древней Руси понемногу скопились книжныя сокровища, и они стали играть роль библіотекъ. Ушедшіе отъ міра и мірской суеты, покончившіе съ тщетой и житейскими дѣлами, огражденные отъ опасностей крѣпкими монастырскими стѣнами, монахи болѣе всѣхъ другихъ сословій могли мирно предаваться самоуглубленію и просвѣщенію ума. Они были матеріально обезпечены и пользовались постояннымъ досугомъ, а при такихъ только условіяхъ и возможно развитіе творчества и умственной работы.

Все это и объясняетъ намъ, почему въ стѣнахъ обители получили начало наша литература и наша исторія. Стоя внѣ міра и его страстей, монахъ могъ спокойно наблюдать жизнь и вести безпристрастную запись событій и дѣлъ людей и подвиговъ. „При тогдашнемъ положеніи духовныхъ, въ особенности монаховъ,—пишетъ нашъ историкъ:—они имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и пріобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи: помимо этого, духовныя лица отправлялись обыкновенно послами; слѣдовательно, имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ: должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотеи, были и первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства: прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска и, будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ съ этимъ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщать о военныхъ дѣйствіяхъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія, нежели сами ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ“.

И на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что пергаменты того времени исписаны руками монаховъ. Сначала это была простая запись событій безъ ихъ внутренней связи, гдѣ все чередовалось, и иноки, „не мудрствуя лукаво“, писали о чудотворной иконѣ, а рядомъ съ этимъ—о моровой язвѣ, записывали свѣдѣнія о войнѣ князя съ иноплеменниками и тутъ же помѣщали свѣдѣнія о падежѣ скота и о кометѣ. По мѣрѣ того, какъ количество иноковъ въ обителяхъ росло, а вмѣстѣ съ этимъ умножалось и количество грамотныхъ людей, росла и эта историческая литература, представлявшая собою сырой матеріалъ для будущаго лѣтописца земли родной. И вотъ является нѣкій инокъ по имени Несторъ и изъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ записей и устныхъ преданій, свидѣтельскихъ разсказовъ и византійскихъ лѣтописей, замѣтокъ и хроникъ создаетъ единое, послѣдовательное цѣлое и озаглавливаетъ эту первую исторію русскаго народа „Повѣстью времянныхъ лѣтъ“.

Біографическія свѣдѣнія о Несторѣ-лѣтописцѣ не блещутъ полнотою и богатствомъ матеріала для его жизнеописанія. Преданіе гласитъ, что онъ жилъ въ XI вѣкѣ и скончался въ 1114 г., т.-е. въ началѣ XII вѣка. Достовѣрно извѣстно, что Несторъ 17-лѣтнимъ юношей пришелъ въ Кіево-Печерскій монастырь. Монастырь, благодаря трудамъ преподобнаго Ѳеодосія и щедрости великаго князя Изяслава, былъ основанъ въ 1062 г., и слава обители быстро распространилась во всѣ концы страны. Когда въ монастырь прибылъ мальчикъ-Несторъ, то тамъ только что была еще заложена каменная церковь (1073 г.). Грамотный и смышленый юноша былъ охотно постриженъ преемникомъ Ѳеодосія, игумномъ Стефаномъ, и вскорѣ поставленъ въ діаконы. Жизнь Нестора въ монастырѣ до 1091 г. намъ совершенно неизвѣстна, но въ этомъ году ему было поручено отыскать мощи св. Ѳеодосія Печерскаго, что̀ и было имъ исполнено. Но этимъ онъ не ограничился. Ѳеодосій былъ слишкомъ крупной личностью, чтобы не остановить на себѣ исключительное вниманіе своихъ современниковъ, а тѣмъ паче—братіи манастыря. Благодаря его мудрости, практичности, соединенной съ высокимъ подвижничествомъ и стойкостью характера, основался монастырь, сыгравшій такую выдающуюся роль въ исторіи русскаго народа и русскаго просвѣщенія. Изъ нѣсколькихъ пещеръ, вырытыхъ отшельниками, собравшимися вокругъ Антонія, образовалась обитель Печерская, затмившая всѣ монастыри того времени. Наши монастыри того времени основывались монахами-греками, прибывшими къ намъ для насажденія православія, и только одинъ Кіево-Печерскій монастырь возникъ и развился благодаря трудамъ русскихъ иноковъ. Это дало ему силу и поставило впереди другихъ монастырей Руси, связавъ съ народомъ духовной и національной связью. Отсюда распространялся свѣтъ просвѣщенія древне-русскаго благочествія и книжнаго званія. Изъ Кіево-Печерскаго монастыря вышли наши первые миссіонеры, какъ, напримѣръ, извѣстный проповѣдникъ Леонтій. Отсюда же вышла и большая часть владыкъ, и къ концу XII вѣка уже насчитывалось до 50-ти русскихъ епископовъ, происходившихъ изъ монастыря Ѳеодосія Печерскаго.

Весьма понятно, что при такой связи нашего общества XII вѣка съ монастыремъ и при той крѣпкой и любовной связи, которая существовала между иноками Печерскаго монастыря, — въ нихъ должно было пробудиться желаніе прославить свою обитель и увѣковѣчить память о выдающихся дѣятеляхъ своей обители. Понятно также отсюда, что Несторъ сталъ собирать свѣдѣнія о жизни и подвигахъ основателя монастыря, который скончался незадолго до прихода Нестора въ обитель, а также и о жизни остальныхъ подвижниковъ и воспитанниковъ обители.

Благодаря Нестору, мы имѣемъ такимъ образомъ достовѣрныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей, какимъ былъ Ѳеодосій Печерскій, а также и о жизни самаго монастыря, игравшаго въ XII вѣкѣ и позднѣе такую громадную и почетную роль. Жизнеописаніе Ѳеодосія было составлено Несторомъ по живымъ и достовѣрнымъ источникамъ, ибо еще здравствовали многія лица, знавшія подвижника лично. Еще былъ живъ келарь Ѳеодосія, инокъ Ѳеодоръ, знавшій отъ матери Ѳеодосія всѣ подробности младенческой и отроческой жизни преподобнаго. Многое могли разсказать лѣтописцу и монахи обители, среди которыхъ жилъ и работалъ покойный игуменъ.

Однако жизнеописаніе Ѳеодосія было не первымъ литературно-историческимъ опытомъ Нестора. До этого сочиненія онъ уже написалъ „Житіе Бориса и Глѣба“. Надо сказать, что объ этихъ святыхъ, столь чтимыхъ на древней Руси, писалъ уже до Нестора нѣкій монахъ Іаковъ Черноризецъ, но это не умаляетъ замѣчательнаго жизнеописанія Нестора, оставшагося и дошедшаго до насъ. Святые братія въ тѣ времена были особенно чтимы и любимы и нашею знатью и нашими князьями, считавшими ихъ покровителями княжескаго рода. Въ древнѣйшихъ поученіяхъ имена Бориса и Глѣба поминаются, какъ идеалъ братолюбія, глубокаго христіанскаго смиренія и благочестія. Трудно указать на другую такую книгу въ нашей древней Руси, которая была бы такъ распространена, какъ „Житіе Бориса и Глѣба“. Ее охотно читали и перечитывали, благоговѣя передъ нравственной чистотой и высокими душевными качествами погибшихъ мученическою смертью братьевъ.

Жизнь и дѣянія иноковъ печерскихъ и обстановку ихъ жизни Несторъ описалъ въ „Печерскомъ патерикѣ“, т.-е. въ сборникѣ житія святыхъ Кіево-Печерской лавры. Основная редакція этого замѣчательнаго произведенія XII вѣка до насъ не дошла, но мы имѣемъ позднѣйшую редакцію 1406 г. и знаемъ, что тамъ собраны сочиненія нѣсколькихъ иноковъ лавры и между ними Нестерова „Слово о первыхъ черноризцахъ печерскихъ“.

Основаніе этому патерику далъ Несторъ въ концѣ XI вѣка и началѣ XII, и только уже въ началѣ XIII вѣка къ тому, что̀ было собрано и записано Несторомъ, прибавили свои сочиненія Симонъ и Поликарпъ. Этотъ патерикъ много разъ передѣлывался и расширялся, дополняясь новыми статьями и житіями. Туда наконецъ попали даже сочиненія, не имѣющія никакого отношенія къ жизни иноковъ Печерскаго монастыря. Тамъ оказалось, напримѣръ, описаніе крещенія славянъ, разсказъ о томъ, какъ Св. Писаніе было переведено на славянскій языкъ, и пр. Однако и въ своемъ передѣланномъ и много разъ дополненномъ видѣ „Печерскій патерикъ“ сталъ въ послѣдующіе вѣка одною изъ самыхъ распространенныхъ и любимыхъ всѣми книгъ. Онъ расходился въ большомъ количествѣ и читался всею грамотною Русью, а люди благочестивые черпали изъ него духовную силу и бодрость и подражали образу жизни отшельниковъ и монаховъ славной Печерской обители.

Тихій азартъ.

Современная повѣсть
А. Зарина.

I.

Ольга Карповна остановила машину, оборвала нитку и подошла къ зеркалу примѣрить только-что сшитую кофту.

Стекло отразило изящную, стройную фигуру съ покатыми плечами и пышной грудью, смуглое лицо съ прямымъ носомъ, горделивыми красными губами и прекрасными глазами, надъ которыми, словно нарисованныя, изгибались черныя брови; густыя черныя косы, свернутыя короной на головѣ. Искусно сшитая кофточка, которую она примѣряла, оттѣнила матовый цвѣтъ ея лица и черноту глазъ, бровей и волосъ.

Ольга Карповна осмотрѣла себя въ зеркалѣ и самодовольно улыбнулась: всѣ считаютъ ее красивой, и сама она понимаетъ это лучше всѣхъ.

Стоя передъ зеркаломъ, она любовалась собою, когда ея чуткій слухъ уловилъ шумъ на лѣстницѣ, и, выглянувъ въ дверь, она звонко крикнула:

— Луша, отоприте дверь! Пришли дѣти.

Почти тотчасъ же послышался громкій звонокъ, потомъ шумъ, топотъ дѣтскихъ ногъ и ворчливый голосъ старой няньки. Въ спальню съ шумомъ ворвались дѣти: дѣвочка десяти лѣтъ и восьмилѣтній мальчикъ. Они были одѣты опрятно, но бѣдно. Ольга Карповна наклонилась къ нимъ и крѣпко поцѣловала обоихъ.

— Только не обнимайте, — испачкаете у мамы новую кофту. Идите и раздѣвайтесь. Няня, накорми дѣтей. Я сейчасъ выйду.

— Ну, ну, идите, козы, — сказала старая няня, вошедшая слѣдомъ за дѣтьми.

Дѣти ушли. Ольга Карповна смѣнила новую кофту, вышла въ столовую и сѣла подлѣ дѣтей.

Катя, не оставляя ѣды, сказала:

— Мама, непремѣнно купи мнѣ... знаешь, такую штуку, которую кидаютъ вверхъ. Я видѣла дѣвочку, которая очень хорошо играетъ въ такую игру.

— Куплю, моя дѣвочка. Вотъ папа принесетъ деньги, и куплю.

— А мнѣ велосипедъ и больше ничего, — заявилъ Петя.

— Велосипедъ! — Ольга Карповна засмѣялась. — Это очень дорого. Этого папа тебѣ не купитъ. И теперь зачѣмъ велосипедъ? Лѣто кончилось, кататься негдѣ. Я тебѣ куплю...

— Купи краски...

— Краски куплю. Рисовать будешь...

Въ комнату вошла Луша.

— Барыня, посмотрите телятину. Не пора ли вынимать?

— Сейчасъ, Луша.

Ольга Карповна встала и прошла на кухню.

Цѣлый день ея проходилъ въ незамѣтныхъ хлопотахъ. Сегодня съ утра она, по обыкновенію, занималась съ Катей, приготовляя ее къ экзамену въ гимназію, потомъ сидѣла за работой у швейной машины, теперь хлопочетъ по хозяйству, а тамъ придетъ мужъ—будутъ обѣдать.

Дѣти поѣли и ушли въ дѣтскую играть, гдѣ тотчасъ поднялся шумъ. Луша вынула телятину и загремѣла посудой, неся ее въ столовую накрывать на столъ. Ольга Карповна пришла въ дѣтскую и стала пришивать къ новой кофточкѣ пуговки и обметывать петли. Въ этой кофтѣ она сегодня пойдетъ къ Синицынымъ, и она запѣла вполголоса веселую пѣсню. Катя подхватила ее. Въ дѣтской стало весело и шумно.

Луша накрыла на столъ. Раздался звонокъ. Это вернулся Павелъ Аркадьевичъ, и къ нему навстрѣчу выбѣжали и Ольга Карповна и дѣти.

— Тише, — сказалъ онъ, смѣясь: — не всѣ сразу. Петя, бери портфель; Катя, забирай шляпу и зонтикъ. Ну, вотъ и я.

— Усталъ? — спросила Ольга Карповна.

— Какъ всегда, — отвѣтилъ онъ, обнимая ее и входя вмѣстѣ съ нею въ столовую, которая соединяла въ себѣ и гостиную, потому что въ ней стоялъ большой диванъ съ двумя креслами, и кабинетъ, потому что въ глубинѣ ея стоялъ письменный столъ со счетами и бумагами въ синихъ обложкахъ. Онъ положилъ на столъ бумажникъ съ часами и прошелъ въ спальню переодѣться.

— Луша, подавайте на столъ. Няня, умой дѣтей! — распорядилась Ольга Карповна и прошла за мужемъ.

Онъ перемѣнилъ крахмальную рубашку на мягкую и сверху надѣлъ вмѣсто халата лѣтнее пальто, которое отслужило уже свой срокъ. Ольга Карповна сѣла въ кресло и спросила:

— Какія у тебя новости?

Павелъ Аркадьевичъ улыбнулся:

— Радостныя... По пословицѣ: „не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“. Вообрази, я сегодня, сверхъ всякаго ожиданія, получилъ сто рублей.

— Сто рублей! — радостно воскликнула Ольга Карповна. — За что?

— Закончилъ одну провѣрку. Давно еще. А сегодня Карлъ Семеновичъ подошелъ ко мнѣ и подалъ мнѣ чекъ: „Правленіе, говоритъ, находитъ возможнымъ наградить васъ за эту сверхсрочную работу“. Пошелъ и получилъ сто рублей. Изъ нихъ я тебѣ 30 цѣлковыхъ. Сдѣлай себѣ что-нибудь для осени. Самъ хочу купить новый пиджакъ, а то этотъ совсѣмъ обносился.

Ольга Карповна весело засмѣялась:

— Это я тебѣ напророчила. Дѣти сегодня просили игрушки, а я сказала: „Какъ папа принесетъ деньги“... Ты и принесъ.

— Теперь купи, — сказалъ онъ добродушно, и они пошли въ столовую, гдѣ уже за столомъ сидѣли Катя и Петя, болтая ногами и играя ложками.

Когда обѣдъ кончился, Ольга Карповна спросила:

— Павля, ты что̀ вечеромъ дѣлать будешь?

— Какъ всегда, — отвѣтилъ онъ: — сейчасъ лягу спать, а потомъ встану и буду работать. Теперь у меня очень много работы. Надо оканчивать годовой отчетъ. Поработаю и опять спать. До завтра. А что̀?

— Я хотѣла пойти къ Синицынымъ... Ты видѣлъ мою новую кофточку?

— Надѣнешь и покажешь... А что̀ у Синицыныхъ?

— Ничего; я такъ; просто посидѣть. Ты работать будешь, дѣти спа́ть, что̀ же мнѣ дѣлать?

— Что̀ жъ, иди, — сказалъ Павелъ Аркадьевичъ, подымаясь со стула.

Онъ легъ, и скоро раздалось его ровное дыханіе съ легкимъ похрапываніемъ.

Ольга Карповна надѣла новую кофточку, причесалась, надѣла шляпу, взглянула на мужа и перешла дѣтскую.

Старая нянька сидѣла за большимъ столомъ и штопала дѣтскіе чулки. Катя и Петя разсматривали старый, истрепанный томъ иллюстрированнаго журнала. Ольга Карповна поцѣловала ихъ и сказала:

— Ну, будьте умными, завтра вмѣстѣ пойдемъ въ Гостиный дворъ, и я куплю вамъ игрушки. Няня, въ 9 часовъ непремѣнно уложи ихъ спать.

— Знаю, знаю, — сказала нянька. — А вы поздно вернетесь?

— Я не приду къ чаю. Барина разбуди въ половинѣ десятаго и дай ему чаю. Ну, пошла.

Памятникъ Анри Фабру, знаменитому естествоиспытателю и энтомологу, поставленный ему при жизни въ городѣ Авиньонѣ, въ окрестностяхъ котораго, въ мѣстечкѣ Сериньянѣ, проживаетъ престарѣлый ученый. Мраморная скульптура эта, работы Шарпантье, украшаетъ дворъ Нормальной Школы въ Авиньонѣ и является хотя поздней, но глубоко заслуженной данью благодарности современниковъ за труды высокой научной цѣнности, которымъ всю свою жизнь посвятилъ этотъ поэтъ жизни насѣкомыхъ. Два тома его капитальнаго сочиненія „Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ“ изданы и на русскомъ языкѣ нашимъ издательствомъ. По фот. Мёрисъ, въ Парижѣ.

Она еще разъ поцѣловала дѣтей и вышла въ переднюю. Луша помогла ей надѣть подержанное драповое пальто.

II.

Ольга Карповна весело прошла конецъ улицы и сѣла въ вагонъ трамвая. Настроеніе духа ея было радостное. Здоровая, молодая и красивая, любящая и любимая мужемъ и дѣтьми, не знающая тяжелыхъ лишеній, легко несущая свои обязанности, — она была всегда весела и довольна, а тутъ еще нежданный подарокъ мужа.

Пріятно ей было и провести вечеръ у Синицыныхъ, которыхъ она очень любила.

Калерія была ея подругой по гимназіи, веселая, взбалмошная, живущая только настоящимъ. И мужъ у нея подъ пару. Онъ былъ агентомъ страхового общества, продавалъ диктовальныя машины Эдиссона, состоялъ репортеромъ при одной распространенной газетѣ, зналъ полъ-Петербурга, и ихъ жизнь имѣла какой-то цыганскій характеръ: то у нихъ много денегъ, то совсѣмъ нѣтъ. Синицынъ вдругъ исчезалъ изъ дому и пропадалъ цѣлыя сутки, а то и двое, иногда сидѣлъ цѣлую недѣлю безвыходно дома, иногда срывался ночью и летѣлъ куда-то на край города, иногда бралъ автомобиль и катался съ женой по городу. Калерія весело разсказывала Ольгѣ Карповнѣ объ ихъ жизни, иногда веселой, иногда грустной, со сценами ревности, со сценами примиренія, и Ольгѣ Карповнѣ она казалась какой-то совсѣмъ особенной. Ея жизнь сложилась иначе. Мужъ ея, Павелъ Аркадьевичъ Черновскій, былъ помощникомъ бухгалтера одного акціонернаго общества, и жизнь ихъ протекала мирно и тихо, какъ теченіе небольшого ручья. 200 рублей жалованья, получаемые ея мужемъ, были недостаточны для спокойной жизни, и онъ бралъ добавочную работу, за которой просиживалъ иногда до глубокой ночи. Ольга Карповна вся отдалась семьѣ и почти не имѣла досуга за хозяйственными заботами. Иногда, урывая свободное время, она шла съ мужемъ въ театръ или ѣхала куда-нибудь за городъ. Ольгѣ Карповнѣ нравилась эта монотонная жизнь впрягшихся въ ярмо людей. Калерія съ мужемъ занимали ее, какъ яркая противоположность ихъ жизни, какъ развлеченіе, и теперь, когда она сошла съ трамвая и, перейдя дворъ, поднималась по узкой лѣстницѣ въ третій этажъ квартиры Синицыныхъ, она уже весело улыбалась въ ожиданіи веселой бесѣды, интересныхъ разсказовъ и какого-нибудь забавнаго приключенія. На ея звонокъ дверь ей отперъ самъ Константинъ Петровичъ, высокій, стройный брюнетъ съ бритымъ актерскимъ лицомъ и большими волнистыми волосами.

— Ольга Карповна! Привѣтъ на тысячу лѣтъ, — сказалъ онъ. — Позвольте пособить...

Онъ помогъ ей снять пальто и затѣмъ громко крикнулъ:

— Калерія! Пришла Ольга Карповна! Вставай и встрѣчай! Мы сейчасъ распорядимся чаемъ, — прибавилъ онъ и убѣжалъ изъ маленькой передней въ коридоръ.

Ольга Карповна прошла черезъ уютно обставленную комнату прямо въ спальню, гдѣ Калерія въ капотѣ, съ распущенными бѣлокурыми волосами, лежала на кровати. Она радостно протянула Ольгѣ Карповнѣ обѣ руки:

— Милочка, какъ я тебѣ рада. Скучища анаѳемская. Вчерашній день были въ клубѣ и все проиграли. Осталось только семь рублей, и тѣ, собственно говоря, надо было отдать, но сегодня за ними не пришли.

Она спустила босыя ноги съ постели, вдѣла ихъ въ туфли и поднялась:

— Какія у тебя новости?

Ольга Карповна тотчасъ отвѣтила:

— Мужъ получилъ на службѣ сверхъ жалованья сто рублей и подарилъ мнѣ изъ нихъ 30. Я хочу купить себѣ осеннюю кофту. Какъ ты думаешь, Калерія, гдѣ купить и какую?

— Гдѣ? Какую? Мы пойдемъ съ тобой въ Гостиный дворъ и купимъ. Я тамъ видѣла. И совсѣмъ недорого. За 22, за 26 руб. можно купить шикарную вещь. — Калерія оживилась: — Сейчасъ будемъ пить чай и поговоримъ. Идемъ!

Онѣ прошли въ столовую, куда вошелъ и Константинъ Петровичъ.

— Ну-ка, разскажите; какъ поживаете вы, ваша добродѣтель, и вашъ добродѣтельный супругъ.

— Ничего, слава Богу, — отвѣтила Ольга Карповна. — А вы?

— И мы тоже ничего. Вотъ немного профершпилились, а сегодня собираемся на поправку.

— Какъ? — воскликнула Калерія. — На поправку? Развѣ ты досталъ денегъ?

— Смотри! — Константинъ Петровичъ поднялъ руку и показалъ 25 рублей.

Калерія радостно захлопала въ ладоши:

— Милая Оля, а у тебя 30 рублей съ собой?

— А что̀?

— Слушай! — воскликнула Калерія: — сдѣлай себѣ удовольствіе и пользу. Поѣдемъ вмѣстѣ!

— Куда?

— Играть въ лото.

— Что ты дѣлаешь, безразсудная? Ты соблазняешь невинность!—воскликнулъ Константинъ Петровичъ и засмѣялся.—А по правдѣ, Ольга Карповна, я бы ее послушалъ. Вы вѣдь не играли еще?

— Никогда, и не была никогда въ клубѣ.

— Отлично. Я васъ проведу моментально. Замѣтьте, новичкамъ всегда везетъ безумно. Вы выиграете 100, 300, 500, 1000 выиграете! И мы съ вами закутимъ. Это не 30 рублей, можно сказать.

Калерія обняла Ольгу Карповну:

— Ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ! И безъ никакихъ!

— А если я все проиграю?

— Этого не можетъ быть, — категорически заявилъ Константинъ Петровичъ. — Помилуйте, карта 20 копеекъ. Играть мы будемъ, ну, скажемъ, до 12 часовъ. Всего одинъ часъ, полтора. Сколько вы можете проиграть картъ? Игра идетъ 5 минутъ, 12 игръ въ часъ. Всего, значитъ, 18 игръ, по одной картѣ— 3 р. 60 коп. Вы будете брать по 2 карты — 7 р. 20 коп., а выиграть можете и 100 и 200. Вотъ вамъ простая ариѳметика. Вѣрнѣе, чѣмъ варшавская лотерея.

— Вчерашній день выдача была на 20 к. — 72 рубля!—воскликнула Калерія. — Подлѣ меня сидѣлъ господинъ и выигралъ. Такая мнѣ досада. Не хватило номера 15. Пошло: 14, 16, 17, 13, а 15 нѣтъ.

— Вы вѣдь знаете игру?

Ольга Карповна кивнула:

— Конечно, знаю; съ дѣтьми часто играю.

— Ну вотъ, то же самое. Сиди и закрывай, сиди и закрывай. Выкрикнутъ ваши 5 номеровъ, кричите: „довольно!“ — и собирайте денежки. Такъ ѣдемъ?

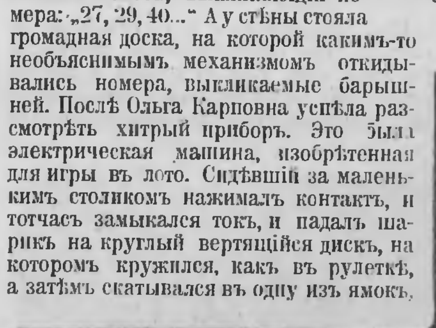
— Право, не знаю. Мужъ будетъ безпокоиться.

— Да вѣдь онъ знаетъ, что вы у насъ.

— Знать-то знаетъ...

— Ну и кончено. Ѣдемъ, ѣдемъ, голубушка, — и Калерія снова стала обнимать Ольгу Карповну.

Она слабо сопротивлялась. Мысль поѣхать въ клубъ и повидать незнакомую обстановку улыбалась ей. Узнать какія-то новыя ощущенія. Отчего не поѣхать.

М. М. Антокольскій, знаменитый русскій скульпторъ (1842—1902). Новый портретъ работы И. Е. Рѣпина, по заказу Императорской Академіи Художествъ. По фот. Я. Штейнберга.

И она сказала:

— Ну, хорошо, поѣдемъ. А ничего, что я такъ одѣта?

— Милая, ты такъ одѣта, что можешь на балъ, не только въ клубъ.

— Вотъ увидите, — засмѣялся Константинъ Петровичъ: — тамъ и въ бархатахъ, и въ шелкахъ, и въ простой ситцевой кофтѣ, даже въ капотѣ. Есть такія, знаете, „лотошницы“. Онѣ приходятъ къ самому началу: съ 8 часовъ. Въ 8 часовъ тамъ карта за 10 копеекъ. И играютъ до самаго конца. Если нѣтъ денегъ, просто сидятъ и смотрятъ, да облизываются. Щелкать зубами не могутъ потому, что зубовъ нѣтъ. Катя, подавай самоваръ!—закричалъ онъ, подходя къ двери.—Что она тамъ запропастилась!

— Сейчасъ несу! — послышался крикъ изъ кухни, и слѣдомъ за этимъ растрепанная Катя внесла самоваръ и съ шумомъ поставила его на столъ.

Калерія загремѣла посудой и занялась приготовленіемъ чая. Константинъ Петровичъ весело разсказывалъ про вчерашнюю игру. Они шли съ надеждой на выигрышъ и оставили тамъ все, кромѣ семи рублей, которые, къ счастью, забыли дома.

— Прямое счастье. Я ихъ отложилъ, чтобы заплатить за электричество. Не пришли, и семь рублей остались. Не будь ихъ, пришлось бы въ лавочкѣ въ долгъ брать.

— Значитъ, вы проигрываете?

— Какъ когда, — пожалъ плечами Константинъ Петровичъ. — У насъ было одинъ разъ три недѣли, когда мы каждый день выигрывали: 60, 100, 60, 100. Меньше 60 рублей никогда домой не приносили. И такъ три недѣли. Вотъ какъ иногда бываетъ. Бываетъ и проигрываемъ. Вы-то не бойтесь. Вы пойдете одинъ разъ...

— И все проиграю,—засмѣялась Ольга Карповна.

— Невозможно. Ну, а если бѣда случится, и проиграете какіе-нибудь тамъ 10 — 15 рублей, — ей-Богу, я вамъ ихъ достану,— въ долгъ, конечно, но достану. А провести васъ—сразу проведу. Калерія, разливай чай и ѣдемъ. И такъ уже время.

— Я сейчасъ.

Она разлила чай и пошла одѣваться.

— Игра въ лото, — заговорилъ Константинъ Петровичъ, оставшись одинъ съ Ольгой Карповной:—удивительная игра. Комбинація чиселъ поразительна. Возьмите, напримѣръ: цѣлый вечеръ не выходитъ какой-нибудь серіи, вдругъ — пятидесятыхъ или перваго десятка. А потомъ ощущенія! Сначала кажется игра монотонной, а потомъ становится увлекательной и васъ засасываетъ. У васъ образовалась кварта. Вамъ нужно только 62.

— Мнѣ вчера нужно 15 было!—крикнула изъ спальни Калерія.— 58 рублей выдавали.

— Да,—продолжалъ Константинъ Петровичъ:—вамъ нужно 62. И вотъ кричатъ: шестьдесятъ... три: шестьдесятъ... девять; шестьдесятъ... пять, а 62 нѣтъ и нѣтъ. Нервы напрягаются, вы волнуетесь, и впечатлѣніе остается довольно сильное. Къ этой игрѣ надо привыкнуть. Конечно, послѣ картъ она кажется монотонной, но для тѣхъ, которые не играютъ въ карты, — преинтересная игра. И безобидная. Вы знаете, сколько самое большее можно проиграть въ вечеръ, такъ, какъ мы играемъ? — 25 — 30 рублей.

— Но если такъ играть каждый вечеръ...

— Каждый вечеръ убыточно. Но зачѣмъ каждый вечеръ? Одинъ разъ въ недѣлю, два. Встряхнуться.

Калерія вошла въ комнату:

— Ну, я готова.

На ней было простое черное платье, гладко облегавшее всю ея фигуру. Свѣтлая блондинка, она въ черномъ платьѣ казалась еще бѣлѣе. На шеѣ у нея была золотая цѣпочка съ красивымъ подвѣскомъ изъ опала. На рукѣ красивое кольцо съ изумрудомъ. Она слегка подпудрилась и подвела брови.

— Ѣдемъ!

— Ѣхать, такъ ѣхать, — сказалъ Константинъ Петровичъ. — Я, значитъ, тебѣ даю 10, себѣ беру 10, а 5 — на завтрашній расходъ, въ случаѣ чего. Собирайтесь, Ольга Карповна. Катя, подавай пальто!

Константинъ Петровичъ вышелъ въ переднюю и запѣлъ:

— „Мальбрукъ въ походъ собрался“.

III.

Клубъ былъ совсѣмъ недалеко отъ квартиры Синицыныхъ. Они доѣхали почти тотчасъ.

Ольга Карповна слѣдомъ за Калеріей и ея мужемъ вошла въ подъѣздъ, двери котораго распахнулъ швейцаръ. Они поднялись по лѣстницѣ, покрытой краснымъ сукномъ, и вошли въ большую раздѣвальную комнату; служащіе при вѣшалкѣ подбѣжали къ нимъ и быстро сняли съ нихъ пальто.

— На одну вѣшай, милый человѣкъ, —сказалъ Константинъ Петровичъ.—Калерія, проходи пока въ гостиную. Я сейчасъ, — и Константинъ Петровичъ, заложивъ руки въ карманы, прошелъ изъ раздѣвальной въ маленькую комнату направо, а Калерія, подхвативъ подъ руку Ольгу Карповну, прошла съ нею въ уютную гостиную.

Она была освѣщена нѣжнымъ золотистымъ свѣтомъ. По стѣнамъ стояла изящная мебель, обитая желтой шелковой матеріей, и казалась вся золотой. Прекрасное піанино стояло у стѣны, уютные диваны и кресла манили къ покою. Калерія сѣла съ Ольгой Карповной.

Въ гостиную заглянуло нѣсколько человѣкъ. Красивая барыня въ роскошномъ туалетѣ подошла къ зеркалу, поправила прическу, оглянула съ ногъ до головы Калерію съ Ольгой Карповной и медленно пошла изъ комнаты. Бритое лицо актера выглянуло въ двери, какой-то толстый полковникъ вошелъ, попыхтѣлъ, повернулся, щелкнулъ шпорами и вышелъ.

— И много здѣсь народу?

— Много ли? Вотъ ты сейчасъ увидишь.

Константинъ Петровичъ вошелъ въ гостиную и, сдѣлавъ театральный жестъ рукой, сказалъ:

— Пожалуйста, теперь вы, можно сказать, равноправный членъ клуба „Домашній Очагъ“.—И засмѣялся.

Они вошли въ маленькую комнату, гдѣ у стола, на которомъ лежала большая книга, сидѣлъ господинъ въ сюртукѣ, съ краснымъ галстукомъ и краснымъ лицомъ.

— Здѣсь надо расписаться, — сказалъ Константинъ Петровичъ.

Ольга Карповна подошла къ книгѣ. Господинъ въ красномъ галстукѣ указалъ ей пальцемъ строку для записи. Она записала свою фамилію. Константинъ Петровичъ сказалъ:

— Вашъ номеръ 467. Напишите здѣсь.

Слѣдомъ за ней быстрымъ почеркомъ расписалась Калерія, и они двинулись по мягкому ковру въ залу, откуда раздавались легкое щелканье и монотонный женскій голосъ, выкрикивавшій:

— 72, 13, 8, 90, 60, 1, 24, 32.

Огромная зала была заставлена въ длину тремя узкими, длинными столами, покрытыми зеленымъ сукномъ. По сторонамъ этихъ столовъ сидѣли люди всѣхъ возрастовъ, половъ и во всякихъ костюмахъ. Роскошно и бѣдно одѣтыя дамы, молодыя и прекрасныя, старыя и сморщенныя; статскіе и военные, въ потертыхъ пиджакахъ и модныхъ смокингахъ, съ проборами и съ растрепанной прической; сѣдые, черные, рыжіе; космaтые и плѣшивые.

У Ольги Карповны разбѣжались глаза. Откуда-то раздавался монотонный голосъ, выкликающій номера: „27, 29, 40...“ А у стѣны стояла громадная доска, на которой какимъ-то необъяснимымъ механизмомъ откидывались номера, выкликаемые барышней. Послѣ Ольга Карповна успѣла разсмотрѣть хитрый приборъ. Это была электрическая машина, изобрѣтенная для игры въ лото. Сидѣвшій за маленькимъ столикомъ нажималъ контактъ, и тотчасъ замыкался токъ, и падалъ шарикъ на круглый вертящійся дискъ, на которомъ кружился, какъ въ рулеткѣ, а затѣмъ скатывался въ одну изъ ямокъ, которыхъ по окружности сдѣлано 90. Слѣдомъ за паденіемъ шарика замыкался электрическій токъ второго провода, и на доскѣ появлялся тотъ или другой номеръ. Дѣло случая.

Кто-то изступленно закричалъ:

— Довольно!

Раздался звонокъ, и игра прекратилась. Счастливецъ поднялъ свою карту. Служащій взялъ ее и громкимъ голосомъ прокричалъ:

— Карта номеръ 272. Третій рядъ внизу. Окончено на номерѣ 61!—и понесъ карту къ столу, гдѣ ее выставили и сдѣлали провѣрку номеровъ.

Въ ту же минуту во всѣ стороны побѣжали служащіе съ пачками картъ въ рукахъ и стали продавать ихъ играющимъ.

— Садитесь скорѣе, — сказалъ Константинъ Петровичъ, торопливо:—вонъ тамъ!

Онъ указалъ на конецъ одного изъ столовъ и сталъ пробираться между стульями играющихъ. Калерія двинулась за нимъ слѣдомъ, захвативъ руку Ольги Карповны. Къ нимъ подбѣжалъ служащій, и Константинъ Петровичъ сказалъ:

— По двѣ карты. Давай шесть картъ. Садитесь скорѣе, а то игра начнется.—Онъ подвинулъ стулья.— Берите карты и платите. Когда выйдетъ вашъ номеръ, закрывайте вотъ этими кружочками.

На столѣ лежали разбросанные, грязные отъ прикосновенія сотни рукъ, картонные пыжи.

Раздался звонокъ, и монотоннымъ голосомъ барышня начала выкрикивать номера:

— 20, 27, 17, 38, 4.

— Зачѣмъ же вы зѣваете? — сказалъ Константинъ Петровичъ.— У васъ 17, а вы его не закрыли. Закройте скорѣе.

Ольга Карповна за-

„Катанье съ горъ“, группа, сдѣланная по заказу для украшенія входа въ виллу въ г. Ниццѣ. Скульпторъ И. Я. Гинцбургъ за работой группы въ своей мастерской въ Петербургѣ. По фот. Я. Штейнберга.

„Катанье съ горъ“. Общій видъ группы, которая будетъ исполнена въ мраморѣ самимъ авторомъ, академикомъ И. Я. Гинцбургомъ, въ Италіи. По фот. Я. Штейнберга.

„Катанье съ горъ“. Послѣдняя работа академика И. Я. Гинцбурга.

крыла 17 и затѣмъ стала слѣдить за игрой, стараясь не пропустить номеровъ.

— 35, — и Ольга Карповна закрыла третій иомеръ въ одномъ ряду.

— Еще два номера—и вы выиграете.

Коистантинъ Петровичъ раскланивался съ знакомыми, разговаривалъ, курилъ и слѣдилъ за своими картами, за картами Калеріи и Ольги Карповны. Лицо его оживилось.

— 53!—крикнула барышня.

— Закрывайте!..

Ольга Карповна торопливо закрыла четвертый въ ряду номеръ.

— Теперь вамъ только 74—и вы выиграете.

— Ты непремѣнно выиграешь. Вотъ увидишь,—сказала Калерія.

— 74!—выкрикнула барышня.

— Довольно!—дикимъ голосомъ закричалъ Константинъ Петровичъ.

— Довольно! Довольно! — визгливо закричала Калерія.

Ольга Карповна счастливо улыбнулась и тихо сказала:

— Я выиграла...

Къ ней подошелъ служащій, и она подала ему карту. Кругомъ раздался шопотъ.

— Сколько?—спросила Калерія.

Константинъ Петровичъ приподнялся и посмотрѣлъ на доску, на которой было отмѣчено число проданныхъ картъ и сумма выдачи.

— Всего 24,—сказалъ онъ, опускаясь на стулъ.

Ольга Карповна откинулась на спинкѣ стула. Ей было и радостно и неловко. Пришла въ первый разъ, заплатила только 40 копеекъ—и вдругъ ей говорятъ, что она выиграла 24 рубля.

Къ ней подошелъ служащій съ пачкою новыхъ картъ.

— Съ счастливой карточкой,—сказалъ онъ.

М. П. Тобукъ-Черкассъ, предсѣдательница „Музыкально-Историческаго Общества имени графа А. Д. Шереметева“, въ роли „Кундри“.

— Послѣ!—сказалъ ему Константинъ Петровичъ.—Послѣ дадимъ.

Сидящая напротивъ Ольги Карповны дама улыбнулась ей и сказала:

— Первый разъ?

— Въ первый разъ, — отвѣтила Ольга Карповна.

— Въ первый разъ всегда везетъ. Вотъ и я,—вздохнула она: — выиграла 80 рублей, а послѣ этого все проигрываю и проигрываю. Полгода скоро.

— Ольга Карповна, берите же карту,—сказалъ Констаитивъ Петровичъ.

Ольга Карповна купила двѣ карты, и игра вачалась снова. Между стульевъ прошла высокая блондиика, неся кружку и пачку денегъ иа подносѣ. Она подошла къ Ольѣ Карповиѣ.

Константинъ Петровичъ взялъ деньги, сосчиталъ и сказалъ Ольгѣ Карповнѣ:

— Въ пользу служащихъ я жертвую 50 копеекъ.

Ольга Карповна подвииула къ себѣ деньги. Въ мысляхъ ея проносилось, какъ она вернется домой и удивитъ мужа.

Теперь у нея уже 52 рубля, и можно будетъ купить совсѣмъ хорошую вещь.

А игра шла своимъ чередомъ. Прошла одна, другая, третья. И снова у Ольги Карповны образовалось четыре номера, и снова, когда закричали 16, она закрыла пятый номеръ и закричала уже сама:

— Кончила, довольно!

Игра остановилась.

— Вотъ счастливица, — съ завистью сказала Калерія.—Я тебѣ говорила. А теперь какая выдача?

Константинъ Петровичъ приподнялся, посмотрѣлъ и отвѣтилъ:

— 37 рублей.

Игра продолжалась, и опять черезъ нѣсколько игръ Ольга Карповна выиграла. Въ этотъ разъ уже 40 рублей, а затѣмъ еще и еще. Ольга Карповна, изнеможенная, съ раскраснѣвшимся лицомъ, сказала

Храмъ св. Граля. Амфортасъ совершаетъ обрядъ вознесенія Чаши. (I дѣйствіе, 2 картина).

Опера Р. Вагнера „Парсифаль“ на сценѣ Императорскаго Эрмитажнаго театра въ С.-Петербургѣ, въ новой постановкѣ „Музыкально-Историческаго Общества имени графа А. Д. Шереметева“.

По фот. К. Фишера.

Замокъ волшебника Клингзора. Клингзоръ заклинаетъ Кундри. (II дѣйствіе, 1 картина).

— Довольно. Я устала.

Констaвтинъ Петровичъ хлопнулъ рукой по столу и сказалъ:

— Довольно, такъ довольно. Пойдемте ужинать. Вы насъ угощаете шампанскимъ.—И онъ повелъ ее въ буфетъ. Въ буфетной за столикомъ онъ распорядился ужиномъ и, пока подавали, сказалъ:—Ну, посчитаемъ, сколько вы выиграли.

Оии иачали считать. Ольга Карповна выиграла 210 рублей.

— Вотъ это повезло! Дай мнѣ 25,—сказала Калерія.

— Пожалуйста.

— Ну, а мнѣ на счастье 10 рублей.

— Пожалуйста.

Ольгѣ Карповнѣ хотѣлось итти скорѣе домой, но было неловко уйти отъ ужина. Пробилъ часъ ночи, когда они вышли изъ буфетной и снова прошли черезъ залу. Ольга Карповна услышала, какъ нѣсколько человѣкъ сказали: „Вотъ она“. Всѣ замѣтили ея выигрышъ.

Они вышли. Констаитинъ Петровичъ нанялъ ей извозчика. Калерія сказала:

— Я зайду за тобой завтра, и пойдемъ въ Гостиный дворъ.

— Хорошо, приходи, я буду ждать.

Оиѣ крѣпко поцѣловались, и Ольга Карповиа, счастливая, поѣхала домой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Красоткина“ жизнь.

Разсказъ Е. Руссатъ.

Она родилась отъ знаменитаго „Ермака“ и золотистой „Вьюги“. Когда ее, трехлѣтнюю, темно-рыжую, стройную кобылку впервые увидѣлъ молодой баринъ-помѣщикъ, то залюбовался ея тонкими, точеными ножками, широкой грудью, маленькой породистой головой и великолѣпнымъ постановомъ шеи.

— Этакая красотка!—вырвалось у него, и съ тѣхъ поръ кличка „Красотки“ осталась за нею.

Баринъ скоро выучилъ ее ходить подъ сѣдломъ и брать препятствія и часто, ласково трепля ее по холкѣ, повторялъ:—Не конь, а золото.—А „Красотка“ благодарно косилась на иего кроткими, умными глазами, радуясь, что она такъ хорошо и послушно служитъ тому, кто ее хвалитъ.

Служба же была въ томъ, что почти каждый день ее, вычищенную и нарядно осѣдланную, подводили къ парадному крыльцу на бѣлый дворъ. Выходилъ баринъ въ высокихъ сапогахъ со шпорами, въ синей, гладко обтянутой курткѣ, съ англійскимъ хлыстикомъ въ рукахъ, и, огладивъ ее, ловкимъ, быстрымъ движеніемъ перекидывалъ ногу въ стремя и давалъ ей легкій шенкель.

Она выходила изъ воротъ и хотя отлично догадывалась сама, что надо свернуть направо, все-таки послушно ждала, чтобы ее послали. Она знала, что такъ должна дѣлать каждая воспитанная лошадь.

Дорога вела лѣсомъ, въ сосѣднюю усадьбу Ильинку, гдѣ жила молодая хозяйка-вдова, ильинская барыня. На лѣсной тропинкѣ, подъ густыми елями, стояли почти никогда не высыхающія лужи, и „Красотка“, пофыркивая и прислушиваясь къ легкому скрипу кожи на англійскомъ сѣдлѣ, пыталась обходить ихъ стороной, но твердыя, упрямыя руки сейчасъ же натягивали поводья и приказывали—прямо...

Гурнеманцъ, въ исполнении П. Ф. Селиванова.

Клингзоръ, въ исполнении С. И. Ильина.

Опера Р. Вагнера „Парсифаль“ на сценѣ Императорскаго Эрмитажнаго театра въ С.-Петербургѣ, въ новой постановкѣ „Музыкально-Историческаго Общества имени графа А. Д. Шереметева“.

По фот. К. Фишера.

Она виновато шевелила ушами, думая про себя покорно: „Ну если нельзя, такъ не надо“,—и шла въ воду, стараясь поднять какъ можно меньше брызгъ.

Едва завидѣвъ Ильинскую усадьбу, она уже знала, что сейчасъ ее заставятъ перейти съ рыси на шагъ, и что нужно, не торопясь, подойти къ парадному крыльцу, на которомъ покажется высокая и тоненькая фигура молодой барыни.

Она знала также, что сейчасъ къ ней потянется маленькая рука съ кусочкомъ сахара на узкой розовой ладони, и что горячія губы поцѣлуютъ ее въ мягкое бархатное мѣстечко между ноздрями, и пѣвучій голосъ крикнетъ негромко:

— Андрей, разсѣдлай „Красотку“.

Потомъ ее уведетъ съ собой парень въ яркой рубашкѣ и, разсѣдлывая, похлопаетъ по крутымъ, лоснящимся бокамъ и непремѣнно скажетъ:—Ишь ты, гладкая!

Она терпѣливо дожидалась того часа, когда послѣ заката растаютъ розовыя, пушистыя облака съ золотой каемкой, и пахнетъ влажной свѣжестью изъ лѣса...

Старыя, косматыя сосны вытянутъ черныя лапы надъ дорогой, и, глядя на нихъ, она думала, что впотьмахъ надо будетъ итти чутко и осторожно, чтобы не споткнуться о камни у Ольховскаго ручья... Баринъ не любитъ этого...

Тотъ же пѣвучій голосъ окликалъ негромко:—Андрей, коня, — и она послушно давала осѣдлать себя, даже не пытаясь раздуть бока, чтобы не такъ туго охватывали подпруги.

Баринъ, сѣвъ на нее, разбиралъ поводья, но трогаться съ мѣста было все равно еще рано, потому что знакомыя маленькія ручки должны были сперва погладить ее по гривѣ, и горячія губы снова цѣловали бархатное мѣстечко между ноздрями и спрашивали:

— Тебя никто такъ не цѣлуетъ, „Красоточка“, а?

Парсифаль, въ исполненіи Н. Н. Куклина.

Амфортасъ, въ исполненіи А. Г. Григорова.

И молодой баринъ смѣялся въ отвѣтъ:—Никто, никто!..

„Красотка“ въ такихъ случаяхъ неодобрительно потряхивала головой и думала, что вѣдь это же неправда! Какъ же никто, когда каждую недѣлю къ барину пріѣзжаетъ какая-то полная бѣлокурая дама, которую „Красотка“ должна катать въ шарабанчикѣ, и которая точно такъ же цѣлуетъ ее и съ тревожной лаской спрашиваетъ что-то?.. А баринъ также смѣется въ отвѣтъ. Почему онъ не раскажетъ этого ильинской барынѣ, и вообще почему у людей все такъ сложно и запутаио?

Никакъ не поймешь, напримѣръ, зачѣмъ баринъ Богъ вѣсть сколько времени мучилъ красавца „Гудзона“, заставляя его прыгать черезъ барьеры, черезъ канавы и черезъ какія-то ирландскія банкетки? А потомъ, когда „Гудсонъ“ заработалъ нѣсколько тысячъ на скачкахъ и на одномъ препятствіи повредилъ себѣ ногу, баринъ велѣлъ пристрѣлить его и самъ смотрѣлъ, какъ онъ дергался въ предсмертныхъ судорогахъ всѣмъ тѣломъ! Зачѣмъ это? Вѣдь „Гудзонъ“ въ свое время такъ хорошо работалъ и могъ бы, казалось, отдохнуть подъ старость хоть и съ поврежденной ногой! И ни за что не догадаешься, почему баринъ велитъ досыта кормить овсомъ только ее, „Красотку“, да своихъ выѣздныхъ рысаковъ, служба которыхъ совсѣмъ не тяжелая, а рабочія лошади, на которыхъ и пашутъ и боронятъ, возятъ хлѣбъ, убираютъ поля, должны питаться кое-какъ сѣномъ и соломой, и у нихъ отъ худобы торчатъ ребра, обтянутыя шаршавой кожей, и ихъ всегда бьютъ и мучатъ, и никто изъ людей не хочетъ понять, что вѣдь это же несправедливо, и что онѣ имѣютъ больше права на ласку и на хорошій уходъ...

„Красотка“ думала такъ, поводя своими острыми, изящными ушами и прислушиваясь къ далекимъ колокольчикамъ, звенѣвшимъ въ полѣ... Она знала, что тамъ пасется табунъ, и привѣтствовала его короткимъ серебристымъ ржаніемъ... Такое же ржаніе, только грустное и жалобное, звучало ей въ отвѣтъ... Оиа угадывала въ немъ много чего-то такого, что люди не могли бы понять никогда...

День Страстной Пятницы. Кундри въ присутствіи Гурнеманца омываетъ ноги Парсифалю. (III дѣйствіе, 1 картина).

Опера Р. Вагнера „Парсифаль“ на сценѣ Императорскаго Эрмитажнаго театра въ С.-Петербургѣ, въ новой постановкѣ „Музыкально-Историческаго Общества имени графа А. Д. Шереметева“.

По фот. К. Фишера.

Разъ случилось такъ, что баринъ выѣхалъ изъ Ильинской усадьбы злой и хмурый, а барыня даже не спустилась съ крыльца и не приласкала „Красотку“, которая, чувствуя, какъ нервенъ ея всадникъ, забезпокоилась сама.

Ее никогда не били раньше, и неожиданный жгучій ударъ хлыста заставилъ ее вздрогнуть и метнуться въ сторону. А удары посыпались все чаще, все больнѣе, пока она не перешла съ галопа на карьеръ и не понеслась во весь духъ, сердито прижимая уши и думая: „За что это? Вѣдь я ни въ чемъ не виновата“.

Баринъ гонялъ ее до поздней ночи и привелъ домой всю въ мылѣ и пѣнѣ, а конюхъ на бѣду былъ пьянъ и даже, не выводивъ ее хорошенько, напоилъ и засыпалъ овса.

Съ тѣхъ поръ баринъ не садился на нее, разбитую, съ дрожащими ногами, и только ворчалъ угрюмо:

— Пропащая лошадь...

Однажды онъ велѣлъ вывести ее изъ денника и подошелъ къ ней съ какимъ-то высокимъ, толстымъ человѣкомъ, который раскрывалъ ей ротъ, смотрѣлъ зубы, тыкалъ ей въ похудѣвшіе, впалые бока и разглядывалъ копыта. Толстый человѣкъ надѣлъ на „Красотку“ недоуздокъ и повелъ ее за собой.

Она шла, покорно переступая когда-то точеными ножками, и косилась умными, печальными глазами въ ту сторону, куда ушелъ баринъ.

Толстый человѣкъ оказался барышникомъ и продалъ „Красотку“ извозчику-лихачу.

Въ холодъ, въ слякоть и въ дождь надо было мчаться теперь по обледянѣвшей или по грязной и скользкой мостовой, ни на минуту не сбавляя хода, и думать о томъ, чтобы только не упасть на мокрые камни, потому что тогда удары посыплются градомъ, и надо будетъ выбиваться изъ силъ, чтобы встать на ноги самой, безъ грубой помощи тѣхъ, кто будетъ тянуть ее подъ уздцы, кричать, ругаться и размахивать кулаками надъ ея головой...

„Красотка“ все-таки начала-было привыкать къ этой жизни, тяжелой и мучительной, и все рѣже и рѣже вспоминала позвякиваніе далекихъ колокольчиковъ въ полѣ, нѣжный, тонкій запахъ клевера и легкій скрипъ англійскаго сѣдла...

Но однажды гдѣ-то совсѣмъ близко отъ нея раздался знакомый пѣвучій голосъ, и, полуобернувъ голову, она узнала ильинскую барыню, стоявшую возлѣ ея коляски. Барыню держалъ подъ руку высокій офицеръ.

„Красотка“ заржала тихо и радостно, стараясь напомнить о себѣ и вымолить прежнюю ласку, но кучеръ дернулъ возжи, осаживая ее и крича вслѣдъ барынѣ и офицеру:—Пожалуйте.

Въ тотъ разъ „Красотка“ старалась бѣжать какъ можно быстрѣе и изрѣдка осторожно поводила ушами, прислушиваясь къ знакомому пѣвучему смѣху тамъ, въ коляскѣ, но слабыя, разбитыя ноги раскатывались на обледянѣломъ снѣгу, и, круто поворачивая въ сторону, она поскользнулась и упала на полномъ ходу... Встать сама она уже не могла отъ невыносимой, жгучей боли въ плечѣ... Когда ее подняли, она увидала удалявшіяся фигуры своихъ сѣдоковъ и умными, кроткими, плачущими глазами поглядѣла вслѣдъ ильинской барынѣ. Но теперь, какъ и тогда, никто не оглянулся и не пожалѣлъ... И она вспомнила, что вѣдь она „пропащая лошадь“...

Марія Гавриловна Савина въ своемъ кабинетѣ. (По поводу 40-лѣтія артистической дѣятельности).

По фот. І. Оцупа.

Разбитое плечо зажило кое-какъ, но для извозчика-лихача „Красотка“ не годилась... Ее продали сперва цыгану, а потомъ какому-то мужику, который возилъ на ней талый снѣгъ и мусоръ со дворовъ. Это была невыносимая работа...

Кругомъ кричали и ругались грубые голоса, свистѣлъ кнутъ надъ головой, и исхудалое, измученное тѣло, судорожно вздрагивая, покорно ждало ударовъ. И глаза, прекрасные, умные и кроткіе глаза плакали и безмолвно молили о жалости, но никто изъ людей не замѣчалъ этого... Ея ноги безсильно подгибались въ колѣняхъ, и она пошатывалась на мѣстѣ, говоря всѣмъ своимъ видомъ: „бейте меня, но больше я не могу сдѣлать ни шагу“.

Это было въ одинъ изъ послѣднихъ мартовскихъ дней, когда вьюга и вѣтеръ разметали остатки таявшаго снѣга. „Красотка“ тащила изъ-подъ воротъ тяжелый возъ и споткнулась на гладкихъ асфальтовыхъ плитахъ. Въ этотъ день она падала уже въ который разъ, и въ который разъ длинная деревянная палка, замѣнявшая ея хозяину кнутъ, полосовала ее по спинѣ и по впавшимъ тощимъ бокамъ съ выдавшимися ребрами. По привычкѣ она сдѣлала-было отчаянное усиліе встать и—покачнулась отъ нестерпимой боли: кто-то изъ всѣхъ силъ толкнулъ ее сперва въ грудь, а потомъ тяжелый ударъ кулака заставилъ ее вздернуть кверху голову съ кроткими плачущими глазами... И въ тотъ же мигъ все ея тѣло задрожало отъ страшной слабости, и судороги свели ноги и шею...

„Красотка“, чувствуя какую-то небывалую, пріятную легкость, глубоко вздохнула и, навалившись всей тяжестью на оглоблю, грохнулась на бокъ.

И вдругъ все стихло и стемнѣло кругомъ, и стало хорошо—какъ никогда...

Сеансъ гипнотическаго внушенія, примѣняемаго въ Институтѣ борьбы съ алкоголизмомъ.

Институтъ борьбы съ алкоголизмомъ.

(Съ 3 рис. на этой стр).

Въ связи съ высокознаменательными словами Монарха въ манифестѣ на имя министра финансовъ вопросъ о злоупотребленіи алкоголемъ и борьбѣ съ этимъ бичомъ народнаго здоровья и труда достигъ небывалой остроты.

Въ недавно возникшемъ на окраинахъ С.-Петербурга Клиническомъ Противоалкогольномъ Институтѣ ведется интенсивная борьба съ алкоголизмомъ на два фронта. Съ одной стороны, лѣчатся больные хроническимъ и острымъ алкоголизмомъ, какъ амбулаторно на ежедневныхъ пріемахъ, такъ и стаціонарно въ клиническомъ отдѣленіи, разсчитаниомъ пока на 60 мѣстъ; съ другой стороны, ведется активная научная работа по изученію воздѣйствія алкоголя на организмъ.

Благодаря неутомимой энергіи и широкой иниціативѣ акад. В. М. Бехтерева, возникъ за Невской заставой въ „Царскомъ Городкѣ" сначала Психо-Неврологическій институтъ, какъ ученое и учебное учрежденіе съ клиниками въ отдѣльныхъ зданіяхъ, а затѣмъ въ 1911 году при Психо-Неврологическомъ институтѣ выросло зданіе Клиническаго Противоалкогольнаго института.

Въ зданіи института помѣщаются клиника въ двухъ этажахъ, амбулаторія, два электрическихъ кабинета, оборудованныхъ по послѣднему слову врачебной техники, великолѣпная водолѣчебница, аптека и наконецъ различныя лабораторіи, какъ біохимическая объективной психологіи и другія, гдѣ ведутся научныя работы подъ непосредственнымъ руководствомъ В. М. Бехтерева.

Группа врачей Института борьбы съ алкоголизмомъ, во главѣ съ академикомъ В. М. Бехтеревымъ, иниціаторомъ и организаторомъ этого учрежденія.

Что касается лѣченія, то оно сводится къ слѣдующему: съ момента поступленія больнымъ назначается молочная діэта, имѣющая цѣлью дать, съ одной стороны, наиболѣе нераздражающій и легко усваиваемый пищевой продуктъ, съ другой стороны—какъ бы промываніе организма отъ скопившихся въ немъ ядовитыхъ конечныхъ продуктовъ неправильнаго обмѣна, наблюдающагося у алкоголиковъ въ связи съ различными дефектами со стороны функцій почекъ, печени, желудочно-кишечнаго тракта и другихъ органовъ. Послѣ опредѣленнаго промежутка времени молочная діэта замѣняется вегетаріанскимъ столомъ, какъ не содержащимъ экстрактивныхъ и возбуждающихъ веществъ. Одновременно съ діэтой идетъ лѣкарственная терапія, имѣющая цѣлью, съ одной стороны, возстановить пошатнувшееся нервное равновѣсіе организма, съ другой—вызвать отвращеніе къ употребленію напитковъ, содержащихъ алкоголь. На первомъ планѣ стоять успокаивающія и тонизирующія средства, такъ называемая бромо-стрихнинная терапія, лѣченіе возрастающими дозами атропина и др.

Далѣе, въ цѣляхъ укрѣпленія нервной системы, назначаются различныя гидропатическія процедуры, какъ ванны (сосновыя, углекислыя, кислородныя, морскія), дожди, души Шарко и т. д. и электрическія, какъ токи высокой частоты и напряженія, электро-свѣтовыя ванны, рентгено-терапія, магнито-терапія, механо-терапія и т. д.

Помимо діэтетическаго, лѣкарственнаго и физическаго лѣченія, существенную роль въ терапіи алкоголиковъ занимаетъ систематическое гипнотическое внушеніе, которое довершаетъ укрѣпленіе воли.

Со всѣхъ концовъ необозримой Россіи стекаются больные въ Клиническій институтъ; не только изъ Европейской Россіи, но и изъ отдаленнѣйшихъ пунктовъ Сибири, отъ береговъ Сыръ-Дарьи и изъ Коканда являются жаждущіе исцѣленія. Излѣчившіеся снова разъѣзжаются по своимъ мѣстамъ, оставаясь въ общеніи съ институтомъ и подъ его вліяніемъ въ дальнѣйшемъ періодѣ своей жизни.

Въ стѣнахъ института кипитъ интенсивная научная работа.

Органомъ, отражающимъ дѣятельность института, является журналъ „Вопросы алкоголизма", издающійся подъ редакціей В. М. Бехтерева.

Насчитывая не болѣе, какъ третій годъ своего существованія, Противоалкогольный Клиническій институтъ уже провелъ черезъ свои стѣны, возвратилъ работоспособность и поставилъ на ноги тысячи больныхъ.

Можно надѣяться, что, съ переходомъ этого учрежденія въ вѣдѣніе государства, Противоалкогольному Клиническому институту предстоятъ еще болѣе широкія перспективы по борьбѣ словомъ и дѣломъ съ язвами алкоголизма, разъѣдающими мощный организмъ великой Россіи.

Наружный видъ зданій Института борьбы съ алкоголизмомъ.

Институтъ борьбы съ алкоголизмомъ.

Н. Н. Бунинъ. (Къ рисункамъ).

Настоящій нумеръ „Нивы" посвященъ посмертной выставкѣ художника Н. Н. Бунина. Съ особенной любовью онъ изображалъ охотничьи, батальныя сцены и животныхъ—преимущественно лошадей.

Рядъ воспроизводимыхъ нами картинъ Н. Н. Бунина достаточно убѣдительно подтверждаетъ это: вотъ, напримѣръ, *„На стойлѣ"*, мирный пейзажъ съ коровами,—пейзажъ, такъ знакомый русскому глазу. Вотъ *„Хозяинъ пріѣхалъ"*—хозяинъ лошадей, которыя пасутся въ сельскомъ привольѣ. И здѣсь чувствуется близкая намъ русская картина... Далѣе, *„Къ вечеру"*—медленно возвращающійся съ охоты доѣзжачій съ сворой собакъ. *„Арабскія лошади въ имѣніи гр. Строганова"*—типичныя фигуры лошадей на фонѣ красиваго пейзажа... А вотъ и картины батальнаго характера: *„Друзья"*—казакъ и его конь, одновременно сраженные вражьей пулей и уснувшіе навѣки въ братскомъ единеніи... *„Конь-плѣнникъ"*, захваченный русскими солдатами въ одной изъ стычекъ съ азіатами. Болѣе мирный характеръ носитъ *„Историческая мельница въ Каменкѣ"* *Кіевской губ.*, гдѣ жилъ и работалъ Шервудъ, раскрывшій здѣсь заговоръ южно-русскихъ декабристовъ.

Наркизъ Николаевичъ Бунинъ свое житейское поприще началъ съ военной службы въ Егерскомъ полку. Еще будучи офицеромъ, онъ въ 1884 году поступилъ въ Академію Художествъ и въ 1891 году былъ удостоенъ званія почетнаго общника Академіи.

Въ 1901 году Н. Н. Бунинъ вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника. Не отличаясь крѣпкимъ здоровьемъ, онъ тѣмъ не менѣе усердно работалъ, и его картины часто появлялись на выставкахъ.

Въ 1905 году художника постигло большое несчастье: во время аграрныхъ безпорядковъ его имѣніе было сожжено и разграблено, и Н. Н. Бунинъ лишился всего имущества. Это несчастіе роковымъ образомъ повліяло на него, окончательно подорвало его здоровье и свело въ могилу.

М. Г. Савина. (Портр. на стр. 357).

Русская сцена богата дарованіями. Русская сцена имѣетъ свою исторію, свои традиціи и воспоминанія. И мы знаемъ въ области современной русской сцены одно такое дарованіе, въ которомъ объединено все: и прекрасный, отъ Бога данный, талантъ, и глубокая культурность этого таланта, и уже установившіяся и выработанныя имъ традиціи, и громкое имя въ исторіи русской сцены, и яркія воспоминанія цѣлыхъ поколѣній о той, которая носитъ это имя и свой прекрасный талантъ.

Это имя и этотъ талантъ—Марія Гавриловна Савина. 9 апрѣля с. г. исполнилось сорокъ лѣтъ ея пребыванія на сценѣ Императорскихъ театровъ. Несмотря на то, что этотъ юбилейный день ничѣмъ не былъ офиціально отмѣченъ въ Императорскихъ театрахъ, вся культурная и любящая театръ Россія не могла обойти молчаніемъ день 9 апрѣля. Великая русская артистка получила множество поздравленій со всѣхъ сторонъ, отъ самыхъ разнообразныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ. Въ этотъ день мы, любящіе наше искусство, помянули въ лицѣ М. Г. Савиной цѣлый рядъ созданныхъ ею замѣчательныхъ сценическихъ образовъ, начиная съ того времени, когда на сценѣ Александринскаго театра впервые предстала предъ зрителями тоненькая, смуглая „Дикарка", и кончая современными сценическими перевоплощеніями Савиной въ пьесахъ нынѣшняго репертуара.

Какая богатѣйшая гамма типовъ, настроеній, красокъ! Творчество М. Г. Савиной—„многострунная арфа", на которой знаменитая артистка умѣетъ играть съ захватывающимъ подъемомъ и силою. Талантъ Савиной такъ разнообразенъ и разностороненъ, что трудно указать на лучшее, на болѣе типичное среди ея сценическихъ перевоплощеній. Она даетъ незабываемые образы, и, поскольку театръ является отраженіемъ жизни, она даетъ намъ такіе яркіе лучи этихъ отраженій, что театръ, когда она находится на его подмосткахъ, уже сливается съ жизнью и переходитъ въ подлинную жизнь. Недаромъ великая артистка избрала своимъ девизомъ слова: „Сцена—моя жизнь"... Мы можемъ прибавить, что та сцена, на которой творитъ свои незабываемыя воплощенія М. Г. Савина, становится жизнью и зрителей. Она вводитъ всѣхъ насъ въ рамки этой художественной жизни: мы страдаемъ ея страданіями, живемъ ея порывами и стремленіями.

Но девизъ М. Г. Савиной имѣетъ и другой—прямой смыслъ: она фактически жила и живетъ на сценѣ и сценою, начиная съ дѣтства. Вся жизнь М. Г. Савиной протекаетъ на сценическихъ подмосткахъ. И вотъ сорокъ лѣтъ она живетъ только на подмосткахъ Императорской сцены: сорокъ долгихъ лѣтъ ея бытіе всецѣло связано съ Александринскимъ театромъ, украшая его. Александринскій театръ прямо немыслимо представить себѣ безъ Савиной, безъ ея стройной, сухощавой фи-

Директоръ Технолог. Инст. проф. Г. Ф. Депп. — Директоръ Института Пут. Сообщ. Инж. Борейша. — Тов. мин. внутр. дѣлъ В. Ф. Джунковскій. — Предсѣдатель Съѣзда Н. Е. Жуковскій. — Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ. — Тов. Предс. Съѣзда гр. И. В. Стенбокъ-Ферморъ. — Управл. Гос. банкомъ И. П. Шиповъ. — Ген.-ад., бар. Ѳ. Е. Мейендорфъ.

Открытіе Всероссійскаго Съѣзда Воздухоплавателей въ С.-Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ Почетнаго Предсѣдателя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича. По фот. І. Оцупа.

гуры, безъ ея глазъ, безъ ея голоса. Она поистинѣ душа этого театра, нашего образцоваго театра. Но и самъ театръ этимъ титуломъ своимъ во многомъ обязанъ именно Савиной.

М. Г. Савина начала свою сценическую дѣятельность въ ту эпоху, когда пришелъ великій художникъ нашей драматургіи, Островскій. Она создала цѣлый рядъ типовъ въ его пьесахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создала сценическія традиціи для пьесъ Островскаго. Въ этомъ отношеніи сценическая дѣятельность Савиной можетъ назваться классической. Далѣе, она давала свой художественный сценическій откликъ на творчество каждаго изъ современныхъ намъ эпигоновъ Островскаго. Трудно указать кого-либо изъ выдающихся современныхъ намъ драматурговъ, котораго не истолковала бы намъ въ созданныхъ имъ пьесахъ М. Г. Савина.

Свѣжій и гибкій талантъ ея до сихъ поръ позволяетъ ей царить на Александринской сценѣ. Сорокъ лѣтъ прошли, какъ сонъ, но сама М. Г. Савина остается все той же великолѣпной артисткой. Честь и слава ей, и дай Богъ ей еще многихъ и многихъ лѣтъ для такой же красивой и плодотворной художественной дѣятельности и далѣе.

Н. Н. Бунинъ. (По поводу посмертной выставки его картинъ).

Культурная борьба съ забастовками.

(Вопросы внутренней жизни).

Экономическую жизнь Россіи тяготятъ два великихъ хроническихъ недуга: постоянныя забастовки, подрывающія развитіе національной промышленности, и угрожающій ростъ синдикатовъ, подчиняющихъ промышленность страны эгоистическимъ интересамъ сравнительно ничтожнаго круга лицъ, стоящихъ во главѣ промышленныхъ союзовъ. Недавно опубликованная Министерствомъ Торговли и Промышленности статистика забастовокъ указываетъ на быстрый ростъ забастовочнаго движенія. За два года оно увеличилось почти въ десять разъ, и въ 1912 г. уже насчитывалось больше 2.000 забастовокъ съ 725.000 бастовавшихъ, потерявшихъ почти два съ половиною милліона рабочихъ дней. Но этимъ ростъ забастовочнаго движенія не ограничился, и въ первые девять мѣсяцевъ 1913 года оно дало потерю уже 3.130.000 рабочихъ дней. При переводѣ на деньги это равносильно утратѣ милліоновъ рублей. Забастовки тяжело отражаются и на промышленности страны и на собственномъ карманѣ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ онѣ вызываются вовсе не экономическими мотивами и не влекутъ за собою повышенія заработной платы. Совѣтъ Министровъ, исходя изъ основного принципа нынѣшняго законодательства — свободы труда, призналъ за рабочими безусловное право бороться путемъ забастовокъ за улучшеніе экономическихъ условій рабочаго быта. Принципіальное допущеніе права забастовокъ въ рамкахъ ихъ исторической роли должно отвлечь рабочія массы отъ участія въ забастовкахъ, не оправданныхъ реальными интересами рабочаго класса, и почувствовать всю ненормальность современнаго злоупотребленія забастовками. Такъ какъ онѣ причиняютъ огромный вредъ промышленности, опрокидываютъ всякіе расчеты, дѣлаютъ фабрикантовъ неисправными въ выполненіи заказовъ и принятыхъ на себя обязательствъ, то весьма естественно, что послѣ цѣлаго ряда рабочихъ стачекъ фабриканты тоже организовались въ особое соглашеніе для борьбы съ забастовками, образовали такъ называемый локаутъ, т.-е. временное закрытіе всѣхъ участвующихъ въ соглашеніи фабрикъ для смиренія оставшихся безъ заработка рабочихъ.

Въ экономическихъ забастовкахъ рабочіе приготовляются къ нимъ заранѣе, обезпечивая себя помощью спеціальнаго забастовочнаго фонда, собираемаго изъ взносовъ всѣхъ рабочихъ страны, который даетъ имъ возможность выдержать временную безработицу. Такимъ образомъ корпоративная борьба за классовые интересы, вполнѣ допускаемая законами всѣхъ промышленныхъ странъ и нашимъ правительствомъ, требуетъ огромной предварительной организаціонной работы совершенно мирнаго характера. Именно такія нормальныя и культурныя формы должна принять борьба между трудомъ и капиталомъ и у насъ, въ Россіи. Она слишкомъ тяжела, чтобы приступать къ ней съ легкомысленными расчетами и безъ достаточныхъ поводовъ. Высказавшись за допущеніе экономическихъ забастовокъ, Совѣтъ Министровъ принципіально призналъ необходимость регулировать борьбу труда и капитала, ввести ее въ выработанныя исторіею передовыхъ промышленныхъ странъ рамки и по возможности смягчить ея тяжелыя послѣдствія. Въ этихъ видахъ созвано особое междувѣдомственное совѣщаніе, которое призвано, между прочимъ, разработать вопросъ объ учрежденіи такъ называемыхъ примирительныхъ камеръ для разбора и улаживанія возникающихъ между фабрикантами и рабочими недоразумѣній. Выдвигая подобные проекты, правительство становится на вѣрный путь, потому что борьба съ разоряющими русскую промышленность забастовками, чтобы быть успѣшной, должна вестись не полицейскими, а общекультурными мѣрами.

Организаціонный комитетъ съѣзда: 1) Предсѣдатель комитета, управляющій спб. телефонной сѣтью, инженеръ Н. Л. Семеновичъ. 2) Товарищъ предсѣдателя, главный инженеръ спб. телефонной сѣти, инженеръ Л. И. Толочно. 3) Секретарь, инженеръ Л. Н. Станевичъ. 4) Предсѣдатель общества инженеровъ-электриковъ П. И. Лызловъ. 5) Инженеръ Вьюшновъ. 6) Секретарь общества инженеровъ-электриковъ Смуровъ.

Всероссійскій Съѣздъ инженеровъ-электриковъ въ С.-Петербургѣ. По фот. І. Оцупа.

Содержаніе.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.